

Юрий Яньшин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

У Порога

18+

Юрий Витальевич Яньшин

У порога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70551058

SelfPub; 2024

Аннотация

Казалось бы, что за множеством проблем в экономике и политике места для мечты не найдётся. Но если рядом с диктатором стоят плечом к плечу настоящие мечтатели, то всё непременно сбудется... И оружие против супостата создадут и портал в иные миры откроют. Потому что русские. Обложка книги создана автором при помощи нейросети Кандинский 3.0.

Юрий Яньшин

У порога

книга седьмая

Моему любимому читателю
и почитателю.

Моему вдохновителю и
Беспощадному критику.

Моей маме –
Морозовой Тамаре Павловне.

Моему горячо любимому
соавтору и критику,
моей маме –
Морозовой Тамаре Павловне
посвящается

Мы никогда не будем уверены в том,
что именно затевается на просторах
великих и диких Степей Московии.
Лорд Пальмерстон

Глава 60

I.

02.10.2020г., пос. Ново-Огарево, Резиденция Главы Высшего Военного Совета.

После так удачно разыгранного спектакля с приемом индийского премьер-министра, Керженцева осталась у Афана­сьева, тихо и практически незаметно влившись в его маленькую, но дружную семью, к вящему удовольствию самого Валерия Васильевича, а паче всего, его охраны, которой изрядно надоело протирать своими штанами ступеньки Вероникиного подъезда. Афана­сьев уговаривал молодую женщину оставить свою прежнюю работу ради исполнения роли «первой леди» государства, но, наткнувшись на стену непонимания с ее стороны, уступил, оставив ее в покое. Молодая, но довольно строптивая особа ни в какую не желала поступаться своей финансовой независимостью. Гордая и упрямая женщина на полном серьезе считала свой роман с диктатором не неким мезальянсом, а союзом двух в чем-то равноправных людей, излиха хлебнувших горя и разочарований на своем веку. Единственное на чем он сумел все же настоять, так это на том, чтобы одна из машин, полагающегося ему эскорта, довозила Веронику до места работы, а потом, по окончании трудового дня, забирала ее возле шлагбаума у проходной в Ясенево. Но и это стало возможным, только после того, как удалось отговорить ее от идеи самой сесть за руль, благо, что машина у нее была своя – оставшаяся от покойного мужа. В три голоса пришлось убеждать женщину

в том, что это никак не решит проблему ее самостоятельности, так как все равно понадобится отряжать штат на охрану. Причем, Петр был более убедителен в своих суждениях, так как опирался, прежде всего, на свой личный опыт в «службе сопровождения». Её доводам о ненужности эскорта Афанасьев пресек всего лишь одной фразой, заявив: «Если с тобой, что случится, то мое сердце уже не выдержит такого удара». На этом все споры и прекратились сами собой. Что же касалось её личных взаимоотношений с диктатором, то к сладкой бочке поздней любви примешивалась одна маленькая ложечка дёгтя. Вероника, испившая горькую чашу вдовства и неудач по зачатию ребенка, не торопилась с официальным оформлением новых отношений, хоть и искренне полюбила этого далеко немолодого, иногда неуклюжего, а порой и излишне циничного человека. Полюбила так, как могла полюбить только изголодавшаяся по мужской ласке женщина, уже отчаявшаяся заскочить в последний вагон уходящего поезда жизни. По непонятной причине она вбила себе в голову, что ее отношения к Афанасьеву могут быть кем-то расценены, как желание хорошо и надежно пристроиться за счет всемогущего супруга. Это обстоятельство немало угнетало её, и она не раз высказывала опасения на сей счет, как самому Валерию Васильевичу, так и Анастасии, с которой она довольно быстро сошлась, вполне себе, считая, что в ее лице обрела настоящую подругу, с которой можно поделиться самым сокровенным. Нахождение прочных то-

чек соприкосновения между двумя женщинами, конечно, не могло не радовать мужскую половину семьи, озабоченную сохранением ее целостности. Но одновременно с этим неторопливость Вероники внушала опасения в мятежную душу Валерия Васильевича, так как, верный еще советскому воспитательному духу, он всерьез волновался за будущее своей избранницы, в случае, если с ним что-либо приключится. После того, как в результате спланированной иностранными спецслужбами террористической акции было фактически уничтожено все высшее руководство государства, для этих опасений было реальное основание. А статус вдовы полного генерала давал крепкую и основательную материальную поддержку в случае неблагоприятного развития событий. Именно поэтому Валерий Васильевич всячески поторапливал Веронику с принятием окончательного решения, итогом которого должен был быть, по его разумению, поход в ЗАГС. Сомнительные лавры Раисы Максимовны¹ и Наины Иосифовны² никак не прельщали молодую женщину, не желавшую играть роль «первой леди» и служить предметом салонных пересудов. Тут Афанасьеву не стоило большого труда, чтобы успокоить Веронику. Со всем пылом пожилого влюбленного человека он заверил ее, что не имеет никакого желания таскать за собой красивую супругу по протокольным мероприятиям сверх положенного по дипломатическому этикету, чтобы похотливые взоры папарацци обшаривали с ног до головы его сокровище, добытое с таким трудом. Против подобных

уверений было трудно устоять. В конце концов «высокие договаривающиеся стороны» пришли к обоюдному решению – подать заявление на роспись сразу после того, как Афанасьев вернется из командировки на юг.

Признаться честно, он с огромным нетерпением ожидал этой поездки. Вот уже два месяца он держит в поле своего внимания всё, что связано с работой появившегося словно бы ниоткуда НПО «Мечта», научным руководителем которого была Валентина Игнатьевна Николаева. Вот уже месяц Афанасьев донимал её своими вопросами о состоянии дел с изготовлением первого натурального образца плазмоида. Эти его бесконечные «наезды» порядком нервировали Николаеву и она уже пару раз нелестно высказывалась по поводу его неумной торопливости, всякий раз напоминая, что работы приходится начинать почти что с нуля, что коллектив только-только собран, что заказанное оборудование и детали поступили всего лишь накануне, а он уже требует с нее неких результатов. В общем, за два месяца, они уже успели, как следует пару раз, хоть и не серьезно, но пацапаться. Правда это нисколько не умалило его уважения к пожилой и заслуженной женщине. Оба они прекрасно понимали, что от скорости внедрения данного образца вооружений напрямую зависит будущее всей страны. Иллюзий никто из них не питал. Если уж янки задумали пустить в ход ядерное оружие один раз в новом тысячелетии, то, что их удержит от повторного его применения? На кону стояло слишком много,

как для них, так и для нас. Но если для американцев вопрос стоял всего лишь в потере глобального влияния, то для русских, поражение в этой безумной гонке технологий, означало смерть в прямом смысле слова, ибо Запад, почуяв свою нечаянную безнаказанность, не остановится перед полным уничтожением России, как государства, так и носителя этноса. И хотя в начале сентября империалисты получили-таки изрядный щелчок по носу, не стоило даже надеяться на то, что они успокоятся. Напротив, складывалось такое ощущение, будто все случившееся являлось всего лишь прелюдией к началу чего-то грандиозного и пугающего своей неизбежностью. Даже перевыборы заокеанского президента, обычно притормаживающие всяческую иную внешнеполитическую деятельность Соединенных Штатов, ничуть не затронули их приготовления к реваншу. Вопрос был только в том, где и в каком именно месте он состоится, и какие силы будут брошены на его реализацию.

И вот два дня назад раздался долгожданный звонок в приемную Афанасьева. Звонила Николаева. Сама. В свое время он дал ей не только номер телефона приемной, но и свой прямой номер коммуникатора. И вот теперь она впервые за два месяца им воспользовалась. В скурых фразах (тетка была опытная в делах конспирации) она сообщила ему, что прототип мобильной установки (о том, что установка должна быть мобильной договаривались с самого начала) собран и откалиброван, а значит, готов к натурным испытаниям. Кто бы

знал, каким бальзамом в его душе пролилась эта новость?! Он даже почувствовал некую слабость в ногах, поэтому поспешил немедленно присесть в кресло, дабы унять предательскую дрожь в коленях. Как Верховный Главнокомандующий, он, разумеется, был рад тому, что в его распоряжение попала очередная «вундервафля», способная в корне изменить обстановку на ТВДЗ при умелом ее использовании, ведь ничего подобного у противника не имелось не только в наличии, о чем докладывала зарубежная агентура, но даже и в чертежах. Форса составляла, как минимум десяток лет, а за такой период, при соответствующих темпах, можно уйти от ближайших преследователей почти на недостижимое расстояние. Но втайне и больше всего, он радовался тому, что изготовление прототипа установки станет последним этапом перед достижением совсем иной цели. Увидеть Новый Мир и прикоснуться к нему, осуществив заветные мечты детства, в котором он путешествовал с книжными героями в дальние страны, открывая моря и острова, чувствовать себя первопроходцем – это ли не лучший венец всей прожитой жизни?! А как верховный Правитель он не мог оставить в стороне мысль об обладании Запасным Миром, который, в случае краха своего земного аналога, сможет послужить базой для дальнейшего развития человечества, в лице его народа. А как же иначе?! Иначе никак нельзя! Скверным бы он был руководителем страны, если бы не заботился, прежде всего, о своей нации. Тут уж никуда не деться – своя рубаш-

ка ближе к телу. И да, черт побери, сто раз был прав старина Дарвин, утверждавший, что в схватке за жизнь побеждает не только сильнейший, но и умнейший. И если у вас господа западники не хватило умишка додуматься до «машины времени», то это исключительно ваши проблемы выживаемости, но отнюдь не наши. Да, он сильно изменился с тех пор, как надел на себя пресловутую «шапку Мономаха». Очерствел, огрубел, стал более циничным в помыслах и делах. Это даже заметили все окружавшие его люди. Кто-то с немым осуждением, дескать, власть порядком подпортила характер спокойного, уравновешенного, а в целом, достаточно мягкого человека. Но были и те, кто считал на полном серьезе, что в нынешних условиях окружающей обстановки не следует распускать нюни, ибо это чревато для всей страны и всего народа, который поймет и примет, как принял в свое время и Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Сам же Афанасьев, (если кому сказать, то не поверят и начнут крутить пальцем у виска) пряча глаза от смущения перед родными и близкими, начал потихоньку зачитываться фантастикой, и не абы какой, а той, в которой описываются похождения «попаданцев» в иные миры и времена. До сего момента он относился к произведениям фантастического содержания с чувством высокомерного недопонимания того, как можно тратить драгоценное время на подобное чтиво. Да, он иногда пролистывал кое-что из того, чем зачитывался внук, но исключительно ради родительского надзора, ну и ещё, что-

бы поскорее уснуть ночью. А чтение подобной литературы очень способствовало быстрому засыпанию. Уже где-то начиная с третьей страницы, глаза принимали остекленевший вид, а веки тяжелели, как пудовые гири. Однако столкнувшись не с книжной фантастикой, а с вполне реальной и осязаемой, он резко изменил свое отношение к подобной беллетристике. Конечно, времени на полноценное чтение у него и не было практически, кроме редких минут перед ночным сном. Но и здесь он чувствовал некоторую неловкость перед вопрошающими и недоумевающими взглядами молодой избранницы. «Еще подумает, что я с ума спрыгнул на старости лет» – ёжился он всякий раз, когда ловил на себе испуганный взгляд Вероники. Но к счастью она пока не задавала лишних вопросов, считая его увлечение безобидным хобби, а он, в свою очередь тихо радовался тому, что не надо выкручиваться и давать маловразумительные объяснения своему необычному поведению. Все эти «глядделки» могли бы быть легко объяснимы, если бы он с самого начала рассказал всю правду своим домочадцам, но верный своему служебному долгу он хранил тайну научного открытия даже перед близкими ему людьми. На выручку неожиданно для самого Афанасьева пришел внук, с которым он теперь часто общался по телефону. Тот только что поступил в Московское Высшее Общевоинское Командное Училище, поэтому мог общаться только в редкие свободные от учебы минуты. Кстати, поступил под фамилией отца и дедушка не оказывал

ему никакой протекции. Так вот, внук – единственный, кто по достоинству оценил новое увлечение деда. Он со знанием дела посоветовал не только хороший «пиратский» сайт, на котором выкладывались фантастические романы в форме аудиокниг, но и помог выбрать подходящий плеер с беспроводными наушниками, чтобы была возможность ему прослушивать нужные аудиофайлы прямо в машине, пока едет на работу и с работы. Это изрядно сэкономило время и не давало лишнюю нагрузку на уже старческие глаза. Поначалу он был «всеяден», то есть начинал читать все подряд – от Михайловского до Злотникова, но вскоре понял, что «копать» надо гораздо глубже, ведь судя по тому, о чем поведала Николаева, придется иметь дело с территорией России, находящейся во временах раннего христианства, как минимум. А значит, литература, где «попаданец», обязательно, или спецназовец – мастер на все руки с широчайшими познаниями во всех науках, или IT-шник 80 левела с ноутбуком подмышкой, раздающий советы Петру I и Сталину, будет явно не в тему. Опять пришлось идти на поклон к внуку – непререкаемому авторитету в этой области. Через некоторое время Костя прислал на e-мэйл обширный список авторов, специализирующихся на «темных» веках. Тут уже было из чего выбирать. От Абердина и до Щепетнова – все авторы старались засунуть своего героя, как можно поглубже во глубину веков и затем наблюдали за его барахтаньями среди троглодитов. Скажете, зачем Афанасьев решил с головой погрузиться в эту тему?

Все элементарно, как пятикопеечная монета. Он, в мыслях уже не сомневаясь в реальности проникновения далеко назад по шкале времени, должен был четко определить задачи, которые поставит перед первой иновременной экспедицией. Мало того, он уже на полном серьезе прикидывал будущую кандидатуру на пост главы первого поселения современников в далеком прошлом. Но мыслями своими пока делиться не стал даже с ближайшим окружением, чтобы не прослыть торопыжкой и прожектером. В его годы, солидности предавала неторопливость в суждениях и тем более в принятии судьбоносных решений. А ведь так хотелось успеть...

Приняв скупой доклад от Валентины Игнатьевны о готовности к полевым испытаниям установки, он не откладывая дела в долгий ящик, распорядился немедленно готовить установку к транспортировке в район Капустиного Яра. Все, так или иначе, но возвращается на круги своя. Почти три десятка лет тому назад они оба уже были там – еще совсем молодые и полные надежд на воплощение своих мечтаний. С тех пор прошла целая эпоха. Но странное дело. И он, и она по-прежнему были полны надежд. Получалось так, что будто кто-то там на самом Верху – в заоблачных высях, решил провести эксперимент, вырезав из жизни того и другого по тридцать лет, а затем наспех склеивал разорванное место, возвращая их к точке бифуркации. Связавшись с командующим ВТА4, Афанасьев приказал тому срочно готовить борт для погрузки специального оборудования, а после этого вы-

летать в Капустин Яр. Николаева со своими специалистами и приставленной к ней охраной должна была вылететь следующим бортом по специальному его распоряжению. Опасаясь эксцессов, Афанасьев не хотел рисковать одновременно установкой и её создателями. Сам он тоже решил вылететь на место, чтобы еще раз убедиться воочию в работоспособности установки. Но больше всего ему хотелось хоть ненадолго окунуться в воспоминания своей молодости, о чем он не хотел признаваться никому кроме себя самого.

Вероника первый раз по настоящему собирала Афанасьева в командировку. До этого он ни разу не отлучался от нее надолго – максимум на день, а тут целую неделю, ей придется коротать дни в одиночестве, от которого она уже поне­многу стала отвыкать. Еще с вечера, не доверяя обслужива­ющему персоналу, она сама выстирала, высушила и наглади­ла не только сменное исподнее, но и верхнюю одежду, вклю­чая костюм-тройку, полувоенный френч, наподобие сталин­ского и полевую форму без знаков отличия. Она вообще, бы­ла странной женщиной, на взгляд тех, кто причислял себя к «сливкам» общества. С самого начала своего появления в доме будущего (теперь в этом уже почти никто не сомневал­ся) супруга, она безапелляционно стала устанавливать свои порядки, нисколько не считаясь с традициями кремлевских небожителей. Всю женскую работу по дому, она решитель­но, и не принимая никаких возражений со стороны, взяла на себя. Уборку в комнатах, предназначенных для прожива-

ния, а также в кабинете, она выполняла самолично, не полагаясь на горничных и уборщиц. На вопросы, с чем связана такая её щепетильность, она неизменно отвечала, что ей, женщине, пока ещё молодой и сильной, стыдно пользоваться наемным трудом там, где она и сама управиться в состоянии. То же самое, касалось стирки постельного и нижнего белья. И, несмотря на то, что в жилом комплексе, предназначенном для проживания высших государственных лиц, была своя ведомственная прачечная, Вероника из своего природного упрямства на личные деньги купила стиральную машину и установила ее в одном из обширных подсобных помещений, находящихся в цокольном этаже. Настя, быстро смирившаяся с ролью «ведомой», немедленно последовала ее примеру, установив рядом с её «стиралкой» свою. И теперь они каждую субботу, к плохо скрываемой радости своих «вторых половинок» и нескрываемому ужасу прислуги, приподняв свои аппетитные ягодицы, половыми тряпками драили свои личные апартаменты, а управившись с этим делом, принимались за постирушки. Самостоятельность Вероники не обошла стороной и приготовление пищи. В большом доме всегда можно найти для себя пусть даже и небольшое помещенье, чтобы оборудовать его необходимыми кухонными принадлежностями. Этот свой поступок она объясняла так же просто, как и предыдущие. Мол, еда, приготовленная женской любящей рукой, гораздо полезнее той, что состряпана в казенных условиях. А вот на этом поприще она

оказалась почти в одиночестве. Анастасия – по жизни никудышная стряпуха не захотела целиком следовать ее примеру, полностью доверяя свой желудок умелым рукам кухонных работников. Уговорить её принять участие в стряпне, посвященной какому-нибудь семейному празднику, всегда стоило немалых трудов. Единственное, на что она была способна, так это на изготовление пары-тройки бутербродов, которыми она снабжала мужа, провожая того на дежурство. Тот старательно делал вид, что безумно счастлив от забот супруги. Афанасьеву, конечно, было приятно, и слышать такие слова, и чувствовать неложную заботу о нем, хоть он и испытывал некоторую неловкость перед местным шеф-поваром, который каждый раз с укором смотрел в его сторону. Впрочем, когда дело касалось официальных приемов, то Вероника соблюдала положенный этикет и старательно и без возражений сама поглощала чужую стряпню и не препятствовала в этом Валерию Васильевичу. Афанасьев очень удивлялся такой её непреодолимой тяге к автономизации, но всякий раз получал в ответ пространные рассуждения о пагубности «барских привычек». Хотя дело было вовсе не в них, но ведь не расскажешь ему, что причиной этого являлась элементарная брезгливость ко всему, чего касались руки посторонних людей. Впрочем, Валерий Васильевич и сам догадывался о подоплеке её странного поведения, поэтому быстро смирился с подобными странностями и принял их, как само собой разумеющееся.

Узнав, куда направляется с длительной командировкой её любимый человек, она, паче прежнего, впала в состояние суматошливости. Весь вечер перед его отбытием в астраханские степи Вероника не вылезала с импровизированной кухни, что-то там варя, паря и жаря. На этот раз свою неумную активность она объяснила тем, что еще со школьной скамьи знала об опасности прикаспийских степей в плане присутствия всяческих заболеваний, начиная от дизентерии и кончая бубонной чумой. Поэтому, по своему здравому мышлению, посчитала для себя нужным снабдить своего суженого съестными припасами на весь период его пребывания в экстремальных условиях. Между тем Вероника запекла огромную курицу в фольге, натушила капусты и наварила не меньше десятка яиц вкрутую, картошки в «мундире», сунула палку сырокопченой колбасы и наложила целую банку «хреновины» собственного изготовления, поясняя присутствие оной её обеззараживающими качествами.

– Вероника, побойся Бога! – пробовал он возражать ей, когда она стала запихивать все это добро в некое подобие походного рюкзака. – Я же ведь не в голую степь лезу, а на хорошо оборудованный полигон, где имеется специальная кухня с нормами и ГОСТами по приготовлению пищи в условиях, подразумевающих опасность воздействия окружающей среды!

– Знаю я, как они готовят! – огрызнулась в ответ молодая особа, что наводило на мысль о не всегда соблюдаемых нор-

мах приготовления пищи в ведомственной столовой ГРУ.

– Ну и как я буду выглядеть перед коллегами, нагруженный, словно среднеазиатский мул?! – сопротивлялся он из последних сил. – Надо мною же все будут смеяться!

– Пусть уж лучше они над тобой смеются, чем я буду плакать над тобой в палате инфекционной клиники! – резонно возражала она ему, на что он уже не мог выдать никакого вразумительного контраргумента.

– Не спорьте с ней, Валерий Василич, – шепнул ему тихонько на ухо зять, который решил сопровождать тестя в этой поездке, заменив собой весь положенный штат носителей «ядерного чемоданчика». – Мы все это оприходуем еще в самолете, пока будем лететь, так что позориться не придется.

Афанасьев с нескрываемой благодарностью посмотрел на Вальронда, мельком подумав, что с зятем ему невероятно повезло. В лице этого неторопливого и добродушного великана он обрел не только покладистого зятя, помощника и советника, но еще и верного друга. Перепалка быстро затихла и в семействе диктатора вновь воцарилась атмосфера умиротворенности. Зато ночь изобиловала такой бурной страстью, которую выдавший виды Валерий Васильевич не рискнул бы сравнить ни с чем из своей прежней жизни. Вероника, которая и до этого была отнюдь не «бревно» в постели, вела себя так, будто эта была последняя ночь в их недолгом сожительстве. Афанасьев даже несколько раз отчетливо ловил себя на

мысли о том, что находится в непосредственной близости от сердечного приступа. Все-таки шестьдесят пять это вам не сорок пять и уж тем более не двадцать. Но, слава Богу, все обошлось без последствий. Видимо Вероника и сама знала, где надо попридержаться вожжи и не доводить дело до нитроглицерина.

II.

Утром Афанасьев встал с глубоко запавшими глазницами и огромными фиолетовыми тенями под ними. Однако это никак не сказалось на добром расположении духа. Его спутница выглядела ненамного краше, но тоже вся лучилась от вполне естественной женской удовлетворенности, той, которая вплоть до полудня не будет давать свести ноги вместе.

Самолеты с аппаратурой и штатом научных сотрудников, включая научного руководителя проекта – Валентину Игнатьевну Николаеву, вылетели к месту полевых испытаний еще вчера. Суток им вполне хватило, чтобы развернуть свою механику на месте. Поэтому сейчас все ждали прибытия Самого, чтобы тот дал отмашку к проведению основных испытаний. Лететь на полигон решили не из Внуково и не из Домодедово, а с аэродрома в Кубинке, чтобы не создавать ненужного ажиотажа и не привлекать к себе посторонних и недобрых глаз чужестранных разведок. Кorteж ехал по улицам, а Василий Васильевич безучастно разглядывал знакомые пей-

зажи столицы, пронсящиеся мимо него. Казалось, что он полностью погружен в мысли о государственных делах, требующих его срочного вмешательства, поэтому так слабо реагировал на уже привычную болтовню своего адъютанта и уже ставшие привычными сухие и редкие ответы угрюмого и неразговорчивого водителя – сына Аверьяна Кондратьевича. Вальронд тоже не принимал участия в разговоре, посвятив себя переписке с супругой через одну из социальных сетей. На самом же деле Афанасьев думал вовсе не о государственных делах. Стыдно сказать, но в эти минуты он погружался в воспоминания о прошедшей ночи и с удовольствием смаковал особенно пикантные моменты. Надо ли осуждать человека его уровня и его возраста за то, что он сейчас переживает, может быть, свои последние вспышки чисто мужского тщеславия? Нет, пожалуй, не стоит. Никто из пассажиров «Ауруса» не хотел отвлекать диктатора от размышлений, поглотивших все его сознание до состояния отрешенности. Так они бы и доехали до Кубинки, занятые каждый своим делом, если бы не одно но... Уже на выезде из города, Афанасьев заметил огромный двухэтажный салон оптовой продажи цветов. Его доселе равнодушный взгляд моментально оживился и он, хлопнув себя ладошкой по лбу, затеребил Андрея, чтобы тот немедленно остановился. На его возражения о том, что движение в сопровождении кортежа не подразумевает под собой никаких незапланированных остановок, лишь еще больше раззадорили главного пассажира, который

сумел-таки, в конце концов, настоять на своем. Андрей подал сопровождавшим машинам звуковой сигнал, предупреждающий о необходимости остановиться, и нажал на тормоз. Кортёж встал, как вкопанный, пребывая в полном недоумении от случившегося.

– Борисыч! – оживленно повернул голову диктатор к Михайлову. – Не в службу, а в дружбу, сбегай-ка вон в тот, – указал он в сторону оптового магазина, – цветочный ларек и купи букет ромашек! Деньги я тебе потом отдам.

– Товарищ Верховный! – как-то даже растерялся адъютант от необычной просьбы начальства. – Да какие же ромашки в октябре-то?! К тому же это полевые цветы! Разве их будут тут продавать?!

– А ты пошукай, пошукай! – продолжал теребить его Верховный. – Очень тебя прошу, дружище!

– Ладно, я попробую, конечно, – неуверенно произнес тот, вылезая из авто, – но результат не гарантирую.

И порысил к магазину, соображая на ходу, точно ли Верховный окончательно сошел с ума или всё ограничится простым чудачеством? А к машине уже бежал начальник эскорта, явно испуганный экстренной остановкой. Добежав до «Ауруса» сунулся было внутрь приоткрытой двери, но Афанасьев замахал на него рукой, мол, ничего страшного, просто остановились за некой надобностью. Лицо начальника эскорта исказила недовольная гримаса и тот буркнул:

– Предупреждать заранее, вообще-то надо о таких делах.

Это вам не шутки шутить, товарищ Верховный.

– Не бурчите, полковник, – слышалось из глубины авто-салона. – Я вполне себе понимаю степень вашего недовольства и при иных других обстоятельствах разделил бы с вами негодование. Но сейчас прошу вас войти в мое положение.

– Ладно, чего уж там, – разом смягчился полковник, и, махнув рукой, побрел к своей машине.

Михайлова не было уже минут двадцать. Волновались из-за внеплановой остановки все, но больше всех – начальник эскорта, так как любая задержка делала vip-персону потенциальной статической мишенью. Волновался и сам Афанасьев, чувствуя неложную вину из-за потакания своим прихотям. Он уже пожалел не раз, что сподвигнул своего верного адъютанта на столь безрассудную авантюру. Вальронд ворочал своим крупным телом на переднем сидении и даже его затылок, казалось, выражает немое осуждение нелогичному поступку первого лица государства. И лишь Андрей, застывший, словно каменное изваяние никак не выражал своих эмоций. Наконец, из дверей магазина показалась фигура Михайлова, спешащая к каравану машин с приличного размера охапкой ромашек. У всех сразу же отлегло от сердца. Чтобы, хоть как-то загладить свою вину перед Борисом Борисовичем Афанасьев сам открыл дверь в машину и любезно придерживал её, пока полковник, сопя, как бегемот умащивался на сиденье со своим букетом необъятных размеров. Машина тут же рванула с места, как застоявшийся жеребец.

В салоне сразу запахло весенним лугом и от этого несвоевременного аромата у всех, включая и самого Валерия Васильевича, на душе растеклось чувство уюта тихой радости.

– Ну, Борисыч, спасибо! Удружил, так удружил! Не забуду! – бурно и эмоционально отреагировал диктатор на появление Михайлова. – Я уж думал, что не выгорит! Сколько там с меня?!

– Не расплатитесь, товарищ Верховный! – отшутился полковник, отдуваясь от чересчур быстрого, по его мнению, бега.

– А все-таки?! – по-мальчишески шмыгнул носом Валерий Васильевич.

– Ладно, признаюсь, ни копейки не заплатил, – вздохнул Борисыч от упущенной выгоды.

– Как так? – искренне удивился генерал.

– Они там, как узнали для кого букет, то ни в какую не захотели брать денег. Подарок, говорят. Видать в окно высмотрели наш кортеж.

Афанасьев на это только крякнул, что в понимании окружающих значило полную удовлетворенность.

– Андрей, – обратился он к водителю, – мы, кажется, порядком отстали от графика движения, Так ты уж свяжись по рации и скажи там, чтобы прибавили ходу. Надо наверстывать упущенное.

Андрей кивнул, не оборачиваясь, и нажал кнопку интеркома.

На аэродром прибыли вовремя. Еще около часа заняла погрузка лимузинов на борт стоявших по соседству транспортных Илов, которые должны вылететь чуть раньше основной группы представителей, чтобы к их прибытию автомобили уже ждали своих высокопоставленных пассажиров.

Ш.

03.10.2020г. Россия, Волгоградская обл., военный аэродром Тунин

Помимо главы местной администрации и начальника полигона – генерал-лейтенанта Виктора Владимировича Пышкина главу государства встречала еще и небольшая делегация из генеральных конструкторов и научных руководителей, чьи образцы в данный момент проходили испытания на самом большом в мире полигоне. Еще до того как подъехал трап, Афанасьев высмотрел в толпе встречающих две хорошо знакомые фигуры. Это были уже ставшие ему близкими людьми – Игорь Николаевич Вострецов и Валентина Игнатьевна Николаева. Антиподы во всем, включая и мировоззрения на современное видение стратегических задач, они, тем не менее, держались вместе – чуть в стороне от основной массы встречающих, как бы отстраняя себя от суетливых чиновников Министерства обороны, и тем самым, едва ли не нарочно ставя себя выше них. Когда к дверям громадного и роскошного Ил-96-400М, доставшегося Афанасьеву в

наследство от прежнего правителя, подкатили трап, Верховный уже стоял у выхода и держал, прижимая к груди, целое беремя полевых ромашек. Бодрой походкой, спустившись с трапа, Валерий Васильевич наспех поздоровавшись с встречавшими его местными властями, ринулся к этим двоим, что стояли посторонь. Здесь он тоже вначале неловко поручкался с Вострецовым, ибо как следует это сделать, ему мешал букет, а затем, перекинув его подмышку, склонился перед пожилой женщиной, прикладывая губами к ее сухонькой ручке:

– Здравствуй, Валюша! – поприветствовал он старушку. – Это тебе! – протянул он ей букетище одуряюще пахнущих ромашек.

– Ах, Валера! – заулыбалась она во весь свой щербатый рот. – Сколько лет прошло, а ты все такой же гусар! Не забыл порадовать меня, старую!

– Как можно, Валечка?! – в тон ей отвечал главарь хунты, улыбаясь в свою очередь.

Толпа чиновников за спиной тихо зашушукалась, пребывая в искреннем недоумении от фамильярности в общении обоих персонажей. И только, пожалуй, один Михайлов был относительно в курсе того, какие незримые нити прошлого могли связывать столь разных людей. Да и то, он мог всего лишь догадываться об этом, но не больше.

– Сегодняшний день, пожалуй, посвятим организационным вопросам, тем более, что, как мне сообщили, испытания

вашей установки решили провести немного в другом месте от первоначального, не так ли?

– Да, – охотно закивала старушка, – Виктор Владимирович, получив регламент на испытания, наотрез отказался проводить их на традиционном месте, видимо опасаясь за сохранность капитальных сооружений.

– Так, точно, – вмешался без спроса в разговор Пышкин. – Данная установка пока еще обладает неизвестными характеристиками, но из сопроводительных документов явствует, что обладает повышенными энергетическими характеристиками, а поэтому во избежание неучтенных факторов мы приняли решение не рисковать имеющейся инфраструктурой и перенести площадку испытаний на 15 километров к северо-востоку.

– Вы, как, Валентина Игнатьевна, не возражаете? – обернулся к Николаевой Верховный.

Та только жеманно повела плечиком:

– Виктор Владимирович – человек молодой, поэтому не знает, что впервые эта установка испытывалась здесь двадцать семь лет назад и уже тогда показала отличные результаты и хорошую управляемость, а то, что материалы о тех событиях были изъяты из архивов полигона, то в этом моей персональной вины нет.

– Я готов засвидетельствовать перед госкомиссией о факте успешных испытаний, так как сам принимал в них непосредственное участие, – со значением в голосе произнес

Афанасьев. – Впрочем, если уж сама Валентина Игнатьевна не возражает против переноса, то давайте не будем излишне накалять атмосферу.

Тут же подскочил, глава местной администрации (из бывших военных и тоже находящийся под подпиской) и предложил Верховному и всем сопровождающим его лицам проследовать в поселок, чтобы принять баньку и, отдохнув после утомительного перелета, откусать чем Бог послал. Никто из присутствующих не возражал против подобной повестки дня. Машины были поданы и члены делегации приступили к рассаживанию в них в соответствие со своим рангом. Афанасьев тронул за локоть Вострецова, чуть придержав того:

– Это хорошо, Игорь Николаевич, что я встретил вас здесь, – тихонько проговорил он. – Нам с вами есть о чем потолковать. Вы, кстати, тут по какому поводу?

– Через три дня на местном космодроме будем испытывать массогабаритную модель ускорителя предназначенного для вывода на орбиту, – тоже тихо ответил ученый.

– Отлично. Заодно пронаблюдаем и за вашим пуском, – улыбнулся Валерий Васильевич и уже обращаясь к обоим ученым добавил. – Последний раз я был здесь год назад, поэтому с большой уверенностью могу предположить, что нас поселят в «Жемчужине». Так что прошу вас обоих посетить мое временное обиталище сегодня часикам к восьми вечера, если, конечно вас это не затруднит. О пропуске я распоря-

жусь.

– Не затруднит! – хохотнул Вострецов и тут же пояснил. – Мы сами с Валентиной Игнатьевной проживаем в этой гостинице. Она же единственная на сто верст вокруг.

Николаева тоже заулыбалась и закивала в подтверждение его слов.

– Ну, коли так, то до вечера, товарищи. Буду ждать с нетерпением. У вас свой транспорт имеется? А то, давайте подвезу.

– Имеется, имеется, не волнуйтесь Валерий Васильевич, – не стал наглеть Вострецов и, взяв под локоток пожилую женщину, неспешной походкой двинулся к ПАЗику, стоявшему возле маленького здания аэровокзала.

– Пойдите! – раздалось им вслед.

Вострецов и Николаева обернулись на оклик Верховного.

– Игорь Николаевич, голубчик, – обратился к академику Афанасьев, – разрешите мне на пару минут украсть из под вашей опеки эту барышню?!

Вострецов недоуменно пожал плечами, но высвободил из-под локтя руку своей спутницы. Та, с вопросительным взглядом, мелкими шагами заспешила назад, к поджидавшему ее главе государства. Вострецов неловко потоптался на месте и опять не спеша двинулся к зданию аэровокзала. Не выпуская цветов из рук, она подошла к Валерию Васильевичу. Тот сделал знак своим сопровождающим, чтобы посторонились и не «грели уши».

– Что такое? Что случилось, вдруг? – забросала вопросами Николаева диктатора.

– Валя, – тихонько обратился он к ней, – ты что-нибудь говорила Игорю Николаевичу?

– О чем ты, Василич? – не сразу поняла она, о чем он спрашивает.

– О самом секретном, конечно. Про плазмоид он и так в курсе, – сморщился Афанасьев от того, что приходится объяснять такие элементарные вещи.

– Не первый год на свете живу, – поджала она, слегка подкрашенные ради такого случая, губки. – Знаю, что почем. Ку...

– Это, конечно, все хорошо, – не дал он ей договорить, – но Игорь Николаевич тоже пользуется абсолютным моим доверием, поэтому я разрешаю тебе посвятить его в курс дела. В порядке исключения.

– Хорошо, – нерешительно кивнула она, – но...

И опять он не дал ей закончить мысль:

– У тебя, конечно же, светлая голова, Валя, но ещё одна нисколько не помешает.

– А ты знаешь, что одна голова – хорошо, а две – уже чернобыльский мутант?

– Знаю-знаю, – усмехнулся Афанасьев, – но только мне что-то подсказывает изнутри, что и его знания тебе пригодятся.

– Ладно, как скажешь, Василич, – хмуря бровки, согласи-

лась она на разглашение государственной тайны.

– Ну, ступай тогда. До вечера, – напутствовал он её, и, развернувшись пошагал к ожидавшему его автомобилю, возле которого стояли Михайлов и Вальронд, не позволявшие себе усесться в салон прежде самого хозяина.

Субординация, она, как говорится, и в Африке в фаворе. Николаева тоже не стала стоять на месте и припустила старческой рысью, к неспешно удаляющемуся Вострецову.

Глава 61

I.

03.10.2020г., Астраханская обл., ЗАТО г.Знаменск, гостиница «Жемчужина»

После положенной по традиции баньки и обеда, Афанасьев с местными властями уделил время на знакомство с городком, население которого, если верить последней переписи, составляло чуть больше двадцати тысяч душ обоего пола. Нельзя сказать, что он до сих пор ничего не знал о жизни этого закрытого административно-территориального образования. Знал, конечно, ибо по роду своей деятельности, то и дело наведывался сюда, чтобы в полевых условиях ознакомиться с новинками ВПК, готовящимися к принятию на вооружение. Но вот в качестве главы государства был сейчас впервые. И местная администрация, сплошь состоящая

из военных чинов, находящихся на службе, как в прошлом, так и в настоящем, решила на всю катушку воспользоваться подвернувшимся случаем, чтобы вывалить ему на голову кучу своих проблем.

Кряхтя и озадаченно почесывая затылок, пришлось ему выслушивать стенания по поводу недофинансирования гражданской инфраструктуры, обветшалости капитальных строений, относящихся к гражданскому сектору, нехватку специалистов коммунальных служб и т.д. и т.п. Прежние власти, не в обиду будь им сказано, в последние двадцать лет не скупилась на поддержание в должном порядке всего, что непосредственно связано с военной составляющей. Но при этом напрочь забывали об обслуживающих структурах. Из-за этого и образовался перекося. Впрочем, их тоже можно понять в какой-то степени, ибо как не латай тришкин кафтан, заплаток все равно на весь не напасешься, а бюджет, как известно – не резиновый. Довольно прозрачными намеками на возможные перемены, были суждения о том, что «закрытый» характер территориального образования, заточенного на выполнение узкоспецифических функций, негативно сказывается на развитии экономических связей с остальными регионами, а также не дает развиваться местному бизнесу. В общем и целом диктатора аккуратно и ненавязчиво подводили к мысли о снятии особого режима с данного региона. Местными властями было остороженько сказано, что пребывая в состоянии обособленности от общегосударственных

процессов в экономике, региональная казна де недополучает изрядную долю потенциальных налогов. В качестве положительного примера открытости приводилась Калининградская область, которая тоже в свое время была закрытой зоной, но после снятия почти всех запретительных барьеров, буквально расцвела, утопая в инвестициях. И Афанасьеву волей-неволей приходилось признавать справедливость большинства жалобных посылов. Насчет Калининграда у него были несколько иные сведения, но он предпочел пока не нагнетать атмосферу и не портить себе настроение перед началом завтрашних испытаний. Итогом поездки по городу стало заседание в городской администрации. На нем местные опять взялись за прежнюю волюнку, но Афанасьев, верный своему стилю «не рубить сплеча» не стал ни одаривать надеждами, ни запрещать даже думать о смене формата управления. Однако пообещал по линии МО, коли уж территория находится под его непосредственной опекой, увеличить долю ассигнований на поддержание городской инфраструктуры. В результате, стороны разошлись не слишком-то довольные друг другом, но и не разругавшиеся вдрызг. Местная администрация укрепилась в своем мнении о неизлечимой ретроградной отсталости и неизбывной скаредности новой власти. Сам же Афанасьев взял «на карандаш» тайные желания местных чиновников погреть свои озябшие ладошки на ожидаемых «откатах» неких мутных структур, стремящихся всеми правдами и неправдами влезть на террито-

рию аналогичную «зоне 51», что располагалась на другом полушарии. «Надо будет шепнуть Тучкову, чтобы как следует, копнул этот тихий омут на предмет потенциальной измены в местной администрации, а то уж больно слаженно поют. С чьих вот только нот?» – думал он про себя все время, пока длилось совещание. Вконец измотанный перелетом, поездкой и бесполезной разговорной с администрацией, он, приехав к шести вечера в гостиницу, отказавшись от ужина, как подкошенный рухнул на диван, задрал на спинку гудящие от усталости ноги. На настойчивые просьбы Михайлова куснуть, хоть что-нибудь во избежание голодных спазмов желудка, отмахнулся, велел подавать ужин к 20.00 на три персоны и попробовать найти в этой дыре хоть одну бутылочку приличного сухого вина, ибо к столу ожидается дама. На скабрзную ухмылочку своего адъютанта он всего лишь вяло погрозил ему кулаком. Так и пролежал почти без движения почти до означенного времени. Без пяти минут восемь, Борисыч поскребся к нему в дверь и после разрешения войти доложил, что в коридоре дожидаются аудиенции академик и «пиковая дама». Именно так охарактеризовал ее начитанный, как энциклопедический словарь адъютант.

– Эх, ты как её обозначил! – хмыкнул Афанасьев. – А ведь еще недавно ты её Бабой-Ягой кликал. Повисил в чинах, значит?

– А как иначе?! – расплылся в улыбке Борисыч. – Раз пользуется вашим абсолютным доверием, то и мы со всем на-

шим подчтеньицем, – тоном приказчика из купеческой лавки ответил полковник.

– Ну-ну, – произнес неопределенно диктатор, принимая вертикальное положение и одновременно нашаривая ногами, стоявшие рядом тапки, которые ему сунула в последний момент заботливая рука Вероники. – Проси, коли так, – добавляя себе под нос совсем тихо. – С подчтеньицем.

Тут тоже не обошлось без спектакля. Вострецов с Николаевой застряли в дверях из ложного чувства галантности. Желая пропустить друг друга первым, ни тот ни другой не решились переступить порог, а когда поняли, что компромисса в этом вопросе не предвидится, то оба и одновременно решили протиснуться в узкие гостиничные двери, где чуть было и не застряли под веселым и слегка недоумевающим взором правителя Всея Руси. Афанасьев решил им подыграть в этой импровизированной мизансцене:

– Ба! Игорь свет Николаевич, да вас ли видят мои подслеповатые очи?! Откуда такая робость с вхождением во властные покои?! Николи за вами такое не наблюдалось, милостивый государь!

Он встал навстречу дорогим гостям и по-дружески сжал обоих в объятия. Николаева пискнула и залилась дробным смешком от такого неожиданного обхождения, вспоминая, когда это мужчины проделывали с ней такое в последний раз. Обнимать Вострецова – было куда более сложным занятием, ведь тот едва не полголовы был выше диктатора.

– Проходите, проходите, дорогие мои! Присаживайтесь кому куда любо, а я пока отдам некие распоряжения. Борисыч! – зычным голосом позвал он полковника.

Не успели затихнуть раскаты его трубного голоса, как Михайлов уже стоял на пороге.

– Борисыч, распорядись, чтоб накрывали на стол. Кстати, ты нашел то, о чем я тебя просил?

– Попотеть пришлось, конечно, – притворно вздохнул тот, – но где наша не пропадала? Нашел, конечно.

– Вот и славненько! Что бы я без тебя делал?!

Когда дверь за Михайловым закрылась, Афанасьев, наконец-то, смог, как следует разглядеть вошедших попристальнее, отстранив от себя. Тут было на что посмотреть. Перед Афанасьевым предстала уже не согбенная старуха, взыскующая милости при королевском дворе за свои былые заслуги. Сияющая, как рюмочка, Николаева, одетая в темно-вишневый английский костюм, с немного легкомысленной шляпкой, одетой чуть набекрень, вполне себе могла сойти за пожилую баронессу – частую посетительницу светских салонов. Она даже выглядела сейчас, как-то по-иному. Кожа на лице уже не была такой темной и сморщенной, навроде печеного яблока. Резкие и глубокие морщины уже не так бросались в глаза. Крючковатый нос, делавший её похожей на персонаж детских сказок, тоже вполне себе соответствовал общепринятым представлениям о пожилой леди, слегка задержавшейся в зрелости. Свои, почти бескровные от старо-

сти губы, она кокетливо уснастила не слишком яркой, чтобы не прослыть вульгарной, помадой. Под стать ей был и маститый академик. Ради встречи с Главой государства он вырядился в пух и прах, хотя ранее никогда не придавал большого значения своему внешнему виду. В сером костюме с отглаженными до бритвенной остроты стрелками, с благообразно зачесанными редковатыми волосами (так-то обычно ходил всегда растрепанным) он походил, как минимум, на члена палаты лордов. Однако сильнее всего бросались в глаза две золотых звездочки на груди. Одна – Золотая Звезда Героя России, а другая – Героя Труда. Обе награды он получил две недели тому назад из рук самого Афанасьева в торжественной обстановке Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца. Учитывая особенный характер заслуг академика в определенных сферах, награды были присвоены в атмосфере строжайшей секретности. Но те, кому положено знать, были в курсе того, что Героя Труда он получил за разработку протонного ускорителя, который показал свою невиданную мощь в деле отражения атаки диверсантов. А Золотой Звездой Героя России был отмечен за проявленное мужество и героизм в том же бою, когда он с автоматом в руках бился с супостатами. Справедливости ради следует отметить, что подобным же образом был отмечен и его друг и соратник – Алексей Боголюбов. Они оба были единственными в России, кто удостоился этих двух наград. И Вострецов, всегда ехидный и немного циничный к любой власти,

учитывая свой жизненный опыт, очень трепетно относился к этим двум наградам. Вообще, он очень изменился с того момента, когда на его руках умирал истекая кровью его ангел-хранитель – генерал Иванов. Словно бы частичка сознания покойного вселилась в пожилого ученого и у того сразу что-то перемкнуло в мозгу, заставив взглянуть на окружающий мир в ином ракурсе. Теперь это был уже не ярый пацифист, думающий только о науке в ее чистом виде и не задумывающийся о её прикладном значении. Нет, он, конечно же, не отказался рассматривать свое детище в качестве подспорья в народном хозяйстве – геология, климатология, мониторинг окружающей среды и т.д. и т.п. Но теперь во главу угла он ставил его возможности в деле обеспечения обороноспособности страны. Теперь больше всего на свете он желал, чтобы ни одна гнида не смела, покушаться на мир и спокойствие границ его Родины. Желал он этого всеми фибрами души и до побелевших костяшек на пальцах старческих рук. Стороннему наблюдателю, который не в курсе последних событий, такая резкая перемена в сознании умудренного жизненным опытом старца, могла бы показаться излишне пафосной и ненатуральной. Но действительность порой бывает настолько многогранной и непредсказуемой, что больше походит на сказку, нежели на правду. Вот так в одно мгновенье ложится себе человек спать пацифистом-алармистом, а на утро просыпается сущим ястребом – апологетом мировой мясорубки до победного конца.

Не успели гости рассесться, как дверь вновь распахнулась и на пороге возникла тележка, вся уставленная разнообразными кушаньями. Михайлов и местная официантка ловко – в четыре руки занялись сервировкой стола. Как радушный хозяин Афанасьев сделал приглашающий жест гостям:

– Я понимаю, что время уже позднее, но прошу вас не отказать и разделить со мной трапезу. Отведайте гости, что Бог послал.

Бог расщедрился и послал суп из раковых шеек, разварную осетрину в молоке, «зимний» салат и обилие разнообразных фруктов и это не считая прочих сладких десертов, начиная от мороженого в серебряной ванночке и заканчивая шоколадом всевозможных расцветок. Скромное пиршество украшали две бутылки «Фанагории», одна из которой уже была с вынутой пробкой. Гости, водя носами от чарующих запахов, не чинясь, сели к небольшому круглому столу, расположившемуся в центре комнаты. Афанасьеву не впервой было исполнять роль тамады на мероприятиях подобного рода, поэтому он сразу и принялся за привычное дело:

– Разрешите, любезная Валентина Игнатьевна, мне за вами поухаживать, – обратился он к пожилой даме и, не дождавись благосклонного кивка головы, ловким движением руки подхватил «Фанагория Шардоне» и налил в стоящий возле Николаевой бокал, затем плеснул себе и передал бутылку Вострецову. – А ты уж, Игорь Николаевич, сам себе налей, а то мне до тебя далеко тянуться.

Вострецов деловито осмотрев этикетку на бутылке, только крикнул одобрительно. Налив себе едва не до краев, произнес:

– За что пьем?

– За победу, – ответил, почти не задумываясь, Афанасьев.

– За нашу победу, – подправила его «крылатой» фразой Николаева, улыбаясь впалым ртом.

– Ура! Ура! – тут же подхватили все дружно, поднимая бокалы и чокаясь.

Пока вкушали первое и второе, то старались не вести разговоры на производственные темы, хотя все прекрасно понимали, что без этого никак не обойтись. Говорили о погоде, о видах на урожай (уборочная в этом году припозднилась), об экономике, адаптирующейся к новым условиям санкционного режима. В общем, обо всем помаленьку. Но когда официантка убрала опорожненные тарелки и на их место водрузила громадный самовар, исходящий паром, а на столе остались только десертные блюда, разговор плавно перетек в более конструктивное русло.

– Ну, что ж, Игорь Николаевич, – обратился Афанасьев к Вострецову, пододвигая к себе ванночку с мороженым, – мы с тобой хоть и виделись всего пару недель назад, но это было в суматохе и на ногах, поэтому поговорить, как следует, не получилось. Так что, раз уж такая возможность у нас с тобой выпала, то, давай, хвастайся, как у тебя протекают дела. Тяжко, небось, без куратора? – участливо добавил он

с грустинкой.

– Тяжко. Скрывать не буду, – сложил на стол худые старческие руки с рельефными вздутиями вен Вострецов. – Таких людей, как покойный Владимир Всеволодович, еще поискать и поискать. Не человек был. Человечище! Душа! Все понимал, все схватывал на лету. А уж, как умел говорить с чиновниками всех мастей?! У-у-у! Другого такого сто лет с огнем ищи и не найдешь. Без него, почитай, и не получилось бы создать наше НПО. Не смог бы я один собрать в кучу всю эту разномастную публику, да еще за столь короткий период. Я вот даже думаю выйти с предложением о добавлении к названию его имени, чтобы значит, хоть как-то увековечить память о нем.

– Это ты правильно сказал, Игорь Николаевич, и я твое предложение искренне поддерживаю, – кивнул диктатор и молча разлил себе и Николаевой по второй. – Эту – молча и не чокаясь.

Они встали и, не говоря ни слова, выпили за тех, кого уже никогда не будет рядом. Сели и академик продолжил начатое:

– Однако и похвастаться есть чем. За три месяца своего существования, мы не только организовали мощный научно-производственный кластер, в котором собрали лучшие квалифицированные кадры, но и добились реальных результатов в деле создания целой сетки протонных ускорителей, предназначенных для работы в различных средах. Во-пер-

вых, довели до ума стационарную установку, которую уже вполне можно принимать в опытно-боевую эксплуатацию. Она уже полностью готова к защите северных и северо-западных рубежей. Осталось только произвести отбор квалифицированных операторов, которые могли бы заменить собой наш технический персонал. Дело это непростое и готовить операторов надо по программе гораздо более жесткой, чем дежурные смены в РВСН.

– А в чем видите главные сложности? – поинтересовался диктатор, прижмуриваясь от нестерпимого холода мороженого на зубах.

– В психологической подготовке, прежде всего. Если на дежурных расчетах РВСН лежал риск развязывания локального ядерного конфликта, когда есть возможность, хоть и гипотетическая, перехватить ракеты на начальной или конечной траектории, ибо предположить, что все они разом могут сойти с ума – чистой воды фантастика, то на операторах ускорителя лежит ответственность куда более масштабного характера. Потому, как в их руках будет судьба всей Солнечной системы. И это без всяких допущений. Ни остановить, ни перехватить пучок протонов, несущихся со скоростью света, не удастся никому и никак. А защита от «дураков» нами только еще прорабатывается.

– Каким образом вы видите такую защиту? – встряла Николаева, которую тоже интересовали подобные вопросы.

– Главным образом путем ограничений на манипуляцию

мощностью исходящего потока. Это, как в «ядерном» чемоданчике, – взялся пояснять академик. – Для того, чтобы увеличить мощность на определенный процент от абсолютной, необходимо будет получить разрешение «сверху».

– Ну, так это плёвое дело, – решил отметить Афanasьев.

– Плевое, да не совсем, – покачал головой Вострецов. – Каждой конкретной угрозе надо противопоставлять адекватную ей мощность, а угрозы, мало того, что могут быть комплексными, так еще и все эти согласования изрядно увеличивают время ответной реакции, а это в боевых условиях вещь недопустимая. Плюс ко всему, мы должны быть готовы к тому, что противник применит, так называемый «Искусственный Интеллект» интегрированный в системы нападения. А значит, время нашей реакции скукожится до микроскопических величин. Я, наверное, проявлю бестактность, если предположу, что вы, Валерий Васильевич, вряд ли даже успеете набрать нужный код для дачи разрешения на ответный удар.

– Не спорю, – примирительно ответил Валерий Васильевич, – но полагаю, что всё же смогу пособить в этом деле. Вам знакомо имя Игнатия Олеговича Шерстобитова – однофамильца моего водителя?

– Э-э-э, – неопределенно протянул Игорь Николаевич, силась припомнить кого-то из коллег с такой фамилией, но не смог, как ни старался.

– Это директор НИИАА5, тоже, кстати, академик. Прелю-

бопытнейшая личность, смею вам доложить. Вы с ним, примерно, ровесники, поэтому найти общий язык, полагаю, не составит труда. Если вы с ним познакомитесь, а паче того – подружитесь, то уверяю вас, что нисколько об этом не пожалеете.

– А чем же он может быть полезен нам при решении проблемы скорости реагирования?

– Он математик. И как раз под его руководством был создан последний вариант моего «ядерного» чемоданчика. Сядете вдвоем, потолкуете по душам, авось и придумаете что-нибудь этакое, позаковыристей.

– Замечательная идея! – воскликнула старушка, уже слегка разбурявшаяся от выпитого и уплетающая заварное пирожное. Много ли ей надо? – Мне тоже, пожалуй, придется в свое время обратиться к нему за помощью.

– Да. Согласен, – кивнул академик. – Если вы мне скинете его координаты, то я с удовольствием воспользуюсь вашим советом.

– Непременно скину. Завтра возьму телефон у кавторанга Вальронда и передам вам. Однако, мы несколько уклонились от основной темы, – вернул беседу в прежнее русло Афанасьев. – На чем мы остановились?

– Мы остановились на том, что стационарная установка полностью готова к эксплуатации, – продемонстрировал ученый отменную память.

– Тогда прошу прощения, можно задать еще один вопрос?

– Прошу, – милостиво согласился Вострецов.

– Как вы полагаете, каково может быть оптимальное количество стационарных установок для надежного прикрытия наших рубежей по периметру? – задал животрепещущий вопрос Валерий Васильевич. – Я ведь не из праздного любопытства, как вы сами наверняка догадываетесь. Финансовую составляющую мы не вправе не учитывать, тем более в такой сложный для страны отрезок времени.

– А когда он был простым-то!?! – задал встречный риторический вопрос ученый. – Но я понимаю вас. Учитывая угол уверенного сканирования, который уже проверен на практике и составляет 120° по азимуту, то достаточно будет трех установок, если они будут располагаться к тому же на поворотных платформах. Но в боевом режиме поток надо будет в значительной мере концентрировать. И для этого режима максимальным будет разведение потока соответствующего не более 60° , а то и, вообще, 40° .

– Гмм..., – перестал вкушать мороженое и на несколько секунд задумался Афанасьев, – стало быть, шесть установок является оптимальным количеством, если я вас правильно понимаю?

– Совершенно верно, – согласился Вострецов, открывая краник самовара, чтобы налить себе кипятку. – Что же касается, как вы выразились, финансовой составляющей, то могу вас успокоить. Я тут недавно побывал на Воткинском заводе по сборке межконтинентальных баллистических ракет и по-

интересовался стоимостью их производства, включая шахтное оборудование. И к удивлению для себя обнаружил, что конечная стоимость изделия в комплектации с этим оборудованием практически не отличается от затрат на изготовление и постановку на боевое дежурство нашего ускорителя. С нашим даже проще, ибо ему не требуется такое количество регламентных и профилактических работ. В нашей установке основные затраты выпадают на изготовление реактора. А ускоритель с магнитной «ловушкой» стоят сущие копейки на его фоне. Первый ускоритель мы, вообще, на коленке делали.

– Вот это хорошо, – с нескрываемым удовлетворением причмокнул Афанасьев. – Вот этим вы меня весьма обрадовали.

– Обрадую еще больше, – усмехнулся Вострецов. – Когда мы после первой штатной установки отработаем технологию по оптимизации её изготовления, то она, станет еще дешевле, думаю, что процентов на 15-20. Мало того. После отработки технологии и избавления от всех «детских болезней», изготовление серийных комплексов уже не будет составлять никакого труда. Оно, в общем-то, и сейчас не составляет. Раз уж мы в полукустарных условиях смогли собрать первую действующую модель, то для промышленности это окажется задачей легко выполнимой. За год она сможет изготовить всю серийную партию из шести установок. В изготовлении установки ничего особенного нет, как я уже го-

ворил. Её главная «фишка» состоит в конструкционных особенностях создания магнитного поля определенной конфигурации, служащего для разгона протонов. И хотя изготовление протонного ускорителя сравнительно недорого, но на его базирование и охрану придется раскошелиться, разумеется. Установка не должна находиться на поверхности, дабы избежать превентивного удара из космоса. Её нужно располагать так же, как и на Новой Земле – глубоко в скалах.

– А как насчет времени реагирования?

– Скорость реагирования важна при непосредственном отражении атаки. А наблюдать за приготовлениями супостатов к ней, можно и иными средствами, – нашелся с ответом Вострецов.

– Это вы верно подметили. Средства космической разведки не должны дремать, – пророкотал диктатор, опять с наслаждением уплетая остатки уже подтаявшего десерта. – А что насчет воздушного и космического варианта? – спохватился он.

– С воздушным вариантом не всё так страшно, как могло бы показаться на первый взгляд, – шмыгнул носом Вострецов. – Хотя самолет-носитель, как вы помните, и был уничтожен диверсантами, но этот печальный факт почти не отразился на темпах изготовления опытного образца. Сама установка воздушного базирования смонтирована и находится на производственных стапелях в Белушьей. Она уже испытана в заводских условиях. Я вчера беседовал по ЗАС6 с Алек-

сеем, и он подтвердил её готовность к установке на новый носитель. Самолетов этого типа у нас достаточно – бери любой. Что до технологических отверстий в фюзеляже, то и с этим проблем нет. На предыдущей ЛЛ7 мы уже под наблюдением изготовителя сумели проделать их, не нарушая целостности конструкции. Сумеем и в этот раз, как по накатанной. Специалисты из КБ Ильюшина провели необходимые расчеты по центровке. Установка в заданные параметры вполне укладывается. Если уж «Буран», в свое время переносили на внешних креплениях, то уж с нашим ускорителем будет все намного проще, тем более, что он гораздо легче его.

– А как вы собираетесь перемещать её из подземных цехов на поверхность и монтировать на носителе? – поинтересовался Афанасьев, пододвигая Вострецову свою чашку, чтобы тот налил из самовара и ему. – Я смотрел кадры видеохроники. На них установка выглядела весьма впечатляюще не только с точки зрения своих габаритов, но и с технологической.

– Очень просто, – пожал плечами академик. – Разберем и смонтируем заново, но уже внутри самого носителя. Процедура только кажется сложной, а на самом деле, при наличии квалифицированного персонала займет от силы пару-тройку дней.

– Что ж, Игорь Николаевич, у меня нет причин не верить вам. Осталось только послезавтра пронаблюдать за испытаниями запуска макета космического варианта установки.

– А вот с этим-то, как раз и могут возникнуть некоторые шероховатости, – слегка поежился ученый.

– Вот, как?! – встрепнулся диктатор, а молчавшая Николаева даже отложила в сторону недоеденное пирожное. – Выкладывайте!

Вострецов провел ладонью по лицу, как бы стирая накопившуюся усталость и продолжил:

– Что собой представляет, по сути, протонный ускоритель? Ничто иное, как ядерный мини-реактор. Опасности неуправляемого "разгона" реактора, как это было в Чернобыле, не существует в принципе, вследствие отсутствия цепной реакции. Реактор можно просто выключить в любой момент, как банальный выключатель в квартире, даже не беспокоясь о снятии остаточного тепловыделения дочерних изотопов, потому что их ничтожно мало по сравнению с обычным реактором. Но вот настройка конфигурации магнитного поля требует особой тщательности и почти ювелирной точности. В статических условиях осуществить настройку не составляет никакого труда. Вариант воздушного базирования тоже не создаст особых сложностей, так как система амортизаторов нивелирует риски сбоя настроек.

– Ага, – перебил его Афанасьев. – Я вас понял, Игорь Николаевич. Вы опасаетесь, что настройки могут сбиться при старте ракетносителя?

– Совершенно верно. Сильнейшая вибрация и перегрузки при старте могут достигать до 7g, а это, как вы сами понима-

ете, непременно скажется на тонких настройках, что в свою очередь подорвет наши усилия по выводу на орбиту флотилии наших космических стражей.

– И каков, по-вашему, выход из сложившейся ситуации? – заерзал на стуле Афанасьев, который был неприятно обескуражен обнаруженными препятствиями.

– Выхода, как мне видится, тут только два, – продолжил глухим голосом «академик-сверчок». – Первый заключается в том, чтобы всячески усилить конструкцию и применить всю гамму имеющихся защитных мер, начиная от амортизаторов последнего поколения и кончая экзотическими решениями, типа помещения конструкции в жидкую среду, что, конечно же, усложнит, как саму конструкцию, так и существенно отодвинет сроки ввода в опытную эксплуатацию. Послезавтрашние испытания массогабаритного макета, который мы снабдим некоторыми особо чувствительными элементами конструкции, подтвердят или опровергнут наши опасения.

– Да уж, – посопел носом, порядком расстроившийся от полученных известий Афанасьев, – но тут же встрепенулся. – А второй выход?! Вы ведь упомянули два выхода.

– Второй – ненамного лучше первого, – поморщился Вострецов, – хоть и считается менее затратным.

– Говорите же! Не тяните!

– Второй выход заключается в том, чтобы послать на орбиту еще один корабль, но уже пилотируемый. После чего

состыковать два корабля и силами экипажа осуществить конечную отладку всех механизмов. Это конечно несет риски расширения круга допущенных к государственной тайне лиц из числа космонавтов. Но, полагаю, специальные службы смогут обеспечить сохранность полученной космонавтами совсекретной информации.

– Коштовато, конечно будет, – невольно почесал в затылке Валерий Васильевич, чем вызвал горькие усмешки со стороны гостей. – А нельзя ли сразу – одним рейсом забросить на орбиту, как установку, так и монтажную группу?

– Н-е-е-т, – проскрипел вредный старик, – не получится. Установка, хоть и не слишком тяжелая, однако весьма габаритная, ведь помимо реактора, включает в себя тороидальную камеру с магнитной ловушкой для разгона протонов, вакуумной трубки и выходного устройства – сиречь протонной пушки, а это, сами понимаете, объемы и объемы. И наличие спускаемого аппарата никак не сюда не вписывается, я уж не говорю про системы жизнеобеспечения самих космонавтов.

– Но носители типа «Ангара-5», как я слышал..., – попробовал поспорить Афанасьев, но тут же был неучтиво перебит оппонентом.

– Носители класса «Ангара» сами еще не завершили цикл положенных испытаний по регламенту, – сказал, как отрезал Вострецов, а затем окончательно добил, добавив. – К тому же сверхтяжелая «Ангара» еще даже ни разу не поднималась со стартовых позиций. Так что, нам никуда не деться, и мы

вынуждены оперировать тем, что у нас имеется под рукой в данный момент, если хотим в ускоренном режиме обеспечить свою безопасность в стратегических масштабах.

– Ну, хорошо, – понуро согласился с убийственными доводами академика Валерий Васильевич, который, признаться, всегда пасовал перед подобной аргументацией исходящей из авторитетных уст, – давайте тогда будем держать кулаки за то, чтобы ваша тонкая аппаратура не подкачала при запуске ракетносителя.

– Давайте, – дружно согласились оба ученых.

– А теперь ты, любезная наша Валентина Игнатьевна, поведай о делах своих скорбных, – обратился он с улыбкой к бодрой старушке.

– От чего же сразу скорбных? – жеманно повела она сухоны́ким плечиком на манер кокетливой девицы. – Вовсе и не скорбных.

– Неужто не мандражируешь перед завтрашними испытаниями? – удивился бывший генерал, потому как две недели назад подал в отставку, чтобы не заслонять собой идущих следом.

– Отбоялась я своё, Василич, – ответила она, сложив губы бантиком. – Отбоялась и отстрадалась, – повторила она, слегка сузив, свои еще молодые, несмотря ни на что, глаза.

Чтобы как-то сгладить неловкий момент, Афанасьев попытался оправдать свои неловкие слова в её адрес:

– Ты меня не так поняла, Валюша. Я имел ввиду совсем

другое. Всегда ведь волнительно, когда плоды твоего разума и труда пробивают себе дорогу в будущее.

– Да, будет тебе, Василич. Не оправдывайся. Всё я правильно поняла. Лучше плесни даме еще жменьку, – подставила она ему свой опорожненный бокал, а пока он с удовольствием наполнял его, продолжила. – И нисколько я не мандражирую, потому как уверена в работоспособности плазмоида. Уверена была тогда. И еще более Уверена сейчас.

– И что служит источником дополнительного оптимизма? – поинтересовался он, передавая бутылку Вострецову, чтобы не обделять академика, и так порядком расстроеного.

– Если уж у нас с покойным Римилием Федоровичем все получилось, когда не было ни нужных материалов, ни технологий, ни такой компьютерной техники, то теперь, когда всё это есть, да при должном финансировании, все сомнения в успехе кажутся абсолютно надуманными.

– Поверь, Валентина Игнатьевна, – приложил он обе ладони к сердцу, – я искренне рад твоей непоколебимой уверенности в благополучном завершении завтрашнего эксперимента. Установка Игоря Николаевича уже продемонстрировала свои выдающиеся качества, а завтра такие же результаты проявит и твой плазмоед. Вы оба даже не представляете свою ценность для народа и страны! И это отнюдь не пафосное изречение! Это истина, не требующая дополнительных доказательств, – расчувствовался он, поднимая свой бокал. –

Давайте, друзья, выпьем за вас, за ваш труд и бессонные ночи, за ваших соратников, что день и ночь куют для страны надежный щит и разящий меч!

– За нас! За вас! И за всю Россию! – с радостью подхватили импровизированный тост старики.

Выпили. Кипяток к тому времени уже порядком остыл, и можно было пить чай не обжигаясь.

– И все-таки, ты уж прости меня Валюша, что чешу и без того болочее место, а никак утерпеть не могу, чтобы не задать вопрос, – хитренько взглянул на бабушку Валерий Васильевич.

– Да, знаю-знаю, о чем у тебя свербит в одном месте не переставая, – хихикнула она в блюдечко, на которое дула, чтобы остудить. – Спрашивай, чего уж там?

Вострецов, которого она уже успела посвятить в суть открытия, подался вперед всем корпусом, выказывая, тем самым, сугубое внимание ко всему, что сейчас предстояло услышать. Он, всегда довольно скептически относился к информации подобного рода, которая то и дело мелькала в околонаучных популярных журналах, почему-то сразу и бесповоротно поверил Николаевой, когда она сегодня посвятила его в самую строгую государственную тайну. И даже не потому, что авторитет покойного Авраменко служил этому порукой и даже не потому, что сама Николаева, насколько он знал и соприкасался с ней по смежным вопросам, в свою бытность, никогда не была склонна к каким либо мистифи-

кациям. Нет. А просто потому, что он, боясь признаться в этом даже самому себе, был немножечко романтиком, который несмотря на строго научный и логически выверенный склад ума, не переставал, как маленький ребенок верить в чудо, которое непременно должно свершиться, вопреки научным прогнозам и устоявшимся догматам. Поверил и проникся её идеями так, как это может только умудренный жизненным опытом человек.

– Я тебя все по телефону доставал со своими ожиданиями, но сама, знаешь, что даже зашифрованной связи всего не доверишь, а видеть тебя тоже все время было недосуг, – начал он издали подходить к своему главному вопросу.

– Оставь, ты свои политесы, Василич, усмехнулась она вновь. – Хочешь спросить, как идут дела с установкой проектирующей портал? Ну, так и спрашивай? Чего стесняться своих-то?

– Вот и спрашиваю, – подбоченился Афанасьев, – как идут у тебя с этим дела?!

– Идут потихоньку своим чередом после того, как твой Коченев принес от тебя разрешение на допуск к секретным материалам моих молодых помощников, что прибыли из Шатуры.

– Да, помню такое. Подписывал персональные разрешения, – кивнул в знак согласия Валерий Васильевич.

– Ну вот, мы и занимаемся этим вопросом потихоньку, когда основная масса сотрудников в 17.00 спешит по домам.

– И как продвигаются дела? На какой стадии находится установка? – нетерпеливо перебил её Афанасьев. – Когда можно будет заглянуть ТУДА? – мотнул он головой в далекие дали.

– Ишь ты, какой шустрый?! – подмигнула она ему по-свойски. – Не ты ли все уши прожужжал мне про укрепление обороноспособности, про тревожную политическую обстановку в мире? Что, мне, разорваться теперь, или клонироваться, как та несчастная овца, как там бишь её звали?

– Долли, – вставил машинально Вострецов, который иногда почитывал научную литературу не связанную со своим родом занятий.

– Во-во, – прихлебнула она чаек. – Так её и звали, пока она копыта не откинула от усердия прославиться.

– Одно другому не мешает, Валентина Игнатьевна, – попробовал поупираться диктатор. – У вас теперь целый штат помощников – не то, что двадцать пять лет назад, когда вы одни остались с Римилием Федоровичем. Что вам стоит поручить им изготовление образца плазмоида, а самой заняться доведением до ума портала?

– Вот, по тебе не скажешь, что ты такой торопыжка! – сморщила она свой крючковатый нос. – Тебе что важнее: картинку в иномир показать или осуществить проход экспедиции?

– Конечно, проход! Я уже начал в уме прикидывать состав и количество разведывательной группы. Но для начала, ты,

хоть картинку покажи, ради стимула.

– Картинку я тебе смогу показать и на следующей неделе. В этом нет никакой сложности. А вот, что делать дальше – большой вопрос.

– Как это?! – не скрыл удивления Афанасьев.

– Вот так! – жестко парировала старуха Верховного. – Портал находится в нестабильном состоянии. Его края все время пульсируют. При малейшем снижении энергетической накачки он начинает, хоть и медленно, но схлопываться. К тому же очень много расходуется электроэнергии на поддержание портала сечением всего лишь в полтора квадратных метра. А ведь его придется расширять, чтобы можно было просунуть через него габаритную технику, без которой не обойтись. И я даже боюсь предположить, какой океан энергопотока потребуется для его увеличения. Как бы, не в геометрической прогрессии. А это, значит, понадобится целый ядерный реактор в центре столицы. Случись, какой-нибудь сбой в электропитании и никто не сможет гарантировать, что Первая Иновременная Экспедиция застрянет в каком-нибудь третьем веке от Рождества Христова. И еще не факт, что мы при повторном включении сможем попасть именно в то время. Даже расхождение в доли секунды может закинуть спасателей на несколько лет вперед или назад по объективной временной шкале. Мы этого еще не знаем. И процессами этими управлять не можем. Да, мы, вообще, почти что ничего не знаем о портале. Не знаем, ни как он об-

разуется, ни как существует, ни как может воздействовать на организм живых существ, шастающих туда и обратно. Может живые клетки мутируют после прохода? Мы же этого не знаем. А если прохождение было неоднократным, то кто нам гарантирует, что те, кто проходят сквозь время – всё ещё люди? Так что, прежде чем готовить экспедицию надо провести еще кучу экспериментов, которые могут занять месяцы, а то и годы, – сказала она и будто ушатом холодной воды ополоснула Афанасьева, пребывавшего в состоянии полной растерянности.

– Нет у нас в запасе такого количества времени, – уныло констатировал Валерий Васильевич.

– Я знаю, – поджала она губы. – Но и на экспансию в чужой мир у нас пока нет сил. Ни физических, ни материальных. А рисковать, хоть и плохонькой действительностью в угоду призрачной мечте, это непозволительная роскошь, которую ни я, ни тем более ты позволить себе не можем.

– Вот, значит, как? – еще больше погрузнел Валерий Васильевич. – А я уже у внука перетаскал всю фантастическую литературу про «попаданцев».

– Не горюй, Василич, – тронула она его за плечо, – не пропадет втуне твоя литература. Нужно всего-то немножко обождать, поэкспериментировать. Ты, думаешь, я не хочу попасть туда и ощутить запах трав, по которым еще не ступала конница Аттилы?

– Погоди, Игнатьевна, – вмешался неожиданно в разго-

вор, доселе молчавший с открытым ртом Вострецов. – Ты сейчас обмолвилась о том, что края портала вибрируют и при малейшем снижении поступающей энергии он начинает схлопываться, я правильно тебя понял?

– Ну, да, так и есть. И это, на сегодняшний момент, наша главная головная боль, – констатировала Николаева.

– Что-то это мне напоминает..., – потер в задумчивости лоб академик, в то время, как Афанасьев жадно впился глазами в его лицо, в ожидании радостной сенсации.

– Что?! – отставила Николаева блюдце и тоже с надеждой уставилась на Вострецова.

– Была у нас в свое время похожая закавыка, еще, когда мы испытывали наш первый образец ускорителя, – медленно начал Игорь Николаевич вспоминать былые времена. – При подаче напряжения с реактора, разгонявшего протоны через вакуумную трубку, стенки «воронки» ужасно вибрировали, оттого значительная часть протонов ударялась о её закраины, теряли первоначальную скорость и вместо направленного пучка хаотично сталкивались друг с другом. КПД, в результате этого, падал едва ли не на 50%.

– И что вы предприняли?! – зрачки глаз у Николаевой расширились, как у кошки, готовящейся к прыжку.

– Мы тогда с Лёшей посидели, покумекали и решили. А что если внутри воронки соорудить дополнительное электромагнитное поле в виде тороидального кольца и тоже пустить по нему протоны, незадействованные в основной реак-

ции, а значит, не сбивающиеся в кучу. Они создадут гравитационное поле, которое удержит протоны от соприкосновения со стенками «воронки», их выход будет линейным и потеря не станет. Вследствие того, что, протоны обладают массой, почти в две тысячи раз большей, чем электроны то при своей скорости, в условиях отсутствия естественных препятствий, они могут сохранять её на протяжении значительного периода времени в виде постоянного потока, скорость которого можно легко регулировать при сравнительно малых затратах энергии. Это, конечно, не пресловутый «вечный двигатель», но где-то рядом с ним. Этакая самоподдерживающаяся система. И даже при сбоях в электропитании она еще продолжительное время будет функционировать, как говорится, сама по себе. Ну а за это время можно миллион раз переключить установку на резервное питание. Все, что я сказал, касается нашей установки. Но чем черт не шутит?! Может быть, это пригодится и для поддержания портала в стабильном режиме, если электромагнитное поле разместить по его окружности?

Едва Вострецов окончил излагать свои соображения, как шустрая Николаева вскочила со своего места и коршуном налетела на слегка прибалдевшего теоретика:

– Игорюша, ты гений! – сорвалась она на крик, кидаясь ему в объятия. – А я-то старая кошелка никак до такого додуматься не смогла! Это же так элементарно! Гений, ты наш! – прижала она его голову к своей впалой груди.

– Вообще-то гений, это я, – тихо прошелестел со своего места Афанасьев. – Это мне пришла в голову мысль посвятить в государственную тайну нашего академика.

– И ты тоже гений, Василич! – кинулась было обниматься к нему Николаева, но тот отчаянно замахал руками ей навстречу.

– Только порошу без этого! Я – человек, без пяти минут женатый. Мне с чужими тетеньками обниматься невеста не велит!

Все дружно в голос захохотали, по достоинству оценив шутку диктатора.

II.

04.10.2020г., Астраханская область, где-то в 25-ти км. восточнее от г. Знаменска

С утра накрапывал мелкий дождик, что в здешних условиях было редкостью даже в осенние месяцы. Все участники эксперимента, а также приглашенные лица из числа имеющих специальный допуск, сочли этот факт, как знамение удачи. Всех, особенно «москвичей» из свиты диктатора охватило волнение и предчувствие какого-то невероятного чуда, которое вот-вот должно было состояться. Подавляющее большинство военных экспертов впервые должны были присутствовать при испытаниях столь экзотического оружия «направленной энергии». Лазер – не в счет. Тот же самый

«Пересвет», анонсированный еще два года назад прежним руководителем страны уже принимал участие в испытаниях, и многие из тех, кто сейчас находился на полигоне, были тому прямыми свидетелями. Но тогда он не произвел умопомрачительного визуального впечатления. Ну, выехал на «точку» караван большегрузных и неуклюжих машин, чем-то напоминавших то ли кунги, то ли «дальнобойные» фуры. Ну, взвод шустрых военных, высыпав из машин, стал быстро протягивать какие-то кабели между автомобилями. Ну, вот в одной из «фур» медленно раздвинулись створки и оттуда, как на поддоне не спеша и деловито выехало нечто похожее на стиральную машину с телескопом. Минут пять, ничегошеньки не происходило. Затем в «стиральной машине» медленно, словно нехотя откинулась какая-то крышка, а «телескоп», что находился рядом, уставившись в зенит, пару раз повернулся из стороны в сторону. В общем-то, на этом все зрелище и закончилось. Крышка в «стиралке» так же степенно закрылась, а сама она после некоторой паузы скрылась в чреве «фуры». Ну и всё. Ни звуковых эффектов, ни визуальных. Ничего. Тихо и буднично. С Командно-Наблюдательного Пункта пришло сообщение, что спутник-демонстратор, специально выведенный на орбиту высотой 275 километров в целях испытания, выведен из строя лазерным лучом «Пересвета». Далее следовало перечисление технических характеристик мобильного лазера и пояснение принципа его работы. Озадаченные эксперты еще потоптались какое-то вре-

мя на месте, перекидываясь друг с другом узкопрофессиональными оборотами речи, а затем разошлись, явно неудовлетворенные представленным зрелищем.

Сегодня всё должно было быть по-другому. Те из экспертов, которые хотя бы со слов самих участников испытаний были проинформированы о предстоящей программе, уже предвкушали незабываемое зрелище, ибо мало кто из людей воочию мог наблюдать шаровую молнию, и уж совсем малое количество было тех, кто видел её, сотворенную человеческими руками. К таким счастливицам можно было причислить разве что самого Афанасьева, уже принимавшего участие в подобном эксперименте почти тридцать лет назад. Ажиотажа среди экспертного сообщества добавляло ещё и то, что в отличие от того же самого «Пересвета», всё хозяйство Николаевой умещалось на двух небольших грузовиках. В кратком релизе, выпущенном накануне для экспертов, сообщалось, что в одном «грузовике» находится энергетическая установка с конденсаторами большой емкости, а в другом, собственно говоря, сам плазмоид и суперкомпьютер с охлаждающей его установкой. Обслуживали всё это невеликое хозяйство всего три человека: один следил за подачей энергии и заменой конденсаторов, второй выдавал и обрабатывал на компьютере целеуказания, а третий управлял непосредственно самим плазмоидом, корректируя траектории энергетических сгустков, называемых в просторечии «шаровыми молниями». Сейчас эти грузовики замер-

ли в предстартовой готовности, на расстоянии чуть больше трехсот метров от того места, где находился КНП. Внешне это почти никак не проявлялось. И только наблюдательный взор смог бы отметить, что над крытой поверхностью одного из них, стал медленно подниматься какой-то штырек с небольшим рифленным утолщением в наверху, напоминающим набалдашник трости. Поднялся невысоко, всего лишь на какой-нибудь метр, да так и застыл в немом ожидании приказа. По настоянию Валерия Васильевича, к числу лиц, допущенных лицезреть испытания, был причислен и академик Вострецов, благо, что его модель должна была проходить аналогичную проверку только завтра, а значит, сегодня он был абсолютно свободен (его присутствие при транспортировке ракетносителя на стартовый стол было необязательным). Как уже говорилось выше, все участники испытаний и гости, включая самого Афанасьева, находились в состоянии взволнованности и немного тревожного ожидания. Все. Но только не сама «виновница» торжества. Она не пошла в специально оборудованное укрытие, сооруженное для участников испытаний на случай нештатной ситуации, а стояла на поверхности, чуть в сторонке от НП и курила «Мальборо» зябко подрагивая сухонькими своими плечиками (с некоторых пор она могла себе позволить и куда более значительные траты, чем оригинальное заморское курице). До начала активной фазы испытаний оставалось меньше двадцати минут. Афанасьев тихонько подошел к ней и остановил-

ся рядом. Вся его свита и охрана вместе с неотлучным Вальрондом, не решилась последовать за ним, ибо понимала, что даже такому диктатору иногда необходимо побыть в стороне от назойливых глаз челяди. Николаева, казалось, в тот момент даже не обратила на него внимания, погруженная в свои мысли.

– Ты бы, Валюша, перестала смолить цыгарку-то? А? – прогудел он у неё за спиной ласково и слегка укоризненно. – Ведь все оставшееся здоровьишко погубишь.

– Пустое, – проговорила она негромко, даже не соизволив обернуться к диктатору лицом. – Моему испорченному здоровью это мало чем навредит, а я уже не в том возрасте, чтобы отказываться от укоренившихся привычек.

Он чуток потоптался, не зная что еще такого сказать, чтобы как-то поддержать и подбодрить подаренную судьбой соратницу, а возможно и спасительницу, но ничего толком не придумал. Потом покряхтев, неожиданно выдал:

– А ты, собственно, почему стоишь здесь и одна? Почему не на КНП, как все остальные? Опасно ведь.

– Народу там, как сельдей в бочке. Духотища. Да и на свежем воздухе мне смолить куда как сподручней. А насчет опасности, то это ты зря. В Москве дорогу переходить куда как опасней, чем тут стоять на ветерке, – пояснила она.

– Может, все-таки спустишься вниз? – попробовал он её уговорить в последний раз. – Твоя голова стоит всех наших вместе взятых.

– Не бойсь, Василич, за установку я ручаюсь. Все будет хорошо, – произнесла она негромко и ласково, как бабушка, укладывающая спать любимого внука, и немного подумав, добавила еще тише. – Еще месяца два назад я тоже боялась, а теперь не боюсь. Всё, что сохранила от Римилия Федоровича и сама знала – оставила в подробных записях со всеми выкладками. Теперь вот во всё, что знала, посвятила двоих помощников. Ребятки толковые. Если со мной что и случится, то они сами управятся и доведут дело до конца.

– Мать! – воскликнул Афанасьев. – Да ты никак помирать у нас собралась?! Ты там не вздумай! Даже думать об этом запрещаю!

– Нет, Василич, – покачала она головой, стряхивая остаток пепла на бетонную площадку, – помирать я не собираюсь. А только к этому всегда надо быть готовому, чтобы не растеряться в последний час от того, что не успел чего или не додумал. Я может, даже мечтаю быть похороненной не тут, а там, – мотнула она головой куда-то в необозримые временные дали.

– Отчего же тебя не устраивают похороны здесь – в нашем времени? – не удержался, чтобы не спросить Валерий Васильевич. – Похороны будут – пальчики оближешь. Потомки никогда не забудут всё, что ты для них сделала.

– Нет, – опять упрямо тряхнула она головой. – Не хочу здесь. Слишком много впитала горя эта земля за века. Не хочу лежать в горькой земле.

Их печальный диалог прервало появление дежурного офицера с КНП.

– Товарищ, Верховный, разрешите обратиться? – козырнул он диктатору.

– Да не козыряйте, майор, я в штатском, – поморщился Афанасьев и тут же добавил. – Обращайтесь.

– Мишени заняли свое положение, установка готова к проведению эксперимента, системы телеметрии, и фиксации приведены в состояние готовности. Можно начинать, – четко доложил офицер и замер в ожидании дальнейших указаний.

По условиям испытаний, в качестве мишеней было решено использовать двадцать единиц бронетехники устаревших образцов, уже снятых с вооружения. Причем, по настоянию членов приемной комиссии, для усложнения поставленной задачи десять единиц её были оставленными с работающими двигателями, а остальные десять – с неработающими.

– Ну, что, Валентина Игнатьевна (при посторонних он не позволял себе фамильярничать), вы тут хозяйка, потому вам и командовать. Давайте отмашку.

Та немного засмушалась то ли от непривычки отдавать распоряжения военным, то ли от того, что не знала, куда девать окурок сигареты, который машинально продолжала держать в пальцах. Не придумав ничего лучшего, она сунула его в карман своей курточки, которую специально одела, чтобы уберечься от пронизывающего ветра. Наконец, справившись с волнением, которое все же в последний момент накатило

на неё, она сглотнула ком, подступивший к горлу, и просипела задушенным голосом:

– Начинайте.

Офицер кивнул, но с места не сдвинулся. На вопросительный взгляд Валерия Васильевича пробормотал, заливаясь краской:

– По правилам техники безопасности..., – начал он, как бы оправдываясь за то, что медлит с выполнением приказа.

Но Афанасьев перебил его:

– Знаем-знаем, голубчик. Все мы в курсе правил техники безопасности, но ты всё же ступай, а нам и отсюда всё будет хорошо видно, – напутствовал он дежурного офицера, попутно беря пожилую даму любезно под локоток.

Тот нерешительно пожал плечами, неловко козырнул ещё раз и, развернувшись, скорым шагом потопал в направлении убежища.

– Может, все-таки пойдём и мы? – шепнул Верховный своей спутнице на ушко. – Там и экраны есть. В прямом эфире покажут все попадания.

– Иди, если хочешь, – также тихо прошептала она ему в ответ, – а я тут постою. Данные видеофиксации потом просмотрю и проанализирую без сутолоки.

– Ладно-ладно, постоим и тут, – вздохнул он и только крепче стал удерживать её руку.

Примерно с минуту ничего не происходило, а затем протяжно и тревожно завыл ревун, предупреждающий о по-

тенциальной опасности нахождения на поверхности. Ревун вскоре замолк, и полигоном опять овладела тишина тревожного ожидания. Афанасьев впился глазами в тот «грузовик» из которого торчало некое подобие антенны – внешне, почти что полная копия берлинской телевышки времен ГДР, только в миниатюрном исполнении. По прежним воспоминаниям он знал, что главным персонажем предстоящего зрелища будет именно этот самый «набалдашник». И правда, память его не подвела. Рифленый глубокими бороздами вдоль вертикальной оси, «набалдашник», похожий то ли на экзотический плод, то ли цветок с нераскрывшимися лепестками, укрывавшими пестик, стал медленно раскручиваться, с каждым оборотом всё более ускоряя свое вращение.

– Береги глаза, Василич, – спокойным голосом предупредила Афанасьева пожилая женщина, – а лучше – не смотри туда.

Валерий Васильевич внял предупреждениям Валентины Игнатьевны, но лишь отчасти. Уж больно ему было любопытно пронаблюдать весь процесс – от самого начала и до конца. Поэтому он только слегка опустил глаза, оставляя установку в поле периферийного зрения. А «набалдашник» тем временем продолжал свое бешеное вращение вокруг своей оси. Интереснее всего было то, что всё действие проходило в абсолютной тишине, которую нарушали только порывы степного ветра. Наконец, когда мелькание вращающегося «набалдашника» казалось уже невыносимым, он будто

от великого перенапряжения вдруг взорвался. Его рифленные лепестки мгновенно раскрылись, обнажая внутренность адского цветка. Сейчас на том месте бушевало и бесновалось нестерпимо белокалильное пламя, от которого резало глаза, настолько оно было ярким, будто частица самого Солнца обосновалась в самом его центре. Лепестки уже опавшего цветка продолжали свое бешеное вращение. Адское, а по-другому никак и не скажешь, пламя тоже вращалось с невероятной скоростью, но в противоположном направлении. Афанасьеву даже на миг показалось, что в прошлый раз всё было чуть-чуть спокойней и медленней. Тогда тоже вращались и раскрывались «лепестки» псевдо-цветка, но пламя при этом было менее ярким и от того менее яростным. Зрелище притягивало и завораживало, как гипноз. Казалось, что невероятному вращению не будет конца и края. Но, видимо, шаровой молнии, а это, несомненно, была она, и самой надоело крутиться в бешеном темпе верхом на штырьке, и она неожиданно сорвалась с него, устремляясь на огромной скорости по крутой баллистической траектории к самому зениту. На её месте возникла точно такая же слепящая глаза шаровая молния и тотчас устремилась по той же самой восходящей вслед за предшественницей. А за ней появилась ещё одна, и ещё, и ещё. И все они устремлялись ввысь на невероятной скорости. Это было поистине фантастическое и ни с чем несравнимое зрелище. Афанасьев начал было вести подсчет белым клубочкам, но уже на втором десятке сбился

со счета и оставил это бесполезное занятие. Тем временем, первый плазмоид достиг своего апогея, на секунду застыв в самой своей высокой точке, едва видимой простому глазу, настолько высокой она была от поверхности, а затем с той же немыслимой скоростью начал своё падение куда-то за горизонт. Все остальные плазмоиды, повторили за ним этот маневр, быстро скрываясь из поля зрения наблюдателей.

– Ну, вот и всё, – сказала, словно выдохнула, стоявшая рядом с ним Николаева, выпрастывая свою руку из-под любезно подставленного диктаторского локтя.

– Всё? – переспросил, не пришедший в себя до конца, Валерий Васильевич. – Сколько времени длился залп, и сколько было выпущено молний? Я не успел засечь и подсчитать, – немного растерянно произнес он, потирая лицо пятернёй, словно пытаюсь снять наваждение.

– Залп, как ты выразился, длился восемь секунд, – с нескрываемыми нотками ехидства заявила правнучка скандинавского Тора. – За это время было выпущено двадцать управляемых плазмоидов по двадцати заявленным целям, как и было, определено в техзадании. О результатах мы сейчас узнаем, – деловито добавила она, оглядываясь на бронированную дверь, ведущую в недра КНП.

– Надо же? – удивился её спутник, виновато разводя руками в стороны. – Ты всё фиксировала, а я настолько был потрясен зрелищем, что забыл обо всем на свете.

И тут дверь, скрывавшая за собой бункер, распахнулась

и из темноты его недр теснясь и радостно вопя, выпала целая толпа военных и гражданских лиц. Глядя на их изумленно-радостные лица было ясно, что первое испытание плазмоида прошло более чем успешно. Крича и захлебываясь от восторга эта людская разношерстная волна докатившись до двух одиноко стоящих фигур моментально поглотила и растворила их в себе. А затем произошло и вовсе что-то невероятное. Люди, в порыве экстаза сравнимого разве что с полученным известием о первом космонавте, подхватили на руки хрупкого вида пожилую женщину, а вместе с ней упитанного старичка и принялись подбрасывать их в воздух. Бабушка, при этом заливалась хриплым, похожим на карканье вороны смехом, явно испытывая удовольствие от оказанных почестей. У Афанасьева, которого подбрасывали вверх с не меньшим энтузиазмом, только и хватило сил, чтобы проорать в воздухе:

– Оставьте, черти! Я-то тут причём?!

Но его не слушали и подбрасывали до тех пор, пока сами изрядно не умаялись. Только после этого их бережно и со всем тщанием опустили на землю, поставив на ноги. Кажется, Николаева, еще никогда не испытывала подобных положительных эмоций. Однако, несмотря на веселый блеск в своих глазах все же не удержалась от объективной оценки происходящего:

– Судя по вашей реакции, – заметила она, – вопросы, касающиеся итогов испытаний, не имеют смысла.

Реакция самого Афанасьева на выражение восторженных чувств к нему, тоже была весьма характерна и выдавала в нем изрядную долю ироничного человека:

– Черти! Я же только что позавтракал! И сам бы опозорился и вас бы опозорил!

Но даже несмотря на самоиронию, ему не удалось скрыть от людей своего искреннего удовлетворения от происходящего. Он был счастлив в этот момент. Счастлив, даже не столько умом, сколько сердцем. Вера в Николаеву и её детище ещё больше укрепила его уверенность в том, что научные изыскания в этом направлении идут верной тропой. А значит, уже недалек тот момент, когда фантастика, описываемая многими писателями, обретет, наконец, свои реальные черты. Разумеется, принятие на вооружение установки управляемого плазмоида, решит насущные вопросы в деле обороноспособности страны, и даже не исключено, что в корне сможет изменить характер боевых действий на полях сражений. Высокотехнологичное оружие Запада, которым он не без оснований кичился, все последние десятилетия, будет, в конце концов, повержено ещё более технологичным оружием самой России. И да, на какой-то срок поубавит спеси с потерявшего всякие берега военно-промышленного комплекса США и их союзников по НАТО. Но это, следует с горечью констатировать, никак не скажется на степени их конфронтации с нами. Даже самые значительные прорывы в военных технологиях невозможно удержать в тайне на

сколько-нибудь продолжительный срок. Рано или поздно, но конкуренты, столкнувшись на поле боя с русским чудо-оружием, начнут лихорадочно наверстывать свое отставание. И зная высокий уровень научных достижений наших противников, не приходится сомневаться в том, что они когда-то сумеют повторить успех России, но уже на следующем технологическом уровне. Да, сегодня мы одержали победу на одном из фронтов. Но сколько еще этих фронтов, окружающих нас со всех сторон? И далеко не на всех фронтах у нас с ними наблюдается, хотя бы паритет в силах. Кое-где мы откровенно проигрываем. Сегодняшние испытания уже хороши тем, что дают нам ещё одну отсрочку в битве цивилизаций, которая непременно когда-нибудь, да состоится. Конечно, надо всячески постараться избежать Апокалипсиса, который обязательно грянет, если и с той и с другой стороны на карту будет поставлено само физическое существование этноса. Прошлый Апокалипсис в виде Всемирного Потопа оставил в живых Ноя с семьей. Грядущий создает риски не оставить в живых даже такой малой группе людей. Выйти безусловным победителем из Мировой Схватки и не довести дело до очередного (теперь уже последнего) Апокалипсиса, вот какая идея целиком и полностью овладела разумом Афанасьева. И сегодняшние испытания еще на один шаг приблизили его к этой цели, о которой не догадывались даже самые близкие к нему люди.

Поставив на ноги обоих «виновников» торжества, люди

продолжали радостно пожимать им руки и поздравлять с грандиозным успехом. Подошедшим для доклада операторам установки тоже досталась своя порция восторгов, и хотя их никто на руках не подбрасывал, но зато каждый из членов приемной экспертной комиссии счел для себя долгом крепко пожать им руки. И, несмотря на бурные восторги среди тех, кто находился на КНП, все же нашелся свой Фома-неверующий. Полковник с двумя скрещенными стволами бронзовых пушек на петлицах, поправив очки с ехидной улыбочкой громко произнес, так, чтобы его хорошо было слышно всем:

– Уважаемая Валентина Игнатьевна, я, как и все здесь присутствующие выражаю вам свои искренние восторги по поводу удачно проведенного эксперимента. Однако, это только начальная стадия целого цикла испытаний, которые будут гораздо сложнее, чем нынешнее. И я приберегу часть вашего оптимизма на будущее, которое, как мне видится, пока весьма туманным.

Все окружавшие Николаеву и Афанасьева люди враз затихли и сначала повернули головы к ретивому полковнику, а затем стали пристально наблюдать за ответной реакцией, которая последовала незамедлительно:

– И что вас навело на мысль о туманном будущем установки? – приняла она гордый и высокомерный вид, прожигая своими голубыми глазами полковника насквозь. – И, кстати, вы, гражданин начальник (сказалось-таки время, проведенное в кругу осужденных), забыли представиться даме.

Взоры опять перекинулись на очкастого. Кажется, что здесь и сейчас начнется дуэль, и возможно не только до первой крови.

–Э-э-э, – немного растерялся тот от напора пожилой дамы, но быстро справился, – меня зовут Анатолий Станиславович Шпак, полковник, штатный эксперт ЦНИИ ТОЧ-МАШ, честь имею, – козырнул не столько женщине, сколько стоявшему рядом с ней Афанасьеву.

– Оч-чень приятно, – прошипела Николаева, тут же превращаясь не то в Бабу-Ягу, не то в подколотную гадюку, от вида которой всех бросало в дрожь. – Ну, договаривайте, что там у вас?

– Извольте, – принял он от неё вызов на поединок, хотя теперь уже было не совсем понятно, кто кого тут вызывает. – Ваша установка показала впечатляющие результаты, не спорю. Двадцать мишеней – двадцать попаданий. Но точно также действует, недавно принятая на вооружение, РСЗО «Торнадо-СМ», ракеты которой снабжены самоприцеливающимися боеприпасами. В каждой ракете таких боеприпасов – двенадцать штук. Ракет в пакете, тоже двенадцать. Соответственно залп состоит из ста сорока четырех боеприпасов индивидуального наведения, то в потенциале означает уничтожение без малого пяти бронетанковых батальонов вероятного противника. Конечно, в вашу пользу играет цена залпа, в её денежном выражении, которая, судя по всему, будет гораздо ниже традиционной. Но должен вам заметить, что на

поле боя счет идет не на рубли, а на человеческие жизни.

– У вас имеется еще что-нибудь? – поджала губы Валентина Игнатьевна.

– Вы сначала ответьте на вопрос по дальности действия вашего аппарата, – кривовато ухмыльнулся Шпак. – Кстати сказать, «Торнадо-СМ» бьет на сто двадцать километров. Ваша же установка, насколько мы все видели, покрывает только пятую часть от возможностей детища тульского «Сплава».

– Если у вас больше нет существенных претензий, – уже почти успокоилась Баба-Яга, то начну отвечать по пунктам. Во-первых, сколько было заявлено мишеней к испытаниям, столько зарядов мы и истратили. А устраивать шоу с фейерверками, напрасно расходуя энергию – не в моих принципах. Я тоже умею считать народные деньги. Если заявите 50 мишеней, значит, уничтожим 50, если 100, значит 100. Теперь второе.

– Но насколько я в курсе, то дальность поражения в 24 километра была согласована с вами лично. Из каких соображений вы установили именно эту дистанцию до поражаемых объектов? – опять едко заметил представитель ТОЧМАШ.

– Я исходила из возможностей установки по прицеливанию на основе собственной РЛС с АФАР8, а также датчиков фиксирующих присутствие электромагнитных полей, – не замедлила она с ответом.

– Ага! – обрадовался новой зацепке неугомонный полковник. – Если я вас правильно понял, то вашей РЛС хватает

только на двадцать четыре километра?

– Угомонитесь, товарищ! – одернул своего коллегу из экспортного сообщества еще один полковник с танком на петлице. – Прошу прощения, товарищ Верховный за вмешательство в спор. Я с УВЗ9, из местного КБ. Полковник Елизаров Кузьма Фомич, – отрекомендовался он. – Если позволите, то замечу, что дальность наземной передвижной РЛС с АФАР в двадцать четыре километра без дополнительных выдвижных или мачтовых устройств, является на открытой местности самой оптимальной, ибо земля на плоский лист. Однако, если будут дополнительные целеуказателя, хотя бы в виде БПЛА10, то думаю, что дальное действие установки, созданной коллективом Валентины Игнатьевны, существенно образом повысится. И я, как представитель своего ведомства, уж простите за шкурный интерес, настоятельно рекомендовал бы товарищу Николаевой рассмотреть вариант её установки на гусеничном ходу. Мне это видится в качестве двухзвенного гусеничного вездехода типа Д-30 «Витязь», опыт производства которого у нас уже имеется.

– Вот, – тихонько толкнул Афанасьев локтем свою подружку, – уже и изготовитель серийных образцов нашелся. А ведь только десять минут прошло.

– А вы понимаете, – не унимался Шпак, – что в условиях реального боя, жизнь любого БПЛА насчитывает всего пару минут. И это в лучшем случае.

– Понимаю! – опередил танкиста с ответом, вынырнув-

ший, откуда-то из-за спин, стоящих впереди, Вострецов. – Но и вы должны учесть, что целеуказания можно получать не только с дронов, но еще и из космоса.

– Хорошо! – вошел в раж артиллерист. – Пусть будет даже так, как вы сказали, гражданин в штатском, забывший представиться, но и вы упустили очень важный момент.

– Это какой же? – поднял брови «мудрый сверчок», не пожелавший раскрывать своего инкогнито, который тоже был большой любитель устраивать подобные дискуссии, и бедный Шпак не знал, с кем сейчас связывается.

– Уважаемая Валентина Игнатьевна упомянула в качестве целеуказателя ещё и датчик присутствия электромагнитных полей. Не так ли? – лукаво улыбнулся Анатолий Станиславович.

– Да, – милостиво согласился с ним академик. – И что из этого следует?

– А следует то, – буквально расцвел в улыбке артиллерист, – что противник быстро раскусит эту нехитрую схему, и в следующий раз на поле боя появятся танки прошедшие процедуру «размагничивания».

– А вы, что же, всерьез полагаете, что работающие двигатели не создают никакого электромагнитного возмущения в пространстве?! Я уж молчу про выхлопные газы, ярко контрастирующие с атмосферой в тепловом режиме! – всплеснул руками Вострецов, чем на некоторое время привел оппонента в смущение.

Впрочем, в замешательстве тот пробыл совсем недолго.

– А теперь вы, – срываясь на фальцет, выкрикнул Шпак, – представьте танковый полк, прущий на полном ходу, где каждая боевая машина тянет за собой кучу металлолома с уголковыми отражателями и снабженные имитаторами электромагнитных полей! Да, они своими засветками забьют все ваши экраны! Все ваши плазмоиды не обладающие собственными прицельными устройствами, просто «купятся» на этот незамысловатый фокус! И даже если вы выпустите их целую сотню, то все равно все они угодят в «молоко»! А что потом?! Снова прикажете заряжать установку?!

– Боже мой! Опять всплеснул руками Вострецов. – С какими дилетантами приходится иметь дело?!

– Я бы попросил вас...! – взвился красный, как вареный рак полковник.

– Нет-нет! Даже не просите, гражданин Шпак! – смеясь, замахал на него ученый, явно намекая этим самым на всем хорошо известный киноперсонаж с такой же фамилией. – Просто повнимательнее прочтите презентативный буклет, и тогда пройдет вся сумятица в вашей голове. Валя! – обратился он к Николаевой. – Скажи дяде, сколько плазмоидов способна выпустить твоя установка до перезарядки? И сколько длится сама перезарядка?

– Емкости конденсаторов хватает, чтобы за 35 минут выпустить по противнику десять тысяч плазмоидов, – уверенно сообщила Николаева о скорострельности установки. – Заме-

на конденсаторов проходит в течение минуты, от силы полторы. Тут уж всё зависит от расторопности техника.

– Ого! – раздался со всех сторон дружный вздох восхищения. – Откуда же такие энергоёмкие конденсаторы?! Мистика какая-то?!

– Никакой мистики, товарищи, – перехватила Николаева инициативу в споре. – До последнего времени всё, как обычно, упиралось в электрический импульс. Обычные аккумуляторы не способны накапливать и мгновенно отдавать ток. Они банально «сядут» после нескольких циклов «зарядки/разрядки». Но у российских конструкторов недавно появилось решение и этой проблемы – суперконденсаторы. Это твердотельные устройства, способные мгновенно накапливать и отдавать ток. Их производит компания ТЭЭМП. Изделия имеют удельную мощность в 10 МВт/кг и могут работать даже при экстремальных температурах. Они обладают миллионным числом циклов заряд-разряд, что позволяет интегрировать их в состав не только установки управляемого плазмоида, но и любого бортового оборудования, начиная с автомобиля и заканчивая самолетом или кораблем. Раньше говорили, что XIX век – это эра электричества и пара, но они несколько поторопились. Эра электричества только ещё пробуждается, пока плохо осознавая свое потенциальное могущество. Мечта великого Тесла по извлечению электричества из атмосферы из фантазий вот-вот готова претвориться в реальном своем исполнении. «Зеленая» энергетика, так или

иначе, но пробьется, словно росток через толщу асфальта. И недалек тот час, когда начнут разоряться все нефтяные гиганты, отравляющие атмосферу Земли! – закончила она с пафосом.

– Э, тетя Валя, – обратился к ней со смехом Афанасьев, – попридержи коней! Нам еще не хватало войны со всем арабским миром! Кстати, Грета Тунберг, не твоя ли внучка?!

Все окружающие должным образом отреагировали на юмор диктатора. Толпа вскоре начала рассеиваться и на площадке перед входом на КНП остались только свои, но и они предпочли соблюсти некую дистанцию между диктатором, Николаевой и Вострецовым, которого Афанасьев попросил задержаться.

– Завтра, Игорь Николаевич, мы понаблюдаем за стартом твоей модели, а после продолжим терзать установку Валентины Игнатьевны на более жестких режимах до конца недели, – начал подходить к главной теме Афанасьев. – Так вот какая мысль родилась у меня в голове. Засиделся твой Боголюбов на Севере. Новую «летающую лабораторию» дооборудуют и без него, тем более, что опыт уже имеется, вместе с технической документацией.

– Куда это вы клоните, Валерий Васильевич? – прищурился Вострецов. – И как это понимать?

– Ты пойми меня, Игорь Николаич, – притянул к себе вплотную Вострецова Верховный и начал в волнении крутить пуговицу на его дождевике, – я нисколько не сомнева-

уюсь в том, что узлы и агрегаты космического варианта ускорителя пройдут завтра все положенные испытания. И ваш с Боголюбовым протонный ускоритель будет надежным гарантом нашей обороны на стратегическом уровне. Но пойми, мне сейчас до зарезу нужен проход ТУДА, – мотнул он головой в сторону. – И если у Алексея получится стабилизировать портал, а я в этом ни капли не сомневаюсь, то ты даже не представляешь, какую невероятную помощь вы сможете оказать всей стране, людям, будущим поколениям!

– Да, Игорюша, – вмешалась в диалог Николаева, – поспешать надо с порталом. Я тоже хотела просить тебя об этом, как научного руководителя проекта. Сам ведь понимаешь, тут не просто научный интерес. Тут вопрос гораздо шире стоит. Это наш потенциальный Запасной Мир.

– Не дурак. Сам понимаю, что к чему, – нахмурился академик. – Только я ведь ему не начальник, хоть и научный руководитель. Поэтому вам лучше самолично откомандировать его к Валентине Игнатьевне. И да, я, пожалуй, соглашусь с вами, что он у нас засиделся на одном месте, да и долгое пребывание на Севере, как известно, здоровья не добавляет, – задумчиво присовокупил он.

– Вот и ладушки! – обрадовался Валерий Васильевич. – Я тогда ему сам напишу, а лучше всего поговорю лично, по видеосвязи.

09.10.2020г., пос. Ново-Огарево, Резиденция Главы Высшего Военного Совета.

Как и предвидел Афанасьев, испытания критически важных узлов и механизмов прошли более чем успешно. Ни один из компонентов не дал сбоя в работе, а это означало, что к концу года, или на крайний случай к началу следующего, действующий натурный образец протонного ускорителя на борту космического аппарата можно будет принимать в опытную эксплуатацию. Верховный еще раз поздравил академика с очередным успехом в деле укрепления обороноспособности страны и выразил искреннюю надежду, что Бог не даст повода применить это грозное оружие на практике. Весь остаток недели посвятили испытаниям плазмоида. Опытную установку гоняли на запредельных режимах, выявляя все её особенности, как положительные, так и отрицательные. К слову сказать, минусов у плазмоида оказалось минимальное количество, да и то, они были не критическими. И как уверяли разработчики вкупе с потенциальными эксплуатационниками, устранение «шероховатостей» займет не слишком много времени и усилий. Проверяли, как на дальность (в последней серии мишени отодвинули почти на 100 километров), так и на предельную скорострельность, доведя её до семисот плазменных образований в минуту. В последний день испытаний привлекли Воздушно-космические силы, которые обеспечивали целеуказания с орбиты

в реальном режиме времени. В итоге расстреляли всё, что только можно было расстрелять. Над начальником полигона даже посмеивались, наблюдая, как он переживает утерю ценного инвентаря. «Где я еще смогу раздобыть мишеней в таком количестве?!» – восклицал он, хлопая себя по ляжкам. Это, безусловно, внушало некоторый оптимизм и спокойствие за его будущее. Кстати, Шпак, которого так бесцеремонно повозил носом в грязи Вострецов, тоже выразил пару дельных советов по поводу модернизации установки в плане преодоления помех генерируемых мишенями. Николаева, даже сама от себя не ожидала, что когда-нибудь благодарно пожмет руку своему недавнему злопыхателю. В общем и целом Афанасьев констатировал, что испытания подтвердили все заявленные характеристики плазмоида. Для того, чтобы установка окончательно была принята на вооружение, требовалось провести еще целый ряд испытаний, включающих в себя работу в экстремальных климатических ситуациях, а также стрельбу «на износ». Но уже сейчас было понятно, новый тип вооружения, представленный НПО «Мечта», со всех точек зрения, является перспективным. Поэтому всё шло к тому, что в середине следующего года установка будет принята на вооружение. Афанасьев покидал полигон с легким сердцем. Давно он не чувствовал такого внутреннего удовлетворения, как самим собой, так и всем тем, что его окружало.

Возвращение домой тоже сулило много приятных мгнове-

ний. Длительность его отсутствия с лихвой была компенсирована бурной встречей. Вероника, выбежавшая на крылечко встречать любимого человека, буквально повисла у него на шее, покрывая губы и щеки страстными поцелуями. Шестым чувством долго прожившего на свете человека, он осознавал, что эти проявления радости являются отнюдь не ритуальными, а вполне себе искренними. Ему от этого было немножечко неловко, ибо он уже давно отвык от подобных знаков внимания. Правда, эту его неловкость в какой-то мере скрашивало то, что рядом с ним происходила точно такая же сценка, но с участием других исполнителей, в лице Насти и Пети. Дочь тоже не смогла сдержать нахлынувших эмоций от долгого ожидания супруга, поэтому повисла на его шее ничуть не хуже Вероники. За несколько десятков лет это было впервые, когда Афанасьев с таким удовольствием возвращался к себе домой. Противница показывать на людях свои душевные переживания, Вероника недолго держала на крыльце своего суженого. Довольно быстро справившись с нахлынувшими на нее чувствами она, решительно взяв Афанасьева за руку, потащила его внутрь особняка. Глядя на нее, то же самое сделала и Анастасия с мужем. Вальронд тут же передал своему сменщику ношу, с которой не расставался ни днем, ни ночью, с удовольствием высвобождая левую руку из стального захвата наручников. Сменщик – достаточно толковый малый не стал мозолить глаза соскучившимся друг по другу близким людям, а потому, прицепив к своему за-

пьястью «браслет» быстренько умелся в отведенную для него комнату на первом этаже. Охрана, сопровождавшая Верховного, заняла свои привычные места у входа, на проходной и во флигеле, расположенном неподалеку. Михайлова высадили ещё по дороге сюда, и он на всех парах помчался домой, чтобы, наконец-то, принять полноценную ванну, так как санитарному состоянию водопровода Знаменска не доверял ни на йоту. Вслед за усталыми, но веселыми путниками, обслуживающий дом персонал внес длинный и грубо сколоченный ящик. На резонные вопросы, что в нем, Афанасьев только плотоядно ухмылялся. После того, как усталые, но довольные путники прошли в дом и сняли с себя верхнюю одежду, началась традиционная раздача подарков. Обладая от природы очень мужественными внешними чертами, Вальронд в душе был романтичен и до крайности сентиментален. Плюс ко всему, он, несмотря на то, что был женат, имел, как ни странно, хорошую память, а поэтому не забыл, слова супруги на свой вопрос о том, что привезти из командировки. Она не подумавши брякнула: «Что-нибудь из местного и экзотического». Сказано – сделано. Ничего более экзотического, чем степная черепаха, занесенная в Красную книгу, город Знаменск и его окрестности предложить зятю Верховного не могли. Вот и пришлось контрабандным путем везти в коробке из-под обуви маленькую черепашку с панцирем песочного оттенка. Неизвестно о чем на самом деле думала учительница младших классов, когда просила привезти что-нибудь

экзотическое, однако не выказала никакого разочарования и приняла подарок весьма благосклонно.

– Ах, какая прелесть! – воскликнула она, беря в руки, вяло перебирающую лапами живность.

Все домочадцы состряпали умильные выражения лиц, чтобы поддержать женщину, озадаченную подобной «экзотикой». Валерий Васильевич, в отличие от зятя не был настолько романтичен, чтобы тащить в дом всяких земноводных гадов, хоть и совершенно безобидных на вид. Он был, скорее всего, домовит и прижимист в положительном смысле. Инстинкт охотника и добытчика еще не покинули окончательно его подсознание, поэтому он, в качестве подарка привез четырех почти что метровых осетров холодного копчения, которых ему преподнесли работники знаменского рыбоводческого хозяйства, специализирующегося на выводе данной породы эндемичных рыб. Именно эти рыбины и лежали в таинственном ящике, который и вскрыли незамедлительно. Аромат свежескопченной рыбы сразу потек по комнате и все присутствующие в ней, за исключением кое-кого, невольно стали сглатывать набежавшую слюну. Этим кое-кем была Настя. Она невольно сморщилась и даже попыталась прикрыть рот ладошкой, якобы сдерживая рвотные порывы, но никто тогда не обратил на это особого внимания, списывая всё на утонченность женской натуры. Вероника тут же присела на корточки и со знанием дела не поленилась осмотреть жабры осетров. Закончив осмотр, она удовлетво-

ренно поцокала языком, и еще раз кинула на Афанасьева взгляд полный любви и гордости за своего избранника. Затем был ужин в тесном семейном кругу, где его женская половина расстаралась в кулинарных изысках, чтобы, как можно ярче продемонстрировать своим усталым, но счастливым мужчинам всё свое искусство, не прибегая к помощи штатных поваров. Недельная командировка «сильной» половины семьи не прошла даром для ожидающих их возвращения женщин. Анастасия по своей душевной простоте не удержалась и похвасталась, что всё это время, пока отсутствовали мужчины, она старательно брала уроки домоводства у Вероники, и эти уроки не прошли втуне, а продемонстрировали замечательные результаты, которыми теперь можно не только любоваться визуально, но и отведать, не боясь попасть на больничную койку. Петя был особо впечатлен разительными переменами, случившимися с его супругой, поэтому улыбка от уха и до уха не покидала его физиономию на протяжении всего торжественного ужина. К слову сказать, его не сходящая улыбка никак не мешала ему уплетать за обе щеки все кушанья, которые стояли на столе (отсутствием аппетита он не страдал и прежде). Настя же, окрыленная нескончаемыми похвалами в свой адрес, раздающимися со всех сторон, готова была из кожи вон вылезти, чтобы ещё больше усилить эффект своего кулинарного дебюта. Дай ей волю, и она бы с удовольствием кормила бы своего мужа с ложечки, но боялась этого сделать из-за опасений, что её материнскую за-

боту о нем могут превратно истолковать, как сам любимый, так и отец с мачехой (она в душе уже признала безоговорочное лидерство Вероники в семейных делах и про себя уже то ли в шутку, то ли всерьез называла её «мачехой»). Впрочем, и сама Вероника недалеко ушла от своей новой подруги в ухаживании за своим мужчиной. Она, хоть и не так демонстративно, но тоже ухаживала за ним, деликатно подкладывая все новые и новые кусочки в его тарелку. И судя по тому, какие жадные взгляды, она бросала на него украдкой, финал вечерних торжеств обещал быть фееричным. Так и получилось. Изголодавшаяся, за неделю отсутствия своего, теперь уже без всяких натяжек, любимого человека, Вероника буквально фонтанировала идеями всяческих наслаждений, о которых даже наш бывалый генерал просто не имел представления до сих пор. Ему было одновременно и стыдно, и в то же время неимоверно приятно, что он, хоть и не показывает выдающихся результатов, однако же, и не позорится окончательно, что в его летах уже можно считать подвигом.

– Что ты со мной делаешь?! – смеясь и побряхтывая, спросил он у неё уже под утро. – Я по твоей милости разбит, как старый тарантас, а мне ведь с утра на работу вставать!

– Тут еще неизвестно, кто тарантас, – с придыханьем ответила она, кладя на него свою ногу и прижимаясь всем телом.

– Но мне, действительно, через три часа уже надо будет вставать, – с сожалением констатировал он, глядя на при-

кроватьный будильник с фосфоресцирующими стрелками на циферблате.

– А ты не ходи, – хмыкнула она. – И так вон целую неделю торчал в степи, как простой командировочный. Да после таких условий, отгулов надо получать на целый месяц. Возьми себе краткосрочный отпуск, хотя бы. Кто тебе запретит?

– Совесть запретит, Вероника, – вздохнул Афанасьев, уминая плечами подушку. – Раз возьму отпуск, два – возьму, а потом и привыкну.

– Ну и что в этом такого?

– Россия – страна особенная. В этом я уже не раз убедился. Она может управляться только в ручном режиме. И это никак не зависит от формы её правления. Это её карма, если можно так выразиться, – продолжал он вздыхать.

– Но ты ведь тоже не двужильный! – вскинулась она. – Думаешь, что кто-то скажет тебе спасибо, если ты загнешься на своей работе?! Тебе, извини, не тридцать пять, а шестьдесят пять! Пора бы и о своем здоровье подумать. В конце-то концов, с бумагами в кои то веки можно и дома поработать. Вон, Борька-пьяница, без конца дома с бумагами «работал», подметила она саркастически.

– Вот-вот, – улыбнулся Афанасьев горько, – а страна тем временем неслась под откос на всех порах. Если бы не Бутин со спецслужбами, то и вовсе бы скovyрнулась с обрыва.

– Твои спецслужбы будут не хуже.

– Это ты к чему? – не понял он с первого раза.

– А к тому, что не бережешь ты себя, Валера. Всё сам да сам норовишь. Так тебя надолго не хватит, – скуksилась она, и, помолчав, добавила. – Может, ну её к бесу – твою службу? Шел бы ты на пенсию, а? Квартира у меня есть. Твоя пенсия, моя зарплата – как-нибудь проживем. Подумай. Хоть напоследок проживем спокойно, как люди. А там, как Бог даст.

– Нет, мать, – решительно отверг он её предложение. – С таких постов, просто так не уходят. Тут либо на лафете с почетным эскортом, либо на плаху в результате очередного переворота.

– Типун тебе на язык, – проворчала Вероника, поудобнее устраиваясь у него на груди, чтобы забыться в кратком предутреннем сне.

Через три часа он встал – не выспавшийся и разбитый. А дел, как обычно, навалилось целая куча.

Глава 62

I.

10.10.2020г., г. Москва, Фрунзенская набережная 22, Национальный центр управления обороной РФ.

Ещё когда он был в астраханских степях, Аппарат Управления Делами дважды выходил на связь с напоминанием о том, что Местоблюститель Патриаршего Престола настоятельно просит Главу Высшего Военного Совета выполнить данное им обещание и почтить своим присутствием откры-

тие Поместного Собора, которое должно состояться десятого октября в храме Христа Спасителя в два часа по полудни. Стоит ли говорить, что приглашением подобного рода не стоило пренебрегать, если не желаешь испортить отношения с клерикальным сообществом, имеющим влияние на умы многих сограждан? Разумеется, нет. Поэтому поход к церковникам Афанасьев отметил у себя в календаре в качестве приоритетного мероприятия на сегодняшний день. Но еще до этого срока нужно было провести одно срочное заседание Президиума Высшего Военного Совета, о котором Афанасьев тоже узнал накануне от своего адъютанта. О встрече попросил не кто иной, как сам Председатель Правления ПАО «Промгаз». Это было весьма удивительно, так как господин Мюллер никогда прежде не был замечен в желании вообще попадаться на глаза руководителей хунты. За три с лишним месяца нахождения у власти Афанасьев лишь однажды на коротке встречался с «королем олигархов» на полях совместной конференции Правительства и предпринимателей, в ходе которой обсуждались вопросы взаимодействия новых властей с деловыми кругами. Тогда Алексей Борисович пробовал плакаться на завышенную ставку налогообложения при катастрофически низких ценах на газ, но все его жалобы и стенания по этому поводу Афанасьев не воспринял, отделиваясь фразой о том, что сейчас всем нелегко и отослал его к Министру энергетики для решения срочных вопросов. И вот теперь опять тот наверняка будет ныть на санкции, мешаю-

щие экспорту, неподъемные налоги, неоправданной конкуренции со стороны другого сырьевого гиганта – «Росойла» и прочих препонах мешающих развитию. Однако выслушать его все-таки стоило. Тем более он сам запросил присутствия на совещании, как можно более широкого круга заинтересованных лиц. К совещанию решено было привлечь помимо членов Президиума ещё Глазырева и Новикова. Но прежде чем провести оное, Афанасьев имел довольно длительную беседу по видеосвязи из Знаменска с двумя очень важными для него людьми. Мероприятие, по общему согласию, назначили на утро, пока ещё у всех голова свежая и не забитая иными заботами. Но перед тем, как начать внеочередное заседание Президиума с приглашенными заинтересованными лицами, следовало еще раз встретиться накоротке с теми двумя и обговорить некоторые детали будущего спектакля.

За десять минут до начала у закрытых дверей кабинета, будто заговорщики встретились три человека. Это был сам Афанасьев, глава КГБ – Тучков и министр финансов – Глазырев, который попутно исполнял еще и обязанности Председателя Центробанка. Оглядываясь по сторонам уходящего вдаль коридора, они полушепотом обменивались короткими фразами, которые постороннему наблюдателю не несли никакой вразумительной информации.

– Николай Палыч, – тихо шлепал губами диктатор в сторону жандарма, – у вас всё готово?

– Разумеется, – чуть слышно прошелестел тот в ответ. –

Иначе и быть не может.

– И документы, и люди – всё наготове? – переспросил Валерий Васильевич.

– Документы – при мне, – показал тот портфель в руке, – а люди тоже уже на месте. Ждут со всем оборудованием в соседней комнате.

– Они помнят, что нужно говорить журналистам?

– Как на зубок всё вызубрили, – похвастался Тучков.

– Ладно. А у вас, Сергей Юрьич, тоже всё на низком старте? – обратился он к министру.

– Да, все предупреждены и готовы действовать одновременно на всех площадках, – кивнул Глазырев.

– Вы точно уверены в конечном результате? – спросил Афанасьев, пытливо заглядывая финансисту в глаза.

– Сто процентов гарантии, конечно же, никто вам не даст, кроме морга, но у меня есть чуйка, что все пойдет, как по маслу, – тихим, но уверенным голосом ответил Глазырев.

– Как только начнется совещание, ваши люди должны будут одновременно начать операцию по нейтрализации каналов. Не раньше и не позже, – опять принялся наставлять Афанасьев своего Цербера.

– Вы меня, прямо-таки обижаете своей мелочной опекой, – сварливо прошептал Тучков. – Я свое дело и так знаю. Не первый год служу Отечеству.

– А вы, – вновь повернул голову в сторону министра Афанасьев, – сможете лично и оперативно управлять всеми тор-

говыми площадками?

– Да, – кивнул Глазырев, – тоже продемонстрировав кейс в своих руках, – средства оперативной связи у меня с собой и я могу управлять процессом, откуда угодно, хоть из туалета. Канал интернет-связи постоянный и защищенный, – предвосхитил он дальнейшие расспросы со стороны Верховного.

– А что там насчет журналистов? – вновь забеспокоился Валерий Васильевич. – Предупреждены?

– А как же! – осклабился жандарм. – И не только предупреждены, но уже и находятся тут – неподалеку. В нужное время я подам им знак.

– Отлично, товарищи, – протянул обе руки для пожатия диктатор, – тогда, с Богом! Вон, я вижу уже идут по коридору остальные члены Президиума.

Ровно в 8.00 все заинтересованные лица собрались в уже хорошо «обжитом» помещении малого совещательного зала. Новеньким здесь был лишь «виновник» собрания – Алексей Борисович Мюллер, слава «серого» кардинала московского политикума которого распространилась далеко за пределы Российской Федерации. За круглым столом места хватило всем девятерым участникам. На правах хозяина кабинета Афанасьев открыл внеочередное собрание:

– Коллеги, – буднично, но зато сразу с места и в карьер начал диктатор, – мы сегодня собрались здесь, чтобы заслушать руководителя одного из столпов нашей экономики – государственной корпорации «Промгаз», всем хорошо извест-

ного господина и товарища Мюллера Алексея Борисовича. Или уже не товарища, а только господина? – с прищуром обратился он в сторону газового магната на доверии.

– Товарища, товарища, – быстро закивал головой Мюллер, давно уже сориентировавшийся, откуда и куда дуют ветры.

– Ну, коли так, – хмыкнул Афанасьев, – то, тогда слушаем, что там у вас такое стряслось.

Мюллер слегка откашлялся в кулачок для придания голосу твердости и начал негромкое повествование о кознях своих иностранных партнеров по бизнесу.

– История нашего противостояния с западноевропейскими потребителями газа уходит своими корнями даже не во вчера, а в те далекие девяностые, когда было принято решение на самом высоком уровне преобразовать Министерство газовой добычи и промышленности в акционерное общество, возглавляемое покойным Рэмом Вяхиревым. Именно тогда была принята идея по стимулированию иностранных инвестиций в нашу газодобычу путем продажи части акций новообразованного акционерного общества зарубежным партнерам. Партнер был единственным, а потому и естественным. Это был «Рургаз», находящийся в Германии, куда собственно говоря, и была проложена основная труба еще с советских времен. Бурный рост промышленного производства на Западе стимулировал, как инвестиции со стороны нашего главного партнера, так, соответственно, и

увеличение с нашей стороны, газодобычи. Прибыли концерна росли, а вместе с ним и аппетиты его акционеров. Трех процентов акций, изначально проданных «Рургазу» уже не хватало нашим немецким партнерам. К тому же количество партнеров тоже возросло. К «Рургазу» примкнули «BASF» и «E.ON», также желавшие стать акционерами «Промгаза». А дальше полку жаждущих только прибывало. В результате, к началу конфликта на Украине, начавшемуся в 2014 году, в нашем распоряжении оставался только контрольный пакет акций в размере 50% плюс одна акция.

– Пфф! – фыркнул Сергей Иванович, кривясь лицом. – К чему все эти завывающие нотки и пафос?! Не вы ли, почти двадцать лет руководили концерном? А теперь делаете вид, что только сейчас узнали о факте владения иностранцами активами концерна?!

– Да, знал, – не стал закипать Мюллер, – так же, как и все присутствующие, ибо компания публичная. Однако времена были иными и обе стороны придерживались джентльменских правил поведения. Им не в чем было упрекнуть нас, а у нас, в свою очередь, не имелось оснований подозревать, в чем бы то ни было, противоположную сторону.

– Ладно-ладно, давайте прекратим преждевременные дебаты, – одернул обоих Афанасьев. – Продолжайте, Алексей Борисович.

– Продолжаю, – угрюмо кивнул газовик. – Общее санкционное давление прямым образом сказалось и на отношениях

между старыми деловыми партнерами. Как вы уже наверно слышали ранее, в офисах дочерних предприятий «Промгаза», что находятся на территории Германии, прошли ничем не спровоцированные обыски и изъятия бухгалтерской документации.

– В курсе, – буркнул Тучков.

– Немецкая сторона мотивировала обыски и изъятия якобы начавшимся расследованием по делу о злоупотреблении монопольным положением дочерней группы компаний «Промгаз-Германия». Причем, обращаю ваше внимание на характерную особенность данного инцидента и его подозрительные совпадения. Расследование якобы недобросовестного поведения российских поставщиков энергоресурсов европейские регуляторы ведут уже не первый год, но обыски по времени совпали с нашими недавними требованиями к партнерам перейти на оплату газа в рублях, дабы избежать заморозки счетов. Крупные потребители отказываются открывать рублевые счета в наших банках и покупать нашу валюту на бирже, мотивируя свой отказ нарушение тем самым условий заключенных ранее договоров.

– Но в договорах не прописан и пункт, по которому наши заграничные счета, на которые приходит оплата за поставленную продукцию могут быть заморожены! – не утерпел Глазырев. – Мы не собираемся поставлять сырье за обещание расплатиться с нами когда-нибудь – после смягчения санкционного режима.

– Совершенно верно, – согласился Мюллер с министром финансов. – Именно поэтому мы снизили давление в магистральных трубопроводах на 30% две недели назад, тем более, что авансовый платеж, который они должны были внести до 5 числа, так и не был нами получен.

– А в прошлом месяце, насколько я помню, они внесли авансовый платеж на ими же замороженный счет, не так ли? – уточнил Глазырев.

– Так точно. Просрочка уже пошла на второй месяц, – подтвердил Мюллер.

– Какие меры вы принимаете, кроме снижения давления? – шевельнул бровями Афанасьев.

– Мы в письменной форме потребовали объяснений их действий направленных на срыв договоренностей, – ответил Алексей Борисович и поежился в предчувствии негативной реакции со стороны членов хунты. И не ошибся. В кабинете явственно слышался зубовой скрежет.

– Что они вам ответили? – спросил Юрьев, сжав кулаки, которые, кстати сказать, несмотря на всю его кажущуюся цивилизность, были по-мужицки здоровыми и мозолистыми.

– Они ответили, что если какие-то пункты договора нас не устраивают, то мы имеем право подать иск в Арбитраж, а до принятия им решения мы должны выполнять контрактные обязательства в полном объеме. Что же касается нашего замороженного счета, то они к этому непричастны, а потому и впредь будут оплачивать поставки газа на тот счет, который

указан в договоре.

– Ага, – соображая, что к чему выдавил из себя Афанасьев, – а когда вы снизили давление, то они и вовсе не произвели оплату, так?

– Так, – понурил голову Мюллер. – Но это еще не всё.

– Вот, как?! – вскинулись разом премьер и министр финансов (силовой блок пока помалкивал). – И что они ещё выкинули?!

– Пользуясь недавно принятым законом об ответственности поставщика за заполняемость ПХГ11, который мы не собирались выполнять из-за явной невыгоды для нас, так как хранилища должны быть заполнены к 1 сентября по летним – сниженным ценам, они просто позавчера явочным порядком национализировали принадлежащие «Промгаз-Германия» все хранилища на территории ФРГ. Вчера утром наших сотрудников, обслуживающих эти хранилища не допустили к своим рабочим местам. Уже вечером мы узнали о том, что их рабочие визы отозваны, и они должны покинуть Германию в течение трех суток. А сегодня утром – перед началом нашей с вами встречи мы получили известие от германского регулятора о полной национализации всех активов «Промгаз-Германия» на территории ФРГ. Берлин передал управление над «Промгаз-Германия» Федеральному сетевому агентству ФРГ – BNetzA. Вот такая ситуация сложилась к сегодняшнему утру, – констатировал Алексей Борисович, вжав голову в плечи на случай бурной реакции со стороны

хунты на это известие.

Но бурной реакции не последовало. После непродолжительной паузы, в тишине раздался голос молчавшего до сих пор Барышева:

– В принципе, этого и следовало ожидать. Наши противники, окрыленные низкими ценами на углеводороды сложившимися в результате спада промышленного производства, решили действовать в открытую и вполне себе осознанно объявили нам экономическую войну, а на войне, как известно, все методы хороши.

– Скажите, Алексей Борисович, – деловито поинтересовался Глазырев, – какое имущество ваших «дочек», по мимо офисной оргтехники, было национализировано?

– По состоянию на 1 октября сего года, 100% фирмы «Промгаз-Германия» владела наша головная компания «Промгаз», – начал обстоятельно докладывать Мюллер. – Эта «дочка» зарегистрирована в Берлине и является штаб-квартирой диверсифицированного конгломерата «Промгаз-Германия групп», в состав которого входит несколько десятков предприятий, работающих по всему миру – от Европы и Азии до Северной Америки. Структура «Промгаз-Германия» на данный момент представлена несколькими торговыми организациями, и, в частности, оператором трех хранилищ газа в Германии – «Реден», «Йемгум» и «Катарина», а также австрийским хранилищем «Хайдах». Кроме того, через эту структуры мы владели сетью

газовых заправок, как на территории самой Германии, так и на территории Австрии. Всего их насчитывалось порядка ста восьмидесяти штук. Также нам принадлежала доля активов в газораспределительных трубопроводах, включая магистральные.

– Какова приблизительная рыночная цена всего конфискованного имущества? – продолжал выпрашивать Глазырев, доставая из-под полы пиджака бухгалтерский калькулятор солидных размеров (и как он у него там уместился?).

– Точной цены не скажу, так как она постоянно меняется из-за конъюнктуры рынка, но могу утверждать с большой долей вероятности, что она составляет цифру не слишком сильно отличающуюся от тридцати миллиардов долларов, или если хотите, то двадцати восьми миллиардов евро, – произнес Мюллер и опять начал втягивать голову, ожидая эксцессов со стороны силовиков.

И опять его ожидания не оправдались. То ли до людей в погонах плохо доходил смысл переданной им информации, то ли они просто перестали удивляться чему бы то ни было, однако реакция с их стороны оказалась весьма вялой. Зато «гражданская» часть совещательного органа заметно оживилась. И вот уже калькуляторы появились в руках Новикова и Юрьева (последний был одет в костюм). Теперь в разговор вмешался министр энергетики:

– Какие шаги вы уже предприняли в связи с этим, и какие намереваетесь еще только предпринять?

– Сразу, как только мною была получена информация о конфискации, а иначе это никак и не назовешь, наших ПХГ, я отдал распоряжение прекратить закачивать туда газ, наряду со снижением давления в магистральных трубопроводах и на газоперекачивающих станциях. Для более решительных ответных мер мне необходима санкция со стороны Правительства, – сделал он кивок в сторону Юрьева, – и со стороны Высшего Военного Совета, – последовал кивок в сторону самого Афанасьева.

– А скажите, пожалуйста, каков портфель контрактов на поставку трубопроводного газа у вашей немецкой «дочки»? – продолжал допрашивать Новиков, хотя по его лицу и так было ясно, что он в курсе всех деталей этого вопроса.

– Большинство подписанных ранее контрактов истекают 1 января 2030 года. И их суммарная стоимость составляет, – тут Мюллер сморщил лоб, силясь припомнить окончательную цифру, – по первичным прикидкам что-то в районе одного триллиона долларов, исходя из «плавающего» в рамках договоренностей курса цены, корректируемого раз в три года.

– Ого! – невольно вырвалось у большинства из присутствующих генералов, которые с трудом для себя могли вообразить такую сумму в валюте «гегемона». При этом лица Новикова, Юрьева и Глазырева оставались почти беспристрастными, как у людей привыкших оперировать подобными цифрами.

– Это только с европейскими потребителями? – уточнил министр энергетики.

– Да, – кивнул газовик. – Но помимо европейских потребителей нашего газа имеется еще и ряд азиатских, так скажем, опосредованных. Там еще сумма порядка ста миллиардов.

– Поясните товарищам, что значит «опосредованные», – не отставал от него Новиков.

– Это значит, что помимо законтрактованных объемов, мы через «Промгаз-Германия» поставляли на внешний рынок дополнительные объемы, но оператором уже были не мы, а немецкий концерн «Uniper», который получал с этого свою маржу.

– Вы можете назвать наиболее значимых потребителей? – вцепился в Мюллера, как клещ Новиков.

– Италия, вернее южная её часть, так как мощностей Южного потока недостаточно для всеобъемлющего удовлетворения спроса, и Индия, – не замешкался тот с ответом.

– А, скажите-ка нам, – меж тем не унимался энергетик, – договора на поставку западноевропейским и иным потребителям были подписаны именно вашей «дочкой»?

– Верно, «дочкой», – согласился Мюллер. И я понимаю, куда вы клоните.

– И куда же? – вскинул брови Новиков.

– Вы хотите сказать, что после того, как нас выдворили из числа владельцев фирмы, то нам можно и не отвечать по ее

обязательствам?

– Да, именно это я и хочу сказать, – на лице Новикова заиграла блудливая улыбочка, как у кота, втайне от хозяев вылакавшего целый жбан сметаны.

– Если подходить к этому вопросу с формальной стороны, то с юридической точки зрения российскую головную компанию, возглавляемую мной, с экс-берлинской «дочкой» больше ничто не связывает. Вместе с тем контракты на поставку «голубого топлива» Германия подписывала не с «Промгазом», а с находящимся в Берлине, теперь уже бывшим подразделением концерна. С этого момента «Газпром» не обязан наполнять немецкие хранилища собственным топливом. Такая ответственность теперь возложена на контрагентов, с которыми будет необходимо договориться немецкому регулятору». В нынешних обстоятельствах даже можно предположить, что теперь уже бывшая наша «дочка» в течение нескольких недель будет обанкрочена, а затем попросту ликвидирована.

– Что-то вы как-то обтекаемо говорите об этом, – заметил Глазырев, с прищуром осматривая монополиста. – Вроде, как и согласны, а в душе по-прежнему сомневаетесь.

– Вот именно! – воскликнул Новиков. – Времени справиться с подобной задачей у немецких чиновников маловато. Наполнение внутренних газохранилищ ФРГ на 80%, как на том настаивают официальные представители Берлина, должно произойти до 1 ноября, а на дворе уже 10-е октября.

Осталось всего три недели. И по нашим сведениям хранилища заполнены лишь на 60%. И это, прошу заметить, только для минимального прохождения отопительного сезона. Про 100% я уже и вовсе молчу. Кто-то из новых немецких контрагентов будет обязан закупить необходимое количество сырья, причем биржевые котировки уже не должны волновать очередного поставщика. Даже если цены возрастут вдвое, экспортеру придется выполнить условия договора. Поставщик, скорее всего, не получит убыток – перекупщики топлива продолжают приобретать энергоресурсы на свободном рынке по любым ценам. Стоимость таких углеводородов может оказаться в несколько раз дороже, нежели трубопроводное сырье «Промгаза», только предъявить официальные претензии России уже никто не сможет. Европейцы давно пропагандировали переход к краткосрочным, спотовым закупкам топливных фьючерсов, поэтому в настоящее время наступают на собственные грабли, перекладывая дополнительные траты на плечи европейского населения. Я прав? – победно вскинул голову Новиков.

– Так и есть, – повел плечами докладчик. – Мне бы радоваться, что наши берлинские регуляторы не от большого ума совершили такую юридическую оплошность, но радость почему-то не приходит.

– Это почему же?! – чуть ли не хором воскликнули Юрьев, Глазырев и Новиков. – Или уставной капитал вашей «дочки» настолько велик, что вам тяжело будет с ним прощаться

в результате судебных разбирательств по возмещению убытков контрагентам? – высказал всеобщее удивление Минфин и Центробанк в одном лице.

– Да, нет, – опять пожал плечами Алексей Борисович, – уставной капитал вполне себе стандартный по меркам Германии и составляет где-то полтора миллиона евро. В общем-то, семечки. Дело тут в другом...

– Говорите! – гаркнул Афанасьев. – Что вы в самом-то деле тянете кота за хвост?

– Всё дело в репутационных издержках, – тяжело вздохнул Алексей Борисович. – Большие деньки, так же как и большие контракты, любят тишину и очень нервно реагируют на шумиху возникающую вокруг объекта инвестиционных вложений. Мало в мире найдется людей, которые что-либо знают о существовании фирмы с обособленным капиталом под названием «Промгаз-Германия». Зато все знают о существовании концерна «Промгаз». И мало кого интересует вопрос, отвечает «Промгаз» по обязательствам своей «дочки» или нет. Каждый суд с прямым участием в нем «Промгаза», либо с косвенным, никак не улучшает имидж нашего концерна в глазах мирового рынка.

– А вот это вы зря сейчас упомянули про имидж и судебные тяжбы, – нехорошо прищурился премьер-министр, он же Министр обороны. – Это ваши юристы – дети ваших же топ-менеджеров насоставляли договора с Украиной и Польшей так, что пришлось расплачиваться миллиардами недо-

полученной прибыли. Государственной прибыли! Не забывайте, что вы сам по себе – никто! Вы руководите государственным концерном! – повысил на него голос Юрьев. – И с вас никто не снимал ответственности за эти судебные тяжбы, к тому же проигранные! Ни кто иной, как, вы лично, были инициатором продления договоров в 2015-м году, но уже на условиях навязанных польской и украинской сторонами. И в этом году вы подписали с Украиной договор о транзите газа на крайне невыгодных для России условиях! Нам теперь, по вашей милости, расхлебывать это дерьмо до конца 2024 года!

– Вы сами прекрасно знаете, кто заставил меня подписать эти соглашения во имя умиротворения профашистского режима в Киеве! – огрызнулся Мюллер. – К тому же я не отвечаю за политическую ангажированность Стокгольмского Арбитража с его околоправовыми оговорками!

– А где в таком случае ваши возражения на данный счет?! – опять ощерился Юрьев. – Это вы тут перед нами бравируете своей храбростью! А что же вы молчали при прошлом правительстве?!

– Ладно, Борис Иванович, не ершишь, – неожиданно пришел на помощь Мюллеру сам диктатор. – А вы, Алексей Борисович, тоже хороши, – кивнул он в сторону «промгазовца», – вместо того, чтобы внести конструктивизм решили посеять панику в наши ряды. Как вы видите эту проблему и ее перспективы развития? Какие у вас имеются предложения

по поводу её купирования?

Прежде чем что-то ответить Алексей Борисович поворочался в своем креслице, как бы ища подходящую точку опоры. Наконец, умастившись в нем с наибольшим комфортом, начал говорить не торопясь, обдумывая тщательно каждое свое слово:

– Несмотря на всю свою агрессивную риторику, направленную в наш адрес со стороны немецких коллег и угрозы прекратить закупать газ по окончании контракта, полностью отказываться от наших энергоресурсов немцы не собираются. Тем более, что грозная риторика исходит из политических кругов, а не деловых. Как полагают эксперты, и я с ними вполне согласен, Берлин рассчитывает переструктурировать свои торговые отношения с Москвой, чтобы не подвергать давно налаженное партнерство судебному преследованию. Наши эксперты считают, что не все так драматично и речь пока идет о другом – обе стороны пытаются найти пути по сохранению существующей торговой конструкции в новых геополитических условиях. Министр иностранных дел ФРГ Хайко Маас, хотя и обращает внимание на очередной виток обострения отношения с Москвой, одновременно выступает против введения эмбарго на поставки российского газа. Как полагают многие зарубежные и отечественные аналитики, возможно, большая часть изменений, происходящих на европейском энергетическом рынке, является звеньями одной цепи. «Промгаз» отказывается от своих торговых «до-

чек», а Германия берет эти структуры под свое крыло, смягчая санкционные требования по поставкам углеводов из России. Поэтому не исключено, что в политическое противостояние нашей страны с Германией постепенно начинают вмешиваться коммерческие организации, заинтересованные в сохранении деловых отношений с «Промгазом», приобретение топлива у которого не только позволяет сэкономить, но и приносит ощутимую прибыль. Европейские бизнесмены осознают целесообразность нынешней, возможно даже опосредованной, торговли энергоресурсами с Россией и пытаются создать каналы, по которым можно продолжить сотрудничество без опасения судебных исков. Это пока единственный путь для стран ЕС, и для ФРГ в том числе, дающий надежду на предупреждение топливного кризиса в будущий отопительный сезон.

– Вот, ей-Богу, Алексей Борисович, никак я вас не пойму! – вскинулся на него Борис Иванович. – Вы мне порой напоминаете одного литературного персонажа жену, которого душили при нем, а он стоял возле, и уговаривал её немного потерпеть в надежде, что всё обойдется.

– Да, действительно, – подхватил мысль премьера Министр финансов, – что-то я не понимаю вашей логики. Вы нас всех созвали экстренным образом, мы бросили все свои дела и примчались на ваши истошные завывания, а в итоге вы призываете переждать смутные времена, мол, рыночные отношения возьмут свое и ситуация устаканится. К чему то-

гда было весь этот огород городить?

– Я обязан был уведомить высший государственный орган управления о грядущей опасности исходящей извне, чтобы потом не тянуть лямку персональной ответственности за возможный неблагоприятный исход, – угрюмо парировал «наезд» на себя Мюллер, втайне уже пожалевший, что начал ворошить гнездо со злобными шершнями, окружавшими его сейчас.

– Ну, положим, предупредили, – глубокомысленно начал Афанасьев, – мы вас внимательно выслушали и приняли к сведению полученную информацию, а дальше, что? Каков ваш дальнейший план действий? Вот ведь чего мы от вас добиваемся и никак добиться не можем. Или у вас нет никаких предложений по противодействию недружественным акциям против государства и его коммерческих интересов?

– Я уже говорил, что мы прекратили заполнять газом отнятые у нас газохранилища и понизили давление в трубе на 30% от заявленных мощностей. Теперь нам остается только дожидаться официальной реакции на наши закономерные действия. Более радикальные шаги с нашей стороны могут повлечь за собой крайне негативные последствия. Впрочем, эти негативные последствия и так не заставят себя долго ждать после предпринятых нами контрмер, – поежился Мюллер в кресле. – Мы пятьдесят лет с потом и кровью зарабатывали свою безупречную репутацию надежного поставщика на мировой рынок, а потерять её можем в одночасье.

Поэтому решать дальнейшую судьбу нашего концерна, как одного из основных предприятий, приносящих прибыль государству, предоставляется вам, а я всего лишь нанятый вами управляющий, – тихо проговорил он, обращаясь ко всем сидящим и в то же время как бы в мировое пространство.

– Кстати, – встрепенулся, будто политый «живой» водой, молчавший до сих пор главный военный разведчик, – а как тогда быть с «Северными потоками»?

– Укладка обоих ниток пока прекращена на неопределенное время из-за позиции Дании, через территориальные воды которой они должны пролегать. Вроде, как «зеленые» подняли шум по поводу сохранности ареала обитания местных мышей, обитающих на острове Борнхольм, – поспешил с ответом Мюллер.

– Вы это серьезно про мышей? – выгнул бровь адмирал.

– Абсолютно, – кивнул тот. – Наши партнеры ищут любую зацепку, чтобы, как минимум, притормозить прокладку, а как максимум, то заморозить на неопределенный срок.

– Ну, что, – встрял Глазырев, хитренько прищуриваясь, как дедушка Ленин, – тогда, пожалуй, нам придется пойти навстречу бедным мышкам и самим прекратить дальнейшее строительство газопровода.

– Почему?! – чуть не хором воскликнули все и разом уставились на министра-банкира.

– Потому что неизвестно, чем вся эта чехарда закончится. И не возникнет ли у наших, так называемых партнеров

соблазн арестовать нашу трубу? Международное право, как вы только что сами убедились, не стоит той бумаги, на которой начертаны его принципы. Пора переходить от обороны к активным действиям, иначе мы никогда не выиграем эту битву.

– Вы полагаете, что этих мер будет достаточно, чтобы взорвать наших неадекватных партнеров? – сморщил лицо в приступе скептицизма Дмитрий Аркадьевич, обращаясь к Глазыреву.

– На данном этапе, да, – деловито подтвердил он. – Возможно, конечно, и покруче завинтить гайки, но пока и этого будет предостаточно.

– Я, пожалуй, соглашусь с мнением Сергея Юрьевича, – внес диктатор свою лепту в разговор. – А вы, Алексей Борисыч, как полагаете?

– А что прикажете делать? – развел руками Алексей Борисович. – Я, как Председатель Правления действую исходя из прописанных в Уставе своих полномочий по оперативному управлению. Иные действия уже выходят за рамки моей компетенции. Увы.

– Экий же ты скользкий угорь, Алексей Борисович, – ощерился Афанасьев. – Так и хочется переименовать тебя из Мюллеров в Кацманы. – Ну, раз говоришь, что это выше твоих полномочий, то тогда пусть решает тот, у кого на руках больше карт.

Все разом повернули головы в сторону Юрьева, как пред-

ставителя Правительства, державшего контрольный пакет акций концерна. Взгляды скрестились на Борисе Ивановиче, будто шпаги мушкетеров над головой молодого д'Артаньяна, проверяя его на крепость духа.

– Хмм, – откашлялся пожилой неофит, уже заслуживший, как плащ мушкетера, так и репутацию ястреба. – Я понимаю, почему все смотрят именно в мою сторону. Правительство через свою структуру «Росимущество» имеет в своем портфеле пакет акций, соответствующий 50% акций «Промгаза» плюс одна акция, то есть имеющее решающий голос при возможном голосовании. Все ждут моего решения. Признаться честно, я давно не находился в таком неудобном, а тем более двояком состоянии. Как Председатель Совмина я должен действовать сугубо осторожно, дабы неловкими и скоропалительными решениями не навредить и без того чахлой экономике государства, на которую проблемы сыплются, как из Рога Изобилия. Любое неловкое движение может вызвать обвал на фондовом рынке. И это приходится учитывать постоянно, при принятии каких бы то ни было действий. Но с другой стороны, я являюсь еще и Министром обороны, что тоже накладывает определенный отпечаток. А как Министр обороны, я, хоть и гражданский человек, прекрасно понимаю, что ни одна война не выигралась за счет только оборонительных действий. Они хороши только на начальном этапе ведения войны, чтобы измотав противника, затем перейти в решительное наступление. Мы уже достаточно претер-

пели от наших так называемых «партнеров». Все наши миролюбивые шаги им навстречу расцениваются не иначе, как наша слабость. Вот и сейчас опьяненные вседозволенностью от безнаказанности они уже даже не пытаются как-то накинуть вуаль приличия на свои разбойные поступки, а откровенно занимаются грабежом наших активов, вполне обоснованно полагая, что им за это ничего не прилетит в ответ. К сожалению, мы сами приучили их к этому за три десятка лет. Единственным средством, которое может отрезвить распоясавшихся «партнеров» является встречный ошеломляющий удар прямо в лоб – без предупреждений и политесов. Поэтому я выступаю за самые решительные действия в отношении разбойников, вплоть до полномасштабной экономической войны без всяких правил. И, да, я тоже считаю, что вопрос прокладки «Северных потоков» пока не является актуальным. Я бы даже демонстративно вернул в гавань и «Академика Черского», и «Фортуна», – подвел он итог, попутно оглядев собравшихся.

Силовики, включая самого диктатора, никак не отреагировали на пафосную речь оборонного премьер-министра. Даже позы не переменили, застыв в позах восковых фигур музея мадам Тюссо. А вот Новиков заворочался в своем кресле, как будто ему вдруг стало в нем тесновато.

– Хватит ли у нас порохи сейчас ввязываться в глобальное экономическое противостояние с коллективным Западом? – высказался, побряхтывая Новиков, никогда не рубив-

ший плеча.

– Не могу утверждать это с полной уверенностью, – откровенно признался Юрьев. – Но зато я знаю, что наш противник, сам находится в плачевном состоянии. И уж точно не готов к длительному противостоянию. Смотрите сами: промышленность, вследствие пандемии находится в коматозном состоянии, население – в панике, которая и не думает утихать. Запасы углеводородов самые минимальные за всю историю, так как закупленные летом по дешевке уже подъели народстях, а новых порций дармового сырья не наблюдается из-за того, что напуганные собственной щедростью арабы прикрутили вентиль. До отопительного сезона – три недели, а у самой «благополучной» в этом плане страны, я имею в виду ФРГ, в хранилищах всего 60% от требуемых объемов. У других-то гораздо хуже. Все газовозы сейчас переориентированы на рынки Юго-Востока, торопясь сбавить контрактрованный сжиженный газ до начала штормового сезона в Индийском и Тихом океанах. Так что терминалы СПГ в Испании еще долго будут в простое, а больше терминалов-то, по сути, и нет. Немцы только еще грозятся построить их, но сами понимаете, это дело не быстрое. Норвегия работает на пределе своих возможностей, оттого у них морские газоперекачивающие станции и выходят из строя с завидной регулярностью. Голландия нарастить добычу не в состоянии чисто физически, потому, как их и так потрясуха взяла на месторождении Гронинген. В Ливии на всю катушку

ку разворачивается гражданская война, так что о поставках оттуда можно смело забыть на ближайшие годы. Алжир ву- смерть разругался с Францией и Италией – основными своими потребителями из-за их поддержки марокканского режима. Америка на помощь не придет, несмотря на всё бахвальство Трампа и его предшественника залить Европу дешевым сланцевым газом. Из-за падения цен на газ все сланцевые месторождения оказались нерентабельными и половина уже обанкротилась. К тому же сланцевый газ по своим химическим характеристикам не идет ни в какое сравнение с нашим природным. Вот, собственно, и всё. Мы на данный момент со своими Балтийскими, Украинскими, Белорусскими и Турецкими «потоками» являемся абсолютными монополистами не европейском пространстве. У кого имеются основания возразить мне?

Все молчали. Военные молчали, потому что были не слишком компетентны в той области, где ничего не летает и не взрывается. А гражданские молчали, потому что слишком хорошо прочувствовали убийственную аргументацию из уст премьер-министра. Борис Иванович еще раз окинул победным взглядом собравшихся, и откинулся на спинку, принимая барственный вид. Где-то с полминуты в комнате стояла почти гробовая тишина, нарушаемая только сопением немолодых уже носов. Наконец, сам Афанасьев решился нарушить молчание:

– Ваш напор и аргументация наших плюсов и минусов

наших врагов мы по достоинству оцениваем, однако же, вы ограничились только констатацией фактов. А рецепта, как нам действовать в сложившейся обстановке не дали. У вас самого какие имеются конкретные предложения по поводу нашего ответа на недружеское поведение со стороны Запада? Наверняка, вы уже продумали всю возможную палитру наших шагов в этом направлении.

Афанасьеву чертовски нравился этот человек, так хорошо вписавшийся в круг его единомышленников. Он уже всерьез начинал рассматривать его кандидатуру в качестве своего возможного приемника на диктаторском поприще. И если бы он сам почувствовал в себе слабинку телесную, либо душевную, то, не задумываясь, предложил бы именно Юрьеву продолжить начатое им дело. Борис Иванович вновь принял строго вертикальное положение тела и сложив на столе два своих кулака, напоминающие небольшие футбольные мячи, начал не торопясь излагать меры, которые по его разумению могли бы привести в чувство любого зарвавшегося хулигана.

– Готового плана у меня, как такового нет, ибо я, как и все присутствующие все же надеялся на то, что остатки разума или чувство самосохранения не позволят бабушке Меркель потерять голову. Она хоть и потягивала время от времени в нашу сторону, однако же Рубикон взаимоотношений переходить не рисковала. Поэтому у меня на сей счет только два предположения. Первое – она окончательно сбрендилла на почве неумной любви к спиртным напиткам, что мне

кажется весьма очевидным. И второе – она поет по нотам, подsunутым ей кем-то, кто имеет на нее абсолютное влияние. Второе предположение является наиболее реалистичным, учитывая, какая гора компромата была собрана на нее коллегами из Белого дома.

– Борис Иванович, дорогой, не тяни осла за яйца, – поморщился Афанасьев от вступительного слова премьера. – Нельзя ли ближе к телу и делу? Время поджигает, а мне еще с Патриархом надобно успеть до вечера разобраться, – пошутил он.

– Ну не могу я без преамбулы, честное слово, – почти взмолился Юрьев. – Лекторская привычка.

– Ладно, – отмахнулся Валерий Васильевич, – только покороче.

– Постараюсь, – буркнул в ответ Министр обороны, поправляя на носу очки, которые зачем-то успел надеть. – Итак, продолжаю. Ясно, что канцлерина выполнила то, что ей приказали выполнить её настоящие хозяева. Но мы сейчас не имеем возможности наказать хозяев. Силенок пока маловато, да и экономических связей, которыми мы могли бы повлиять на них недостаточно. Но за невозможностью отомстить хозяину, мы можем высечь на конюшне его холопа. Как говорил покойный ныне президент Бутин: «Если драка неизбежна, то надо бить первым». Первый удар мы, к сожалению, пропустили сами. Надо отвечать. Алексей Борисыч, напомните-ка мне какова совокупная доля «Рургаза» в ва-

шем концерне?

– Как известно, «Рургаз» напрямую владеет около 3,5% акций "Промгаза". Остальные 3% принадлежат совместному предприятию "Геросгаз", 51% акций которого находится у "Газэкспорта", 49% – у «Рургаз». Совместное предприятие приобретает для немецкой компании акции "Промгаза" на внутреннем рынке, где они стоят почти вдвое дешевле, чем на внешнем. Итого, можно считать, что «Рургаз» в совокупности имеет долю соответствующую примерно 5,2%, – обстоятельно доложил Мюллер, всей кожей чувствуя, куда клонит премьер.

– Понятно, – кивнул Юрьев. – Дивиденды по акциям вы, конечно, уже успели выплатить?

– Мы всегда аккуратно выплачиваем дивиденды своим акционерам, – гордо вскинул голову Гендиректор и Председатель правления.

– И какова приблизительно сумма выплаченных дивидендов немецким «партнерам»? – продолжил допрос Юрьев.

– Точной цифры не скажу, но что-то около одного миллиарда двухсот миллионов долларов, – ответил Мюллер, почесывая нос в задумчивости.

– В таком случае, можете уведомить своих германских коллег, что следующей порции дивидендов им не видать, как своих ушей, – подытожил свой опросник Юрьев. – То же самое касается и миноритарных владельцев акций, связанных

с Германией, а такие, тоже, наверняка, найдутся.

– Вы заставляете меня нарушить не только договорные обязательства и мировое право, но еще и российской хозяйственной законодательство? – округлил глаза Мюллер.

– Если вы боитесь так уж сильно нарушить российское законодательство, – на лице Юрьева проскользнула ехидная улыбочка, – то, извольте, мы в Правительстве, пойдем вам навстречу и проведем это решение специальным постановлением.

– Вы, Борис Иванович, – повернулся всем корпусом к премьеру Мюллер, чтобы посмотреть ему прямо в глаза, – хотите, чтобы по вашей милости мы лишились не только репутации, наработанной за многие десятилетия, но и получили в ответ кучу многомиллиардных исков?!

– По моей милости?! – взвился Министр обороны. – Думайте, прежде чем ляпать такое вслух! Вы сначала отчитайтесь за прежние свои провалы с поляками и украинцами! Это вон весь наш Президиум не в курсе, а я-то присутствовал на том заседании расширенной правительственной коллегии, где вас предупреждали не соглашаться на условия австрийских посредников при заключении нового транзитного договора в декабре прошлого года!

– Чтоотреагируем мы, что неотреагируем, но исков, в любом случае, не избежать, когда те же самые индийские потребители начнут требовать с Германии выполнения контрактных обязательств. И тогда немцам придется закупать газ у

сторонних продавцов по завышенной цене, чтобы не попасть на еще более крупные деньги. Поэтому немцы попытаются переложить на нас свою ответственность, – глубокомысленно вставил свои пять копеек Глазырев.

– Ко всему прочему, суд – дело небыстрое. Пока иск примут, пока дадут время представить свои аргументы в Арбитраж, пока решат процедурные вопросы, времени-то ой-ой! сколько улетит, – мечтательно произнес министр энергетики. – Года два, не меньше. А там еще не известно, что будет. И будет ли вообще, Германия существовать к тому времени?

Афанасьев с интересом посмотрел на Новикова, подозревая, что он хоть краем уха, но как-то осведомлен о последних военных разработках.

– Да она и сейчас не существует, – подал голос Барышев, который всегда старался помалкивать на совещаниях, где присутствуют посторонние с его точки зрения.

– Вы, Алексей Борисыч, тут взялись критиковать нашего товарища, – влез в перепалку Рудов (куда же без него?), – а сами никакой конкретики не предложили.

– Я предлагал действовать в общепринятом правовом русле! – огрызнулся Мюллер.

– Это как?! – хором и не сговариваясь спросили члены Президиума.

– Обжаловать действия германского регулятора в судебной инстанции... – начал было он, но его тут же перебили гневные выкрики с мест.

– Обжаловать действия грабителя?! А тем временем, продолжать исполнять контрактные обязательства?! Вы с ума сошли?!

Черту под суматошными выкриками, как всегда, подвел Тучков:

– А не посланный ли ты казачок, Алексей Борисыч? Ты ведь у нас не проходил еще через полиграф?– с нехорошим прищуром воззрился на газовика Малюта. От пронизывающего насквозь взгляда жандарма, холодный пот побежал по спине Мюллера. Он только сейчас начал понимать, что попал в самый центр волчьего логова, попасть в которое можно запросто, а вот выбраться целым – навряд ли. В правой глазнице Тучкова светилась Колыма, а в левой – Нерчинск.

– С вами пока все ясно, Алексей Борисович. Но к этому вопросу мы с вами вернемся чуть позже, – зловеще поддержал Тучкова диктатор. – А сейчас вернемся к вам, Борис Иванович. У вас есть, что добавить к сказанному? Или вы считаете, что данная мера против акционеров будет достаточна для вразумления нахальных швабов?

– Нет, – помотал головой Юрьев, все еще пышущий жаром от нанесенной обиды. – Никак не достаточно. Если уж бить, то со всего маха, чтобы они копыта задрали, а другие задумались: стоит ли заниматься грабежом на дороге, имеющей двустороннее движение?

– Тогда продолжайте, – удовлетворенно кивнул Афанасьев. – Мы вас внимательно слушаем.

– «Вы хотите песен – их есть у меня»¹² – процитировал Борис Иванович фразу из одного подзабытого фильма. – Я специально не готовился к этой встрече, меня уведомили о ней только вчера вечером, поэтому извините, что я без подробностей и цифр на руках. Не секрет, что дело идет к полноценной войне, в конце которой, не исключено, что будет применено ядерное оружие. Ни нам, ни Западу отступить некуда. Им некуда, потому что «кормовая» база резко трансформировалась в сторону скукоживания. Ресурсов катастрофически не хватает, а жить на широкую ногу они уже привыкли. Все, что они получили в результате развала СССР, они уже подъели. Хватило на три десятка лет безбедной жизни. Дальше – неизбежный и катастрофический спад в экономике, а следовательно и падение уровня жизни, за которым тут же последуют всплеск народного недовольства и гражданская война, как за перераспределение остатков ресурсов, так и за физическое сокращение едоков. А это значит, что волна грабежей наших зарубежных активов будет только нарастать. И чихали они с третьей полки на законность и священность неприкосновенности частной собственности. Нам тоже отступать некуда, потому как цена вопроса для нас означает жизнь или смерть, в прямом смысле слова. Наши западные партнеры – прямые наследники Гитлера, и они не станут заморачиваться вопросами «твари они дрожащие или право имеют»¹³. Они пойдут до конца и не отступят, пока не поймут, что шансов одолеть нас не имеет-

ся. Или пока не убедятся, что сами находятся на краю гибели. Тут даже козе понятно, что присвоение активов «Промгаз-Германия» – это всего лишь пробный шар по тотальному изъятию нашей собственности. Это говорит о том, что они в дальнейшем не планируют мирного сосуществования с нами. Война все спишет. С активами нашего Центробанка у них в целом ничего не получилось благодаря дьявольской изворотливости нашего Сергея Юрьевича, – кивнул он в сторону Глазырева и тот в смущении потупил свои хитрые глазки. – А то, что им все-таки досталось – сущие крохи, где-то, примерно сорок миллиардов «зелени», которые нам не удалось вытащить. Теперь они думают и гадают, какую юридическую базу подвести под этот акт экспроприации, чтобы окончательно не выглядеть разбойниками в глазах мирового сообщества. Видя, что с нашим государством ничего путного не получилось, они решили перенести центр тяжести на частный бизнес. И если мы им сейчас не ответим должным образом, то это даст сигнал к повсеместному грабежу активов наших компаний.

– Позвольте, я вас перебыю, – неожиданно перебил премьера Глазырев и, не дожидаясь разрешения продолжил. – Я бы не взял на себя смелость утверждать, что зарубежные активы, числящиеся за нашими юридическими лицами, действительно таковыми считаются. Подавляющее число из них составляют активы, так называемых совместных предприятий, зарегистрированных в офшорных зонах, а следователь-

но государство никакой выгоды с них не получало в виде налоговых платежей и прочих отчислений. Вся маржа в виде прибыли оседала на заграничных счетах наших олигархов. Так что, если они и будут изъяты, то государство ничего не потеряет. В проигрыше будут только наши толстосумы.

– А вот тут уже вы сами не правы, уважаемый Сергей Юрьевич, – в свою очередь перебил его громкий голос Тучкова. – Изъятие счетов и активов наших олигархов даст благодатную почву для их шантажа со стороны зарубежных спецслужб. Угрожая им изъятием, они, тем самым, будут подталкивать их к шагам, наносящим вред интересам России. В надежде уберечь свои зарубежные «схоронки», олигархи пойдут на любые предательства и акты саботажа.

– Тогда уж и вы позвольте узнать, за каким таким бесом мы содержим вашу службу? – сердито зыркнул в сторону жандарма диктатор. – Вам, насколько я помню, даны широчайшие возможности и полномочия в деле борьбы с проявлениями вредительства и саботажа в соответствии с законом о введении режима чрезвычайного положения, который все еще не отменен, и кажется, судя по последним событиям, не будет отменен в обозримом будущем. Боритесь, расстреливайте на месте вредителей и саботажников, устраивайте акты устрашения предателей Родины за рубежом. Вам все карты в руки, – процедил он сквозь зубы, и тут же повернув голову к Сергею Юрьевичу добавил. – А ваша ремарка насчет принадлежности нам зарубежных активов была весьма кстати,

а то у нас есть особо пугливые люди в лице Алексея Борисыча, которые переживают за сохранность народного достоинства за рубежом. А вы Борис Иванович продолжайте-продолжайте, – обратился он уже к Юрьеву.

– Хорошо, – кивнул тот слегка раздраженно из-за того, что все время приходится прерывать начатую мысль. – Так вот, чтобы не растекаться мыслью по древу, я предлагаю на примере Германии осуществить показательную порку, дабы показать всему западному сообществу серьезность наших намерений. Поэтому я предлагаю, во-первых, незамедлительно прекратить поставку всех без исключения ресурсов, прекратить строительство «Северного потока-2», тем более, что Дания всячески тормозит с выдачей разрешения на прокладку труб в её экономической зоне. Во-вторых, «заморозить» работу всех филиалов немецких банков на нашей территории, а то они слишком вольготно стали себя чувствовать в последнее время и попутно освободить от уплаты кредитов им всех наших юридических и физических лиц. В-третьих, арестовать все немецкие активы на территории России, делая, прежде всего, упор на стратегические отрасли. Александр Валентинович, – обратился он к Новикову, – подкажи, любезный, чем там немцы располагают у нас хотя бы в энергетической сфере?

– Крупнейшим иностранным держателем акций наших энергетических компаний является германский концерн «Uniper», – без запинки ответил министр энергетики. –

«Uniper» контролирует 88% акций компании «Юнипро», которой принадлежат пять тепловых электростанций в России: Сургутская ГРЭС-2, Березовская ГРЭС, Шатурская ГРЭС, Смоленская ГРЭС и Яйвинская ГРЭС. В компании работает более 4 тысяч человек. Выручка «Юнипро» в 2019 году выросла на 20%, до 106 миллиардов рублей, а чистая прибыль – в 2,6 раза, до 22 миллиардов, которая и уплыла к зарубежным акционерам, – протарабанил энергетик, как по писаному.

– Вот-вот, – поднял кверху указательный перст Юрьев в назидательном порыве. – И это только по одной отрасли. – А там еще полно всякой шелупони – от «Сименса» до «Мерседеса». Короче, я предлагаю изъять все германские активы из нашей экономики. Тем более, что после скандала с поставкой «сименсовских» турбин в Крым у нас есть для этого все основания – покушение на подрыв стратегической безопасности государства.

– А вы представляете, что последует за этим? – очнулся Мюллер.

– А что последует? – сделал удивленное лицо Председатель Центробанка.

– Все инвесторы сбегут в одночасье, вот что последует! И этот вал невозможно будет остановить никакими призывами и соблазнами! На многие десятилетия! – едва не сорвался на крик Алексей Борисович.

– И как вы себе представляете это массовое бегство? –

ехидно прищурился Глазырев, почувствовавший, как крылья начинают распахиваться на его спине, ведь на глазах сбывалась его мечта о суверенизации экономики.

– Они изымут свои финансовые вложения, потребуют досрочного возврата кредитов, продадут свои предприятия! И тогда уже наступит коллапс нашей экономики.

– Не болтайте ерундой, как говорят одесситы, – отмахнулся от пафосных восклицаний Сергей Юрьевич. – Это на словах сделать просто, а в реале – задача архисложная. Вы, Алексей Борисович, не в обиду будет вам сказано, очень поверхностно знакомы с изменениями в нашем законодательстве, что, на мой взгляд, довольно-таки халатно, учитывая ваше положение и занимаемый пост. Но я готов просветить вас текущую обстановку. Перечисляю по порядку возражения на ваши аргументы. Изъять финансовые вложения никак не получится из-за ограничений на вывод капиталов, оформленных Постановлением Правительства от 1-го августа текущего года за номером 164, если мне не изменяет память. Требование о досрочном возврате кредитов, выданных нашим предприятиям теоретически возможно, но практически малореализуемо, так как это оформляется на основании судебного арбитражного решения, для которого нужно веское основание, а именно – нарушение договорных обязательств, кредитуемой стороной. А, насколько мне известно, наши юрлица не имеют нареканий с этой стороны.

– После Стокгольмских арбитражей вы уверены в беспри-

страстности европейской юстиции? – саркастически улыбнулся Мюллер, желая подначить министра и банкира в одном лице, но на того эта реплика никак не повлияла и тот уверенно продолжил.

– Естественно не уверен, – ухмыльнулся Глазырев, – но наши коллеги из ЕС и США существенно облегчили для нас эту задачу, отключив наши банки от SWIFT и запретив нашим банкам трансграничные операции с долларом. Наши предприятия, с согласия кредиторов пока осуществляют текущие платежи через оставшиеся в России иностранные банки, но учитывая с какой скоростью за бугром штампуют санкции, я не исключаю, что все западные банки уйдут с нашего рынка до конца текущего года. И тогда, вообще, наступят форс-мажорные обстоятельства, которые даже самый ангажированный суд на свете не сможет игнорировать. И я, признаться, с нетерпением жду наступление этого сладостного момента. Что же касается угрозы продать свои доли в наших предприятиях, то я опять же отошлю вас к тому самому Постановлению Правительства, которое запрещает продавать и передавать в доверительное управление свои паи без специального и строго индивидуального разрешения Кабинета Министров Российской Федерации.

– У нас как на «зоне», – зло хохотнул Тучков, – «вход – рупь, а выход – два».

– Ну, коли так, – решил подвести черту под диспутом Афанасьев, – то я предлагаю поручить Борису Иванычу тща-

тельно проработать этот вопрос и составить с помощью Росимущества полный перечень юридических лиц в капиталах которых имеется германское присутствие и конфисковать все имеющиеся отношение к нему активы в пользу государства. То же самое касается облигаций, купонных выплат фондов и прочего. Недели вам хватит, чтобы подбить все бабки?

Юрьев и Глазырев переглянулись на миг, а затем дружно кивнули головами, как близнецы-братья.

– А вам, Александр Валентинович, я поручаю довести информацию, полученную на сегодняшнем заседании до руководства «Росойла», дабы до конца недели он перекрыл краны на своих нефтепроводах, ведущих в ту же самую Германию.

– Батяка будет недоволен, – почесал в затылке Новиков.

– С Александром Григорьевичем я обговорю этот момент лично. Думаю, что он останется довольным. А заодно упрошу его прекратить реэкспорт. Что поделать? – развел руками Афанасьев. – Придется раскошелиться, чтобы ублажить союзника. Ну, да ладно, попробую его заинтересовать чем-нибудь вкусеньким.

Затем Валерий Васильевич медленно перевел взгляд на ерзавшего в кресле Мюллера и обратился уже к нему тоном, не внушающим оптимизма:

– Алексей Борисович, вам ясна диспозиция высшего руководящего органа? До конца недели, а лучше всего с зав-

трашнего утра все вентили на наших газоперекачивающих станциях, обслуживающих подачу газа в Германию, должны быть перекрыты полностью. И это императив.

– Как скажете, – глухо ответил Мюллер, уставившись в столешницу, – я всего лишь нанятый государством управленец, подчиняющийся приказам свыше. Но только и вы потом не делайте удивленное лицо, когда доходы от экспорта и так невеликие из-за падения цен, упадут еще, причем, кратно. А это напрямую скажется на бюджете государства, даже если поднять тарифы для внутренних потребителей.

– Э-э-э, нет, разлюбезный ты наш Алексей Борисович, – вдруг зло ощерился диктатор, – ты уж расстарайся, чтобы это никак на доходной части бюджета это не сказалось. И уж тем более не поднимались тарифы.

– Выше головы не прыгнешь и из одной шкуры две шубы не сошьешь, – угрюмо констатировал представитель сырьевого экспорта.

– Ну, почему же? – изобразил на лице искренне удивление Валерий Васильевич. – Изволь изыскивать дополнительные резервы внутри компании. Оптимизируй производство и управление, улучшай логистику, в конце-то концов, избавляйся от непрофильных активов. Что я тут тебе политграмоту читаю? Ты и сам все прекрасно понимаешь.

– Что вы имеете в виду под термином «непрофильные активы»? Детские сады и спортивные школы?

– Ты мне тут Ваньку не валяй! – погрозил пальцем Афа-

насев, начиная злиться не на шутку. – Всё-то ты понимаешь. Тут дело не в садах и спортивных школах. Знаю я, сколько миллионов вы там у себя тратите на содержание антигосударственных вещательных каналов, типа «Дождя» и «Эха Москвы». Тебя ведь предупреждали на прошлом заседании расширенной коллегии Правительства с представителями деловых кругов? Предупреждали! Я сам читал стенограмму совещания. Ты не понял. Значит, придется повторить, коли ты у нас в танке сидишь и ничегошеньки не слышишь. Или не желаешь слышать?! – повысил голос диктатор.

– Условие по финансированию легальных оппозиционных массмедиа прописано было в договоренностях по инвестициям, – хмуро ответил Мюллер. Мы не имеем права нарушать договорные обязательства.

– Опять ерунду изволили ляпнуть, господин Мюллер, – проскрипел боевыми жвалами жандарм и слово «господин» из его уст прозвучало особенно зловеще. – Как юрист-международник, я со всей ответственностью заявляю, что действие этого пункта в договоре, если таковой имеется, юридически ничтожно, потому как коммерческие договора не подразумевают политическую составляющую. И я удивляюсь, почему при всем громадном штате юристов никто из них не удосужился просветить вас по данному вопросу.

– Вот и хорошо, – подхватил Афанасьев, – что у нас имеется такой умный человек, как Николай Палыч! А раз эти условия вам были навязаны, так и нечего переживать по по-

воду их несоблюдения. Тем более, вторая сторона прекратила выполнение своих обязательств по инвестициям. Значит, ваше финансовое бремя существенно облегчится. Сейчас мы вам еще поможем, – плотоядно улыбнулся диктатор и подмигнул проклинаящему всё и вся Мюллеру. – Давайте-ка, колитесь, кого вы там спонсируете за рубежами Отчизны? Только честно, как на духу. Все равно ведь проверим.

– Всего несколько европейских футбольных клубов, – проблеял несчастный агнец, волею судьбы брошенный в пасть к волкам.

– Название и сумма, потраченная за год, – насел на него Афанасьев, а Юрьев и Глазырев, как по команде вновь достали калькуляторы.

Алексей Борисович тяжело вздохнул, как приговоренный, ступивший на помост эшафота и, закатив к потолку свои белесые остзейские глаза начал медленно перечислять, уже не надеясь на благополучный исход для себя:

– Из наших – только «Зенит». Ему даем сорок пять миллионов долларов. Из заграничных: «Црвену Звезду» – три миллиона евро, «Шальке 04» – восемьдесят миллионов евро, «Челси» – сто десять миллионов евро. Вот, пожалуй, и всё, – тихо произнес он и скромно опустил свои глазки к столешнице.

– Ой, ли?! – не поверил Тучков, барабаня пальцами по столу, как конь копытами. – Про эти команды знаем и так. «Российский спорт» мы и без вас иногда почитываем. Вы

нам международные околоспортивные организации назовите, – уже не просил, а требовал жандарм.

– Ах! Ну да, ну да, – спохватился Алексей Борисович. – Еще УЕФА и ФИФА.

– И сколько вы им отстегиваете?! – кляцнул зубами Рудов, всем телом подавшись вперед.

– Двести двадцать – УЕФА, и двести пятьдесят – ФИФА, – прошелестел едва слышным голосом Мюллер.

– Ох...ть! – вырвалось у Юрьева помимо его воли непечатное и простонародное словечко.

– Итого, – хладнокровно подвел черту Глазырев, который привык иметь дело с суммами из многих нолей, – выходит, что-то около семисот сорока миллионов долларов.

– И это в то время, как у нас еще целые регионы не газифицированы, – поджал губы Афанасьев.

А Рудов не удержался и сорвавшись на фальцет воскликнул:

– Растратчики! Расстрелять к е...й матери!

И без того понурившийся Алексей Борисович, после предложения Начальника ГОУ14 еще сильней вжал голову в плечи, боясь даже лишний раз вздохнуть. Разведчики хранили мрачное молчание, и только Тучков недобро скалился, всем своим видом показывая, что готов расправиться с обвиняемым прямо не выходя из помещения.

– В общем, так, – резюмировал Афанасьев, наблюдая с интересом за полуобморочным состоянием представителя

«Промгаза», – приказываю, действие всех уже заключенных контрактов на спонсирование – прекратить, новых контрактов – не заключать. Впрочем, – почесал он в задумчивости переносицу, – контракт с «Црвеной Звездой» можно и оставить, а наши все равно в футбол играть не умеют, зря только мяч пинают.

– Да, но если мы прекратим спонсировать грандов мирового футбола и откажемся от рекламной компании, то партнеры, впрочем, как и остальные биржевые игроки станут подозревать, что дела у нашей фирмы не совсем благополучны. А это, в свою очередь сыграет на руку тем, кто и так играет на понижение котировок наших акций, что в свою очередь скажется на её привлекательности в качестве инвестиционного объекта, – попробовал ухватиться за соломинку рациональности Алексей Борисович. – Стоимость активов нашего концерна с 2012-го года и так снизилась с трехсот миллиардов долларов до жалкой сотни. Теперь даже «Фейсбук» (социальная сеть, запрещенная на территории РФ, *прим. автора*) стоит дороже, чем мы.

Это сравнение, явно не понравилось главному финансисту страны и он, поморщившись, не замедлил отреагировать должным образом:

– Ваш «Фейсбук» – всего лишь непомерно раздутый мыльный пузырь, за которым ничегошеньки не стоит и он, рано или поздно лопнет с оглушительным звуком. И вы это знаете не хуже меня. А за вами стоят реальные и овеществ-

ленные активы, которые можно потрогать руками. Так что, сиюминутная конъюнктура биржевых «качелей» пусть вас не тревожит. Кому надо, те прекрасно знают реальное положение вещей. Признаюсь честно, – поджал министр губы, – вы меня порядком-таки удивили своими паническими настроениями. Не ожидал-с.

– Ладно, проехали с этим, – вновь вступил в разговор Афанасьев. – Так вот, то, что я сказал – было первое в череде ограничений. Теперь, второе. С этой минуты прекратить всяческое нецелевое расходование средств, направленное на ублажение вашего гипертрофированного тщеславия.

– с безжалостностью метронома отсчитывающего такты продолжил Афанасьев.

– Вы, про что? – пискнул Мюллер.

– Я говорю про ваши корпоративы, – хмуро пояснил Афанасьев. – Последнее ваше празднование Первомая, несмотря на карантин, по сообщениям вездесущей прессы, обошлось почти в триста миллионов рублей народных денег. А также с этого момента – никаких «тринадцатых» зарплат, никаких «золотых парашютов», никаких бонусных программ для вашего бестолкового менеджмента. Вы меня хорошо поняли?

– Да, – все также пискляво ответил Мюллер, но на этот раз все же решился осторожненько возразить, – но тогда от нас разбегутся все специалисты, включая иностранных лоббистов наших интересов. К тому же мы устраиваем редкие вечеринки исходя из итогов годовой деятельности и после

уплаты всех налогов и сборов. То есть, я хотел сказать, что тратим на мероприятия свои заработанные средства.

Тут уже терпение лопнуло у самого диктатора, и он с грохотом опустил кулак на стол. Это было настолько неожиданно для всех, что некоторые из присутствующих невольно вздрогнули:

– Вас поставили управлять не частной лавочкой! И вы не имеете права распоряжаться самостоятельно прибылью! Все ваши, как вы говорите заработанные средства – это народные деньги! Так что, извольте подчиняться решению своего главного акционера!

– Всё-всё! Молчу-молчу, – замахал Мюллер ручками в ответ, сдаваясь и соглашаясь на всё, лишь бы только побыстрее закончилась это психологическая пытка. – Действительно, кто я такой? Всего лишь нанятый управленец. Всё будет исполнено! Разрешите идти претворять ваши решения? – качнул он корпусом, как бы намереваясь встать и опрометью бежать исполнять начальственные распоряжения.

Однако эта напускная исполнительность явно не понравилась жандарму, переставшему барабанить пальцами по столу, но зато начавшему притоптывать от служебного рвения. Эти его телодвижения не ускользнули от недремлющего ока диктатора, и он решил отпустить вожжи, чтобы ретивый Тучков не сломал изгородь, как стоялый конь.

– Вас пока никто не отпускал, – кивнул он в сторону Алексея Борисовича, и уже обращаясь к Тучкову произнес. – Я

вижу, Николай Палыч, что и тебе есть о чем поведать собравшимся?

– Конечно! – чуть ли не с вызовом ответил обер-палач. – Пользуясь таким подходящим случаем, мне бы хотелось прояснить некоторые вопросы, касающиеся непосредственно личности самого господина Мюллера.

Холодный пот прошиб Алексея Борисовича после сказанных слов в его адрес. Он даже поймал себя на стойком желании ущипнуть себя, чтобы убедиться в ужасной действительности, о которой даже не подозревал, напрашиваясь на эту встречу. Ведь ничто не предвещало скопления стольких туч над его головой. Максимум на что он рассчитывал, так это на то, что его пожурят за излишнюю доверчивость к ненадежным партнерам, но при этом пообещают всяческое содействие, хотя бы в плане снижения ставки экспортных пошлин, и вот на тебе.

– Прошу, вас, – согласился на продолжение допроса «с психологическим пристратием» Валерий Васильевич.

– Смею себе позволить задать несколько животрепещущих вопросов нашему высокоуважаемому Алексею Борисовичу, – с каким-то завыванием, будто читал эпитафию над почившим в Бозе, обратился Тучков к окружающим.

Глаза представителей силовых ведомств заметно оживились, да и сами они приосанились в креслах, в ожидании захватывающего зрелища.

– Ответьте-ка мне любезнейший Алексей Борисович, вла-

деете ли вы и ваша семья акциями, возглавляемого вами концерна? – вкрадчиво поинтересовался Николай Павлович.

– Да, – не стал запыряться Мюллер, – я не самый бедный человек в России. И да, я числюсь в реестре акционеров и владею пакетом из двадцати двух миллионов акций, что составляет примерно одну тысячную от одного процента всего пакета. Причем замечу тот факт, что эту информацию никогда и ни от кого не скрывал. Она находится на официальном сайте компании и с ней может ознакомиться любой желающий.

После полученного ответа, вздох изумления прокатился по комнате, но Мюллер только улыбнулся кривоватой усмешкой, продолжая пояснять ситуацию:

– Не стоит так реагировать на, казалось бы, крупные цифры количества акций. Стоимость каждой акции составляет всего пять рублей, поэтому прошу не завидовать моему буржуинству. Кстати, предвосхищу ваши дальнейшие вопросы и откровенно поведаю о том, что по итогам прошлого года мною были получены дивиденды в размере трехсот тридцати миллионов рублей, с которых я честно заплатил налог в тринадцать процентов. И уж если быть до конца честным, то напомню – мой оклад составляет шестьдесят миллионов рублей в месяц. Надеюсь, я смог удовлетворить ваш интерес к моим несметным богатствам, Николай Палыч? – опять кривенько улыбнулся Мюллер, но губы его при этом мелко подрагивали, выдавая крайнюю степень напряжения.

Но на жандарма такой поток откровений, казалось, не произвел, ровным счетом, никакого впечатления. Тот был холоден, расчетлив и неумолим, как оценщик ломбарда.

– Допустим, что всё это так, – не стал он спорить с ответчиком. – Я даже склонен считать, что вы получали эти суммы все те без малого двадцать лет, что находились на этой должности. Сколько там выходит по итогу? – спросил он у Глазырева, бодро стучащего по клавишам калькулятора.

– Восемнадцать миллиардов с хвостиком, – четко доложил главный банкир страны.

– Не хило, – присвистнул Рудов и облизнул обветренные губы, как бы в предвкушении давно ожидаемой трапезы.

– Ладно, товарищи, – продолжил иезуитствовать Тучков, – оставим эту сумму в покое, считая её, хоть и завышенной для государственного чиновника, но вполне себе легальной. Однако вернемся к нашей беседе. Я тут, накануне навел кое-какие справочки и у меня возникло много вопросов, которые не дают мне спокойно уснуть уже вторые сутки. Я ведь не из праздного любопытства поинтересовался, дорогой вы наш Алексей Борисыч, об акциях, которые числятся за вашей семьей. Но вы, вот беда, видимо запомнили о тех из них, которыми владеет ваша дочь, – вкрадчиво продолжил инквизиторствовать Тучков, пристально, как рентген, глядячи на сжавшегося в комок Мюллера.

– Йа, – с трудом сглатывая ком, подступивший к горлу, произнес он, – давно не имел с ней контактов. Она, к со-

жалению, проживает далеко от меня. Поэтому я не в курсе её истинного материального положения. Возможно, она тоже приобрела несколько акций, глядя, как они растут в цене на бирже.

– Тридцать пять миллионов акций мадам Вердье, а именно под этой фамилией своего французского мужа она фигурирует в реестре акционеров, по-вашему, пустяк, на который вы даже не обратили своего внимания? – притворился удивленным кэгэбэшник.

– Отдаю должное вашим розыскным способностям, Николай Павлович, – начал уже приходить в себя Мюллер, – однако вы верно подметили тот факт, что она уже является членом семьи своего мужа на протяжении десяти лет, поэтому я не счел для себя возможным упоминать всуе её имя. Она взрослый человек, а потому имеет право осуществлять любые операции на рынке ценных бумаг.

– Я, может быть, и согласился бы с вами, если бы не знал, что на протяжении всей своей жизни она ни одно дня нигде не работала. Невольно напрашивается вопрос: откуда деньги, Зин? Ведь в качестве акционера она появилась на следующий день после бракосочетания, – вошел во вкус допроса Тучков.

– Видимо свадебный подарок мужа, – пожал плечами Мюллер.

– Антуан Вердье – менеджер средней руки в компании «Total Energies», поэтому логичнее было бы преподнести су-

пруге акции именно этой фирмы, не так ли?

– Видимо доверие к нашей фирме перевесило доверие к своей, – усмехнулся счастливый тесть.

– Вряд ли дело в этом, – скептически поморщился Тучков. – Годовой доход месье Вердые не превышает полутора миллионов евро в год, и это без учета налогов. Кстати, после свадьбы, любящая супруга господина Вердые сразу же приобрела на свое имя замок в Перпиньяне стоимостью в тридцать четыре миллиона евро, куда они с радостью и перебрались из душных парижских апартаментов.

– Вам не дает покоя благосостояние моей дочери? Ну, так наведите справки у ней самой по всем интересующим вас вопросам, – строго поджал губы Алексей Борисович, давая тем самым понять, что с него все взятки гладки.

Но не таков был потомственный аристократ и дворянин, то ли в десятом, то ли в двенадцатом колене – Николай Павлович Тучков. Сейчас он больше походил на бульдога, вцепившегося зубами в противника. И уже ничто не могло бы разжать его сомкнутые на горле врага челюсти. А то, что Мюллер был для него враг, читалось по холодному блеску его стальных глаз, в которых не было пощады, а было только ожидание команды на окончательное сжатие зубов.

– Не извольте беспокоиться! – широко и хищно улыбнулся Тучков в ответ. – Когда будет надо, мы у ней лично поинтересуемся происхождением её капиталов, причем, где бы она не находилась.

В последних его словах звучала уже ничем не прикрытая угроза.

– Ладно, – продолжил сжимать челюсти на горле жертвы Тучков, – вернемся к вашей персоне. Как государственный чиновник министерского уровня, вы обязаны подавать декларацию о доходах за год. Я уже давненько, признаться, интересуюсь вашей личностью, отягощённой таким недугом, как выборочная амнезия.

– Амнезия? – не понял Мюллер едкого намека.

– Ну, да, – подтвердил Малюта. – А как же иначе, если в своей декларации вы год за годом забываете упомянуть ваши зарубежные счета. Вот, извольте ознакомиться, – с этими словами Николай Павлович полез во внутренний карман кителя и достал оттуда сложенный вчетверо листок формата А4. – Это ксерокопии банковских выписок с указанием номера счета, суммы на нем, даты открытия и данные о владельце. Поздравляю вас, Алексей Борисович, вы являетесь хозяином двух банковских счетов. Один, из которых на сумму полутора миллиардов долларов открыт в 2008 в швейцарском банке «PostFinance», а другой в офшорной зоне Кюрасао, в местном банке «SAI Bank» на сумму в двести восемьдесят миллионов долларов, открытый 1 января 2012 года.

Тучков помахал листом в воздухе, как знаменем, а затем передал его сидевшему рядом с ним Барышеву для ознакомления и передачи по цепочке остальным членам Президиума.

– Это какое-то недоразумение или умело сфальсифицированная провокация! – повысил голос Мюллер. – Я требую независимого расследования!

– За расследованием дело не станет! – в свою очередь повысил тембр голоса Тучков. – За вами еще со времен руководства ОАО «БалТрубопровод» тянется целая череда темных делишек, связанных с подрядами на газификацию Северо-Западной части страны. Рукописи, как известно, не горят, так же, как и начатые когда-то уголовные дела, сданные в архив.

– Я решительно протестую против подобных инсинуаций в мой адрес! – окончательно пришел в себя Мюллер, поздно сообразивший, что живым из этой комнаты ему вряд ли удастся выбраться, но зато можно принять достойную смерть в неравном бою за своё имущество, тщательно накопленное за многие годы кропотливого труда. – Я буду отстаивать свою честь и достоинство в суде на публичном процессе! – уже перешел на откровенный крик газовый магнат, так как остатки прежнего самообладания улетучились вместе с тайной вклада, которую ему обещали оборотистые банкиры.

– Ты сначала доживи до суда, – не повышая голоса, но, тем не менее, зловеще процедил сквозь зубы представитель всегда и во всем «компетентных органов».

Эти его слова, сказанные в спокойной манере – без криков и слюнявых брызг, произвели на всех присутствующих неизгладимое впечатление, а особенно на самого инициато-

ра этого сборища. Он прямо на глазах у всех сумел настолько уменьшиться в размерах и слиться с кресельной обивкой, что его стало, вдруг, трудно замечать, настолько он превратился в прозрачное и бестелесное существо.

– Но это еще не всё, господа присяжные заседатели, – окончательно вошел в роль Остапа Ибрагимовича 15 жандарм, вспоминая беседу того с гражданином Корейко. – Обвиняемый скрыл от общественности своё поместье в сто двадцать гектаров у деревни Бережки, что находится на берегу Истринского водохранилища. Поместье свое, как и подобает, огородил забором, а на воротах прибил табличку с названием «Мюллергоф», видимо для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений, кому принадлежит всё это добро. Однако и этим не ограничился, – тут он достал из-под стола кейс и, щелкнув замками начал рыться в его внутренностях. – Ага, нашел! – воскликнул дознаватель и достал оттуда пачку цветных фотографий, сделанных, видимо при помощи летательного аппарата. Помахав ими в воздухе, передал её для ознакомления все тому же Барышеву. – На территории поместья господин Мюллер выстроил дворец. Всё место представляет собой гигантский комплекс, в архитектурном и ландшафтном плане схожим с Большим Петергофским дворцом и примыкающим каналом с каскадами фонтанов. Помимо этого, на территории есть здание, похожее на петербургское Адмиралтейство. Кстати, помимо этого на соседнем участке выстроен коттеджный посёлок под названием

«Истринская усадьба». Эксперты, привлеченные для оценки участка и строений на нем, считают, что стоимость земли под усадьбу составляет почти в три миллиарда восемьсот пятьдесят миллионов рублей, а стоимость застройки в четырнадцать с половиной миллиардов рублей, – бесцветным голосом пробубнил Тучков, заглядывая в шпаргалку, вытащенную из кармана. – И это только кадастровая стоимость, господа присяжные заседатели. О внутреннем обустройстве дворца мы с вами можем судить только из разрозненных сведений, полученных от тех, кто там побывал. Но судя по тому, что они говорят, а также судя по всем известной страсти господина Мюллера к коллекционированию предметов ювелирного и изобразительного искусства, содержимое дворца по стоимости сопоставимо с затратами на его строительство. Точную сумму я смогу назвать после того, как мы побываем там вместе с искусствоведами. Вы ведь разрешите нам посетить ваше скромное обиталище? – посмотрел Николай Павлович в сторону, раздавленного в кресле Мюллера, и широко улыбнулся, после чего продолжил. – Но и это еще не всё. По нашим сведениям за вами числятся только в Москве четыре квартиры, расположенные в элитных домах, общей площадью одна тысяча четыреста тридцать квадратных метров на сумму более семисот пятнадцати миллионов рублей. И еще в Санкт-Петербурге две квартиры общей площадью шестьсот шестьдесят метров на сумму в двести двадцать пять миллионов рублей. Это не считая квартир вашей супруги, коих тоже

насчитывается аж четыре – по две в Москве и Питере. Тоже приблизительной стоимостью почти в двести миллионов народных денежек. А еще дачный домик в Одинцовском районе не то десять, не то одиннадцать комнат. Ну и куда уж без охотничьей заимки, что расположена недалеко от санатория имени В. Чкалова, о которой, подозреваю, не знает даже ваша супруга. Там тоже двухэтажный особнячок с прислугой. Я ничего не упустил?

Бедный Мюллер, хотя этот эпитет не очень-то ему подходил, ну разве что, только в моральном плане, был буквально раздавлен потоком обрушившейся на него информации. Он молчал. Да и что он мог сказать в свое оправдание? Заявить о том, что вся эта гора недвижимости принадлежит корпорации он не мог, так как действительно, всё, что скрупулёзно перечислил Тучков, было оформлено именно на самого Мюллера А.Б. И тут уж никакие выкрутасы типа «я – не я, и хата не моя» помочь никак не могли. Поэтому и приходилось молчать, вжавшись всем телом в кресло и молясь всем святым о даровании шанса вырваться из этого ада не то, чтобы целым, но хотя бы живым. Паузу прервал сурово-удивленный голос диктатора.

– Так вот вы каков, гусь-лапчатый?! – не удержался Афанасьев от восклицания. – Про ваш замок я и раньше был немало наслышан, но как-то не придавал этому большого значения. А зря, как показала суровая действительность. Я-то по своей наивности просто думал, что вы с жиру беситесь

от своих астрономических окладов, а вы оказывается птица более высокого полета. В карман государства решили ручки шаловливые запустить? А не боитесь, что ручки мы вам обкромсаем по самые плечики?

На Мюллера в эти мгновения страшно было даже смотреть. Неестественно белое лицо, более похожее на мраморное изваяние, с заострившимся носом, как у покойника и крупными каплями пота, стекающими по вискам, внушали каждому, кто смотрел на него тройное чувство, состоящее из гнева, жалости и брезгливости.

– Вот видите, – продолжал витийствовать глава хунты, – как нехорошо получается, когда пытаешься обмануть государство? И чего вам, собственно говоря, не хватало? Денег?! Да у вас только жалованья хватило бы и внукам и правнукам. Почета и удовлетворения тщеславия? Вы и так, едва не ногой открывали двери в Кремле. Или вы себе три жизни намеряли? Нет уж, дудки! Умрете в свой срок, как и положено среднестатистическому гражданину. Правда, в моих силах сильно подсократить ваш жизненный путь и вдобавок ко всему прочему, сделать последние шаги в состоянии невыносимых мучений физического свойства. Как у вас там с болевым порогом? – уже откровенно издевался Афанасьев над своей жертвой.

Мюллер уже находился даже не на грани психологического срыва, а в состоянии полной каталепсии, когда происходит полный паралич мышц и нервных окончаний. Те, кто был,

не посвящен, в глубинные замыслы заговорщиков с интересом рассматривали своего вождя. Таким хищным и жестоким они его себе не представляли. Разве что Рудов – давнишний приятель и сослуживец, который уже имел возможность поучаствовать в допросе Греха, мог догадываться, какие внутренние бури порой вырываются у Афанасьева наружу. Но и он сейчас смотрел на своего друга так, как будто видел впервые. Если бы он только знал, что весь этот спектакль с разоблачениями своей главной целью ставит вовсе не наказание казнокрада, а затрагивает куда более значимые для государства цели, то он, конечно же, первым бы встал и зааплодировал умело разыгранной партии.

– Впрочем, – сделал паузу диктатор, – ваша преждевременная кончина в наши планы не входит. Пока, не входит, – сделал он уточнение. – Я даже склоняюсь к мысли, чтобы не только сохранить вашу жизнь, но и оставить вас в прежней должности.

Последние слова Верховного вообще сбили с толку большинство из присутствующих здесь. Они с опаской стали переглядываться, немо вопрошая друг у друга: «Что происходит? И что это за балаган?»

– Президиум, – продолжил, как ни в чем не бывало Афанасьев, – готов рассмотреть предложение о смягчении вашего наказания взамен на некоторые встречные шаги с вашей стороны.

Тут диктатор опять допустил паузу, чтобы убедиться в

том, что до Мюллера доходит смысл его слов, ибо сейчас тот напоминал более всего мешок набитый отрубями, безвольно сидящий в кресле и слабо реагирующий на внешние раздражители. Новиков, который сидел рядом с ним, даже потряс его за плечо, чтобы хоть немного привести того в чувство и вывести из состояния глубокого ступора.

– А?! Что?! – затравленно начал озираться по сторонам, соображая, что к чему, еще вчера всеильный магнат.

– Я говорю, – терпеливо и даже с некоторой снисходительностью в интонациях повторил Афанасьев, – что вы смягчите свою участь, и даже, вполне вероятно, оставите за собой свой пост, если выполните некоторые условия.

– Я? Да?! Условия?! – бестолково тыкался Мюллер из стороны в сторону, создавая впечатление своей полной невменяемости.

– Ты, Алексей Борисович, еще слюни пусти для вящей наглядности своего помешательства на почве жадности, – начал сердиться Афанасьев, который терпеть не мог подобных спектаклей. – Не доводи до греха. Говори толком, что выбираешь: идти по этапу, пересчитывая колымские версты, или целиком и полностью сотрудничать с властями? Больше спрашивать не буду, потому, как ты и так довел меня до ручки своими выкрутасами.

– Да, да, конечно же, сотрудничать, – сразу оживился Алексей Борисович, словно его сбрызнули «живой» водой.

– Ну, то-то же, – удовлетворенно кивнул диктатор. – Дав-

но бы так. Теперь слушай условия. Деньги, что хранятся у тебя по границам, вернешь в недельный срок и перечислишь на счета Минфина. Наверняка еще где-то есть, ну да ладно. Пока и этого хватит.

– Я-я, н-не могу этого так просто сделать, – плаксивым тоном заявил Мюллер. – Для закрытия счетов необходимо мое личное присутствие.

– Не говорите глупости! – рыкнул Верховный. – Вы их открывали через доверенное лицо, вот через него и закроете. Знаем мы эти схемы. Вопрос снят с обсуждения. Или счета будут закрыты, или закроем тебя самого, – скаламбурил он. – Далее. Акции дочки также вернете домой. И сдадите их вместе со своими в «Росимущество».

– А если она не отдаст? – опять попробовал изобразить из себя ужа на сковородке загнанный в угол газовик.

– Тогда просто аннулируете их у неё в реестре и пропишете опять же в «Росимуществе». Не мне вас учить, – поморщился Валерий Васильевич.

– Она опротестует это решение в суде, – занял он опять.

– Не мое дело, – сказал, как отрезал Афанасьев. – И, вообще, не перебивайте меня. Следующее. Разрешаю оставить за собой по одной квартире в Москве и Питере. Все остальное, включая усадьбу на Истре, а также дачу и охотничий домик – сдать все тому «Росимуществу». Личные вещи, за исключением предметов искусства и ювелирных украшений, разрешаю забрать.

– Но как же... – опять запричитал он, видя, как бесцеремонно отнимают у него все нажитое непосильным трудом.

– Вы опять за своё? – насупился Афанасьев. – Это я еще по-доброму с вами обхожусь. Во времена незабвенного Иосифа Виссарионовича с вами бы разделались прямо во дворе Лубянки, не заморачиваясь этапированием до мест заключения. Продолжаю. Но мы – люди не кровожадные, а потому оставим вас на свободе и в прежней должности, как я уже упоминал выше при условии соблюдения вами определенных поведенческих норм. Даже зарплату готовы платить в разумных, конечно, пределах, а не ту, какую вы получали до сих пор. Александр Валентиныч, – обратился он к министру энергетики, – ты какой имеешь оклад на текущий момент?

– Миллион шестьсот тысяч в месяц, не включая подоходный, – бодро отрапортовал Новиков.

– Ну, значит, Алексей Борисыч, где-то на полтора ляма в месяц можешь смело рассчитывать. Больше никак нельзя. Ибо не по чину иметь оклад больше чем у самого министра, – сочувствующе развел руками диктатор. – Соответственно и все твои замы и менеджеры должны исходить из этой величины. Борис Иваныч, не в службу, а в дружбу, отдай распоряжение о разработке тарифной сетки окладов для госкомпаний, очень тебя прошу.

– Сделаем, Валерий Васильевич, – деловито кивнул премьер и добавил. – В срочном порядке разработаем и пред-

ставим вам на утверждение. Пару дней только дайте.

– Хорошо, – согласился Верховный. – Теперь опять вернемся к вам, Алексей Борисыч. Вы сейчас в сопровождении наших сотрудников проследуете в гости к товарищу Тучкову, где с вами будет продолжена беседа с помощью полиграфа. Нам, видите ли, очень хочется знать когда, с кем и в каких объемах вы совершали кражи государственного имущества. Затем, в сопровождении компетентных товарищей, проследуете к себе в усадьбу, где вы сможете отдохнуть на лоне природы, пока они займутся описью и оценкой имущества. А завтра вы сможете вернуться на свое рабочее место и приступить к исполнению прежних обязанностей, но на качественно ином уровне. Вам всё ясно?

– Да, – опять обмяк в кресле Мюллер, теперь уже всерьез перепуганный предстоящей «головомойкой» в стенах КГБ, о которой уже три месяца бродили по стране самые ужасные слухи.

– Вот и отлично, – просветлел ликом Верховный, и окатил красноречивым взглядом Николая Павловича.

Тот, за несколько месяцев тесного общения с диктатором уже научился понимать не только с полуслова его распоряжения, но даже с брошенного вскользь взгляда. Он нажал на своем браслете какую-то незаметную кнопочку и уже через десять секунд в комнату деловито вошли трое молодцов спортивного телосложения и армейской выправкой. У одного из них был в руке небольшой чемоданчик стального цве-

та. Они молча подошли к вылупившему в страхе глаза Мюллеру и без лишних слов развернули к себе кресло вместе с ним. И пока двое из них положили свои руки на его плечи, третий, присев на корточки, стал заворачивать левую штанину брюк Алексея Борисовича. Все собравшиеся с нескрываемым интересом смотрели на необычайное зрелище. Мало кто из них видел в своей жизни, как надевается «электронный браслет» на ногу того, за кем нужен особый пригляд. Закончив подворачивать штанину, сотрудник открыл свой чемоданчик и достал оттуда довольно массивный стальной обруч, концы которого пока еще не были замкнуты. В глазах Мюллера опять стал плавать ужас и непонимание происходящего. А пока служитель прилаживал браслет к ноге «поднадзорного», Афанасьев счел для себя необходимым прокомментировать происходящее:

– Этот «электронный браслет», Алексей Борисович, будет находиться при вас все то время, пока мы будем разыскивать ваше добришко, припрятанное на «черный» день. Ни ходить, ни сидеть, ни лежать он вам никак не мешает, зато нам будет спокойней от осознания, что вы не потеряете остаток своей рациональности и не пуститесь в бега, до тех пор, пока не рассчитаетесь с государством. «Браслет» сделан из специального монокристаллического материала, не поддающегося распилу и термическому воздействию. При любой попытке избавиться от него он подаст сигнал, и уже через пять минут вы окажетесь в умелых и ласковых руках подмастерьев

заплечных дел. Кстати, не вздумайте ампутировать свою конечность, – предупредил Афанасьев оцепеневшего от ужаса Мюллера. – При остановке кровотока в конечности, специальные датчики в браслете, следящие за пульсом, немедленно подадут тревожный сигнал. Впрочем, я все же смею надеяться на ваше благоразумие.

Закончив с «браслетом», специалист, все так же деловито и неторопливо сложил инструменты в чемоданчик и, встав во весь рост со скучающим выражением лица (видимо уже привык к этому делу), отошел в сторонку.

– Ну, что ж, Алексей Борисович, я полагаю, что всё, чему вы сейчас были свидетелем и невольным участником послужит вам хорошим уроком на будущее и удержит от совершения опрометчивых поступков в отношении доверившегося вам государства. Сейчас вас проводят до места дальнейшего собеседования, а там проинструктируют, как и что нужно будет сделать на завтрашнем заседании Правления концерна. Ступайте.

Мюллер сделал неловкую попытку подняться с места, но это ни к чему не привело. Ноги перестали слушаться своего хозяина, и он опять рухнул в кресло. Пришлось двум амбалам в четыре руки поднимать его и, придерживая с двух сторон, как малое дитя, вести к выходу. Тем временем за дверями послышался какой-то шум, возгласы и непонятная возня. Члены Президиума опять недоуменно начали переглядываться, теряясь в догадках, кто там еще посмел нарушать

тишину и спокойствие в месте, где вершится история страны? Но на Афанасьева, Тучкова и Глазырева эта возня за дверями не произвела никакого впечатления. Они и без того знали, что там уже толпятся и толкаются приглашенные журналисты из наиболее крупных и авторитетных зарубежных СМИ.

Стоило только Мюллеру, буквально висевшему на руках у своего сопровождения, или вернее будет сказать конвоя, покинуть зал совещаний, как на него, будто коршуны в ожидании падали, набросились журналисты со всех сторон:

- Господин Мюллер, что с вами?!
- Вы арестованы?!
- Вас пытали?!
- Что вам инкриминируют?!
- Скажите несколько слов для CNN!

Вопросы градом сыпались со всех сторон. Вспышки фотокамер то и дело озаряли проход, по которому с трудом продвигалась троица людей, двое из которых тащили третьего, крепко держа под локти. Мюллер и без того напуганный и ошарашенный не в состоянии был объяснить, хоть что-то, растерянно озирался по сторонам, будто искал кого-то, но не мог найти в этой сумятице. Поэтому один из его «попечителей» попытался по своей инициативе (своей ли?) взять на себя неблагодарный труд общения с журналистами.

– Граждане журналисты! – зычным и грубоватым голосом обратился он к ним, не останавливаясь на своем пути. – Не

толпитесь! Дайте пройти конвою! Тыфу, эскорту! Господин Мюллер не арестован пока! И пытаться его, наверное, тоже не будут! Просто побеседуют, выяснят, что и как.

После такого маловразумительного комментария на случившееся, вал вопросов уже обрушился на самого «конвоира»:

– Власти продолжают наступление на крупный бизнес?!

– Насколько плохи дела у «Промгаза»?!

– Означает ли это расширение репрессий?!

– Кого еще может постигнуть эта участь?!

Охранник, он же конвоир, он же нянька, а скорее всего, хорошо проинструктированный сотрудник КГБ, вконец потерял терпение от насевшей на него крикливой братии и, не скрывая озлобленности гаркнул:

– Конечно! Это только первая ласточка! Погодите! Завтра продолжим таскать других олигархов! Всех достанем!

Афанасьев дождался пока шум и гам начали отдаляться, а потом произнес вполне буднично:

– Ну, что ж товарищи, на этом можно объявить о закрытии нашего экстренно созванного заседания. О результатах сегодняшнего мероприятия я смогу вам доложить на следующем, уже плановом заседании Президиума. А сейчас все свободны, не смею вас задерживать.

Почти все, за исключением Сергея Юрьевича, встали и потянулись гуськом к выходу. Последним в веренице был Рудов, который задержавшись у двери, обернулся к Валерию

Васильевичу:

– Что это было? И для чего тебе понадобился этот балаган с журналистами?

– Всё узнаешь, Сергей Иванович, не торопись, – улыбнулся ему в ответ диктатор. – Всё узнаешь, – повторил он, – но только завтра.

Глава 63

I.

Там же

– Сергей Юрьич, – обернулся Верховный, ко всё ещё сидящему за столом Глазыреву, – ты, как, тут останешься или к себе поедешь?

– Я, Валерий Васильевич, с вашего позволения, остался бы здесь. Что до Центробанка, что до Минфина – ехать далеко, а основные события могут уже начаться с минуты на минуту. Поэтому мне бы не хотелось терять драгоценное время.

– Добро, – согласился Афанасьев. – В соседней комнате, – он указал глазами на стену, – сидят младшие адъютанты. Я тогда оставлю их в твое распоряжение. Командуй, не стесняйся. Борисыч! – негромко позвал он Михайлова, стоявшего в поеме двери и нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу, – распорядись о временном подчинении адъютантско-

го состава, да вели им в скором времени подать сюда обед для Сергея Юрьевича.

– Слушаюсь, – раздалось в ответ за спиной.

– Ну, Сергей Юрьич, надеюсь, что у нас всё получится, – полувопросил он у Глазырева, открывающего, тем временем, свой кейс с ноутбуком внутри.

– Надежда, базирующаяся на расчете, автоматически превращается в уверенность, – промурлыкал финансовый воротила, настраивая свою аппаратуру. – Поэтому я уверен, что все у нас получится. Мы с вами уже это обговаривали, но я все же осмелюсь повторить. Рынок ценных бумаг, с началом пандемии находится в неуравновешенном состоянии, а это означает, что любая новость, тем более, подкрепленная фактом, сможет повлиять на него в ту или иную сторону. Сейчас мировой рынок ценных бумаг, находится в эпицентре топливно-энергетического кризиса, поэтому даже самая незначительная негативная новость, связанная с ним, может вызвать его резкое падение. А это, сейчас, то, что нам и нужно.

– Это, вроде как эха в горах, которое может спровоцировать сход снежной лавины, – провел удачную аналогию Афанасьев.

– Верно, – кивнул министр-банкир. – Главное в этом деле, чтобы потенциальная лавина набрала критическую массу. А массу она набрала – точно. Нам осталось только крикнуть погромче.

– Лишь бы эта ваша лавина не накрыла нас всех с голо-

вой, – пошмыгал носом диктатор.

– Не накроет, – уверенно произнес Глазырев, – мы же наверху стоим.

– Ладно, коли так, – не стал возражать диктатор.

В дверном проеме опять возникла фигура Михайлова. Весь его вид и напряженная поза говорили о том, что у него имеются какие-то сообщения, требующие немедленного реагирования.

– Что, там, Борисыч? – спросил Афанасьев, как всегда, не ожидая ничего хорошего.

– Пока вы там заседали, товарищ Верховный, поступили два звонка из Канцелярии Управделами...

– Ну? – нахмурил брови Валерий Васильевич.

– Просили передать, что Международная Ассоциация Журналистов прислала официальный запрос на организацию встречи с их представителями, – степенно доложил полковник информацию.

– За каким бесом я им сдался?! – не смог скрыть удивления Афанасьев.

– У них, как бы это так выразиться, – начал объяснять ситуацию адъютант, – традиция такая – устраивать коллективное интервьюирование глав государств, занимающих пост свыше ста дней. Типа, как бы подведение первичных итогов, что ли. И так припозднились.

– Да, на хрена они мне сдались тут со своим интервьюю?! – попробовал возмутиться Валерий Васильевич. – И так баш-

ка идет кругом от всей этой кутерьмы, а тут на тебе, еще припрутся гости неожиданные. Скажи, мол, занят чрезвычайно. Потом уж, как-нибудь, как разгребем эту кучу дерьма.

– А я бы на вашем месте, – подал голос от стола Глазырев, который уже настроил свою аппаратуру оперативной связи и теперь сидевший и внимательно слушавший диалог начальника с подчиненным, – не стал бы пренебрегать такой встречей.

– Это почему же? – обернулся всем корпусом к нему Афанасьев, уже привыкший за три месяца прислушиваться к советам пройдошистого министра.

– Потому что встреча с журналистским пулом – есть не что иное, как прекрасная возможность проделать не только брешь в дипломатическом непризнании новой власти со стороны западного сообщества, но и площадка для донесения до широких общественных масс Европы и Штатов наших целей и задач. Они ведь там до сих пор пребывают в неведении относительно наших дальнейших намерений, как внутри государства, так и на международной арене, – доктринерским тоном стал наставлять министр своего диктатора на путь истинный.

– Вы так считаете? – призадумался Афанасьев над советом Глазырева.

– Да, – степенно наклонил голову Сергей Юрьевич. – К тому же, если вы проигнорируете это приглашение на поединок, а это, без всяких сомнений будет жесткий поединок на

границы флага, то у мировой общественности может сложиться ложное впечатление о нашей слабости. И они начнут трезвонить на всех уровнях, что военная хунта пребывает в растерянности от свалившейся на нее ответственности за столь великое государство. Скажут, непременно скажут, что нам нечего предъявить в качестве достижений за время нахождения у власти. Хотя на самом деле нам есть, что показать и чем похвастаться, несмотря на трудные времена. Вот эту мысль вы и должны донести до них, – со знанием дела принялся министр поучать уму разуму Афанасьева неискушенного в интригах такого уровня.

– Да я и говорить-то не мастак, – попробовал тот возразить своему наставнику. – Привык, понимаешь, с генералитетом. А там ведь люди будут непростые, а всё с подковыркой.

– Конечно, – согласился с ним Глазырев, – на разговор с вами пошлют самых, что ни на есть зубастых акул пера. – Ну, так и вы за три с лишним месяца не за печкой сидели, наматывая сопли на кулак. Тоже ведь овладели ораторским искусством.

– Что?! Правда?! – не смог скрыть притаившегося тщеславия Афанасьев.

– Да, вон, хоть у товарища Михайлова спросите! Он не даст соврать, – указал пальцем в сторону Борисыча главный банкир страны.

Валерий Васильевич, повернул голову в сторону полков-

ника и тот быстро-быстро закивал в знак абсолютного согласия.

– Всё равно у меня не получится так ловко оперировать цифрами, как это делал последний президент, – пригорюнился диктатор. – Опозорюсь только.

– Вы, что же думаете, что это все было благодаря его феноменальным способностям и памяти?! – воскликнул Сергей Юрьевич. – Да ничего подобного! Я-то еще не забыл, как каждый раз примерно за неделю до своего очередного телемарафона, все наши министерства сажали всем составом за написание кратких докладных записок с основными тезисами, выделенными жирным шрифтом там, где надо было делать ударения на успехи в той или иной отрасли. Вот мы и корпели до полуночи, чтобы составить наглядные картинки с графиками. А еще микро-наушник в ухе, который обслуживал целый штат профильных экспертов.

– Хмм, не знал, – хмыкнул Афанасьев. – Я-то по своей наивности полагал, что у него просто светлая голова, а не приемник авто-суфлера. Значит, вы все-таки советуете мне принять делегацию представителей древнейшей профессии?

– Да, Валерий Васильевич, – согласился Глазырев. – Пора выходить в свет. Хватит отсиживаться в обороне, надо наступать. И информационный фронт – хорошее место для старта.

– Но, – почесал лоб Афанасьев, – для этого надо выделить специальное время, а у меня график расписан до конца месяца. Вон, Михайлов не даст соврать, – кивнул он в сторону

адьютанта.

– Совершенно верно, график очень плотный, – подтвердил тот, разводя руками, как бы в бессилии изменить что либо.

– Тогда хотя бы поставьте в очередь, но только не отказывайте, – продолжал давить Сергей Юрьевич. – Извинитесь, сошлитесь на занятость, коль уж так случилось, назначьте ближайшее удобное для вас время, но только Боже вас упаси, не отказывайте. Эта братия крайне обидчивая и очень мстительная.

– Ладно-ладно, – выставил ладони вперед Валерий Васильевич, как бы защищаясь от напора своего министра. – Борис Борисыч, свяжись с канцелярией, объясни ситуацию и посмотри в графике ближайшее «окно», часика этак два-три продолжительностью.

– Есть связаться с канцелярией и отыскать время. Разрешите вопрос?

– Спрашивай.

– Я слышал, что прежний президент заранее согласовывал задаваемые вопросы. Следует ли и мне предварительно ознакомиться с текстом возможных вопросов для подготовки нужного ответа?

– Ты с ума сошел, Борисыч!?! – удивился Верховный. – Какое еще согласование? Ты забыл, что у нас кровавая диктатура, а не какая-то там светлоликая демократия. Все в режиме нон-стоп.

– Каюсь, запамятовал, – расплылся в улыбке Михайлов.

– Ладно, проехали. Кстати, ты говорил, что из Канцелярии поступило два звонка...

– Так точно. Второй звонок был из Патриархии от митрополита Евфимия...

– Господи, ну чего им ещё-то надо? – скривился диктатор, как от чего-то кислого. – Я же сказал, что приеду к двум часам.

– Митрополит просил вас прибыть хотя бы на полчаса раньше обговоренного срока.

– Это ещё зачем? – подозрительно уставился диктатор на своего помощника. – Что они там себе воображают? Или думают, что у меня времени – пруд пруди и его девать больше некуда? Я и так пошел ему навстречу, согласившись на участие в их разборках, хотя это и не входит в круг моих обязанностей, – начал он понемногу закипать.

– Передаю дословно слова Канцелярии: «Митрополит Евфимий слезно просит прибыть до начала официального открытия Собора ради приватной беседы», – механическим голосом передал информацию Борис Борисович.

– Слезно?! – переспросил Верховный.

– Слезно, – кивнул полковник.

Афанасьев переглянулся с Глазыревым, но тот только неопределенно пожал плечами, дескать «это выше моей компетенции».

– Ну, раз уж он плакать собрался, то можно и уважить

старче, – вздохнул Валерий Васильевич («старче» был ровесником диктатора).

– Будьте проще, и народ к вам потянется, – выдал очередную сентенцию Глазырев, кося глазом на монитор ноутбука.

– И так уж прост донельзя, как квадратура круга, – пожал плечами Афанасьев и добавил с сожалением. – Эх, так и придется пожертвовать обеденным перерывом. Ну, что за жизнь такая собачья?! Ни тебе отдохнуть путем, ни пообедать спокойно не дают. Всем чего-то надо и надо от меня. Кругом только и слышишь: «Дай, да дай!» И ведь никакая сволочь никогда не скажет: «На, Валерий Васильевич!»

– А может оно и к лучшему, товарищ Верховный? – острожно предположил адъютант. – В святое место едем. Тут и попоститься – не грех. Может это знак свыше?

– Ой, да перестань еще ты мне тут на мозги капать, Борисыч! Что за чушь несешь, право слово?! Ладно, Сергей Юрьич, ты тут оставайся, а мы поедем, пожалуй. Вечерком созвонимся. И чего у них там опять стряслось такое? – проворчал он уже на ходу.

II.

10.10.2020г., Москва, ул. Волхонка, Храм Христа Спасителя.

Храм Христа Спасителя, стоящий на берегу Москвы-реки и держащийся на равноудаленном расстоянии от иных по-

строек, и всем своим видом показывающий, что он как бы «не от мира сего», представлял собой поистине грандиозное монументальное и все же какое-то легкое и воздушное строение. В отличие от мрачного и выстроенного против всяческих православных канонов Собора Воскресения Христова, этот Храм был олицетворением Высших Сил ниспославших на землю такую Божественную Благодать, которая распространялась от него в разные стороны. Глядя на это творение современных зодчих, даже у самого заскорузлого в неверии и грехе человеке просыпалось что-то светлое и радостное, несшее успокоение в мятежную душу и дающее бесконечную духовную силу. Несмотря на свои циклопические размеры, он никак не подавлял своей грандиозностью и великолепием зачастую убогое сознание обывателя. Новый храм Христа Спасителя был воссоздан к 1999 году, как условная внешняя копия своего исторического предшественника. Его белокаменные стены были украшены мраморными композициями и бронзовыми горельефами, которые, правда, были раскритикованы, как несоответствующие оригиналу. Роспись интерьеров храма провели лучшие художники современной России. Однако культурная ценность этих росписей также стала предметом многочисленных споров. Первоначальная белокаменная облицовка была заменена на мраморную, а золочёная кровля крыш, кроме куполов, была сделана на основе нитрида титана. Эти изменения, внесённые в исторический проект, повлияли на смену цветовой гаммы фасада с тёплой

на более холодную, и в то же время – более величественную. В 1995 году на заседании искусствоведческой комиссии по художественному убранству храма Христа Спасителя было принято решение поднять на него бронзовые медальоны. В связи с быстрыми темпами строительства медальоны не были готовы в срок, вместо них на фасады установили точные копии из полимерного материала белого цвета. Бронзовые медальоны были изготовлены и хранились в мастерских вплоть до 2010 года, когда были, наконец, установлены. На основе исторических материалов, было восстановлено шесть крестов, шестнадцать врат и большие люстры собора. И все-таки, несмотря на всю критику со стороны историков и искусствоведов, Храм не только возродился в новом своем, уже современном облики, но и вписался в общую градостроительную атмосферу новой Москвы, всем своим видом показывая и доказывая, что понимание прекрасного на Руси не иссякло и не пропало втуне. А Москва, как птица Феникс из каждого пожара невзгод выходит не только обновленной, но и еще более прекрасной.

Когда лимузин Верховного в сопровождении эскорта подъехал к Храму со стороны Волхонки, то сразу возникли трудности с парковкой. Вся территория перед Храмом была забита легковым автотранспортом, что называется «под завязку». Среди легковых автомобилей, в основном представительского класса, яблоку было некуда упасть. Судя по номерам авто, сюда съехались иерархи церкви со всей России-ма-

тушки. Давненько начальник президентского (так он назывался до сих пор по привычке) эскорта не был в таком замешательстве. Если б это были машины каких-нибудь вшивых олигархов, он бы просто велел их водителям убираться по-доброму-поздорову куда подальше, освобождая место для парковки первого лица государства, но тут речь шла о служителях культа одной из основных религий, а посему к ним волей-неволей приходилось относиться с некоторым почтением. Кортёж встал, а его руководитель в растерянности чесал у себя в затылке, в явной растерянности. Пришлось самому Афанасьеву идти на выручку незадачливому охраннику. Он сам, вопреки всем писаным и неписаным нормам, по которым нужно было сидеть внутри лимузина и покорно ждать разрешения неувязки, открыл дверь со своей стороны и выбрался наружу. К нему тут же подскочили и окружили со всех сторон охранники. Немного погодя подошли и начальник эскорта с начальником личной охраны – Сан Санычем. Михайлов и капитан, что нес «ядерный чемоданчик» тоже вылезли из машины и придвинулись поближе к Афанасьеву, как бы тоже прикрывая его своими телами.

– Товарищ Верховный! – сразу занял эскортник. – Ну, нельзя так демонстративно нарушать правила безопасности! Зачем вы вышли из машины, не получив одобрения?

Посетители итальянской пиццерии «Patio» заметив кавалькаду машин быстро догадались кто пожаловал в главный храм столицы и с любопытством приникли к окнам заведе-

ния в надежде отыскать глазами самого диктатора. У некоторых тут же в руках появились смартфоны, готовые заснять этот эпический момент. Их даже не смущали запретительные жесты охранников.

– Мне, что, по-вашему, на каждое свое действие надо получить предварительную санкцию? – снедовольничал Афанасьев. – Может мне и ложку ко рту без вашего дозволения не поднести?

– И ложку тоже, если не проверено её содержимое, – жестко парировал упреки Верховного Сан Саныч. – Вы лицо государственное и от вашей жизни зависят жизни миллионов наших сограждан, – принялся он занудливо увещевать диктатора. – Виктор Степаныч, – кивнул он в сторону начальника эскорта, – прав. А вдруг на крыше храма или колокольни сидит снайпер и только и ждет, чтобы вы к нему в прицел попались?

– Скажете тоже! – не принял всерьез слова Сан Саныча диктатор. – Снайпер, между прочим, может находиться где угодно. Так мне теперь из-за этого вообще никуда носа высунуть нельзя?

– Не передергивайте мои слова, товарищ Верховный! Наша задача, как охраны, предусмотреть все возможные ситуации, а ваша задача, как охраняемого объекта, хотя бы не чинить нам препятствия и не облегчать задачу потенциальному убийце, – пояснил начальник личной охраны.

– Я сюда прибыл по приглашению Местоблюстителя Пат-

риаршего Престола – митрополита Евфимия и намереваюсь пройти внутрь храма, где вскоре состоится Поместный Собор.

– Мы в курсе ваших намерений, – дипломатично вставил Сан Саныч.

– Так вот, я собираюсь войти внутрь помещения. Вы и туда намерены идти со мной?

– Конечно, – дружно и не стовариваясь, ответили оба главных охранника.

– Вы, что с ума сошли? – постучал себя по лбу Афанасьев. – Не хватало мне еще в Храм Господень с вооруженной охраной заваливаться?!

– Но..., – попробовал опять что-то возразить главный личный телохранитель, явно неискушенный в религиоведении, однако был тут же перебит самим объектом охраны.

– Вы в курсе, что в Храм нельзя входить вооруженным людям? – спросил Афанасьев, хотя сам не был слишком уверен в подобном запрете. – Вы сами грешники и меня на совершение греха подбиваете, – погрозил он им пальцем.

Неизвестно, сколько бы они еще препирались, привлекая к себе внимание зевак, если бы их не заметили служители культа, заранее видимо предупрежденные о возможном визите. Они и доложили Местоблюстителю о прибытии Верховного Властителя одной седьмой части суши. Митрополит Евфимий, узнав о прибытии правительственного кортежа, в мгновение ока ринулся встречать поистине дорогого гостя.

Полностью облаченный в митрополичьи ризы он в сопровождении целого табора клириков поспешил к месту, где с большим трудом припарковался кортеж Афанасьева. Лицо крупного, но осанистого телом митрополита излучало одновременно радость и озабоченность. Причину того, что оно светилось радостью, можно было понять без особого труда. Не каждый раз глава государства срывается с места по первому зову служителя культа и является к нему, отложив все насущные дела на потом. А вот озабоченность на его челе можно было объяснить только тем, что предстоящая схватка с прежним церковным руководством обещает быть нешуточной и помощь такого влиятельного лица, как сам диктатор, была крайне необходима.

III.

До открытия Поместного Собора оставалось немногим более часа. Завидев целую толпу дородных клириков, сопровождавших, спешившего навстречу митрополита и Местоблюстителя, охрана Афанасьева еще теснее сомкнулась вокруг Валерия Васильевича. Это инстинктивное телодвижение своих охранников при виде целого стада бегемотообразных личностей, одетых в церковные ризы, порядком насмешило главаря хунты, и он отдал приказание тихим голосом, чтобы они не толпились вокруг него и дали пообщаться с лицами духовного звания. Охрана нехотя расступилась, и в

образовавшийся прогал ступил предводитель всей этой рясоносной братии – митрополит Минский и Слуцкий Евфимий. Артем Дмитриевич Палий, а именно так в миру звали митрополита Евфимия, был человеком не только дюжим телесно, но и умственно, поэтому у него хватило ума на совать свою руку в нос диктатору для положенного лобызания. Он, по-прежнему не скрывая своего удовлетворения, распахнул свои могучие лопатообразные ручки и заключил ими в свои объятия невысокого и коренастого диктатора, попутно троекратно прикладываясь к его щеке своей. Его объятия сопровождались тихим гуденьем в ухо Афанасьева:

– Спасибо, что не оставил церковь своим вниманием, чадо.

– Разве я мог поступить иначе, святой отец?! – в тон ему негромко ответил Валерий Васильевич.

Слегка отстранив от себя Верховного, но, не выпуская его из рук, будто опасаясь, что тот улетит прямо в небеса, митрополит продолжал гудеть мягким и ласковым баском:

– До начала отчета синодальной комиссии у нас еще есть толика времени, а обсудить надо многое. Потому, поспешим, сыне мой, в один из притворов, где и обсудим дела наши суетные и многогрешные.

Он, не говоря больше ни слова, развернулся всем корпусом на месте и как ледокол сквозь торосы медленно, но широкими шагами, не оглядываясь, пошагал назад. Вся его свита клириков, как по команде поспешила вслед за ним.

– Да-да, идемте, – согласился на предложение Афанасьев, уже в спину удаляющемуся митрополиту и двинулся было вслед за широченной, как амбарные ворота спиной Паляя, но вдруг остановился, заслышав сзади сопение топающей вслед охраны.

– Вы куда?! – не скрывая раздражения на лице, рыкнул он своим сопровождающим, среди которых помимо охраны были еще и Михайлов с носителем «ядерного» чемоданчика.

– Мы за вами, – осмелился подать голос кто-то из охраны.

– А ну, стоять! – гаркнул на них Афанасьев. – Всем оставаться на своих местах. Я пойду один. Ждать меня здесь, – короткими фразами рубил диктатор.

– По правилам... – опять было начал уже сам Сан Саныч, но на полуслове захлебнулся под хмурым взглядом Верховного.

– Молчать всем! Это приказ! – зло и высокомерно повторил требование Валерий Васильевич.

Охранники, включая своего начальника, застыли на месте, ибо под горячую руку никто из них попадать не желал. И только верный и преданный адъютант подал голос:

– Может всё-таки я с вами? – рискнул Михайлов произнести тоном, в котором сквозили надежда с обидой.

– Нет, Борисыч, со мной никак нельзя даже тебе, ибо чую, что разговор будет сугубо конфиденциальным, – отрицательно покачал головой Афанасьев, и, уже больше не говоря ни слова, пустился вдогонку уже удалившемуся на приличное

расстояние митрополиту.

Догнать того было делом нелегким. Хоть и удалялся он чинно и пристойно, но шаги его были широкими и ритмичными. Опытный человек, сразу бы разглядел в нем бывшего «волкодава». Валерию Васильевичу, несмотря на всю его коротконогость, все же удалось догнать Евфимия и его свиту почти на ступеньках Храма. Афанасьев думал, что они сейчас войдут в Храм Христа Спасителя через главный вход, но его ожиданиям не суждено было сбыться. Евфимий, в сопровождении клира, неожиданно свернул налево и, обойдя Храм с торцевой стороны, вошел в один из притворов. Афанасьеву не оставалось ничего иного, как последовать за священником. Немного пройдя низковатыми даже для невысокого Афанасьева переходами, они оказались в каком-то помещении, смахивающем, то ли на тюремную камеру, то ли на келью монаха-аскета. В маленькой комнатушке, с выбеленными стенами и малюсеньким окошком где-то под подолоккой ничего из мебели не было, кроме одиноко притулившейся к стене лавочки. Ни росписи на стенах, ни икон в драгоценных окладах, ни даже убогого коврика на каменном полу. Впрочем, даже света от маленького оконца вполне хватало, чтобы разглядеть все детали убогого помещения. Чтобы усугубить и без того унылый вид, с потолка сиротливо висела на проводе лампочка без абажура, но и она не горела. Митрополит плавным жестом руки велел сопровождавшим его церковникам удалиться, а когда те с подобострастными по-

клонами пяясь, вышли из комнаты, молча указал Валерию Васильевичу на лавку. Когда тот пристроил свой афедрон16 на жесткое и, кажется, даже плохо оструганное дерево лавчонки, морщась от подобного сервиса, уселся рядом, сложив благочинно свои большущие ручки на колени. Митрополитий посох, украшенный камнями и моржовым клыком, служитель культа пристроил в уголке у себя за спиной. Едва усевшись, он, глядя прямо в глаза собеседнику, начал выговаривать тому:

– Спасибо сыне, что внял моим просьбам и чаяниям, почтив своим присутствием наше Высокое Собрание – сиречь Поместный Собор. Однако ж вместе с этим хочу, и попенять тебе за твою нерадивость в служении Божьему промыслу.

– Это чем и когда же я успел провиниться перед Ним? – слегка опешил Верховный, никак не ожидавший, что Местоблюститель с места и в карьер начнет ему предъявлять претензии.

– Ан не помнишь, – склонил голову в скуфейке набок, как собака, которая пытается понять о чем говорят в её присутствии двуногие, – как давал мне обет исповедаться, раз уж принял моё духовное наставничество над плотию твоей и душою? Уж два месяца, почитай, прошло, а ты, чадо и в ус не дуешь! Терпенье Господне безгранично есть, но и испытывать его на прочность никоим образом не дозволительно, – поднял он кверху свой указующий перст в подтверждение своих слов.

– Ах, вот вы о чем? – облегченно вздохнул диктатор от незначительности обвинений в свой адрес. – Так я, Ваше Преосвященство, тоже ведь на печи все это время не сиживал, свесив ножки. По себе наверняка знаете, каково это управлять таким большим хозяйством, как Россия-Матушка. Сплю по пять часов в сутки, да и то вполглаза.

– Однако ж Господу нашему мог бы и уделить толику времени, ибо духовное начало всегда превалирует над мирскими и суетными делами, – поджал губы Евфимий, – а ты, сыне ни разу за два месяца не позвонил даже отцу своему духовному.

– Ну, так вы бы и сами могли позвонить и напомнить, – парировал упреки Афанасьев.

– Не носи голову свою превыше ветра, сыне мой, – покачал головой митрополит. – Не Богу торить дороги к душам заблудшим, а заблудшим душам следует искать пути к Божественному просветлению.

– Отче, – обратился к священнику Афанасьев, которому уже изрядно надоело пустопорожнее препирательство, – ты меня позвал и я явился по первому твоему зову, как истинный христианин и послушный сын духовного своего отца. Ты сам же сказал, что времени мало до начала Собора, а обсудить надо многое. И вот теперь вместо этого мы с тобой сидим в потемках, как заговорщики и спорим о делах совсем не подходящих насущному моменту.

– Не суетись, сыне мой, напрасно. Без нас все равно не

начнут. А покоры мои тебе не в тягость, а в помощь предначначены, дабы привести в равновесие мятежную твою душу. Смирения перед Богом, а также терпения в общении с духовными лицами, вот чего не хватает тебе.

– Смирения у меня отче – целый воз, иначе бы уж давно развязал Третью Мировую войну, – невесело отшутился диктатор. – Поэтому, давайте сразу перейдем к делу. Я вам еще в прошлый раз обещал посетить ваше собрание. Обещание я выполнил. Меня уже успели заметить многочисленные ваши служители, поэтому смело можете записать себе в актив мою поддержку, как светского руководителя государства.

– Это вельми достойно державного мужа, – поднял на гостя обрезанный и где-то даже беззащитный взгляд священник, – но паки реку, что сие лишь малая толика от того, что в силах твоих содейть на благо нашей матери Церкви.

– Да, чем же я ещё-то могу помочь, падре?! – воскликнул Афанасьев, изумляясь митрополичьим аппетитам. – Я же в вашей кухне ни бельмеса...

– Не дерзи, сын мой и не погань уста свои словесами еретических латинян! – повысил голос и погрозил пальцем Евфимий, попутно оглядываясь назад в поисках вразумляющего пастырского посоха.

– Ладно, прости, отец, сорвалось с языка, – взял примирительный тон диктатор. – Давай говорить прямо и начистоту, без всяких намеков и этих ваших церковных словечек типа «паче», «вельми» и прочего такого. Хоть ты и духовное лицо,

но по служебной иерархии звание у тебя не ниже моего. Так что предлагаю без околичностей, как офицер с офицером.

– Я был всего лишь старлеем, – огладил бороду и приосанился Артем Палий.

– И я в этих чинах бегал, – поставил точку над і Афанасьев. – Выкладывай в чем проблема. Обмозгуем.

– Ладно. Так и быть, – проворчал митрополит, – с мирянами на мирском и о мирском. Битва затевается нешуточная. И грозит она великими нестроениями церковными, которые могут привести даже к расколу.

– Вот как?! – не скрыл удивление Валерий Васильевич. – Ну-ну, продолжай, – тут же нахмурился он.

– Когда шел сюда, видел, как все подворье было забито иномарками дорогими?

– Видал, – кивнул ему, то ли собеседник, то ли уже собеседник.

– Все эти три с лишним месяца Нафанаил не терял времени даром. Он не просто отсиживался в стенах Богоявленского монастыря, он собирал своих сторонников.

– Так это их лимузины запрудили все подъезды к Храму? – догадался Афанасьев.

– Их. Целых девять лет после смерти Блаженнейшего Патриарха Алексия он не покладая своих нечестивых рук собирал и расставлял на наиболее значимых приходах своих ставленников. И вот теперь они собрались здесь, чтобы отработать подарки, – невольно сжал кулаки митрополит в бессиль-

ной ярости.

– Прости отче, я абсолютно не разбираюсь в механизмах принятия решений на подобных собраниях. Скажи прямо, отче, их присутствие в таком количестве может как-то повлиять на исход голосования?

– Может, – устало прикрыв веки, ответил коротко митрополит, затем помолчал чуток и добавил. – И дело тут даже не в количестве, а я бы сказал – в качестве.

– Как это? – не понял Верховный. – Поясни.

– Церковь, прости мя Господи, грешного за сравнение срамное, – мелко перекрестился Евфимий, – своей структурой напоминает армию. Как в армии вертикаль: дивизия – полк – батальон. Так и в церкви: митрополия – епархия – приход. Улавливаешь аналогию?

– Улавливаю, – склонил в знак согласия голову Афанасьев, огорчаясь тому, что армия была помянута в уничижительном смысле.

– Так вот, – продолжил митрополит, – ставленников Нафанаила, если брать их по количеству, то не так уж и много. Однако они управляют богатыми и многочисленными епархиями, а это значит, что голосов иереев, которые у них в подчинении, будет едва ли не более трети от общего состава. Да прибавь сюда выборных от мирян, которые не посмеют голосовать против своего епархиального начальства. Это еще даст в копилку Нафанаила около десяти процентов. А если прибавить к этому числу всех нестойких в вере и не опреде-

лившихся в своем смятении, то пря может закончиться и во-
все печально для Церкви, ибо настанет в ней раскол преве-
ликий – хуже, чем при Никоне. Все они горласты и амбици-
озны в своем упорстве сохранить доходы и насиженные ме-
ста, потому как знают, что если мы одержим победу на Со-
боре, то сошлем их на окормление в тундру к чукчам, а то
и вовсе лишим сана.

– А если они одержат победу, то, что будет с вами? – остро-
рожно, так, чтобы соблюсти такт в беседе, поинтересовался
Афанасьев.

– То же самое, – спокойно и без пафоса ответил Евфи-
мий. – Наши сторонники поедут в пустоши и к язычникам.

– А, что ждет вас, персонально? – уже не стесняясь, спро-
сил Верховный.

– Мне они ничего не смогут сделать, – прямо и честно
взглянул в глаза Афанасьеву мятежный митрополит. – Я эк-
зарх Белорусской Православной Церкви – номинально само-
стоятельной и автокефальной. Поэтому за себя я не пережи-
ваю. А вот за доверившихся мне священников душа моя бо-
лит и скорбит.

– Ну, хорошо. Примерный расклад мне стал более-менее
понятен, – потер переносицу диктатор в задумчивости. –
Остается только выяснить, какую роль во всем этом вы от-
ведете моей скромной персоне.

Первосвященник пожевал губами, собираясь с мыслями,
а потом выдал откровенно:

– Вы с соратниками уже, почитай, три с половиной месяца находитесь у кормила светской власти, – раздумчиво и не торопясь начал он. – Вам-то сверху может и не видно деталей происходящего, а люди-то – не бессловесные и неразумные твари. Они-то всё видят и всё примечают. Три месяца прошло, а изменения уже видны повсюду. Народ и страна будто очнулись от многовековой спячки, сбросили оковы и начали процесс самоочищения. Это раньше, даже в Москве мне приходилось не единожды замечать сонное царство. Сонное в том плане, – сам себя поправил митрополит, – что кроме денег, мирян ничего не интересовало. В церковь ходили не по наитию, а по традиции – на Пасху и на Крещение Господне. А так, ни-ни. Молитв не знали даже те, кто считал себя истовыми христианами. Ну, разве что «Богородицу», да и то не все. И кругом одни угрюмые и озабоченные лица. Вон, даже иностранцы это заприметили. А сейчас?

– Что?! – вырвалось у подавшегося вперед Афанасьева.

– Всё, вдруг, закрутилось и завертелось! Что ни день, то новое производство открывается. То там построили, то тут возродили. Страну, будто живой водой окропили. У простых людей появилась уверенность в завтрашнем дне. Чиновников-казнокрадов и олигархов-живоглотов к ногтю прижали. Это раньше они чувствовали себя полноценными хозяевами жизни, которым даже вышестоящая власть – не указ. А теперь, смотрю, по стеночке тихохонько пробираются, да все озираясь по сторонам. А все почему?! Потому что возродили

Народный Контроль и дали ему реальные полномочия. Виданое ли дело, я сам своими глазами не единожды читал объявления о вакансиях в городские административные учреждения! Николи такого не бывало на моей памяти. Иностранцы, которые тут по столице допрежь рассекали, никого и ничего не боясь, поубегали в одночасье, бросив присвоенные у нас предприятия. Думали, что загнется производство из-за отсутствия их технологий и специалистов. А, вот хрен им собачий в зубы! – вырвалась у него не совсем приличная фраза, которую он постарался смикшировать, опять мелко осеняя себя крестом. – Не оскудела земля русская талантами. Свои специалисты нашлись, и технологии уже начинают находиться. Люди сами стали проявлять инициативу, видя, что к их мыслям не только прислушиваются, но и внедряют их без проволоочки, да еще и поощряют материально при этом. Я не производственник, – с жаром продолжал митрополит, и слова его гулко отдавались от стен убогой кельи. – Мое дело – духовное окормление паствы. Но даже со своего пастырского места я вижу перемены в людях. Не поверишь! Они стали улыбаться! Несмотря на драконовские запреты, связанные с пандемией, число прихожан увеличивается с каждым днем. Люди приходят не просто, чтобы поставить «дежурную» свечку, скажем, за здоровье или упокой. Нет! Они молятся, а не шлепают губами, как было прежде – для виду. А венчания?! Венчаний стало чуть не в три раза больше. Я внимательно всматривался в глаза молодоженов. Не

по традиции или по наущению приходят к мысли о венчании, а осознанно и с явной охотой, вкупе с осознанием ответственности за сей шаг. Я, признаюсь, частенько в метро езжу. И не по скупости ради, а из любопытства человеческого. И вот, что я заметил. Если раньше молодежь сплошь и рядом утыкалась в свои смартфоны – порождения Нечестивого, то сейчас в руках держат, что бы ты подумал?!

– Что?! – с придыханьем переспросил Афанасьев.

– Учебники! И не какие-то там, скажем, по маркетингу, да менеджменту, тьфу, ты Господи за слова такие срамные! – опять осенил себя знамением священник, окончательно впавший в экстаз. – А по физике, да математике! И глаза горят, яко у учеников Христовых, проникшихся Нагорной проповедью. Вся страна, почуяв свои внутренние силы, яко Феникс, возродившийся из пламени, воспряла в едином порыве. И порыв этот уже ничем не погасить. Ей-Богу, я уже сам уверовал в мессианское предназначение нашего народа. Не народ колена Израилева, не единожды предававший и менавший Всевышнего на Золотого Тельца избрал Господь для претворения своих чаяний на Земле. Избрал он нас, не рабов, но детей своих, весь этнос наш, по-разному выглядящий, но единый в своих страданиях, очищении и приобщении к заветам Христовым! И я горжусь, что являюсь малою крупницею от него.

От такой пламенной речи, митрополит изрядно вспотел, а потому принялся отирать выступивший пот полою сво-

их священнических риз. Афанасьев, при этом, не преминул воспользоваться краткой паузой, чтобы еще раз попытаться прояснить вопрос:

– Спасибо отче, за слова, что бальзамом разлились в моей мятущейся в сомнениях душе. Но все же, ответь, какую роль ты мне отводишь в сегодняшней битве?

Палий опять пожевал губами, собираясь с мыслями и духом. Даже невооруженным глазом было понятно, что предстоящие слова будут стоить ему большого душевного откровения.

– За многие годы народ впервые почувствовал себя значимой величиной, – вымолвил он, уставившись в пол и не решаясь поднять взор. – Люди почувствовали, что о них начинают заботиться и начинают защищать от притеснений не ложно, а в действительности от чиновничьего всесилия, от людоедского капитализма, от уличного хулиганства и иных мерзостей, сопровождающих их быт. И все это только благодаря тому, что к власти пришла совсем иная когорта людей – ничем не связанная с прежней дискредитировавшей себя в глазах общества властью. В одночасье произошла смена элит. У широких масс населения появился шанс на социальный лифт. Знаком ли тебе этот термин?

– Чай не за печкой уродился, – чуть обиженно ответил Афанасьев, имевший научную степень доктора военных наук.

– Так вот, – потер митрополит свои колени ладонями, –

все эти перемены люди связывают с тобой и твоими соратниками. Впервые за всю историю рейтинг доверия к власти превысил значение в 75%. Поверь, сын мой, это очень много. А доверие к тебе превышает и этот показатель.

– Откуда у вас такие сведения? Рейтинг доверия последнего президента тоже превышал порог в 80%, – усмехнулся Валерий Васильевич.

– У нас свои источники информации и своя служба социальной аналитики, не доверять которой у нас нет оснований, – в свою очередь улыбнулся Евфимий. – Что же касается популярности последнего президента, то ты и сам прекрасно понимаешь, как рисуются царедворцами подобные цифири.

– И тем не менее...

– И, тем не менее, – подхватил священник на лету, – вся его беда заключалась в том, что он, как канатоходец пытался соблюсти баланс, считая это своей приоритетной задачей. Олигархат и приближенных ублажал материально, считая их своей преторианской гвардией, а народ умиротворял незначительными подачками, представляя их, как высшее достижение своей власти. Он стоял перед дилеммой: быть с народом или быть с ограниченным числом приближенных. Думая, что деньги решают всё в этом мире, он сделал свой фатальный выбор. В результате, все кончилось довольно печальным образом, для него самого. Самые близкие люди, как он полагал, его и предали, в конце концов.

– То есть, если я вас правильно понял, то вы желаете воспользоваться некоторой моей популярностью в своих целях?! – перевел беседу на совсем уж откровенный лад Афанасьев.

– Думай, что речёшь! – поднял голову и сверкнул глазами митрополит. – Свои цели, это когда я бы попросил у тебя квартиру для своей племянницы на Тверской! А я забочусь об интересах церкви и народа, в целом.

– А, что, племяннице понадобилась квартира в центре Москвы? – панибратски подмигнул Верховный ссутулившемуся Евфимию.

– Перетопчется, – буркнул неистовый иерарх.

– Ладно-ладно, я пошутил, – решил сбавить обороты Валерий Васильевич. – Но, что я конкретно должен сделать?

– Своим авторитетом ты должен противостоять алчущим клирикам, сопротивляющимся переменам. Они, неразумные сами не понимают, что своим стяжательством приближают не только свой телесный и духовный конец, но и закат последнего оплота веры в христианские начала.

– Вот ведь какой вы скользкий субъект, отче! Я от вас уже битых полчаса добиваюсь конкретики, а вы все куда-то крутите и вертите, как фокусник в цирке. Скажите прямо, наконец: «Василич, ты должен сейчас сделать то-то и то-то». Тогда и мне и вам станет ясно, в каком направлении двигаться дальше.

Служитель культа опять вперился в пол глазами и как бы

нехотя через великую силу выдавил из себя:

– Пойми, мне тяжело молвить об этом. Но ты ведь не младень, а муж убеленный сединами. Мне ли тебе объяснять про «аз» и «буки»? Те клирики, что стоят горой за нечестивого Нафанаила тоже ведь люди, подверженные мирским страстям и вожделениям. И им, как и прочим мирянам не чужды страхи потерять в одночасье все, чем они владеют – материальным достатком, приобретенным, скажем так, не совсем честным способом. Но, паче того, страхом потери свободы и далее распоряжаться всем этим добром безнаказанно, не понимая, что это всего лишь краткий миг бытия пред вечной жизнью и вечной расплатой за свои мирские слабости.

– То есть, вы мне предлагаете перейти к угрозам начать репрессии против служителей церкви? – не поверил своим ушам диктатор.

– Порой неразумную скотину, пастырь направляет на путь истинный хворостиной, – тяжело вздохнул митрополит.

– Ага. Это типа того, что умелое использование кнута, существенно экономит пряники. Я так понимаю?! – слегка опешил от подобной откровенности диктатор.

– А разве я предлагаю тебе совершить, что-то противозаконное?! – в свою очередь удивился Евфимий. – Эти клирики уже замечены в симонии¹⁷, стяжательстве и мздоимстве, а также в подкупе должных лиц государства. Просто Церковь, не желая выносить лишний сор из избы старалась не выпячивать эти факты.

– Вот и расстаралась на свою голову! Теперь вот по уши сидит в дерьме, тока ноздри наружу! – со злостью выпалил Верховный. – И мне вы хорошую свинью подложили, желая выставить вселенским пугалом. Я, значит, аки пес цепной должен буду броситься на отступников, а вы, вроде, как и не причем, да?!

– Да! Да! – яростно хлопнул себя по коленкам бывший старлей. – Если тебе так хочется считать, то, да, пускаю тебя в качестве ледокола! И что с того?! Только тебе-то это ничем не грозит! Они, даже в случае победы, не осмелятся провозгласить тебе анафему¹⁸, потому что знают – народ за ними не пойдет. А вот как быть тем клирикам, что уверовали в справедливость, в перемены и пошли за нами? Им-то что делать? Снимать с себя сан? Постригаться в монахи или паче того – уходить в подполье? Ты о них подумал, любитель лайковых перчаток?!

Сказать, что Афанасьев был поражен последними откровениями митрополита, будто выплунутыми им в лицо, значит, ничего не сказать. Он был просто ошарашен, как словами, так и тоном, которым они были произнесены. Афанасьев еще раз внимательно оглядел своего визави, словно не узнавая того и теперь пытался отыскать в нем что-то знакомое, но не находил. Крупный телом митрополит, сейчас больше всего походил на взъерошенного воробья – отчаянного от своей наглости, что позволил себе спорить с ястребом, и в то же время нахохлившегося, от свалившихся на него невзгод,

немошного старца. Он смотрел на него и никак не мог свыкнуться с этим его новым образом. Может быть, именно в этот момент Валерий Васильевич и принял окончательное для себя решение об оказании мятежному старцу всесторонней и всеобъемлющей помощи. Этот удивленный взгляд диктатора не остался незамеченным со стороны Евфимия:

– Что, воззрился?! Не узнаешь?!

– С трудом, – честно признался Верховный.

– Да, сыне, увы, нам. И я тоже грешен и одержим страстями и неистовством, противным сути смиренности в христианстве.

– Ладно, отче, уговорил. Так и быть, продемонстрирую им кнут без пряников. Но давай этот фортель прибережем на крайний случай. Давай, лучше остановимся на личности самого Нафанаила. Что у вас есть из конкретного материала на него? Ведь я так понимаю, что главный объект воздействия – миряне, делегированные на Собор, потому, как церковников ничем не удивишь. Чем таким можно зацепить простых верующих, чтобы они отринули нечестивого патриарха?

Глава 64

I.

Там же.

Евфимий уже порядком успокоился после душевного взрыва и вновь принял осанистый и благообразный вид. Он

с достоинством огладил свою длиннющую бороду и начал с крестьянской обстоятельностью докладывать о проделанной работе Синодальной Комиссии:

– Об этом даже не сумуй¹⁹, – величаво ответил иерарх. – На него компромата – выше крыши. Причем, все это задокументировано, как и положено. За три месяца служба внутренних расследований...

– Каких, каких? – переспросил Афанасьев, думая, что ослышался.

– Внутренних, – терпеливо, и даже с какой-то хитринкой в глазах, повторил митрополит. – Да-да, есть у нас и такая. На манер католической Священной Конгрегации – сиречь инквизиции, если по-новому.

– Ага, понял. Теперь с этого места поподробнее, пожалуйста.

– Выявлены многочисленные факты симонии...

– Это что? – перебил диктатор, посчитав это за один из видов полового извращения.

– Это торговля церковными должностями, – пояснил иерарх, заметив сразу разочарование в глазах собеседника. – Контрабанда алкогольных и табачных изделий в гомерических размерах и под вывеской средств дезинфекции и церковных благований.

– От жулик! – хлопнул себя по коленке Афанасьев, восхищенный иезуитской изворотливостью отстраненного патриарха. – Но, продолжайте-продолжайте, я весь – внимание.

– Взятки должностным лицам за выдачу лицензий на строительство коммерческих объектов, а также получение подношений от них же за проведение незаконных обрядов. Соккрытие подношений.

– Погодите-ка, – приостановил словесный поток Афанасьев. – Про его стяжательство и сребролюбие в народе уже байки давно ходят, так же, как и кадры киносъемок с его загородных вилл и якобы подаренных яхт. Об этом мы уже наслышаны. Но, что значит, незаконных обрядов? Он у вас, что, тайный сатанист, что ли?

– Нет, – усмехнулся Евфимий. Тут имеется в виду совсем другое. А именно, отпевание самоубийц, венчание уже венчанных, но разведенных, венчание брачующихся в третий раз, нарушение тайны исповеди.

– Он, что у вас занимается лично такими вещами?! – удивился Валерий Васильевич.

– Да. Некоторые высокопоставленные чиновники имеют патриарха своим духовным отцом, за определенные и немалые вложения, а также приглашают на совершение обрядов.

– А тайна исповеди тут причем?

– Многие из сильных мира сего желают знать, что думают о них домочадцы, которых исповедует Его Святейшество, – кратко пояснил Евфимий.

– И как дорого стоит иметь своего личного патриарха?

– Дорого. Очень дорого, – покачал головой экзарх²⁰.

– Что ещё о нем? – скрипнул зубами диктатор.

– Присвоение денежных средств, выделенных на реставрацию и постройку новых обителей, полученных, как от государства, так и от частных жертвователей, – продолжил он перечислять грехи первосвященника. – Присвоенные средства оседали на заграничных счетах Нафанаила. Мы пока нашли около восьмисот миллионов долларов, но думаю, что, если покопаться, то еще много можно было бы найти.

– Негусто, – повел носом Афанасьев. – А все потому, что поздно изволили очухаться, – сварливо добавил он к высказанному разочарованию. Мы вон сегодня тоже одного такого матерого ущучили на сумму в четыре с лишним миллиарда «зелени». За полтора часа. А вы три месяца вожжались. Раньше надо было начинать.

– Раньше у нас не было такой возможности, – обиделся на высказанные упреки митрополит. – У нас строгая вертикаль власти, завязанная на самого Патриарха. Вы-то, вон тоже, пока не стало президента, сидели и перешептывались у себя на кухне, как амбарные мыши. Скажешь, не так? – подколол он все же в отместку Верховного.

– Ладно, без обид, – решил тот смягчить напряженную ситуацию, грозящую перейти из конструктивной колеи в русло взаимных обвинений.

– Нам бы вашу «головомойку», о которой ходит столько слухов в народе, да к ней пару специалистов на время, – закинул удочки Палий, согласившись отринуть ненужные споры.

– Рассмотрим, – важно кивнул Афанасьев, продолжая внутренне удивляться многогранности и непростом характере Местоблюстителя. – Еще что по его делу есть? Факты? Доказательства? Свидетельские показания? – тоном прокурора спросил диктатор.

– Документальные свидетельства: счета, накладные, фальшивые сметы, подставные фирмы-однодневки, денежные переводы и банковские выписки – все есть. Ребята из службы внутренних расследований не зря едят свой хлеб, – с гордостью возвестил священник. – Что касается свидетельских показаний, то они тоже взяты с соблюдением всех правовых и церковных норм. А именно, с возложением рук на Святое Писание и под видеокамеру.

– Ишь ты, как основательно подошли к делу? – изумился Афанасьев. – Видать и до вас дошел научный прогресс. Небось и бывшие сотрудники компетентных органов среди вас завелись?

– Мы всегда находились в тесном сотрудничестве со специальными службами государства, – уклончиво подтвердил догадку диктатора митрополит.

– Одобрю, – поднял кверху большой палец Валерий Васильевич. – Что там еще имеется против нашего клиента? – опять вернулся на прежние рельсы Верховный.

– Имеется, – опять начал нервно оглаживать бородищу Евфимий и при этом глаза его стали какими-то виноватыми, что навело Афанасьева на определенные мысли фривольно-

го характера.

– Неужели спалился на сексуальной почве?! – догадался он, оценивая заминку в речах собеседника.

– Так и есть, – с видимым усилием согласился церковник. – Дело весьма постыдное. Мало того, это грозит утратой доверия ко всей Церкви. И я даже не знаю, стоит ли подобное выносить на суд общественности? – поёжился служитель культа.

– Нельзя быть честным и благородным наполовину. Сказав «А», непременно надо говорить и «Б», – тоном строгого наставника произнес Афанасьев. – Или ты думаешь, что все сказанное тобой прежде не служит умалению Церкви?!

– Надо отделять Церковь от её служителей! – сверкнул глазами иерарх. – Слаб человек – сие ведомо испокон, а Церковь призвана укреплять его духовно.

– Я и так вижу, как Церковь укрепила своего первосвященника. Телесно укрепила и только в одном месте, сам теперь знаешь в каком именно.

Евфимий от такого неприкрытого каламбура побурел до свекольного цвета лица. И Афанасьев даже испугался, что благочинного кондрашка хватит. Однако же митрополит быстро справился с приступом, что говорило о хорошей психологической подготовке.

– Если не хочешь, то не говори, – сжалился Афанасьев над Евфимием, но тот только мотнул головой, перемогая своё, воспитанное годами, целомудрие.

– В общем, имеются задокументированные свидетельские показания послушниц Зачатьевской и Покровской обителей о том, что Нафанаил склонял их к соитию, угрожая церковным затвором.

– Склонил? – жестко и коротко спросил диктатор, всегда щепетильно относившийся к делам подобного рода.

– Склонил, – понуро опустил голову Местоблюститель.

– Из доказательств только показания потерпевших?

– Соития много раз происходили в личных покоях Патриарха, а также в бане, где он занимался с ними свальным грехом.

– Групповуха, что ли?

– Да, – опять зарозовел ликом священнослужитель. – В некоторых случаях в богопротивных деяниях участие принимали и его гости из епархий. Видео самих актов группового насилия нет, но и нет оснований не доверять несчастным белицам.

Затем немного помолчав, осторожно поинтересовался:

– Надеюсь, что у тебя хватит такта не заставлять обнародовать это позорище? – совсем уж тихо произнес он и, заметив недоумение на лице Афанасьева, тут же поправился. – Я не о нем пекусь, а о послушницах, коим сейчас и так срамно глядеть в глаза остальных насельниц монастырских.

– Стыд – не сало, кинут в щеки – не пристало, – жестко парировал просьбу митрополита диктатор. – Не дети малые и неразумные. Знали, на что шли. Ну, ладно, пожалеем ду-

рех, не будем срамить пред белым светом, – сжалился он, поглядев, как поникли плечи священника, – но ведь, зная его натуру, руку даю на отсечение, что девками он не ограничился. Верно?

– Верно, – эхом отозвался Евфимий. – Это в монастырских кельях нет скрытых камер, а вот на яхте «Баллада» таковые имеются и патриарх о них – ни слухом, ни духом не ведает. И камеры эти зафиксировали акты содомского греха с молодыми послушниками мужского пола. Тьфу, ты, прости мя Господи, многогрешного! – опять закрестился митрополит.

– Вот это хорошие новости, вот это отлично! – потер руки Афанасьев, представляя лицо Нафанаила, когда тот узрит свою личность в разных ракурсах.

Но быстро спохватившись и застеснявшись своей радости, стал опасливо озираться вокруг. Евфимий понял опасения диктатора и, кажется, впервые за все время трудного разговора, позволил себе улыбнуться:

– Ты, думаешь, зачем я привел тебя в эту убогую клеть?! – спросил он, и не дожидаясь ответа, пояснил свой поступок. – Да, все потому, что это единственное помещение в Храме, где нет скрытых видеокамер.

– О-о-о! – с уважением поглядел на него Афанасьев, беря на карандаш еще один штрих к биографии своего союзника.

Затем, будто что-то припоминая, потер лоб и с нескрываемой досадой произнес:

– Это все, конечно, хорошо. Но все эти факты говорят

лишь о его душевной и телесной слабости. Многие ведь скажут: «А кто не грешен? Ходить возле воды, да не замочиться?!» Ведь согласишься, что этим грешат многие из числа священников, а уж мирян, тем более. Не поопасятся ли они осуждать Нафанаила из опасений, что и их может ожидать подобное преследование. Сегодня, значит, осудили патриарха, а завтра, глядишь, и до них доберутся. А если они оправдают патриарха, то тогда и с них, выходит, какой может быть спрос?

– Что ты предлагаешь? – опять нахохлился под спудом аргументов Евфимий.

– Я тогда, – почесал в затылке диктатор, – на ступенях Колонного Зала, честно сказать, сыграл в рулетку и всё поставил на «зеро», обвинив его в предательстве православной веры, хоть и не располагал фактами, опираясь, всего лишь на слухи. И это прокатило. Вот, если бы, в самом деле, существовали неопровержимые свидетельства этому, то тогда, конечно, всё это приняло совсем другой оборот.

– А с чего ты взял, что таких свидетельств не имеется? – хитро прищурился ушлый белорус.

– Как?! – мячиком подпрыгнул на лавке дородный Афанасьев. – Неужто есть свидетели того, как он лобзал руку Папы, принимая от него кардинальскую шапку?!

– Свидетели, разумеется, есть, но они все являются его ярыми сторонниками и николи не выдадут его шашни с курьей, – спустил священник с небес на землю неистового ми-

рянина.

– Да?! – не скрыл своего уныния Валерий Васильевич.

– Да, – продолжал хитро улыбаться поп. – Но кроме свидетельских показаний имеется еще и подлинная видеозапись этого позорного мероприятия в приемном зале гаванского аэропорта. И этой видеозаписью с нами любезно поделились кубинские товарищи, – с ноткой торжества закончил митрополит.

– Что ж ты раньше молчал об этом – долгогривый?! – не удержался и всплеснул руками Верховный. – Битый час в носу ковыряемся, выстраивая обвинения, а тут, оказывается, и так всё уже имеется! Вот за что я вас не люблю скуфейкиных²¹ детей, так это за ваши постоянные увертки и недосказанности!

– Не оскверняй язык свой словами хулительными и несправедливыми, сыне мой, – укорил Верховного митрополит, продолжая, тем не менее, улыбаться в бороду.

– Ладно, проехали, – подвел черту Афанасьев. – Ты лучше скажи, как вам такое дело повернуть удалось?

– Никакой тайны в этом нет, – самодовольно огладил бороду священник, не скрывая радости от того, что смог утереть нос всем спецслужбам государства. – Я же говорил, что у нас тоже есть свои спецслужбы, а раз есть таковые, то и агентурная сеть, соответственно. Причем, весьма разветвленная сеть и без перебежчиков, как у некоторых, – язвительно намекнул он на череду провалов в СВР.

– Ну, и что? Не томите, отче, – продолжал теревить митрополита Верховный.

– А, то, – передразнил Главу государства врио Главы Церкви, – что в отличие от светской власти, мы никогда не теряли связей со своими единомышленниками, где бы те не находились. Поддерживали не токмо контакты, но и окормляли материально. Куда уж без этого по нынешним временам? Сухая ложка, как известно, рот дерёт. Вот нам кубинские товарищи и помогли, чем могли. И это несмотря на то, что они по-прежнему находятся в лоне католической веры. Зацени!

– Уже заценил, – покивал головой Афанасьев.

– Так что, ты тогда был прав, когда сцепился с ним по поводу предательства, – резюмировал старец.

– А видеозапись? Она хорошего качества? Ни у кого не возникнет никаких сомнений? – продолжал допытываться Верховный, изображая из себя следователя и прокурора одновременно.

– Там была не просто видеозапись хорошего качества, где отчетливо видны все сопровождающие обоих иерархов лица, но еще и звуковое сопровождение всего этого богомерзкого собрания, с верноподданническими высказываниями Патриарха в адрес Франциска, – пригорюнился митрополит.

– Замечательно! – просиял Афанасьев. – Считаю, дело сделано! А ты чего такой невеселый?! – заметил он скорбь на лице Евфимия. – Ведь все же хорошо! Доказательств – туча

хуча! Так что, белиц твоих можно и не позорить, выставляя с признаниями перед белым светом! Радоваться надо, а ты, ровно с бодуна! – продолжал радостно неистовствовать диктатор.

– У меня нет повода праздновать победу по этому поводу, – кротко заявил митрополит, зажав в кулаке свою бороду. – Посуди сам. Имея на руках такое доказательство против Первосвященника, мы вынуждены будем предать его огласке. А теперь подумай и взвесь на весах, послужит ли разоблачение патриарха умалению авторитета Церкви, и так не слишком высокого? И ты сам знаешь на это ответ. Послужит. И еще как! Если уж за самим Святейшим Патриархом тянутся такие прегрешение, как вероотступничество, то, как мы – простые пастыри, можем после этого, что-то требовать от паствы? Как нам увещевать, прещать²², усмирять и наставлять её на путь истины?! Ты подумал об этом? И как объяснить раскол в самом сердце православия?! – последнюю фразу старик не произнес, а простонал, будто лежа на смертном одре.

Однако ж, все его стенания не произвели на Афанасьева ровно никакого впечатления. Он как сидел твердо на своем седалище, так и продолжал уверенно сидеть, даже не шелохнувшись, чем немало удивил служителя культа Христова.

– В твоих словах, отче, много пафоса, но мало логики, – спокойно возразил диктатор на опасения церковника. – Или у вас там, в семинарии не преподавали сей предмет?

– Глаголь, – буркнул Местоблюститель, хмуро шевеля бровями.

– Ты, отче, уж не знаю почему, но очень плохо думаешь, о своей пастве и это тебя никак не красит, – начал откровенничать Верховный, прямо глядя в глаза митрополиту. – Ты считаешь, что люди, слепы и глухи ко всему происходящему, и только живы от той манны небесной, что вы ему преподносите в своих проповедях? Нет уж, дудки. Это сто с лишним лет назад можно было утаить от народа неудобную для вас информацию о вашей подлинной жизни. А сейчас время не то. В одном месте шептуна пустишь, а с противоположного конца уж морщатся. Ты думаешь знакомые с новыми информационными технологиями люди не видят всей этой мерзости?! Да, загляни в интернет! Ты мне тут сейчас хвалился своими секретными службами, а они тебе докладывали, почему количество верующих резко пошло на спад после 90-х? А все потому, что все ваше гугно всплыло наружу, – жестоко принялся обличать диктатор служителей Церкви.

– То суща лжа и напраслина! – возвысил голос Евфимий. – Наоборот, количество прихожан токмо увеличилось, и я тебе о том говорил пять минут назад.

– Никакая не напраслина! – в свою очередь набылчился Афанасьев, не любивший оставлять последнее слово в споре своему противнику. – Да, говорил, что увеличилось, но с какого времени?! Не с того ли, как мы пришли к власти?! Твои ведь слова. А все почему?! Да потому, что мы не стали пря-

тать обгаженные портки, а пошли да и замочили их в хлорке! Нам это пошло только на пользу, и вам пойдет. И люди к вам потянулись не просто так, от безысходности какой, а потому, что вы отстранили святотатца от престола патриаршего и начали против него вести следствие.

– Премного злы и беспощадны словеса твои, но и справедливы вельми, – опять нахохлился митрополит. – Про портки, измаранные, это ты метко выразился, – с явной неохотой признался Евфимий, – да, вот только я опасуюсь, что в процессе стирки мы выплеснем и ребенка вместе с грязной водой.

– Ну, ты даешь, отче! – хохотнул Афанасьев. – Кто же стирает портки вместе с ребенком?! Ты с него их сначала сними, да откинь пока куда подальше. А уж, когда он очутится у тебя в руках голеньким и плачущим от унижения, неудобства и холода, тут-то и окунай его в лохань! Понял ли аллегорию?

– Как не понять? – пожал плечами митрополит. – Предлагаешь перед помывкой выставить голый срам на всеобщее обозрение?

– Сам ведь знаешь, что любое очищение подразумевает под собой и срам, и стыд, и покаяние. Без этого никак уж не обойтись, – развел руками Валерий Васильевич. – Кстати, – спохватился он, – если уж мы заговорили о стыде и сраме, что там случилось на самом деле с прежним Патриархом, как там бишь его, Алексием, вроде бы?

– Следствием был установлен несчастный случай, – вновь

неопределенно пожал плечами Палий.

– Ну да, ну да, – саркастически покивал головой Афанасьев. – В таком разе, разреши-ка мне в твоём присутствии сделать один звоночек?

– Звони, – милостиво разрешил священник. – Извини, я бы отошел в сторонку, да некуда – обвел он рукой невеликое помещенье.

Валерий Васильевич сунул руку во внутренний карман пиджака (с момента ухода в отставку он одевался исключительно в гражданское) и достал оттуда коммуникатор. Рыться в «телефонной книге» не стал, ибо и так знал набираемый номер наизусть. После нескольких продолжительных гудков, на том конце взял трубку мобильника Николай Павлович.

– Николай Палыч, я наверное тебя сейчас отвлекаю от важного и любимого занятия, но мое дело к тебе уж больно срочное, – загудел Афанасьев, сдабривая свой голос заискивающими нотками.

– Слушаю вас, Валерий Васильевич с вниманием. Помогу, чем могу, – обнадежил жандарм повелителя Всея Руси.

– Я сейчас нахожусь в Храме Христа Спасителя. До начала Поместного Собора осталось минут пятнадцать. Битва предстоит нешуточная.

– Понимаю, – коротко бросил Тучков.

– Так вот, что я хотел у тебя спросить, Николай Палыч, ты случаем не в курсе, что там на самом деле произошло двенадцать лет тому назад с предыдущим Патриархом Алексием

Вторым?

– Случайно – нет, а вот специально – да, в курсе. Именно мне было тогда поручено лично заняться этим делом, я тогда только-только занял должность начальника следственно-го управления, – окунулся в воспоминания молодости Председатель КГБ.

– Ну и что ты можешь сказать о том деле, хотя бы вкратце? – поторопил его Афанасьев.

– Если вкратце, то темное и грязное было дело, – не замедлил тот с ответом.

– Хм, – хмыкнул Верховный, – весьма информативно. А если чуть приподнять завесу?

Афанасьев не стал включать «громкую» связь, но в маленькой и пустой келье всё было хорошо слышно и так, поэтому митрополит затаив дыхание наострил уши, чтобы не дай Бог, не пропустить чего-то важного для себя. Он даже чуть-чуть склонил голову набок, чтобы было лучше слышать говорящего на том конце Тучкова.

– Я хорошо помню все детали этого дела. Официально смерть Патриарха произошла в результате стечения целой цепочки трагических обстоятельств. Якобы во время принятия ванн процедур ему вдруг стало плохо с сердцем, он поскользнулся и упал, попутно ударившись головой об край ванны, в результате чего произошла травма черепа, повлекшая за собой летальный исход. Но всё это – ерунда на постном масле. Это было классическое «идеальное» убийство,

разыгранное, как по нотам.

– Тебя что-то насторожило в результатах вскрытия?

– Да, ё... твою мать, – невольно вырвалось изо рта Тучкова неприличное ругательство, – не было никакого вскрытия! Из самой администрации Президента прибежал нарочный с письменным запретом от Самого на проведение мероприятий по вскрытию тела.

– Он как-то объяснил запрет на вскрытие? – продолжил играть роль опытного «следака» Валерий Васильевич.

– Угу. Типа мол при жизни Патриарх отличался праведностью в поведении и чистоте помыслов, а потому-де не исключено, что впоследствии его могут причислить к лику если и не святых, то блаженных.

–И?

– И значит, негоже копать во внутренностях почти святого угодника. Или как их там ещё называют? – продолжал негодовать много лет спустя жандарм.

– А почему ты назвал это классическим идеальным убийством? – поинтересовался Афанасьев.

– Потому что там все развивалось по сценарию много раз описываемому в классических детективах, где убийство происходит в запертой изнутри двери.

– Расскажи, но только кратенько, а то нам уже скоро идти, – потребовал диктатор и чуть прибавил громкость динамика, чтобы Евфимий окончательно не свернул себе шею.

– Патриарх, видимо, уже давно чуял, что его хотят устра-

нить, поэтому был крайне недоверчив во всем – начиная от приема пищи и кончая личной охраной, на которую, кстати, не шибко-то и надеялся. Особенного недоверия заслужил митрополит Нафанаил. Видимо, у них уже были стычки. Из-за этого тотального недоверия у него развился синдром преследования, который приобрел гротескные черты. Он постоянно запирался на все запоры, когда находился один в помещении. Так было и в этот раз. Он, пойдя в ванную, заперся там, на ключ, как обычно. Именно поэтому между наступлением смерти, которая произошла, ориентировочно, около полуночи и нахождением тела прошло более восьми часов – пока стучали, пока взломали дверь. Предварительный осмотр тела показал, что черепная травма стала следствием сильного удара в висок тупого предмета. И, тем не менее, смерть наступила не сразу. Он еще пробовал оказать сопротивление. Кругом было полно кровищи. Она была в ванной, на полу, на кафельной стене. Руки покойного тоже все были в крови. Даже на одежде Патриарха, что лежала на тумбочке, была кровь. И кругом были кровавые отпечатки от ладоней, от пальцев. Мы провели предварительную дактилоскопию покойного. Большинство кровавых, да и просто отпечатков в ванной комнате, принадлежали ему самому. Он вообще не любил, когда кто-то кроме него посещал это место. Но вот несколько отпечатков, к тому же кровавых, принадлежали не Патриарху.

– Ага, значит, если они кровавые, то, следовательно, по-

явились не до и не после убийства, а во время оно, – глубокомысленно заключил Верховный.

– Верно, так как ворвавшиеся в проломленную дверь ничего трогать не стали, за исключением самого тела Патриарха, а, значит и кровавых отпечатков на стенах оставить не смогли, – поддержал Тучков диктатора в его мнении.

– Ну, вы хоть смогли взять отпечатки у прислуги, которая в тот день находилась в покоях Алексия? – нетерпеливо спросил Афанасьев.

– Да. У всех служек отпечатки взяли и, естественно, никакого сходства с оригиналом не обнаружили. Но, что удивительно, когда мы решили расширить круг подозреваемых, а для этого снять отпечатки пальцев всех, кто был на подворье в этот и предыдущие дни (на основании записей журнала посещений), то нам опять вставили палки в колеса. Из Генпрокуратуры, которая, собственно, и занималась этим делом, (мы-то, так, на подхвате и в силу служебного долга участвуем в расследовании убийств первых лиц государства) пришло строгое предписание прекратить повальные проверки, ибо церковники жалуются на неразборчивость методов и бросание тени недоверия на всю их братию.

– И какой вывод вы сделали из этого? – опять встрял Афанасьев в рассказ Николая Павловича.

– Элементарный, – хмыкнул жандарм. – Убийца был не наемным, как мы вначале предполагали и опасались. Убийца был из приближенных к Его Святейшеству. Причем, этот

«свой» был в немалых рангах, раз сумел продавить такое решение Генпрокуратуры.

– Вы выявили того, кто накропал подобную «слезницу» в Генпрокуратуру? – продолжал разыгрывать из себя мэтра сысского дела Афанасьев.

– Письмо было коллективным. Там было изрядное количество подписей.

– А не было ли там подписи нынешнего Патриарха? – гнул свою линию Валерий Васильевич.

– Кажется, была, но не из числа первых, – неуверенно подтвердил Тучков.

– Ну, ещё бы ей быть первой?! Это вам не гопник какой-нибудь, а матерый преступник, – ухмыльнулся в коммуникатор Афанасьев.

– Это, конечно, так, – не стал спорить кэгэбэшник, – но мне все время не давала покоя одна деталь...

– Какая?

– Я ведь с самого начала рассказа упоминал про закрытую дверь в ванную комнату, – продолжил повествование Тучков. – Ключи от ванной мы нашли при осмотре места преступления. А вот когда проводили опрос всех, кто в это время находился на подворье, то одна из горничных в монашеском чине, рассказала о некоторой странности, которая прямо указывает на убийство Первосвященника.

– Ну-ну?! – начал поторапливать жандарма диктатор.

– Патриарх, всегда, когда запирался от кого-нибудь, то

непрерывно оставлял ключ в замочной скважине. А в этот раз связку ключей нашли в ворохе нижнего белья Патриарха.

– Хмм, и что всё это может значить? – подергал носом Афанасьев, находясь на этот раз в явном затруднении.

– А то и значит, – начал терпеливо пояснять Тучков, – что Патриарх сам открыл дверь своему убийце.

– Но ведь ты только что говорил, что у Алексея было стойкое недоверие к Нафанаилу. Вряд ли бы он стал по ночам открывать ему дверь, – усомнился Валерий Васильевич в гипотезе Тучкова.

– Значит, за дверью был кто-то ещё, кто пользовался маломальским доверием Патриарха и кому, тот не посмел, не открыть дверь, – жестко парировал сомнения шефа Николай Павлович. – Так что, всё укладывается в рамки классики детективного жанра. Злоумышленники постучали в дверь. На вопрос «кто там?», тот, кто пользовался относительным доверием, откликнулся, видимо, назвав весомую причину для столь позднего визита. А когда тот открыл дверь, то в дело вступил второй, который и ухайдакал старика. Вряд ли, тот второй, участвовал в непосредственном убийстве, иначе бы и его следы были на месте преступления. Но, по крайней мере, мы точно знаем, что он там был. Затем, наскоро отерев руки об одежду, сваленную на тумбочке, он, а точнее, они, подхватили связку ключей и заперли за собой дверь.

– Как же тогда объяснить связку ключей, оказавшуюся в ворохе одежд? – опять засомневался Афанасьев.

– Очень просто. Убийца Патриарха был в числе тех обеспокоенных его отсутствием, кто ворвался к нему утром. А в поднявшейся суматохе нет ничего проще, чем подложить связку ключей в стопку одежды.

– Был ли Нафанаил в числе ворвавшихся в ванную комнату? – прямо спросил Верховный.

– Да, – коротко ответил Малюта и тут же пояснил свой лаконичный ответ. – За ним послали сразу, как только обнаружили запертую дверь ванной комнаты. И он вместе с посыльным тут же прибыл на подворье.

– А был ли он в числе тех, кто был в покоях Патриарха накануне событий? – въедливо продолжил «допрос» Валерий Васильевич.

– Да, но не в самих покоях, а в патриаршей библиотеке, что находится в другом крыле здания. Будучи заведующим Отделом Внешних Сношений, он имел право на посещение патриаршей библиотеки в любое время. В холле, отделяющем крылья здания друг от друга, находится пост, мимо которого незаметно не пройти. Нафанаил покинул библиотеку в районе полуночи, о чем имеется запись в журнале посещений. Свидетелями его отбытия был, как дежурный на посту, так и два привратника, провожавшие его до автомобиля, – обстоятельно докладывал Николай Павлович.

– Что ты говоришь?! Надо же?! – мастерски сыграл удивление Афанасьев. – Коль, а Коль, – задушевно обратился он к своему церберу, – а тебе не кажется странным, что я, нахо-

дьясь совсем в другом месте от места происшествия, да еще через двенадцать лет, сумел-таки найти убийцу и его подельника?

– Вы полагаете, что подельник и есть тот, кто был в ту ночь на посту?! – воскликнул Тучков.

– Вы, Николай Палыч, демонстрируете просто чудеса своей проницательности, – ехидно заметил новоявленный Холмс.

– Ух, ты! – продолжал исторгать восхищенные и несвойственные своему аристократическому происхождению междометия потомственный дворянин.

– Дело осталось за малым, – перебил его восторги сыщик-любитель. – Нужно всего-то раздобыть отпечатки пальцев Нафанаила и сравнить их с кровавыми следами той злополучной ночи.

Все восторги Тучкова на этом моменте, будто бритвой отрезало:

– Увы, – печально произнес он, – все материалы этого дела были у нас изъяты по распоряжению моего тогдашнего начальника Пасечника. И наверняка уже давным-давно сгорели в камине его персонального кабинета, который теперь стал моим.

– Блин! Скверно-то как! – не сдержал эмоций Афанасьев. – Ну, да ладно, прокатило в прошлый раз, авось прокатит и ныне, – пробормотал он себе под нос загадочную фразу.

– Что-что? – откликнулась трубка в его руке голосом Тучкова.

– Вот, что, Николай Палыч. Лоханулся ты двенадцать лет назад, но сегодня тебе выпал шанс расквитаться за незаконченное дело с тем, кто тебя тогда переиграл. Поэтому слушай меня внимательно.

– Слушаю, товарищ Верховный, – сразу подобрался Председатель КГБ, отбросив всегдашнее свое ёрничество.

– Поднимай весь свой штат и спехом следуйте сюда. Перекрывайте все дороги и подъезды к Храму, чтобы ни одна мышь не проскочила. Отсюда есть подземный ход? – спросил Афанасьев у митрополита.

– Имеется, – быстро-быстро закивал Евфимий, почувствовав, какая крутая каша заваривается на его глазах. – Он проходит под Москва-рекой и ведет прямо к Храму Святого Николы на Берсеневке.

– Отлично. Палыч, ты слышал? Хорошо. Тогда перекрывай всё и там. Сюда, к центральному входу подгонишь автозак. И еще постарайся, как-нибудь, чтобы группа захвата не привлекая внимания, проникла на заседание Собора. Придется брать матерого преступника, возможно, что и вооруженного. В общем, всех впускать – никого не выпускать! До особого моего распоряжения.

– Двери, наверняка будут закрыты, – засомневался в благополучном исходе операции Тучков.

– У дверей будут наши люди. Они откроют и проводят, –

пришел на выручку Евфимий.

– Слышал? – опять обратился диктатор к жандарму. – Тогда сигналом к началу операции будут мои слова: «Время! Время!»

– Всё понял, Валерий Василич, – откликнулся Тучков.

– Тогда пожелай себе и мне удачи, – буркнул Афанасьев и, не дожидаясь ответа, выключил коммуникатор.

Затем поднес левую руку к лицу и посмотрел на свои часы:

– Ёкасука! Мы опаздываем уже на пятнадцать минут. Идемте скорее, отче! – воскликнул он, и бодро вскочив с лавки, кинулся вон из этого узилища.

Глава 65

Там же

Афанасьев поменялся местами с Евфимием, и теперь уже не он, а священник был в роли догоняющего. Как и все танкисты, Валерий Васильевич прекрасно ориентировался на любой местности, включая и закрытые пространства, поэтому, несмотря на то, что был впервые в этом притворе, он интуитивно чувствовал, куда надо идти, чтобы попасть в центральное помещение Храма. Все же митрополит, пользуясь своим ростом, быстро догнал ретивого диктатора. И догнав его через десяток шагов, схватил за рукав пиджака, придерживая неуемную прыть бывшего генерала. Не дойдя до толпы священников, сгрудившихся в конце коридора, они резко оста-

новились.

– Пстой, Валер, – совсем уж по-простому обратился к Верховному митрополит. – Может не надо так-то?!

– Как, так?! – не понял Валерий Васильевич.

– Ну, так... С оцеплением и группой захвата... Всё ж таки не серийного убийцу или маньяка, а самого Предстоятеля Русской Православной Церкви захомутать решили. Зачем давать лишние поводы к нестроениям? Может довольно будет простого низложения?! А?

– Да, в уме ли ты, отче?! – округлил на него глаза Верховный. – Ты, что дурак?! Или до сих пор не врубился в ситуацию?! Да все ваши обвинения, что вы насобирали за три с лишним месяца яйца выеденного не стоят!

– Как это?! – опешил митрополит.

– А вот, так! – рявкнул Афанасьев, уже не заботясь, что его услышат церковные служители на том конце коридора. – Все эти ваши обвинения в сребролюбии, симонии, стяжательстве и взяточничестве, в лучшем случае, тянут на общественное порицание. Обвинение в Коррупции и взяточничестве применяются только в отношении государственных чиновников, а у вас, извините, частная лавочка, да еще и отделенная от государства. Сребролюбие и тяга к роскоши, хоть и порицаемы в обществе, но ненаказуемы. И вообще, это всё подарки, от которых отказываться грех, ибо гордыня. Зарубежные счета? А кто сказал, что их запрещено иметь?! Скажет, что берег деньги Матери Церкви там из-за неоднознач-

ной экономической обстановки в стране. Торговля водкой и табаком? Так, государство само разрешило. На то имеется специальное Постановление Правительства. Контрабанда? Да, преступление. Но ты сначала докажи, что он лично имел к этому отношение.

– А предательство веры предков?! – поднял пастырский посох митрополит.

– Порицаемо. Не спорю. Однако, тоже не наказуемо. Нет такой статьи об измене Родины в виде подчинения православия католицизму. Это, опять же, ваши внутренние разборки, государства никак не касающиеся. Скажет, что хотел покончить с многовековой враждой двух церквей, – резюмировал диктатор бескомпромиссным тоном.

– А грех прелюбодеяния и содомии? – робко вставил сбитый с толку Местоблюстителю, надеявшийся, хоть в этом найти зацепку.

– Стараниями прежних властей, статьи о педерастии в нынешнем УК не имеется. А склонение к половому акту женщины без применения к ней насильственных действий наказывается штрафом в сто двадцать тысяч целковых, если я точно помню 113 статью Кодекса. Тьфу! Мелочи! И что в итоге получаем?!

– Что?! – со страхом воззрился на диктатора священник.

– Пшик получаем! Крику много – шерсти мало, – сделал неутешительное заключение Афанасьев. – А вот убийство, это как раз то, что нам и надо! От этого уж за священниче-

скими ризами не укроешься. Эта карта бьет все остальные – на раз-два!

– Значит, говоришь, без этого не обойтись? – поник головой митрополит.

– Никак, нет, – как бы извиняясь за создавшееся положение, развел руками диктатор.

– Ладно, говори, что делать, сыне мой?

– Дай приказ кому-нибудь из своих, чтобы встретили людей из органов и проводили тайком в зал. Сам ведь обещал.

– Да-да, конечно, – покивал тот головой и поманил к себе одного из служителей.

Один из толпы, кого подозвал к себе Евфимий, тут же подошел и почтительно клонил голову в ожидании указаний.

– Я пока буду инструктировать архимандрита Павла, – кивнул в сторону подошедшего митрополит, – ты ступай вон к ним и они тебя проводят до приготовленного для тебя места.

Афанасьев не стал отвечать, а просто направился к стоящим клирикам, которые почтительно расступились при его приближении.

Когда Афанасьев в сопровождении священников вошел в центральное помещение Храма, в глаза до рези ударил яркий свет, льющийся со всех сторон от электрических светильников, включенных на полную мощность. Хотя, не исключено, что это ему только показалось после длительного пребывания в полутемной келье. В глаза также бросилось боль-

шое количество разномастно одетого народа. Он думал, что в Храме будет присутствовать не более 300-400 человек из числа церковнослужителей на манер заседаний Нижней Палаты Думы, но здесь было все не так, как он себе представлял первоначально. В помещении, которое могло вместить в себя разом до пяти тысячи душ, находилось на его взгляд, как минимум, тысячи две. И только где-то около половины из них были облачены в священнические ризы. Все остальные, кто здесь присутствовал, были одеты в мирское. Несмотря на то, что он и сам был одет в гражданский костюм, его сразу же узнали. Приветственные возгласы в помещении с прекрасной акустикой звучали особенно громко и порядком-таки смутили Валерия Васильевича. Он застенчиво улыбался и кивал головой направо и налево, попутно заливаясь краской смущения и чувствуя себя артистом цирка на арене от которого ждут каких-то невероятных трюков и фокусов. Его приветствовали, но из-за того, что он был плотно окружен свитой, состоящей из священников высокого ранга, близко подходить не решались.

Почти все пространство Храма было заставлено длиннющими деревянными лавками, ничем не покрытыми и видимо, принесенными сюда из трапезной. И еще заметил Афанасьев своим натренированным взглядом, что лавки были аккуратно сгруппированы в пять «коробочек», словно полк на плацу – по-батальонно. Все пять «коробочек» располагались одна за другой. Между каждой «коробочкой» был ши-

рокий проход. Его чуть не под руки, как немощного старца, провели и усадили в первую «шеренгу», но не в центре, как он ожидал, а с краю. Другой бы на его месте обиделся таким пренебрежением к его должности, но он с пониманием отнесся к происходящему, решив, что так и подобает обходиться с гостями, хоть и значительными, но не имеющими никакого отношения к предстоящему действию. Рядом с ним сел невысокого росточка попик с реденькой бородкой и улыбающимся лицом. Судя по довольно скромному одеянию, с обычным, кажется, медным распятием на цепочке, без всяких панагий, усыпанных алмазами, тот был в чинах невеликих. Глядя на его добродушное личико, Афанасьев и выбрал себе скромного попика в бесплатные гиды. Помещение уже до отказа было набито народом, но он каким-то образом все прибывал и прибывал. Валерий Васильевич, не скрывая своего любопытства, вертел головой по сторонам. Даже находясь с самого края ему хорошо было видно место перед алтарем, которое устроители Собора отвели под Президиум. Стол Президиума – узкий и длинный, стоящий на возвышении, был застелен бархатной скатертью сиреневого цвета. К столу было приставлено тринадцать стульев. «Прям, как Христос с апостолами» – подумал Афанасьев и перевел свой взгляд чуть дальше. Сбоку от стола возвышалась небольшая кафедра, предназначенная для ораторов. А еще дальше, там, в стороне и внизу, почти у самой стены стоял небольшой стол, накрытый черной скатертью. За столом сидел сам Нафа-

наил – грузный и тяжкий, одетый, как и положено в патриаршие ризы и куколь с Шестикрылым Серафимом на лбу и алмазным навершием. Его чревному туловищу было жарко и душно, поэтому он поминутно отирал чело платком, одновременно с открытой неприязнью посматривая в сторону главного виновника сегодняшнего собрания. По левую руку от места Президиума и почти напротив Афанасьева, расположился столик, где сидели два секретаря, в обязанности которых входила фиксация всего происходящего и ведение протокола.

Валерию Васильевичу было откровенно начихать на недобрые взгляды Патриарха, поэтому он не стал сосредотачиваться на персоне своего недруга. Его больше интересовали организационные вопросы. Он чуть поерзал задом на жесткой лавке, не привыкшим к такому спартанскому сидению и, повернув голову в сторону попаика, тихонько спросил:

– Скажите, отче, а почему сиденья так расположены, будто в театре?

Попик окинул ласковым взором всесильного правителя и также тихонько пояснил:

– К театру сие не имеет никакого отношения, сыне. Просто по правилам проведения Поместного Собора делегаты сидят каждый в своем секторе. Архиереи – особо, их место наперед всех. Представители клира – также особо, и их место следом за архиереями. За ними вслед сидят представители монашеской братии. За ними – выборные от мирян.

А уж в самом конце сидят приглашенные Архиерейским Собором специалисты, эксперты и простые гости, отличившиеся в миру благонравием и кротостью.

Разговорчивый священник хотел было пуститься в дальнейшие пояснения, но его словоохотливость была перебита вступлением под своды Храма Местоблюстителя в сопровождении двенадцати членов Президиума, состоящего из высших иерархов Церкви. При их появлении все встали. Как и положено, по регламенту, перед официальным открытием Поместного Собора была проведена Божественная Литургия Святителя Иоанна Златоуста. Её провел сам Местоблюститель глуховатым, но отчетливым голосом. Ему слаженно подпевали клирики. Афанасьев, который ни слова не знал, стоял, вытянувшись по струнке и стоял так, застыв до её окончания, благо, что она длилась недолго. После окончания Литургии, Местоблюститель подал разрешающий жест и все стали усаживаться на свои места. Процесс рассаживания не занял много времени, потому как все, возможно, кроме самого Афанасьева и так знали свое место в церковной иерархии. И только Местоблюститель остался стоять на ногах. Нацепив очки, видимо к старости у Артема тоже начались проблемы со зрением, он взял со стола бумагу и начал зачитывать её содержимое бесцветным и монотонным до зевоты голосом. Во-первых, зачитал, как и полагается в таких случаях, приветствие делегатам, прибывшим по его созыву на Собор, не забыв остановиться на сложности текущего мо-

мента истории. Во-вторых, долго и скучно освещал сведения по составу, кворуму Собора и регламенту предстоящей череды заседаний. В конце речи, от которой Афанасьева клонило в сон, Местоблюститель отдельно поблагодарил Главу высшего Военного Совета России за любезное согласие посетить Высокое Собрание. Валерий Васильевич, не ожидая, что будет упомянут в речи, честно говоря, не знал, как поступить – то ли встать и раскланяться на все стороны подобно эстраднему артисту, то ли сделать вид полной отстраненности от происходящего. В конце концов, природная вежливость победила в нем, и он, привстав со своего места и обернувшись к делегатам, просто склонил голову в знак приветствия.

Когда все процедурные вопросы были освещены, Евфимий, сняв очки, обратился с речью, которую, судя по всему, заготовил заранее и прорепетировал не единожды:

– Братия и сестры! Простите мя грешного, что стал причиною смущения ваших душ, решив собрать вас здесь, дабы решить насущные и судьбоносные вопросы, которые решат не токмо нашу с вами дальнейшую жизнь, но и окажут влияние на весь православный мир, яко круги на воде от брошенного камня. И потому я грешный заранее прошу прощения у клира и мирян за возможные негативные последствия от того, что будет представлено на ваш праведный и справедливый суд. Все вы уже знаете причину созыва Поместного Собора. Еще ни разу Русская Православная Церковь не собиралась по столь прискорбному и не побоюсь этого слова, по-

стыдному поводу, как разбирательство относительно личности самого Предстоятеля. В соответствии с Уставом Русской православной Церкви, и опираясь на решение Архиерейского Собора, призванного заботиться о

сохранении чистоты православной веры, христианской нравственности и благочестия мы вынуждены, под гнетом предъявленных к рассмотрению фактов рассмотреть вопрос о низложении Первоиерарха и Предстоятеля Церкви нашей. Боль и горечь разливаются в моей душе от произнесения сих слов, но и замалчивать дальше те несправедливости и кощунства, что творятся у нас более никак не мочно, ибо сие будет означать умаление и ниспровержение всех канонов, на которых зиждется вера православная. Подобно Праведному Иову, пораженному проказой, но излечившемуся промыслом Господним, Церковь наша также должна поступить. И излечившись от поразивших её пороков выступить целителем душ паствы своей. Ибо без самоисцеления и самоочищения не может она быть надежным поводырем неокрепших христианских душ, за которые она в ответе перед Всевышним. Получив сведения о недостойном житии Первосвященника, Архиерейский Собор счел для себя необходимым создать специальную Синодальную комиссию, которой было доверено исследовать со всем тщанием все факты вероотступничества, стяжательства и святотатства со стороны Патриарха Нафанаила. Три с лишним месяца комиссия день и ночь проверяла и перепроверяла полученные материалы

документального характера, а также свидетельские показания потерпевших от него, как телесным образом, так и душевными расстройствами. И теперь комиссия готова представить на суд Поместного Собора, как высшего органа церковного управления, все доказательства обвинения. Вместе с тем, – продолжил бубнёж Евфимий, – я, как Местоблюститель, заботящийся о чистоте веры, дабы не позорить обвиняемого во грехах и впадшего в ересь Патриарха, предлагаю ему добровольно сложить с себя сан Первосвященника, дабы не смущать паству и клир обнаружением богомерзких фактов своего бытия на патриаршем престоле. Обещаю, что всё содеянное им останется при нем, и тогда пусть сам Господь Бог решает его участь. Мы же, недостойные, просто изблюем его из уст своих и памяти своей, яко не горячего и не холодного, но всего лишь теплого, что означает не проклятого и не величаемого, а посему и недостойного поминания. Встань, Нафанаиле и ответствуй пред Собором, – обратился митрополит к пыхтящему гневом Патриарху, – согласен ли ты на упрощенное снятие с себя сана Первосвященника взамен на неразглашение деяний твоих, учиненных, как против самой Церкви, так и против клириков и мирян?

Патриарх Нафанаил, даже не встал, а вскочил, будто ужаленный в зад. Его лицо искажала гримаса необузданной ярости:

– Свой сан, полученный по благословлению Божьему, складывать с себя не собираюсь! – выкрикнул он громко и

голос его словно волна цунами прокатился над Собранием, накрывая его с головой. – А то, в чем меня обвиняют хули-тели и гонители, есть ничем не прикрытая лжа и досужее кривомыслие, жаждущих урвать для себя благ, недостойных епархов. Господь Вседержитель, да пребудет порукой моих слов, – еще сильней возвысил Патриарх свой голос, -в том, что всё содеянное мною шло лишь во благо нашей Матери-Церкви Православной и служило ей к вящему её величанию и возвеличиванию. А если я и совершил, что-то толкуемое неоднозначно, по недомыслию своему, то пусть оно и будет осуждено самим Господом нашим. Его вердикт я готов принять со смирением и кротостью агнца на заклании. Но не вам клеветники и суесловы судить мя вопреки воли Его.

Слова Нафанаила, извергнутые, словно из самой утробы, как ушат холодной воды окатил собравшихся, под сводами Храма. Задние ряды, как подметил про себя Афанасьев, застыли, словно громом пораженные словами низлагаемого Патриарха. Все они прекрасно ведали о похождениях Нафанаила, ярко освещаемых вездесущим интернетом, поэтому у них не было никаких сомнений в том, что на пустом месте Архиерейский Собор не станет созывать Поместный Собор. Видимо, даже у священников высоких рангов наступил предел долготерпения по отношению к одному из своих соратников, уже в открытую, попирающего заветы Авраама. А с другой стороны, уж больно уверенно и независимо ведет он себя перед Собранием. Не означает ли это, что он не

только не чует за собой прегрешений, но наоборот, является проводником воли Всевышнего, если тот все еще не покарал его за кажущиеся многим богомерзкие поступки. Может сам Господь, через ставленника своего испытывает и искушает паству, поверяя крепость ее духа перед обвинениями? Клирики переглядывались меж собой, немо ища ответа друг у друга и вытягивали шеи, чтобы узреть реакцию впереди сидящих священников более высокого ранга. Однако и они в большинстве своем пребывали в растерянности. Многие из них искренне полагали, что Собор укажет на недостатки и ошибки Патриарха при несении им своего служебного долга перед Богом и паствой. На основе высказанных претензий части иерархов к его служению, Поместным Собором будут выработаны рекомендации, указующие сбившемуся с праведного пути Патриарху правильное и праведное направление. На этом-то всё и закончится. А тут, на тебе, с места и в карьер – лишить сана и «изблевать из уст своих». Николи такого не было, если не считать досадного случая, произошедшего в конце XIV века, когда вот тоже так пришлось лишать сана митрополита Пимена, который в действительности сошел с ума и творил подчас богомерзкое. Но то были дела давно минувших дней, а сейчас век, когда «ракеты бороздят космическое пространство». Тут было от чего растеряться. Да и приглашение на Поместный Собор Главы государства, известного, как яркого противника Нафанаила, говорило о том, что дела закручиваются нешуточные, и решение

придется принимать судьбоносное. Там еще неизвестно куда вывезет, а терять богатые и многолюдные епархии, в случае проигрыша не хотелось никому из тех, кто носил алмазные кресты на митре. Ропот растерянности и негодования прокатился по первым рядам.

Однако всё это не произвело никакого впечатления на Президиум. Все двенадцать «апостолов» застыли с каменным выражением лица, поэтому понять, что сейчас творилось в душе каждого из них, не представлялось возможным. На лице Местоблюстителя тоже не дрогнул ни один мускул, когда он выслушивал гневные отрицания Нафанаила. Когда водопад порочащих его слов у низлагаемого Патриарха иссяк, а в зале опять восстановилась относительная тишина, он продолжил, не скрывая своего разочарования упрямством обвиняемого:

– Господь, да будет нам свидетелем, что мы до конца придерживались смирения в деяниях своих, не желая срамить и позорить Предстоятеля, давая ему возможность добровольно отречься от сана, но он сам не захотел этого. А посему объявляю начало слушаний по делу нынешнего Патриарха Нафанаила о злонамеренном нарушении Устава Русской Православной Церкви, о фактах стяжательства, симонии, присвоении церковных ценностей, о плотских грехах и самом главном грехе – вероотступничестве и еретичестве, угрожающем самому существованию православия на Руси. Патриарху будут выдвинуты обвинения по каждому из пунк-

тов, которые он может либо опровергнуть, либо согласиться с ними. По результатам состязательной дискуссии, членами Архиерейского Собора будет принято решение о снятии всех выдвинутых ранее обвинений и закрытия дела, либо о низложении и расстрижении Патриарха. Голосование Архиерейского Собора будет проходить путем подачи записок в секретариат с дальнейшим оглашением. В записках должно быть указано, виновен или невиновен обвиняемый. Решение принимается квалифицированным большинством от всего состава Архиерейского Собора. Сам же обвиняемый не имеет права участия в голосовании. Всем ли ясна процедура состязательности и принятия решения? – спросил Местоблюститель, оглядывая поверх очков сидящих в первых рядах церковных иерархов.

Негромкий ропот согласия, сопровождаемый кивками головы, прошелестел под сводами Храма.

– Архимандрит Агафангел, – обратился Евфимий к одному из клириков, сидящих в первом ряду, – начинайте процедуру опроса.

Строгий и подтянутый, аскетичного вида клирик, бодро встал со своего места и уверенно поднялся туда, где стояла кафедра. Он пощелкал ногтем по микрофонам, проверяя их работоспособность, а затем, откашлявшись, начал:

– Уважаемые братья и сестры во Христе, уважаемый клир, монашествующие, миряне и гости, Господь наш Всемогущий и Всемиловитивейший, в качестве испытания назначил мне

нести тяжкую ношу обвинителя во гресях своего Предстоятеля. Это испытание, я, как христианин, принял со смирением. И оно, как награда и кара – есть милость Господня и не след мне, червю малому и недостойному, уваливать от его исполнения. Я постился и думал перед тем, как принять на себя все душевные тяготы проведения следствия по данному делу. И, в конце концов, пред ликом Сына Божьего, принял на себя обет уйти в затвор, скрывшись от Мира навсегда, если хоть одно из предъявленных мною обвинений не будет иметь своего подтверждения. И дабы избежать искуса клятвопреступления повторяю это перед всеми вами дорогие братья и сестры. Три с лишним месяца Синодальная Комиссия, созданная Архиерейским Собором и возглавляемая мной, проводила тщательное расследование всех фактов, указующих на совершение Патриархом Нафанаилом преступлений против Матери нашей Церкви и служителей её. Патриарх Нафанаил! – возвысил он голос, одновременно простирая длань в направление обвиняемого. – Встань!

Нафанаил не встал, а вскочил со своего места, неистово сверкая белками глаз. Его лицо пылало, а губы то и дело кривились в словах немого ругательства.

– Говори, готов ли ты ответить на предъявленные тебе обвинения?! – не смущаясь бешенства Патриарха, спросил Агафанкел.

– Готов! – с вызовом процедил сквозь зубы Предстоятель, сжимая в руке кипарисовый пастырский посох, словно это

было метательное копьё, которое он приготовился засадить в своего оппонента.

– Тогда слушай. Первый пункт обвинения – симония, сиречь торговля церковными должностями. . .

А дальше началась длинная череда препирательств сторон, где одна выдвигала обвинения, а другая яростно отвергала их. Обвинитель подкреплял свои слова задокументированными доводами собственноручных признаний виновных в получении должностей в обход установленных правил. Для демонстраций признаний были представлены многочисленные видео, транслируемые с помощью специального кинопроектора на вывешенное белое полотнище за спинами Президиума. Противная сторона, как и ожидалось, категорически отвергала все обвинения, утверждая, что все показания против обвиняемого были сфабрикованы путем запугивания и шантажа сторонников Патриарха, тем более, что факта самой продажи с передачей денег и ценностей выявлено не было, а слова, как известно, к делу не пришьешь. Все эти нудные препирательства мало интересовали Афанасьева. Предметом его пристального внимания была реакция публики (а иначе и язык не поворачивался назвать это собрание, жаждущее сенсаций) на происходящее. Сочувствующих Патриарху было не так уж и много, как опасался Евфимий. И все они, в основном, сидели кучно, занимая места в первых рядах ближнего сектора. А еще они выделялись на фоне остальных служителей культа особо богатыми шелко-

выми ризами и многочисленными панагиями на груди. «Ну, всё правильно, – ухмыльнулся Афанасьев. – Олигархат стоит горой за своего ставленника. Истина, не требующая дополнительных доказательств». Впрочем, и противников раздачи должностей тоже было маловато. Тут сидели, в основном, люди многоопытные и матерые, которые знали не понаслышке о том, что симония – дело вполне заурядное, служащее неким социальным лифтом в церковной иерархии. А уж житейское правило, в соответствии с которым каждый начальник формирует коллектив под себя исключительно из своих сторонников, никто из них отрицать не собирался. Поэтому спор о симонии, как-то быстро увял сам собой, переключившись на иную тему.

Следующим пунктом обвинения стала гордыня и сребролюбие Патриарха. Архимандрит скрупулёзно стал перечислять дорогие подношения в виде яхт, вертолетов, недвижимости, дорогих и бронированных авто, эксклюзивных экземпляров часов и ювелирных украшений, которыми так любил щеголять Нафанаил. Особой укоризны от Агафангела «заслужил» Патриарх за наличие охраны, мало в чем уступающей иным правителям. Все свои обвинения клирик подкреплял слайдами запечатлевшими детали роскошной жизни Первосвященника. Эти обвинения в адрес проштрафившегося Патриарха тоже, хоть и вызвали ропот среди делегатов, но в негодование не перерос. Почувяв за собой некоторую инерциальную силу, тот не просто яростно отмел от себя все

обвинения в праздности и роскошестве, неподобающими в житии Первосвященника, всё свое время долженствующего проводить в постах и молитвах за Отчизну и народ, пастырем которого его избрали, но и перешел в некоторое наступление.

– Срамящим и хающим мя за роскошь и почести, оказываемые мне по чину, отвечаю, – громогласно и с нотками назидательности в голосе начал он свою речь, причем, очень хитро выстроив свою защиту. – Дорогую оболочину ношу? Да! Часы за миллион долларов на руке? Паки и паки скажу, да! На яхте роскошной имею отдохновение в редкие минуты? Да! В лимузине бронированном и с охраной, как у Президента ежу? Опять, да! О том, что на это всё из казны церковной не было потрачено ни рубля, умолчу. Всё сие – подношения от дарителей. Не верящим в истину слов моих говорю: идите и загляните в книги бухгалтерские, где всё это оформлено в надлежащем виде. Что до моей любви к роскоши в облачении, то скажу, хулителям своим. Я, посвященный в высший монашеский чин, отринул, ради служения Господу нашему Иисусу Христу, семью, близких и всё, что связано с мирским и суетным. Могу ходить в рубище, питаюсь акридами и диким медом, яко Иоанн Креститель. Могу, подобно сербскому Патриарху Павлу ездить на автобусе. Да, только вам, сущеглупым, не сумевшим за внешним убранством разглядеть сущее, не понять того почему я так не делаю. Вы думаете, что мне на семьдесят четвертом го-

ду жизни надо всё это?! Или думаете, что я собрался два века жить, а после того, все унести с собой в домовину?! Нагими приходим мы в этот мир, нагими и предстанем пред очи Господни на Последнем Судилище. И ношу я все эти драгоценные вещи не за ради утоления своей гордыни, а исключительно для возвеличивания Церкви нашей не только в глазах паствы своей, но и перед иными чужеземцами, дабы знали те, что Русская Православная Церковь не на паперти стоит за милостью иностранной, но сама стоит на своих ногах, уповая лишь на милость Божью и на народ свой, окормляющий паству своих. Сколько мне отпустил Господь времени, знает только Он сам. Лягу я вскорости во гроб и всё, чем я пользовался при жизни не перейдет к оставленным мною в миру бывшим родичам, но перейдет в пользование другого Предстоятеля. Так, в чем же моя корысть?! Вы скажете, почему, мол, я те подарки не продал и не пустил вырученные деньги на строительство храмов и на поддержку нуждающимся, как это делал Преподобный Сергий Радонежский? А я отвечу тем: «Потому что ныне времена другие». Тогда и народ Церковь были, действительно, на краю существования. И отдавали последнее. Люди отдавали Церкви своё последнее, ибо видели только в ней свою духовную защиту и опору. Не стало бы Церкви, то не стало бы и народа русского. И Церковь тоже отдавала из последнего своего народу, ибо тоже знала, что не нужна Церковь молиться в которой некому. Сейчас всё по-иному. И народ пребывает в сытости,

да и Церковь окрепла вельми. Единственное, что им угрожает, так это бездуховность и бездушие. А отринь я эти подарки, не есть ли это обратная сторона той же самой гордыни? Человек – слаб, и телесно и духовно. И дарители сии тоже слабы. Утолением их тщеславия является то, что сам Патриарх Земли Русской не отринет от себя их подношения. И паки открою вам тайну. За то, что я иногда ношу на себе их дарения, они делают щедрые вклады на нужды церковные. Да, я потакаю их больному тщеславию, а они за это оказывают нам помощь. Теперь, что касается бронированного лимузина, подаренного покойным Президентом, царствия ему небесного, и заступы Господней. Я уже прожил свою жизнь. Мне токмо и осталось, что доской гробовой накрыться. Поэтому смерти я, как христианин и пастырь ваш духовный, не боюсь, ибо уже приуготовлен к ней. Боюсь токмо одного – нестроений и смуты, которые угрожают нашей вере православной в случае убийства Патриарха. А покушения уже были. И не единожды. Этого ли вы хотите?! Если так желаете, то, пожалуйста, заберите и лимузин, и охрану снимите. Стану уповать лишь на защиту Господню. А только и вы уж тогда признайтесь Всевышнему, как на духу, что желаете смуты и распрей над телом моим еще не остывшим. Послужит ли смерть моя авторитету веры православной? Если послужит, то я, подобно ангцу на жертвенном камне готов принести себя во славу Божию. И последнее. Вы, жестокосердные, укоряете меня за то, что я в редкие минуты отдыха по-

свящаю себя тихому уединению на яхте, также подаренной Церкви и записанной в качестве её имущества. Разве я сирый и убогий, проводящий в молитвах и бдениях по шестнадцать часов, в своем преклонном возрасте, на заслужил, хотя бы тех редких минут для отдохновения от тяжести своего пастырства? Меньше седмицы провел я на ней о прошлом годе, и также в этом году. И не стыдно ли вам упрекать меня за такую малость?! – закончил свою речь Патриарх совсем уж на минорный лад, после чего осенил себя крестом и, поклонившись на три стороны, с шумом уселся на свое место.

Если бы Афанасьев не знал ничего о гнилой сущности этого человека, то непременно бы первым встал и захлопал в ладоши от такой проникновенной речи. Надо сказать, что этот образчик ораторского искусства произвел впечатление не только на диктатора. Многие из тех, кто колебался в своих претензиях к судимому здесь Патриарху стали всерьез задумываться о целесообразности его низложения. Как минимум половина из делегатов, признавая грехи за Нафанаилом, в то же время, примеряя их на себя, в душе признавались, что на его месте поступили бы аналогичным способом. Ведь и в самом-то деле, какая может быть польза для православия, если её верховный иерарх бродит в рубище, как нищенка, шатаясь от изнурительных постов? Патриарх должен собой олицетворять духовное, телесное и материальное благополучие возглавляемого им сообщества людей. А что до сербского Патриарха Павла, раскатывающего по Белграду в автобусе, так у

него и паствы – курам на смех, меньше чем один из московских округов. Афанасьев, смолоду привыкший к гарнизонным собраниям, даже не умом, а скорее кожей почувствовал перемену в настроениях публики, а потому уже хотел было вскочить с места и выложить свои убийственные, в прямом смысле слова, доводы к низложению этого престижитатора человеческих чувств и умелого оратора. Однако взглянув на Евфимия, который, почувствовав нетерпение диктатора, еле заметно повел головой по сторонам в знак отрицания, отказался от мысли нарушить ход собрания. Видимо не всё «грязное белье» было вытащено на всеобщее обозрение.

И действительно, выслушав зажигательную речь Патриарха, спокойный, как удав после трапезы архимандрит Агафанкел, едко улыбнулся, так, что даже борода не смогла этого утаить от собравшихся, вкрадчиво произнес:

– Сказано Иисусом в Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». Так ли, сие? – прищурился он в сторону пыхтевшего, как паровоз, на своей лавке Патриарха.

– Тако же, – кивнул тот с места и добавил. – Мне ли, грешному, спорить с самим апостолом Матфеем?

– А раз так, – с улыбкой иезуита произнес Агафанкел, явно, в прошлой жизни служивший в «компетентных» органах, – то ответственуй нам, за какой надобностью ты открыл

вклад в Баттерфилд Банк, находящийся в столице Каймановых островов – Джорджтауне? Вклад за номером, – архимандрит заглянул в бумажку и процитировал, – A136/BNSL6422GA на сумму 800 миллионов долларов. Вклад открыт 16 декабря 2010 года на имя, данное тебе миру. В документе оговаривается, что вклад может быть выдан лицу, предъявившему иной паспорт, нежели указанный в договоре, но обладателю уникального идентификационного кода.

– Лжа! Лжа несусветная! – вскинулся Патриарх, потрясая посохом в порыве праведного гнева. – Не подписывал я никаких договоров! И никуда в декабре 2010 не отлучался! Поднимите архив с ежедневным расписанием и убедитесь, маловерные, что и в этот и во все следующие дни я был на подворье!

– Не сомневайтесь, ваше Святейшество, – усмехнулся следователь в рясе, – подняли и проверили. Действительно, вы никуда не отлучались из Москвы. Однако в этот день вы у себя в Переделкино принимали делегацию пророссийски настроенных бизнесменов из Ямайки, возжелавших открыть у себя православную часовню и церковно-приходскую школу.

– Вот видите! – опять вскочил Патриарх, как ужаленный. – Тщанием моим шагнуло православие и в Западное полушарие!

– Видим-видим, – нагло передразнил его архимандрит. – В число делегатов входил гражданин Великобритании и Ямайки – Крейг Бриджуотер, член совета директоров Бат-

терфилд Банка, с которым вы и заключили договор, не выходя из своих покоев.

– Опять суцая лжа и поклеп! – вновь начал бесноваться на своем месте Нафанаил.

– Оператор, – не повышая голоса, произнес Агафанкел, – продемонстрируйте слайды подписанного договора.

В Храме опять погас свет и на белом полотнище опять были продемонстрированы страницы русской версии договора с подписями сторон. На этот раз, собравшиеся, отреагировали, на представленный материал, вполне прогнозируемо. Они глухо, но с явными интонациями недовольства, зароптали.

– Это монтаж! Подпись подделана! – неистовствовал Патриарх, брызгая во все стороны слюнями от переполнявшего его чувства негодования.

– Подпись, конечно, можно и подделать, – не стал спорить руководитель следствия. – Да, вот только в качестве уникального идентификационного кода в договоре указан скан сетчатки глаза. И этот скан прилагается к договору. Желаете ли пройти процедуру сличения? Мы можем обратиться к мирским властям, с просьбой оказать нам помощь в этом деле, – сказал он, как припечатал к позорному столбу.

– Не бывать сему, порождения сатанинские! – рявкнул патриарх, утробным рыком, но даже в рыке том уже чувствовалась некая неуверенность.

– Ваше право, – пожал плечами архимандрит, – но след-

ственную комиссию, в данном случае интересуется совсем другое. Десять минут назад вы ваше Святейшество уверяли всех, что вам самому ничегошеньки не нужно, а все, что вы делаете, то все идет на благо Церкви. Если вам не нужны эти деньги, то кого вы хотели облагодетельствовать своим богатством? Ни бывшей жены, ни прижитых в миру детей, у вас нет, насколько нам известно. Да, даже если бы и были, то принимая на себя первый церковный сан, вы отрекались от всей прошлой жизни, включая и родственные связи. И потом, что это за деньги? Каково их происхождение?

– Изыде, сатана! – буркнул, не вставая с места, допрашиваемый.

– Не след Патриарху произносить такие словеса в Храме Господнем! – строго заметил Местоблюститель.

– Следует ли понимать ваши слова, как отказ объяснить происхождение этих денег? – гнул упорно свою линию рясоносный следователь.

Нафанаил проигнорировал заданный вопрос, но не перестал грозно сверкать глазами. Первоначальная индифферентность делегатов медленно, но верно стала переключиваться в стан его противников. Да и сторонники, ранее одобрительным гулом голосов поддерживавшие его, как-то приумолкли. Обладатели митрополичьих митр лихорадочно соображали, куда может подуть ветер перемен, затеянных неистовым белорусом, при явной поддержке диктатора. А, значит, не пора ли вовремя сменить сюзерена, пока разбира-

тельство не коснулось их персон?

– Теперь затронем тему отдохновения от дел праведных, – позволил себе едко усмехнуться в бороду архимандрит. – В трудах неустанных о спасении душ верующих, было место и отдыха. А вот отдыхать Его Святейшество предпочитал в Покровской и Зачатьевской обителях, где его духовно и телесно обихаживали монастырские послушницы.

– Замкни уста свои иудины! – стукнул посохом Нафанаил, опять вскакивая с места. – Клир! Миряне! – с пафосом обратился он к Собранию. – До каких пор в стенах Храма Господня будут облыжно срамить и хаять Его Предстоятеля!? Не меня! Не меня! – еще раз с надрывом повторил Патриарх. – Веру православную, завещанную от предков, на позор выставляете и поношение! Опомнитесь, люди! Или желаете, чтобы в одночасье рухнуло создаваемое поколениями пращуров наших?! Не меня, грешного, распинаете вы сейчас, как некогда распинали самого Христа, но Церковь губите, внося нестроение и смуту! Паки реку, опомнитесь! Не совершайте роковых деяний!

Первые ряды сначала заерзали, явно пребывая в смущении, а затем их возмущение прорвалось-таки наружу. И неспроста. Некоторое из тех, что изначально поддерживали Нафанаила, были частыми гостями в указанных женских монастырях и, пользуясь радушием Предстоятеля, не упускали возможности поддаться искусу от греховного плода сладострастия. А, ну, как и их участие в таком срамном и непо-

требном деле всплывет наружу? И что тогда? Менять шелковую рясу с бриллиантовой панагией на вериги отшельника в позабытом Богом и людьми скиту? Нет. Такая перспектива их явно не устраивала. Поэтому они тоже стали решительно протестовать против раскручивания этой темы. Не учли только одного. Сидящие позади представители клира, монашествующие и миряне, не разделяли их точку зрения, считая, что если Церкви требуется очищение, то оно должно быть всеобъемлющим. И они, в пику своим оппонентам, тоже не стали молча отсиживаться, бурно выражая свое возмущение уже теми, кто пытался замолчать неблаговидное поведение Патриарха и его приспешников. В общем, как и принято во всяком собрании русских людей, началась банальная свара, грозящая перерасти в столь же банальную потасовку.

Агафанкел стоял прямо, как скала перед бушующими у его подножья волнами, терпеливо пережидая, когда ропот возмущения стихнет сам собой. Ропот возмущения, созданный немногочисленной, но достаточно влиятельной и от того шумной кучкой сторонников Патриарха не желал утихать, поэтому Местоблюстителю пришлось прибегнуть к помощи колокольчика и угроз вывести насильно из помещения нарушителей спокойствия. Кое-как, но все же удалось утихомирить наиболее мотивированных буйных.

– Я мог бы предоставить видео, где послушницы на камеру и под присягой дают показания против Патриарха и его гостей, – недобрым взглядом обвел Агафанкел первые

ряды собравшихся. – Но учитывая морально-этическую составляющую данного процесса, а так же то потрясение девиц, участвовавших в подобных бесовских игрищах свального греха, ограничусь тем, что все члены Архиерейского Собора в полной мере ознакомлены со всеми материалами. А посему, считаю недостойным и далее выставлять на позор неокрепших духом послушниц. А вот, что касается актов содомского греха, совершаемого на яхте «Баллада», подаренной Его Святейшеству, – тут он опять позволил себе театральную паузу, – то у следственной комиссии имеются не только устные и письменные показания. Следствие также располагает и видеоматериалами, изобличающими в богопротивных деяниях, как самого Патриарха, так, к сожалению, и некоторых высших иерархов Церкви. Оператор, включайте установку, начиная с четвертой позиции, – отдал он распоряжение и опять Храм погрузился в темноту, которую чуть-чуть разбавлял свет, проникающий через верхние и узкие проемы.

На белом полотнище за спинами Президиума опять возникло изображение. Видеокамера, неизвестно кем и когда установленная тайно в просторной и шикарно обставленной каюте сделала запись настолько гнусной оргии, что любой заранее морально не подготовленный к подобному зрелищу человек, не смог бы испытывать никаких иных чувств, кроме желания закрыть глаза и, стискивая зубы, доползти до туалета, где выпростать из желудка всё содержимое. Сцену,

запечатленную видеокамерой, вкратце можно было описать, как плотские утехи обнаженных немолодых, пузатых и бородатых мужчин с такими же голыми, но безусыми юнцами. Качество съемки было настолько хорошим, что без всякого труда в ней можно было опознать всех основных действующих лиц. Члены Президиума даже не соизволили обернуться, чтобы поучаствовать в просмотре видеоматериалов. Видимо он не представлял для них никакого интереса по причине того, что уже был просмотрен ими раньше, а вторичный просмотр этого срама не входил в их планы. Делегаты и приглашенные, первые мгновения показа молчали, опешившие от настолько откровенной порнографии, но быстро придя в себя, разразились криками гнева в адрес невольных актеров фильма «для взрослых». Кто-то догадался остановить видео и включить свет. Никогда прежде в стенах этого Храма не раздавалось столько площадной ругани, направленной на тех, кто участвовал в богомерзком деянии, за которое в Библии призывали казнить «побитием камнями». В Патриарха, вскочившего опять с места и выкрикивающего проклятия в адрес «съемочной» группы, следственной комиссии и Местоблюстителя, полетели не только ответные нелюбезные эпитеты, но и кое-что более весомое, от которого ему пришлось уворачиваться и отбиваться посохом. Некоторые клирики высокого ранга, узнавшие себя на экране и испытавшие на себе здоровую реакцию общества на подобные мерзости, не стали испытывать судьбу, а молча и быстро-быст-

ро, пригибаясь и отворачивая головы, засеменили к выходу. Никто не стал их задерживать призывами остаться, и никто не преграждал им дороги к выходу, опасаясь даже дотрагиваться до извозившихся в собственной грязи иерархов. Повинуясь кивку Местоблюстителя, их молча выпустили, открыв для ретирады дверь в один из притворов. Объяви сейчас Местоблюститель о голосовании по низложению Патриарха, тут бы можно было, и опускать занавес, ибо дело можно смело считать завершённым. Но не таков был старший лейтенант Артём Палий. Дождавшись добровольного бегства с поля боя своих главных противников в лице приближенных Нафанаила, он решился идти до конца, чуя поддержку абсолютного большинства делегатов, а потому не стал строить "золотой мост»²³.

Когда крики и топот ног немного стихли, то Нафанаил, видя, как позорно бежали его приспешники, тоже малость попритих на своем месте, ежась от колючих взглядов простых священников, монахов и мирян. Митрополит незаметно кивнул, оглянувшись на него Агафанкелу. Откашлявшись, тот продолжил вбивать гвозди в крышку карьерного гроба осуждаемого Патриарха:

– Но сиими богомерзкими и богопротивными поступками Его Святейшество (последние слова сейчас звучали, как насмешка) не стал ограничиваться. Всё, что было обнародовано сейчас, это были преступления, а иначе никак и не назовешь, против государства и людей, населяющих его. А ныне

хочу предъявить доказательства его преступления перед Богом и Русской Православной Церковью. Речь идет о тайномговоре по подчинению Русской Православной Церкви католическому понтификату, который состоялся в гаванском аэропорту 8 июня 2016-го года.

– Не было сего, – буркнул, не вставая Нафанаил, в душе уже чувствовавший свой крах, но продолжавший, чисто рефлекторно, сопротивляться неизбежному своему концу. – То, клевета и навет моего врага, что, вон там, в углу притаился, – пальцем указал он на Афанасьева.

– Вот сейчас мы это и выясним, – сухо и безапелляционно произнес архимандрит. – Включайте 7-ю позицию, – обратился он вновь к киномеханику.

Опять погас свет, и опять на белом экране замелькали кадры кинохроники. Это видео также отличалось завидным качеством. Сначала, ничего кроме просторного, но пустого помещения, похожего на пассажирский терминал заурядного аэровокзала на видео не наблюдалось. Затем, как по мановению волшебной палочки широкие двери в его начале и конце моментально распахнулись и из них стали одновременно выливаться навстречу друг другу два потока людей. Один поток был черного цвета, на фоне которого очень выделялись белые митрополичьи клобуки, и его возглавлял Патриарх Нафанаил – высокий и излишне дородный. Другой поток – разномастный, но его украшали малиновые кардинальские шапочки, и он был возглавляем худощавым и суту-

лым человеком в белых одеяниях Папы Римского. Обе представительные делегации остановились друг напротив друга ровно посередине зала. Руководители сделали ещё по паре шагов навстречу, прежде чем обменяться положенными в таких случаях поцелуями. Вдруг, тот, что был повыше ростом, неожиданно наклонился и припал своими губами к левой руке сутулого, негромко, но отчетливо произнося:

– Ego, mitis Servus Dei Nathanael, caput inclinavi et inhaero manu Pontificis Sui Catholici, in agnitione primatus sui super omnes christianos mundi, что означало (Я, смиренный раб Божий Нафанаил, преклоняю главу свою и припадаю к руке Его Католического Первосвященника в знак признания его главенства над всеми христианами мира).

Латынь в наших семинариях преподавали абы как, но даже для тех священников, кто с грехом пополам мог изъясняться на этом полумертвом языке дошел истинный смысл сказанного. И абсолютно непосвященному в церковные дела человеку, разбирающемуся в элементарных правилах этикета, было видно, что на его глазах происходила встреча васала со своим сюзереном. А уж когда до них дошел смысл сказанного Нафанаилом, то тут уж и вовсе в головах клириков грохнуло не по-детски. От такого святотатства, с точки зрения любого православного человека, крепкого в своей вере, все присутствующие в Храме застыли, разинув рот. Даже в страшном сне представить себе, что православный человек, не говоря уж о Патриархе, будет, вот так, подобостраст-

но лобзать руку гонителю и притеснителю своей веры, да еще и с признанием ведущей роли католицизма, было совершеннейшим образом невозможно не только вчера, но ещё и пять минут назад. И тут, на, тебе – крушение всех вековых устоев.

Действо на экране продолжалось. Франциск, в свою очередь не отдернул руку, как и полагалось бы при встрече равнозначных персон, а напротив, поднял свою руку повыше, чтобы вассалу было удобнее лобзать его персты, украшенные папскими перстнями. Его лицо, сияло от самодовольной улыбки, а губы негромко произносили в ответ, тоже, кстати, по латыни:

– И я, как глава всех христиан, рад приветствовать своего верного слугу и помощника в богоугодных делах. И в знак свой признательности за верное служение долгу христианина, а также в знак своего доверия и благорасположения дарю тебе сей предмет, как символ твоего приобщения к истинной вере.

С этими словами Папа Франциск обернулся к своим сопровождающим и еле слышимым голосом отдал какое-то распоряжение. Откуда-то сзади подошел архиепископ Пол Галлахер (хоть и британец, но истовый католик в девятом поколении), являющийся секретарем по связям с государствами. Его сразу узнали среди папской свиты, ибо он часто мелькал на всевозможных экуменистических форумах. В руках он держал какой-то предмет красного цвета. Он передал его в требовательно протянутую руку Папы, а тот в свою оче-

редь вручил его Патриарху, сопровождая подарок словами:
– Вручаю тебе эту биретту²⁴, как символ нашего к тебе доверия и апостольского руководства паствой тобою окормляемой.

Нафанаил опять кинулся целовать папские ручонки бывшего генерала ордена Игнатия Лойолы²⁵, а заодно и с нескрываемым трепетом принимать, истово прикладывая ко лбу, кардинальскую шапочку, при этом, едва не брякнувшись на колени от подобострастия. Это его последнее телодвижение вывело, наконец, из состояния глубокого ступора всех присутствующих в Храме. Все, включая даже соседа Афанасьева – благообразного попаика, разом повскакали со своих мест в едином порыве священного негодования. На этот раз неистовство едва не превратилось в суд Линча. И если бы не две дюжины крепких монахов, отважно сцепившихся локтями вокруг затравленно озирающегося Патриарха, прижатого напором толпы почти к самой стене, то тут бы и пришел нечестивцу конец – порвали бы на лоскуты и пустили по ветру. И всё это сопровождалось такой неслыханной площадной бранью из уст священнослужителей, какую не встретишь порой даже в припортовом кабаке, в разгар какой-нибудь поножовщины.

– Шухло! Сучий потрох! Христопродавец! Пёс еси, кал еси! Каиново семя! Срамник гугнявый! Выблядок окаянный! Иуда, за сколь продал нас?! – раздавалось со всех сторон. И это были еще самые ласковые и безобидные эпитеты.

Иные упоминать здесь было бы уж совсем срамно даже для начинающего писателя.

Местоблюститель уже не только тряс изо всех сил колокольчиком, но уже и всюду стучал посохом по мраморным полам, безуспешно пытаясь хоть как-то уговорить разбушевавшихся клириков и прихожан. Он уже отчаялся вернуть тишину и порядок, но тут ему неожиданно-негаданно пришел на помощь архидиакон Андрей Мазур – главный бас Русской Православной Церкви, престарелый (старинушке шел 94-й год) и больной на ноги, приведенный в Храм под руки своими учениками. Видя, что разбирательство готово вот-вот превратиться в банальное избиение, воз можно и со смертельным исходом, он, до предела напрягая свои легкие, гаркнул так, что ветерок спрессованного воздуха побежал по Храму, а некоторые из зажженных свечей не только заколебались, но и потухли:

– А, н-у, т-и-х-а! – трубным, как у слона голосом проревел он во всю мощь. – Т-и-х-а, я-а, с-к-а-з-а-л!

Как бы это не показалось странным, но возглас, произнесенный им во всю мощь диафрагмы, не только был услышан во всех уголках Храма, но и произвел на неуправляемую толпу чудодейственное впечатление, заставив разбушевавшихся людей разом примолкнуть и вернуться к реальности. Умаявшийся звенеть в колокольчик митрополит Евфимий с благодарностью посмотрел на престарелого клирика. А тот, вложивший слишком много сил в свой громогласный призыв,

бессильно опустил на лавку, бережно поддерживаемый руками доброхотов. Волна цунами, готовая покончить с ненавистным отступником, на самом своем пике замерла, а затем глухо и озлобленно ворча начала медленно отступать. На протяжении всей бури, застывший, как монумент, посвященный самому себе, Агафанкел, вдруг встрепенулся и бросил мельком взгляд на Местоблюстителя, который и в этот раз подал утвердительный знак незаметным наклоном головы.

– Следственная комиссия, в моем лице, – продолжил архимандрит, как ни в чем не бывало, – полагает, что представленных Поместному Собору доказательств с избытком хватает, чтобы начать процедуру голосования по низложению и расстрижению Патриарха Нафанаила. Всем делегатам от клира, монашествующей братии и мирянам, были розданы бюллетени для тайного голосования...

Далее Агафанкел пустился в объяснения, где и каким способом предстоит голосование. Дилемма в бюллетени была обозначена только одна: низложение и прощение. Требовалось всего лишь поставить галочку напротив одного из ответов. У левого крылоса²⁶ стояли три зашторенные кабинки для волеизъявления. Цвет драпировки каждой из кабин соответствовал сословию голосующих: черная – для монашествующих, белая – для клириков, красная – для мирян. Прозрачную урну для голосования, поставили прямо перед столом Президиума, дабы высшие церковные иерархи могли наблюдать за ходом мероприятия, не вставая с мест. Вы-

пустив пар негодования, разношерстная толпа священнослужителей и прихожан вновь приобрела черты законопослушания и благолепия. Встав со своих мест, люди выстроились в три вереницы, соответственно своему званию и положению. Процесс проходил довольно споро. Никаких заминок и эксцессов не происходило. Афанасьев, как лицо, приглашенное в качестве гостя, бюллетеня не имел, поэтому всё время, отпущенное на голосование, посвятил разглядыванию незнакомых фигур и угадыванию, кто и как проголосует, исходя из мимики их лиц. Пока, он, сидя на жесткой лавке, наблюдал за быстро текущими людскими потоками, к нему незаметно подошел митрополит Евфимий.

– Ты, сыне мой, наверное, желаешь спросить меня о чем-то? – тихо и ласково обратился он к Валерию Васильевичу.

– Да, – начал подниматься с лавки Афанасьев, чуя, что не гоже сидеть, когда пред тобой стоит Местоблюститель одной из основных поместных церквей.

– Знаю, – кивнул тот, и положил ему руку на плечо, не давая встать в полный рост. – Думаешь, почему я не дал тебе слова для обличения Нафанаила в еще более тяжких преступлениях?

– Да, – опять коротко ответил диктатор.

– В каждом единоборстве нужно соизмерять силу удара. Достаточно ли одного нокаутирующего удара для повержения соперника оземь или надобно продолжать его бить, пока он не умрет?

– Но разве недобитый враг не представляет еще большую опасность? – попробовал возразить Афанасьев, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним священника.

– Подумай хорошенько, что бы могло произойти, если бы и ты подключился к обвинениям? И так стоило больших трудов успокоить народный гнев. В противном же случае, обязательно бы пролилась кровь. А я не хочу крови, тем более в доме Господнем.

– Тогда преступление останется ненаказанным, – продолжал упрямитесь Верховный уже из чисто принципиальных соображений.

– Что мы можем знать о наказании Господнем? – задал Евфимий риторический вопрос. – Церковь уже дала свою оценку его злодеяниям, но если у тебя имеются к нему претензии, – мотнул митрополит головой в сторону, всё еще сидящего за оцеплением низложенного (теперь в этом не было никаких сомнений) Патриарха, – то поступай соразмерно своему разумению. То, дела мирские и нашей матери Церкви уже не касаются.

– Не знаю, – пожал плечами диктатор, – есть ли в твоих словах резон или нет. Но у меня своё видение мира и своё видение высшей справедливости.

– Каждый, да несет сам крест свой на раменах²⁷ своих, – почти прошептал старший лейтенант генералу и осенив того крестом, степенно побрел в хвост той очереди, что стояла в белую кабинку голосования.

Процесс голосования не занял много времени. Минут за сорок всё было завершено. Подведение итогов голосования велось на глазах у всех, поэтому о каких либо махинациях не могло быть и речи. Из 711-ти заявленных делегатов, в голосовании приняло подавляющее большинство. Малая часть, уличенная в блуде телесном, с позором покинула Собор, что никак не сказалось на общих результатах. Еще минут пятнадцать ушло на сортирование поданных голосов. Стопка, куда откладывали голоса за то, чтобы простить оступившегося Патриарха была ничтожно мала. Пока Секретариат оформлял итоговый протокол, прошло ещё какое-то незначительное время. Наконец, Местоблюститель, опять нацепив на нос очки, взял в руки бумагу и торжественным голосом возвестил всем собравшимся:

– Глас народа – есмь глас Божий. А посему, я – грешный и недостойный раб Божий, объявляю его итоги. Из 711-ти делегатов в голосовании приняли участие шестьсот девяносто пять душ, а значит, необходимый минимум для того чтобы голосование было признано состоявшимся был набран. Из 695-ти бюллетеней, два бюллетеня были признаны Президиумом испорченными и неподлежащими учету. Из оставшихся 693-х бюллетеней, голоса были распределены следующим образом: за прощение Патриарха и снятия с него обвинений проголосовало одиннадцать душ; за низложение Патриарха, а также снятия с него сана проголосовало бестьсот восемьдесят две души. Я, как Председатель Президиума и Комиссии

по голосованию, утверждаю, его итоги и скрепляю их Большой Патриаршей Печатью. Бывший Патриарх Нафанаил! – обратился он и простер руку в повелительно жесте к понуро сидящему и уже ничего хорошего не ожидающему в свой адрес человеку, ещё вчера управлявшему самой большой православной общиной в мире. – Встань! И прими волю Господню со смирением, как и подобает христианину!

Бывший пастырь православных христиан, проживавших на одной седьмой части суши, тяжело встал, уже зная, чем сейчас окончится процедура низложения, а потому стал затравленно озираться, гадая, кто из клириков подойдет к нему, чтобы снять ризы, клобук и забрать кипарисовый пастырский посох.

– Объявляю тебя низложенным, лишаю священнического сана и изгоняю из лона матери нашей Православной Церкви! По воле Господней, да сбудется сие! – пристукнул митрополит посохом о каменный пол Храма, да так, что искры от удара полетели во все стороны.

Нафанаил ждал, что по Уставу, кто-то из верховного клира подойдет к нему и предложит добровольно снять с себя святительские одежды, но этого не произошло. Вместо установленного регламентом обряда по низложению церковного иерарха, на него тут же набросились те, кто еще час назад мужественно охранял его тушку от разъяренной толпы. После недолгого сопротивления, они, буквально содрали с него патриаршие ризы, оставив его в одном подряснике, и вырва-

ли из рук посох, по преданию принадлежащий самому Святителю Петру. Затем, подхватив под руки, как загулявшего пьянчужку, начали выволакивать из Храма под свист и улюлюканье делегатов и гостей Поместного Собора.

Афанасьев, недолго думая, вытащил из нагрудного кармана коммуникатор, включил его и почти не глядя на экран, быстро набрал хорошо уже знакомый номер, не обращая внимания на сообщение о пропущенном вызове. Откуда были звонок, он и так мог догадаться. От единственной и неповторимой. На том конце тут же отозвался Тучков:

– Слушаю, товарищ Верховный.

– Палыч, ты где? – скороговоркой спросил Афанасьев.

– Как и положено. У Храма Христа Спасителя, – обстоятельно доложил тот.

– Обстоятельства немного изменились, – хотел было пуститься в объяснения Валерий Васильевич, но Тучков не дал ему договорить.

– Я знаю. У нас тут микрофоны стоят. Мы всё слышим.

– Вот и хорошо, – почти не удивился диктатор. – Тогда, слушай новую вводную. Сейчас к вам с восточного входа выволокут бывшего патриарха, так вы уж там примите его, как и положено с подозреваемым в убийстве.

– Понял. Принято. Определим его к остальным.

– Каким остальным? – не понял Афанасьев.

– Ну, к тем, кто полтора часа назад выскакивал оттуда, – пояснил жандарм.

– А тех-то за что схомутали? – продолжал недопонимать Верховный.

– Так, вы же сами давали наказ «всех впускать – никого не выпускать».

– А-а-а, – наконец стало доходить до Афанасьева. – Тогда, ладно. Разрешаю и с этими сластолюбцами погутарить по душам.

– Есть, погутарить! – обрадованно воскликнул государственный цербер и тут же отключился. Поспешил отключить коммуникатор и Афанасьев, не желавший устраивать разборки с ревливой сожительницей в стенах церкви, в твердой уверенности, что всё объяснит умной женщине потом – в более подходящей обстановке.

Евфимий, дождавшись пока выдворят низложенного патриарха вон из Храма Господня и улягутся страсти, продолжил будничным голосом, как на 101-м партийном собрании:

– На этом первая часть объявленной повестки Поместного Собора объявляется закрытой. Подача предложений по кандидатуре нового Патриарха осуществляется через Секретариат Святейшего Синода в письменном виде, в соответствие с установленным регламентом. Процедура подачи предложений начинается завтра в 12 часов по полудню и заканчивается опять же в 12 часов по полудню 14 октября сего года. Пять кандидатов, набравших наибольшее количество поданных за них предложений, допускаются до голосования, которое состоится 17 октября. В посте и молитве спросите своё сердце

о будущем печальнике и заступнике Земли Русской. И пусть оно подскажет вам того, кто по вашему разумению наиболее подходит для сего неподъемного труда. За сим, объявляю перерыв в заседании. Следующее заседание состоится 14 октября в 13 часов.

Крестным знаменем благословил Евфимий паству, клир и гостей, после чего развернулся и скрылся где-то за алтарем. Вслед за ним потянулись и остальные члены Президиума.

– Ну, что ж, – взглянул Афанасьев на часы, – пора уже и мне собираться до дому.

Глава 66

I.

10.10.2020г., пос. Ново-Огарево, Резиденция Главы Высшего Военного Совета.

Было уже около семи вечера, когда он, наконец, выбрался на свежий воздух из удушающей атмосферы Поместного Собора. На улице было довольно темно, поэтому Валерий Васильевич, кляня себя на все корки из-за того, что опять не успел заехать за Вероникой, поспешил к машине. Наверное, ему следовало перед отбытием еще переговорить с Местоблюстителем, но положив руку на сердце, очень не хотелось этого делать, да и к слову сказать, за те шесть часов, что он провел в окружении бородатой братии, уже не хотелось никого из них видеть. Главный Храм России подсвечивался

снизу прожекторами, расположенными по его периметру и это придавало ему еще больше величественности и мистицизма. Давненько Афанасьев не возвращался домой таким измотанным и опустошенным. И не сказать, что бегал по полигонам, и сидел за рычагами управления танком. Просто присутствовал на двух совещаниях, не таких уж и важных с точки зрения развития государства, а, вот, поди ж ты, как измаялся весь. Ехали в тишине. Михайлова он отпустил еще у Храма, «ядерная тень» в лице молодого капитан-лейтенанта хранила благоговейное молчание, Андрей Аверьянович и без этого являлся образчиком молчаливой созерцательности. Так что, ехать было достаточно комфортно, если бы не приставучие мысли, вертящиеся в голове. «Заколебал уже этот долбаный и бешеный режим! – думал он про себя. – С семи утра и до семи вечера! И ведь не мальчишка уже. Шестьдесят пять минуло, будто сон прошел, как и не было». Люди в его возрасте, а тем более полные генералы, уже сидят по своим дачкам, да удят рыбку в тихой речушке. Но ему вот выпало счастье, что ни день, то участвовать в разборках, да г...о убирать за всякой швалью типа давешнего Патриарха. «И почему Артём не дал его придавить окончательно прямо на месте? Боится замарать остатки церковного мундира? Так его и без этого изгваздали в грязи, по самое не балуйся! И так понятно, что Палыч вытрясет из него всё, что накопилось за столько-то лет. Или Евфимий надеется на то, что уголовный процесс пройдет в закрытом режиме? Ну-

ну» – размышлял он, закрыв глаза. «А, ведь в кои-то веки и для себя пожить охота на старости-то лет, – возвращались к нему мысли о собственной персоне. – Опять же, супруга молодая, хоть и незарегистрированная. Как ни крути, и ей надо бы внимание уделить. Ан, некогда! То одно, то другое». Спину ломит, как у грузчика с пристани. Ноги гудят, словно после марш-броска на тридцать километров с полной выкладкой. Хорошо, что в «Аурусе» спинка кресла откидывается далеко назад, в отличие от его прошлой машины и вытянуть ноги на всю длину. Тут хотя бы можно придать уставшему тулову почти что горизонтальное положение. До дома ехать минут сорок, поэтому надо постараться провести это краткое время с максимально возможным комфортом. С горечью приходилось констатировать, что если в подобном темпе он и дальше продолжит так жить и работать, то надолго его не хватит. В этом Вероника, безусловно, права. Впрочем, на долгую жизнь он и так не сильно рассчитывал, о чем честно признался Веронике еще в самом начале их отношений, на что получил сакраментальный ответ от молодой женщины, дескать, сколько не отпустит Бог, столько и надо принять с благодарностью, рачительно используя одолженное у Судьбы время. Пока размышлял о бренности бытия, то сам не заметил, как прикемарил. Проснулся уже, когда автомобиль стал выписывать крутые виражи на узких дорожках загородной резиденции. Тяжело, будто медведь после зимней спячки, сам и без посторонней помощи вылез из просторно-

го салона автомобиля. Все эти проявления холопства, в виде открывания дверей дежурным офицером, он раз и навсегда запретил с первых же дней своего правления. С назойливой охраной, липнувшей при каждом его появлении на людях, поступил также, не давая ей воздвигать искусственный барьер между собой и людьми, ну, разве что только при поездках куда-нибудь за пределы государства. Но таких поездок за три с половиной месяца было – пересчитать по пальцам одной руки. На стенания начальника личной охраны по поводу небрежения собственной безопасностью отвечал всегда одно и то же:

– Если всерьез захотят убить, то и так убьют, невзирая ни на какую охрану.

Перед тем, как отпустить всех сопровождающих, уже привычно и тепло попрощался с начальником службы эскорта, Сан Санычем и Андреем. Капитан-лейтенант, не дожидаясь, когда Афанасьев по-медвежьки косолапя, взберется по ступенькам на крыльцо, шустро шмыгнул в дом, чтобы поскорей сдать дежурство своему сменщику, явно уже заждавшемуся.

Как и положено примерной жене военнослужащего, к коим он до сих пор причислял себя, несмотря на отставку, Вероника встретила его прямо в холле первого этажа. Крепко обнялись и поцеловались, ничуть не смущаясь дежурного офицера, сидевшего в огороженном и застекленном закутке. Тот, в отличие от «сладкой парочки» проявил надлежащее

воспитание и такт, скромно потупив глаза и делая вид, что всё происходящее его ни в коей мере не волнует.

– Ты мне звонила? Прости... – начал, было он оправдываться за отключенную связь, но она его перебила со смехом.

– Да, знаю. Ты был в церкви. Что?! Нагрешил, а теперь побежал каяться?! – с веселым прищуром поинтересовалась она, не размыкая своих сцепленных на его шее рук.

– А то, как же?! Согрешить, да не покаяться?! – заулыбался он ей в ответ, довольный тем, что не надо пускаться в длительные объяснения, а потом спохватился. – А ты, как об этом узнала?!

– Ох, и наивные же вы все, мужики! – не переставая улыбаться, покачала она свое хорошенькой головкой. – Ну, какая же жена главы государства не наладит отношения с начальником его личной охраны, чтобы быть в курсе всего происходящего?!

– А, ты, стало быть, наладила?! Ну и как?! – нахмурил он бровки, старательно делая вид, будто ревнует и сердится.

– Замечательно! А, ты, не ревнуй! – со смехом прижала она указательный пальчик к кончику его носа. – Я не стала обольщать его ради получения информации. Обошлась всего парюю комплиментов. Вы, мужики, на них падки, больше чем мы. К тому же отцы-герои не являются героями моих романов.

– То есть, как это – отцы-герои? – не въехал в тему Афанасьев.

– Разве ты не знал, что твой начальник личной охраны – Александр Александрович Бартенев приходится родным отцом для пятерых детишек, и приемным отцом ещё для троих, взятых им из детского дома и усыновленных.

– Вот как?! – удивился Афанасьев тому, что этот факт ускользнул от его внимания. – Вот уж чего не знал?! Как же ты-то об этом узнала?

– Просто надо быть чуточку внимательнее к тем, кто тебя окружает, – наставительно и уже без улыбки сказала она, ловко избежав при этом ответа на заданный вопрос. – Ладно, иди, раздевайся и мой руки. Ужин уже ждет появления Вашего Величества. Настя с Петей уже заждались, но не садятся за стол без тебя.

– От чего, так? – удивился Валерий Васильевич.

– Там всё сам и узнаешь, – загадочно ответила Вероника, и лицо её, при этом, загадочно сияло.

– Ну-ну, – только и смог он вымолвить в ответ на затевающуюся интригу, спеша переодеться в домашнее.

Быстренько приведя себя в порядок, он предстал перед сородичами, уже сидевшими в небольшой, но уютной столовой, расположенной на втором этаже особняка. К семейному застолью был приглашён и Завьялов, только что принявший эстафету дежурства. Вообще говоря, после случая с сердечным приступом, в деле купирования которого каптри принял едва ли не главное участие, вся семья, не сговариваясь, приняла его в свои ряды, посчитав энергичного и прямоли-

нейного человека своим сородичем, если и не по крови, то по духу.

Действительно, когда они с Павлом вошли, то увидели, что никто из домочадцев не притронулся к исходящим ароматными запахами тарелкам. Как и положено главе семейства, он уселся на свое законное место – у основания стола. По левую руку от него присела Вероника, а чуть дальше от неё Павел. По правую руку расположилась супружеская чета Вальрондов. Поприветствовав собравшихся домочадцев, он сразу отметил про себя, как лицо Насти покрывается легким румянцем смущения и радости.

– Т-а-а-к! – протянул он многозначительно, укладывая салфетку на колени. – Я вижу, что меня ожидает какой-то сюрприз?! Ладно, не томите. Что вы там, еще придумали? Давай, Настасья, колись, как у вас это принято говорить. Обещаю не сердиться и не топтать ногами, – подбодрил он дочку, подмигивая правым глазом.

От этого подмигивания, та, только еще сильнее покраснелась. Но улыбки мужа и Вероники (мачехой называть её язык не поворачивается), несколько приободрили её, и она, справившись с нахлынувшим волнением, чуть запинаясь, произнесла:

– В общем, так папа... Я, Петя... Нет, не так. Мы с Петей хотим тебе сказать, что ты скоро опять станешь дедушкой. Вот, как-то так, – вконец засмузилась Анастасия.

Всего пару секунд Афанасьев пребывал в застывшей за-

думчивости. Была у него такая скверная черта, которую уже не раз подмечали окружающие. До него не сразу доходил смысл полученной информации, поэтому он не успевал сразу переварить её суть, за то и получил от сослуживцев меткое прозвище «тяжкодума». Но к чести его, надо сказать, что сегодня эта «пауза» была достаточно кратковременной. После того, как он понял, о чём идёт речь, его лицо расплылось в широчайшей улыбке и он, роня салфетку с колен вскочил, чтобы кинуться целовать свою любимую дочурку.

– Радость! Радость-то какая! – приговаривал он, обнимая Настю, которая теперь заливалась звонким смехом. – Петр! Что же ты стоишь?! – набросился он на зятя. – Это же дело надо как-то отметить! Беги ко мне в кабинет и принеси чего-нибудь подходящего из того, что есть в барной стойке!

Зятя не надо было упрашивать по сто раз, поэтому он, сияя, как именинник, стремглав бросился по указанному маршруту.

– Только не слишком крепкого! – донесся до него веселый голос жены. – А то, знаю я вас! Вам бы лишь повод найти!

Пока Петр выбирал напитки, подходящие к случаю и соответствующие фужеры, Афанасьев принялся тормозить дочь, расспрашивая её о подробностях:

– Давай, рассказывай! – требовал отец, всё ещё находясь в порыве восторга. – Что?! Как узнала?! Какой срок?!

– Да, что тут рассказывать?! – всплеснула дочь руками. – Я, признаться, и сама не ожидала от себя такого. Думала, что

уже и не смогу. А оно вон как получилось. Костя узнает, скажет, что мать с ума сошла на старости лет-то! Даже неловко как-то. Я ещё вчера подумала об этом, когда меня прихватило при виде копченых осетров. У меня ведь раньше никогда не было такой реакции на рыбу. Ну, вот, я вечером и поговорила с Вероникой...

– Да, – подхватила та моментально, недосказанную мысль Анастасии. – Я ей и говорю: «А ты, подруга, случаем не тяжелая?»»

– А я ей отвечаю, – приняла эстафету дочь. – Да не может этого быть. Но та уперлась. В общем, мы посоветовались и решили, что я сегодня после уроков пойду к гинекологу, тем более, что приступ тошноты опять утром повторился. Я Пете решила пока ничего не говорить, прежде чем не покажусь врачу. Пошла после обеда в платную клинику, там без очереди и анонимно. Осмотрели, сделали УЗИ. Шесть недель. Вот так вот. Так что, где-то в конце мая будем ждать прибавления семьи Афанасьевых.

– Вальрондов, душечка, Вальрондов! – раздалось от дверей, где стоял Петр, держа подмышкой приличных размеров бутылку, а в руках пять фужеров.

– Вальрондов-Афанасьевых! – тут же пригасил спор Валерий Васильевич, поднимая кверху указующий перст.

Не медля ни секунды, разлили по фужерам содержимое оригинальной бутылки матового стекла, коим оказалось российское игристое вино под названием «Высокий берег».

Долго поздравляли и надавали кучу пожеланий ей самой и будущему ребенку. С удовольствием опорожнили всё до капельки. При этом, Петр заботливо, но настойчиво проследил, чтобы Настя даже и не думала налить себе повторно. Ласково улыбаясь, он демонстративно отодвинул от неё фужер, приговаривая:

– Ну, будя-будя. Нечего ребенка приучать к спиртному.

– Правильно-правильно, – поддержал его тесть. – А мы, пожалуй, пропустим еще по одной за здоровье будущей мамы, – окатил он пристальным взором свою суженую.

Та правильно истолковала его вопрошающий взгляд и не отводя глаза в сторону ответила на него со значением:

– Ничего. И за нами дело не заржавеет. Дай срок.

– Дай-то Бог, – эхом отозвался он на её уверенное предположение. Они молча чокнулись, и мелодичный звон хрустала сопровождал этот жест.

Дальше началось шумное и веселое застолье, сопровождаемое опять высокопарными пожеланиями и немного смешными житейскими историями на эту тему. Одно из таких пожеланий, произнесенных самой виновницей торжества, особенно пришлось всем по душе. Поднявшись со своего места с бокалом, в который заботливой рукой мужа был налит «Тархун», она напроорочила, и сама не подозревая о том:

– Я хочу, чтобы всё дети, уже рождённые и пока еще не появившиеся на свет, вдруг очутились в таком мире, где нет голода, войн, природных катаклизмов и иных катастроф, где

нет материнских слез и где никому не надо будет сожалеть о прошлом и бояться за будущее. Я, конечно, всё понимаю, и мои речи могут показаться вам глупыми и наивными, но у меня сейчас такое настроение, при котором хочется обнять всех деток на свете и укрыть их от всех бед и невзгод.

Эту её простую речь все присутствующие восприняли с огромным энтузиазмом. Все дружно встали со своих мест и в знак согласия подняли кверху наполненные бокалы перед тем, как чокнуться ими. И тут, лицо Афанасьева исказила гримаса. Он неожиданно скривил губы, наморщил лоб, как будто его только что озарило какое-то воспоминание. Его лицо опять изменилось, приняв несколько виноватый вид и он, начав бормотать совершенно нелепые извинения о том, что ему позарез надо срочно сделать один важный-преважный звонок, вышел из-за стола и решительной походкой направился к выходу, велев продолжать без него. Павел Геннадьевич, дернулся было идти за ним, но тот только отмахнулся: – Сиди-сиди, я только до пункта связи и обратно.

Но прежде чем спуститься на цокольный этаж особняка, где находился пункт ЗКПС (закрытого канала правительственной связи), он достал свой коммуникатор, и слегка шурясь (старческая дальнзоркость давала о себе знать), начал рыться в списке привилегированных абонентов. Рылся недолго, быстро отыскав фамилию Вострецова. Глянув на свои часы, убедился, что время еще не совсем позднее, нажал на кнопку «вызова». Долгие гудки подсказывали, что

абонент либо не хочет брать трубку, либо находится вне досягаемости мобильного аппарата. Однако Афанасьеву было не занимать настойчивости и некоторого нахальства, поэтому он продолжил свои попытки связаться с академиком. Его упорство, в конце концов, было вознаграждено по достоинству. И где-то, примерно на тридцатом гудке, Игорь Николаевич соизволил сказать, привычные для любого уха слова:

– Алло, я вас слушаю.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, это вас Афанасьев беспокоит. Простите, что звоню в столь позднее время.

– А-а-а, – протянул академик, – как же, как же, узнаю голос вождя и отца всех народов! – не без привычного уже ехидства воскликнул ученый. – Ничего страшного, я еще не собирался ложиться спать, просто засунул телефон далеко и никак не мог его отыскать. Что-нибудь случилось? – быстро перешел он на деловой тон.

– Не волнуйтесь, Игорь Николаевич, ничего экстраординарного не произошло, – продолжил «фирменным» заискивающим голосом диктатор, – просто я хотел извиниться перед вами.

– Извиниться? Но за что?! – искренне изумился корифей, лихорадочно соображая, в чём таком провинился перед ним главарь хунты, что ему вдруг приспичило названивать в полдевятого вечера.

– Помните, неделю назад, в гостинице мы с вами беседовали на известную вам тему, и я клятвенно пообещал свя-

заться с вашим коллегой – Алексеем Сергеевичем?

– А, ну да, ну да, припоминаю. Был такой разговор. Одной нашей знакомой очень остро понадобилась помощь физика-практика, – не стал называть имя Бабы-Яги Вострецов, прекрасно осведомленный о том, что даже по закрытой линии связи не стоит слишком уж сильно откровенничать по узкопрофессиональной тематике.

– Так вот, я тут закрутился, и совсем голова у меня набекрень съехала с этими государственными заботами, поэтому и позабыл выполнить своё обещание, – продолжал изображать (а может и не изображать) раскаяние Валерий Васильевич.

– Что же вам мешает исправить свою оплошность? – не слишком-то любезно поинтересовался Вострецов.

– Я, как раз по этому поводу и звоню вам, – оставил без внимания колкость академика Афанасьев. – Вот, думаю, если я сейчас ему наберу, то не нарушу ли его планы на поздний вечер? Как вы думаете, он уже отдыхает?

– Так, сейчас, сколько времени? – спросил старик сам себя. – Ага, полдевятого. Значит, у них там, на час позже, – вслух принялся он размышлять, пока диктатор внимательно его слушал. – Думаю, что он еще не лёг. Мало того, я полагаю, что он всё ещё может быть на объекте. Так, что звоните, не бойтесь, – подвел он итог своим размышлениям и добавил. – Возможно, что он уже ждет вашего звонка.

– Как так?!

– Я позавчера прилетел оттуда. Опять возил необходимые детали, – пояснил он. – И скажу вам честно, у меня был с ним разговор на эту тему.

– Вы хотите сказать, что ввели его в курс дела?! – подпустил нотку недовольства в голос диктатор.

– Нет-нет, – поспешил оправдаться в его глазах академик. – Всё в пределах допустимого! Я же не первый год на свете живу и знаю, что такое государственная тайна. Просто я у него ненавязчиво поинтересовался, не желает ли он хотя бы на время сменить направление деятельности. Да и, честно говоря, не мешало бы ему сменить климатическую зону обитания. А то нехорошо получается: мы всё время были вместе, а теперь я тут прохлаждаюсь, а он там – в разбитом поселке. И супруга его тут, одна без него.

– И как он отреагировал на ваше предложение?

– С известной долей скептицизма, – вздохнул Игорь Николаевич. – Он из породы тех упрямцев, которые доводят до конца все свои уже начатые дела. Моя школа-с, – не без доли гордости произнес он последнюю фразу. – Впрочем, когда я намекнул ему, что у вас имеются особые виды на него, то он весьма заинтересовался причиной вашего интереса к нему.

– И вы посчитали своим долгом всё же приоткрыть завесу тайны? – принялся уточнять Афанасьев.

– Никоим образом! – возмутился Вострецов. – Я просто намекнул ему, что в скором будущем, его практические навыки конструктора сверхсложных систем, возможно, пона-

добьются в другом месте. И я посоветовал ему, если поступит такое предложение по смене профиля деятельности, не отказываться с порога.

– И всё?

– Истинный крест! – не моргнув глазом соврал ученый муж.

– Ну, ладно, – сделал вид Афанасьев, что поверил словам Вострецова. – Я тогда сейчас свяжусь с ним. Помнится, когда он прилетал в Москву на награждение, мы договорились со службой безопасности о том, что ему будет предоставлено право иметь индивидуальный аппарат связи с Большой Землей.

– Верно, – подхватил Игорь Николаевич. – Специальный мобильный телефон с системой квантового шифрования, привязанный к геостационарному спутнику связи у него имеется.

– А не подскажете номерок, случаем, а то что-то мне неохота искать его через специальные структуры. Конспирация, понимаете ли, такая вещь, без которой даже Ленин не смог обойтись, хе-хе, – позволил себе Афанасьев слегка посмеяться над своими «молчи-молчи».

– Охотно поделюсь, минутку, – засуетился на том конце «сверчок». – Записывайте.

– Давайте, – ответил Верховный и приготовился нажимать цифры, которые стал ему диктовать Вострецов.

Цифр было на удивление много. Так, что несколько

раз приходилось останавливаться, чтобы перепроверить надиктованное. Длительная процедура закончилась нажатием кнопки «память».

– Кстати, – спохватился академик, закончив надиктовывать цифири, – я и сам забыл выразить вам свою искреннюю благодарность...

– За что? – пришел черед задавать недоуменные вопросы диктатору.

– За то, что посоветовали обратиться к Игнатию Олеговичу.

– Игнатию Олеговичу? – задумчиво повторил Афанасьев, сясь припомнить носителя этих инициалов.

– Шерстобитов, – назвал он однофамильца династии его личных водителей. – По поводу защиты от «дураков».

– А-а-а! – наконец вспомнил Верховный ученого матерщинника, сильно пополнившего в свое время его словарный запас часто употребляемыми выражениями портовых грузчиков. – Теперь вспомнил! Значит и вам пошло на пользу это знакомство?!

– Ещё как! Он и его институт уже вчера принялись разрабатывать необходимые устройства и алгоритмы для воспрепятствования несанкционированному вмешательству в логические цепи. Очень, очень приятный и эрудированный человек. Таких людей сейчас редко встретишь.

– Это верно, – согласился Афанасьев с характеристикой, выданной Вострецовым. – Вот видите, – не без гордости ска-

зал в трубку Афанасьев, – и мы – диктаторы, иногда можем быть полезными обществу.

– Разумеется! – с жаром подхватил академик, не оценив самоиронию Афанасьева.

После этого собеседники перекинулись ещё парой ничего незначащих слов и тепло распрощались, пообещав другу другу поддерживать связь.

Закончив разговор с ершистым, но уже ставшим таким дорогим для него человеком, Валерий Васильевич стал спускаться на цокольный этаж, где находился специализированный пункт связи. Конечно, поговорить с Боголюбовым можно было и отсюда. Но чем чёрт не шутит? Он слышал, что уже давно изобретены средства прослушки, которые могут считывать даже малейшие вибрации с окон, возникающие в результате колебания воздуха при разговоре. Его, конечно, уверяли, что стекла двойные и с металлическими невидимыми прожилками, принимающими на себя все колебательные процессы, но он был человеком старой закалки, считавшим, что лишняя осторожность никогда не повредит. И уж наверняка ухо Большого Брата не обошло своим вниманием его загородную резиденцию. Спустившись вниз по крутой винтовой лестнице, он очутился в широком, но низковатом коридоре, по обе стороны которого тянулись до самого конца запертые и порой бронированные двери в какие-то технические помещения, о назначении которых он имел смутные представления. Однако то помещение, куда он направился

было ему хорошо известно. Он уже не раз пользовался услугами правительственной связи, когда надо было с кем-то связаться, придерживаясь сугубой конфиденциальности. Войти в пункт связи было тоже делом весьма не простым. Требовалось не только нажать на кнопку звонка, но еще и пройти процедуру идентификации личности, приставив своё правое око к специальному окуляру для считывания и дальнейшего сличения радужной оболочки глаза с тем оригиналом, что хранился в электронной памяти запирающего устройства. После того, как все необходимые процедуры были пройдены, массивная бронированная дверь сама неслышно отворилась, пропуская его внутрь помещения. Всё пространство небольшой комнаты было сверху и до самого низа забито аппаратурой неизвестного предназначения. И все это техническое нагромождение было живо какой-то своей особенной машинной жизнью. Все вокруг перемигивалось лампочками, диодами и прочими элементами освещения и сигнализации. Приборы и аппаратура скрипели и пощелкивали, иногда издавая ну очень экзотические звуки на манер кошачьего мяуканья и барсучьего фыркканья. На ЖК-мониторах, что расположились по стенам, то и дело появлялись непонятные графики, либо знакомые Афанасьеву экраны РЛС, но неизвестно для чего установленные здесь. А еще присутствовал характерный запах канифоли – вечной спутницы любого радиолобителя. Вообще, когда ему приходилось здесь бывать, он всегда ловил себя на мысли о том, что находится в рубке

инопланетного корабля, управлять которым он не рискнул бы ни за какие коврижки. Посреди всего этого технического совершенства стоял вытянувшись возле стола, как на плацу, молоденький курносый и веснушчатый старший лейтенант с глазами цвета васильков. На столе лежали дымящийся паяльник и шелестевшая страницами раскрытая книга, которую он, видимо, читал на досуге. Имени офицера связи Афанасьев не знал, да, в общем-то, и не стремился к подобным знаниям, но его так и подмывало воскликнуть: «Здравствуй, Иван – крестьянский сын!» Но сдержавшись от невольного порыва, произнес вслух:

– Здравствуйте, товарищ старший лейтенант! – полуофициально поздоровался он с юношей.

– Здравия желаю, товарищ Глава Высшего Военного Совета Российской Федерации! – как и положено, отвечал тот без отдачи чести, так как был без головного убора.

– Ну, буде-буде, мы тут не на плацу, да и я уже не в форме, – добродушно буркнул он, подавая руку для пожатия.

Несмотря на юношеский вид, рукопожатие его было крепким искренним, что весьма приглянулось Валерию Васильевичу, привыкшему к показной робости подчиненных.

– И не скучно тебе, сынок, сидеть тут день-деньской одному и взаперти, где всё вокруг гудит и квакает? – сразу перешел он на отеческий тон.

– Да, нет, товарищ Верховный, – развел старлей руками, окинув помещение взглядом, – я уже привык к одиночкам

дежурства. Это поначалу было немного не по себе, а сейчас – даже нравится. Это же удобно очень, когда все вокруг издает звуки. Сразу можно понять: что, где и как функционирует.

– И всё-таки, наверное, скучновато тут одному-то? – про-должал допытываться Афанасьев, подойдя к столу. – Чем время коротаешь? – кивнул он на остывший паяльник и шелестящую страницами книгу.

– Люблю возиться с техникой, паять, собирать, конструировать, – мотнул он головой в сторону остывающего паяльника. А ещё книги читать, только не новые, что на планшетах, а старые, настоящие, в переплетах, – заметил тот кивок диктатора в сторону неуставного, но не запрещенного им предмета. – Слушать музыку и смотреть телевизор – категорически запрещено регламентом, а книги никому не мешают, да и для самообразования, как раз подходят.

– Вот, как? И что же ты выбрал в качестве пособия к самообразованию? – любопытствовал Верховный. – Можно посмотреть?

– Конечно-конечно, – заторопился молодой человек, с готовностью протягивая диктатору свою книжку.

– О-о-о! – не смог скрыть своего искреннего удивления Афанасьев, ожидавший столкнуться с типичным образчиком творчества профессиональных графоманов. – Я-то думал, что это будет нечто вроде Толкиена или на худой конец незаслуженно популярного Акунина, а тут, смотри-ка – Валентин Саввович Пикуль. Признаться, молодой человек, я

приятно удивлен вашим нетривиальным выбором.

– Не знаю, – залился краской смущения юный офицер от неожиданной похвалы от Самого, – но мне кажется, что сейчас не хватает именно таких вот книг для воспитания самосознания и чувства сопричастности к великой истории своей страны.

Сказал и еще сильнее засмутился он от, как ему самому показалось вычурного пафоса своего ответа.

– Нет-нет, сынок, ты всё правильно сказал. Именно таких вот книг нам сейчас и не хватает. Хватит современной молодежи ровняться на выдуманных героев зарубежного фэнтези, когда и нас имеются свои, к тому же вполне реальные. Слишком уж переели мы в 90-е этого чтива, утратив свою связь с великими предками и тем самым потеряв веру в свои собственные силы, – принялся вдруг пафосно вещать Афанасьев. – Не пресловутая Распределяющая Шляпа должна указывать каждому его стезю. Нет, и никогда не будет никакой предопределенности, делающей всю оставшуюся жизнь бессмысленным набором поведенческих матриц. Только сам человек может и должен определять свой жизненный путь и призвание. Мы сами должны творить историю, как наши предки, спотыкаясь на этом пути, падая, разбивая в кровь носы и снова вставая, уважая чужое мнение и в то же время, не боясь спорить с уже признанными авторитетами. И только так ты сам сможешь стать авторитетом, признаваемым всем обществом.

– И я смогу?! – нежданно вырвалось у мальчишки. – Но кто я такой, чтобы спорить с авторитетами? Даже вот с вами, например?! Вы – Верховный Правитель, а я – дежурный оператор пункта связи. По сути, «телефонная барышня». А ведь так хочется сделать, что-то очень и очень важное и нужное для людей, для человечества.

Старлей с таким жаром выплеснул наружу свои эмоции, что сразу было видно, насколько сильно донимают его подобные размышления.

– Конечно, можешь! – поддержал его порыв Афанасьев. – Это я, сегодня Глава, а завтра, Бог даст, пенсионер, сидящий на лавочке и кормящий голубей хлебным крошечком. А у тебя вся жизнь впереди. Я вполне себе представляю, что именно ты изобретешь устройство способное наладить общение между нами и самыми далекими цивилизациями Вселенной. И будут тебе названивать какие-нибудь щупальцеобразные из Крабовидной Туманности с просьбой разъяснить суть учения о детерминизме.

– Правда, такое может быть?!

При произнесении последней фразы на веснушчатом лице старшего лейтенанта отобразилась улыбка – светлая и где-то даже немного беззащитная в своей непорочности, как у ребенка. Она тронула начинающую черстветь душу Афанасьева до самой глубины. Он шестым своим чувством понял, что перед ним стоит очень порядочный, а потому и очень чистый человек.

– Да. И если твоя мечта, к исполнению которой ты приложишь определенные усилия, будет такой же светлой и чистой, как твоя улыбка, то она непременно сбудется. Я тебе обещаю.

– Спасибо, товарищ Верховный! – опять озарился внутренним сиянием связист.

– Вот и договорились, – улыбнулся Афанасьев. – А сейчас у меня к тебе будет не совсем обычная просьба. Мне тут в твоём защищенном от прослушки помещении надо поговорить с одним выдающимся ученым...

– По поводу связи между галактиками?! – ахнул старлей.

– Да, нет, – усмехнулся Афанасьев, а потом, подумав, добавил, – хотя, в принципе, это не исключено. Во всяком случае, тематика его работ лежит примерно в той же плоскости.

– Ого! – только и смог вымолвить восторженный юнец.

– Да, – подтвердил Афанасьев, – но только это пока большой-большой секрет, который тебе пока рано знать.

– Я понимаю, – горько вздохнул тот, опустив плечи.

– Но я обещаю, что поговорю насчет тебя. И возможно, что кое у кого появится шанс приобщиться к тем, кто творит историю. И ты станешь на один шаг ближе к исполнению своей мечты.

– Ой, спасибо огромное! – вновь преобразился молодой связист.

– Не спеши с благодарностями. Я еще пока ничего не сделал для тебя, – добродушно проворчал Валерий Василье-

вич. – Да, так вот, что касается конфиденциальности. Пока ты не приобщился к ограниченному числу посвященных, то не в службу, а в дружбу, погуляй малость в коридорчике, разомни ноги. А я, тем временем, поговорю с ученым человеком.

– Вообще-то, мне запрещено покидать вверенный пост..., – нерешительно начал офицер, столкнувшийся с неразрешимой дилеммой.

Но Афанасьев сам пришел ему на помощь:

– «Не держись Устава, аки слепой плетня», – напомнил он ему расхожую фразу, приписываемую царю Петру. – К тому же, по Уставу, так чтимому тобой, приказы вышестоящего начальства выполняться должны беспрекословно. А я пока что еще – твой начальник, как ни крути.

Сомнения, только что боровшиеся в душе младшего офицера испарились, как капли росы под лучами Солнца и он, прищелкнув каблуками, подобно заправскому служаке, отчеканил:

– Есть, пойти погулять в коридоре! – бодро отрапортовал молодой романтик, а потом, чуть задержавшись, добавил. – Если что, товарищ Верховный, то вы меня кличьте, я тут, неподалеку буду гулять.

– Ладно-ладно, ступай, – улыбнулся ему вслед Афанасьев.

Дождавшись, когда за мальчишкой закроется дверь, он достал коммуникатор и, тихонько чертыхаясь про себя за то, что потерял столько времени на отвлеченные беседы, то-

ропливо извлек из телефонной памяти нужный номер. Не успел он приготовить подходящие слова извинений за поздний звонок, как трубка отозвалась бодрым голосом еще не спавшего человека:

– Слушаю, вас.

– Здравствуйте, Алексей... ммм, – запнулся диктатор, мучительно припоминая отчество Боголюбова, которого-то и видел всего лишь раз в жизни на церемонии награждения.

– Сергеевич, – пришел к нему на выручку любезный собеседник. – Здравствуйте, товарищ Верховный!

– Ой, как вы меня сразу узнали?! – обрадовался Афанасьев сообразительности и такту Боголюбова.

– У вас очень характерное произношение коренного калижанина, к тому же я ждал чего-то на подобие вашему звонку. Просто не думал, что это вы сами будете мне звонить, – пояснил пронизательный ученый.

– И вправду, мои предки из Калужской губернии. Это вы здорово подметили. Вы уж простите меня, что звоню поздно, но Игорь Николаевич уверил меня в вашей принадлежности к совам, – начал извиняться было Афанасьев.

– Ничего-ничего. Всё верно, – прервал его поток Боголюбов. – Я, действительно еще не ложился. Мало того, – усмехнулся он в трубку, – я даже ещё не дома. Мы только что закончили совещание по текущим делам.

– Вот и чудненько! – раздалось в ответ. – Тогда и я не стану растекаться по дереву. Как я понял, у вас уже был предва-

рительный разговор с Игорем Николаевичем?

– Да. Он на днях был у нас. Привез очередную партию заказанных деталей. Остановился у меня. И у нас была с ним пространная беседа, из которой я толком так ничего и не понял. Он уговаривал меня сменить профиль занятий, а заодно намекал на возможный звонок «сверху».

– Отсутствие конкретики в вашей с ним беседе объясняется тем, что у нашего дорогого академика не было достаточных полномочий для прояснения ситуации. Сами понимаете, люди, связанные подписками о неразглашении не могут делиться полученной информацией с непосвященными.

– Это мы знаем. Не первый десяток лет ходим в «секретчиках», – вставил Алексей Сергеевич.

– Так, что вы не обижайтесь на своего коллегу. Это я попросил его провести с вами предварительную беседу, чтобы выявить ваш настрой.

– Как же я могу обижаться на своего учителя? – удивился Боголюбов. – Всеми знаниями, коими я владею, я обязан исключительно ему.

– И это правильно, – согласился Афанасьев. – Теперь вот настал мой черед прощупывания ваших умонастроений.

– Что-нибудь случилось? – насторожился Алексей.

– Нет-нет, не волнуйтесь, ничего такого не произошло, – поспешил успокоить его диктатор. – Но благодаря вам, может и произойти.

– Вы меня, определенно интригуете, – не стал скрывать

своего любопытства ученый.

– Ага! – по-простецки подтвердил его догадку Верховный. – Но для начала, я всё-таки прозондирую почву. Не возражаете?

– А, давайте, – принял игру Алексей.

– Как у вас продвигаются дела? – зашел издалека Валерий Васильевич, хотя прекрасно был осведомлен о текущих делах.

– Динамично, – ответил Боголюбов. – Наша главная стационарная установка принята в опытно-боевую эксплуатацию по результатам прошедших событий, несмотря на незавершенность некоторых испытаний. Сейчас готовим её к испытаниям на работу в режиме круговой обороны.

– Это как? Заставите её крутиться на манер локатора.

– Нет, что вы!? Это крайне непродуктивно. Подобный вариант мы отвергли с самого начала, ибо он ненадежен с точки зрения времени реагирования. Противник наш ведь тоже не дремлет, а потому мы обязаны учитывать его способность вскоре создать и свой гиперзвук. Сейчас установка в режиме сканирования охватывает сектор примерно в 150° , а в режиме боевого применения, что-то около 90° . Так вот, у нас появилась идея так перераспределить исходящий поток протонов, чтобы он в режиме сканирования истекал в противоположные стороны одновременно. И при всём при этом вес и габариты установки не должны быть увеличены ни на йоту, – принялся со знанием дела объяснять Боголюбов.

Сразу было видно, что эта тема была очень ему близка, поэтому даже в разговоре с Главой государства он не преминул усесться на своего любимого «конька», считая, что слушающая сторона тоже проникнется подобным энтузиазмом. Впрочем, Афанасьеву, с недавних пор начавшему увлекаться научно-фантастической литературой, воображения тоже было не занимать. Поэтому он без особого труда «въехал» в тему, поинтересовавшись:

– А в боевом режиме она у вас, что же, туда и сюда будет пулять одновременно? А если сзади свои будут?

– Это вы верно уловили! – обрадовался Боголюбов понятливости собеседника. – Но на этот случай мы предусматриваем автоматическое переключение или если сказать проще регулирование. Значит, чтобы в одном направлении поток слабой интенсивности – для сканирования пространства, а в другом – боевой интенсивности.

– И как продвигаются дела?

– Я же говорю, что готовим к испытаниям. Тут к нам недавно пополнение прибыло из толковых ребят, что недавно окончили МФТИ. Шустрые ребяташки со свежими идеями, которые мне не приходили в голову. Старею, видимо, – усмехнулся Боголюбов в трубку, однако совсем без сожаления, а даже с гордостью за молодое поколение. – А сегодня ещё прибыл сам академик Шерстобитов с помощниками. Говорит, что будут внедрять Искусственный Интеллект в нашу установку. Так что, работа кипит.

– А что там с Летающей Лабораторией? – дал понять Афанасьев, что по-прежнему в курсе основных работ.

– Тоже всё благополучно. Воздушный вариант установки, слава Богу, никак не пострадал, ибо находился еще на стапелях, а потому мы его не успели смонтировать на уничтоженном Ил-76. Ну, да, вы это и так знаете. А новый Ил, любезно предоставленный нам ВТА, мы уже приготовили к тому, чтобы разместить внутри летающую версию. Думаю, что через недельку, когда у нас буранчик немного уляжется, можно будет делать первые пробежки. А там, глядишь, к Новому году можно будет сделать пробный вылет, но пока без включения.

– Почему без включения? – огорчился слегка Афанасьев, которому претили всяческие задержки.

– Установку надо проверить на эксплуатационную пригодность при неудобствах, испытываемых на взлетах и посадках. Полоса-то у нас не ахти какая, а аппаратура тонкая и нежная.

– Но ведь на прошлой неделе в Капустином Яру уже испытывали её в условиях космических перегрузок, – попробовал поспорить диктатор. – Всё было штатно.

– Э, нет, товарищ Верховный, – не замедлил осадить Боголюбов верховное начальство, – Не следует путать единичное испытание на перегрузки с многочисленными и многократно повторяющимися вибрационными процессами на режимах взлета и посадки. Разная степень риска выхода из строя,

так сказать.

– Ладно-ладно, понял. Не дурак, – проворчал Афанасьев, безжалостно опущенный с небес на грешную землю.

– Далекое не дурак, – согласился с ним Алексей Сергеевич. – Дураку, даже в президентских чинах, как Ельцин, я бы и не стал объяснять, что к чему, – чуть-чуть посмел надерзить доктор наук, но собеседник не обиделся.

– А, что были попытки?

– Да, по молодости лет пытался доказать ему в письме важность и нужность нашей работы, – не стал далее развивать для себя неприятную тему Боголюбов.

– Ладно. Как говорит мой внук: «Проехали». Однако я продолжу свои искушающие речи.

– Давайте, – хохотнули на той стороне невидимого провода.

– С ваших слов я понял, что дела идут своим побытом. У вас там подобралась за эти годы хорошая команда единомышленников, – опять завел свою «шарманку» вкрадчивым голосом Афанасьев.

– Команда, действительно, подобралась хорошая, – согласился Боголюбов, уже догадываясь, что диктатор будет его сейчас склонять к перемене места жительства и работы. – Это не то, что двадцать лет назад было, когда мы, считай, вдвоем с Игорем Николаичем на коленке мастерили первый прототип установки. А сейчас и кадры есть, и ресурсы, и техническая база...

– Вот-вот, и я о том же! Теперь-то уж можно не беспокоиться за будущее своего детища. Что там осталось довести до ума? Разнонаправленность действия, да обеспечение безопасности эксплуатации? Так это, вообще, пустяки! Ваши парни справятся с этим на раз-два!

– Вы забыли про воздушный вариант, – вставил Алексей.

– Ах, да, извините. Так с ним тоже никаких проблем не предвидится. Схема отработана. Всё просчитано.

– Товарищ Верховный, я вижу, что вы старательно пытаетесь убедить меня в смене профессиональных приоритетов, – напрямую решил вывести разговор Боголюбов, которому уже наскучили обходные маневры Афанасьева.

– Точно, – не стал увиливать Валерий Васильевич. – Я считаю, и, между прочим, со мной согласен Вострецов, что вы засиделись на старом месте, – решительно произнес диктатор.

– Я привык доводить всё начатое до конца, – подтвердил своё реноме упрянца Алексей Сергеевич.

– Боже мой! – не удержался диктатор. – Доведут и без вас кому надо и кому положено! Что ж вы, прилипли-то к одному и тому же месту?! Двадцать лет безвылазного сидения на Севере! Да ни один полярник не жил и не работал здесь столько! – начал терять терпение Афанасьев.

– Полковник Виттель до конца жизни посвятил себя Белому Безмолвию северных просторов, – попробовал возразить ученый

– Ты, Алексей Сергеевич, нашего Митрича заранее не отпевай, – перешел на панибратское «ты» диктатор. – Предвижу, что ваши с ним дорожки ещё не раз сойдутся. Ну, да об этом потом и не по телефону. Ладно, черт с тобой, с твоим здоровьем, а я подозреваю, что оно далеко не идеально! Но ты подумай о семье, о жене, о детях, наконец. Они тут – ты там. Я, конечно, не собираюсь вмешиваться в ваши семейные дела, но всё равно, ни к чему хорошему это не приведет, помяни мое слово. К тому же, я ведь тебя, мил человек, не на курорт зову, а на очень трудную и интересную работу, – закинул под конец приманку Верховный.

В трубке воцарилась тишина, которую ни тот ни другой не решались нарушить. Тишина была до неприличия долгой. При всей своей бестактности и напористости, Афанасьев где-то и в чём-то был прав. Еще год, ну, максимум два и установка в обоих вариантах будет доведена до совершенства. А что дальше? В перспективе просматривались лишь два варианта развития событий. Первый вариант подразумевал под собой его тихое прозябание и угасание в Белушьей на никчемной уже теперь должности технического руководителя проекта. Перспектива «свадебного генерала», свершения которого остались в прошлом, где новых идей от него не ждут даже ближайшие соратники, Алексея не прельщала. Мда. Второй вариант тоже не сулил ничего хорошего. Учитывая его прежние заслуги, в лучшем случае, его ждала кафедра какого-нибудь столичного вуза и тихая кабинетная ра-

бота до конца жизни. Человеку, в крови которого до сих пор бродили цыганские гены деятельной непоседливости, такой вариант тоже был подобен смерти, если и не телесной, то уж творческой, наверняка. Боголюбов чувствовал, что какая-то тайна ждет его прикосновения, раз уж даже сам Вострецов загорелся идеей её воплощения. Это говорило о многом, так как маститый академик не любил размениваться на мелочи. Эту прозу жизни понимал не только он, но и сопящий в трубку диктатор. Первым не выдержал и прервал затянувшееся молчание Алексей Сергеевич. С нехарактерной хрипотцой в голосе он произнес:

– Что вы хотите мне предложить?

– Хочу предложить применить ваши знания и опыт прикладного физика в делах фантастических и даже немислимых с первого взгляда, – опять начал издали Афанасьев.

– А нельзя ли как-то поконкретней, что ли? Чтобы я не терялся в догадках, а примерно знал, что меня ожидает и как к этому относиться.

– То, чем вы занимаетесь сейчас, проходит под грифом «совершенно секретно» с четырьмя нулями. А тому, чем я вам предлагаю заняться, даже еще не придумали степень секретности.

– Вот даже как?!

– Представьте себе! И хоть мы с вами говорим по зашифрованной связи, я все же не рискну произнести ключевые слова, дабы не навести панику в рядах наших эвентуальных про-

тивников, если они каким-нибудь боком сумели наладить прослушку.

– Черт возьми! Вы меня заинтриговали! А как я тогда узнаю, о чем идет речь? – загорелся Боголюбов, чувствуя, что стоит на пороге чего-то небывалого.

– Вы в юности фантастической литературой увлекались? – решил еще больше тумана напустить Афанасьев.

– Да куда там?! Я ведь из деревенских буду. В нашей поселковой библиотеке были только книжки из школьной программы.

– Тогда сделаем так, – сменил тактику Верховный. – Я вам назову несколько общеизвестных литературных произведений, а вы уж сами составьте логическую цепочку. Идёт?

– Идёт, – согласился Богомоллов, сгорая от любопытства.

– Джек Лондон «Межзвёздный скиталец», Герберт Уэллс «Машина времени», Рэй Брэдбери «И грянул гром», – начал медленно перечислять Валерий Васильевич.

– О, Господи! – вырвалось из груди Алексея.

– Мне продолжать перечислять? – спросил Афанасьев. – Или вы уже сами догадались?

– Нет-нет, не надо! – заторопился Боголюбов. – Неужели?!

– Да! – жестко оборвал его диктатор. – Именно то о чём вы и подумали. Но об этом потом.

– Я понял вас! Когда и куда надо прибыть?! – кинулся в омут с головой ученый. – Только вот я не знаю, чем могу быть полезен. Я ведь не темпоролог. Тем более, что эта по-

ка ещё только зарождающаяся наука – больше смахивающая на астрологию. Моя специальность – теория и практика элементарных частиц, – тут же начал он сомневаться.

– Они вам сами объяснят, почему у них нужда именно в вашей персоне. Я в этих делах, как вы сами понимаете, ни бельмеса не смыслю, – не дал Афанасьев сомнениям овладеть Боголюбовым.

– Хорошо. Куда и когда?

– В Москву. И по возможности без проволочек. А там, свяжетесь со своим наставником и коллегой. Он вас сам направит, куда и к кому надо.

– Ясно, товарищ Верховный! Как только позволят погодные условия, так я сразу и вылетаю.

– Вот и хорошо. Вот и договорились, – сразу потеплел голосом Валерий Васильевич. – В ближайшее время мы с вами обязательно встретимся и обсудим громадьё наших планов. До встречи и всего доброго, – попрощался диктатор и отключился.

Сунув коммуникатор в задний карман спортивного трико, Афанасьев вышел из помещения. В коридоре, напротив двери стоял старший лейтенант, старательно подпирая спиной стену.

– Ну, спасибо! – весёлым голосом поблагодарил он старлея за понятливость. – Извини, что побеспокоил.

– Ой, да что вы?! Какие извинения? Я всё понимаю, – опять начал он заливаться краской.

– Как хоть тебя величать, сынок? – ещё раз окинул его пытливым взором Афанасьев.

– Слава, – робко улыбнулось курносое и веснушчатое создание, но тут же спохватился и исправился. – Вячеслав Рябцев, товарищ Верховный!

– Я запомню тебя, Вячеслав Рябцев, – улыбнулся диктатор, крепко пожимая тому руку на прощание, после чего развернулся и пошел своей косолапой походкой к лестничному пролету.

II.

К себе наверх он поднимался в бодром настроении, несмотря на то, что сегодняшний день порядком-таки его вымотал. Карабкаясь вверх по мраморным и скользким ступеням, он даже пробовал насвистывать нечто бравурное. И причин для приподнятого настроения было немало, что по нынешним временам являлось большой редкостью. Во-первых, дочка обрадовала известием о скором прибавлении в семействе. Он уже подошел к такому возрасту, что появление внуков радует больше чем жизненные успехи детей. Богу, конечно, было видней кем одарить некогда подававшего большие надежды офицера. Он посчитал, что хватит с него и двух дочерей, как в детской сказке – строптивую Юлечку, да смирную и неперечливую Настеньку. Юлечка, в свою очередь, тоже принесла ему двух внучек – разбитных девах, про-

водящих всё свое свободное время на молодежных тусовках в Питере, вспоминающих о любимом дедушке в моменты материальной недостаточности, что, кстати, происходило частенько. Он бы так и смирился со своей участью быть в единственном числе среди женского табора, если бы не младшая дочь – любимая Настенька, которая, несмотря на неудачный брак, подарила-таки ему внука. К тому же, судя по всему, отличного парня. И вот теперь, после долгих лет одиночества, она вновь вышла замуж, причем, кажется, удачно. И вновь наградила своего старого отца счастьем быть дедушкой. Бог даст, и на этот раз не будет осечки, а значит, опять будет внук. Во-вторых, загадочное поведение Вероники с её уверенностью, что и они познают счастье быть родителями, тоже внушало определенный оптимизм. Его невеста была не из числа тех, кто бросает на ветер слова. За те полтора месяца, что они живут вместе, у него ни разу не возникло сомнений ни в её словах, ни тем более в её поступках. И если уж она в чем-то была уверена, значит, это вплотную приближается к истине. В-третьих, кажется, его стараниями, проект «Мечта», с приходом туда Алексея Боголюбова, приобретает дополнительный импульс, а значит, стоит ждать конкретных результатов в ближайшее время, ибо со слов Вострецова, за что бы не брался его ученик и соратник, всё у него получалось, как нельзя лучше. А ещё радовало Афанасьева, что, вот так вот, совершенно запросто и случайно, встретил он очень хорошего, светлого и чистого человека с глазами

васильков, у которого есть своя заветная и, наверное, очень красивая мечта. И он, Афанасьев, обязательно постарается сделать так, чтобы веснушчатый старлей и его мечта встретились.

Поднявшись на второй этаж, он первым делом заглянул в столовую, но, как и ожидал, там уже никого не было. Ужин закончился без его участия, посуда со стола была убрана, а все домочадцы разбрелись по своим комнатам (по взаимному согласию, семья Вальрондов занимала левое крыло особняка, а юридически неоформленная чета Афанасьевых квартировала в правом крыле). Однако этот факт никак не расстроил Валерия Васильевича. Продолжая мурлыкать себе под нос «марш советских танкистов» он направился в гостиную, где, по его мнению, сейчас должна была находиться Вероника, занимаясь каким-нибудь рукоделием, с единовременным просмотром телепередач. И правда, когда он вошел туда, она сидела на широком диване в позе «лотоса», а в её руках шустро мелькали спицы. Напротив дивана плазменный экран телевизора транслировал какую-то театральную постановку, судя по всему из запасников Гостелерадиофонда.

– Б-а-а! – удивился он от такого непривычного зрелища. – Тебя ли видят мои подслеповатые глаза?! Чем это ты тут занимаешься?

– Да вот, решила будущему крестнику приданое связать на выписку – шапочку, носочки, да распашонку, – улыбну-

лась она, не на секунду не отрываясь от рукоделья.

– Что, уже договорились о крестинах?

– Да, Настя сама попросила меня быть крестной матерью её сына, – с гордостью сообщила она.

– А почему ты думаешь, что у нее будет сын? Вон, смотрю голубенькое вяжешь, – поинтересовался он, указывая пальцем на вязанье.

– Не знаю, – пожала плечами молодая женщина, – но мне почему-то так кажется, что будет сын.

– А если будет девочка? – продолжал он допытываться.

– Ну, срок-то еще небольшой. Успею, если что, и розовое связать, а это тогда себе оставлю, – перестала она мелькать спицами и впиалась в него долгим многозначительным взглядом.

– Подожди-подожди, – присел он на подлокотник дивана, – что-то ты не договариваешь. Я это ещё в столовой приметил. Что-нибудь чувствуешь?

– Чувствую, – еле слышно прошептала она одними губами, – но только об этом пока рано говорить.

– Так, – пересел он к ней поближе, – а теперь с этого момента поподробнее, пожалуйста. – Ты что, уже делала тест?

– Нет, ещё не делала. Да и тест еще ничего не покажет. Слишком рано. Но я уже чувствую, что там уже нечто произошло. Вот только не спрашивай, как я это смогла почуять. Вы мужчины, всё равно такого не поймете, а словами тут никак не объяснить, – предварила она его расспросы. –

Там всё ещё на клеточном уровне, но я чувю, что новая, даже не жизнь, а только её зачаток, уже появился. Знаешь, за долгие годы ожидания, я научилась прислушиваться к своему организму. И вот сейчас он мне намекает на свои изменения, которые скоро начнут проявляться.

Афанасьев не стал донимать расспросами Веронику. Она и так рассказала всё, о чем могла рассказать. Он просто взял её руку и молча поднес к своим губам.

Мирную идиллию прервал противно дребезжащий звонок коммуникатора, засунутого в задний карман диктаторских треников. От близости, которая могла вот-вот возникнуть, пришлось на время отказаться, к явному неудовольствию обоих (супругов). Прежде чем принять звонок, Афанасьев мельком взглянул на экран, чтобы заранее знать, кто тормозит его в редкие минуты отдыха и кого следует завтра поутру за это расстрелять в Александровском саду Кремля. Звонил Глазырев. Пришлось взять трубку, ибо это был не тот человек, который будет надоедать никчемными звонками по разным пустякам, да ещё в такое неподходящее время. К тому же он сам вспомнил, что Глазырев, накануне, сам обещал позвонить, чтобы доложить предварительные результаты за-теянной ими аферы.

– Слушаю вас, Сергей Юрьевич, – прогудел он почти ласково.

Вероника была понятливой женщиной, поэтому, как только она услышала, что её избранник назвал мужское имя, она,

ни слова не говоря удалилась в спальню, чтобы своим присутствием не смущать диалог двух очень серьезных чиновников. Глазырев, как человек сугубо гражданский, никогда не называл его на военный манер «верховным», пользуясь общепринятым вежливым обращением по имени и отчеству. И в этот раз он не изменил своей манере:

– Добрый вечер Валерий Василич! – воскликнул он, и диктатор сразу же уловил с первых слов его победное настроение. – Я не слишком поздно?!

– Да, нет, – сразу успокоил диктатор министра и банкира в одном лице. – Я ещё не ложился. Судя по вашему тону у вас для меня имеются хорошие вести? Выкладывайте.

Мельком глянул на специальные шторы, опущенные до самого пола.

– Только что закрылась биржа в Лондоне! Вы не представляете, какая буря разразилась на площадках «голубых фишек»! Я последний раз такое видел 12 лет назад, когда рухнул рынок недвижимости, спровоцированный банкротством «Мэрил Линч» и «Леман Бразерс»²⁸! – задыхался от восторга руководитель ЦБ. – Как только репортеры связались со своими редакциями, а те, в свою очередь с основными азиатскими и европейскими биржами, тут такое началось, что просто мама не горюй!

– Так-так, – поддержал его мажорное настроение Афанасьев. – Продолжайте-продолжайте.

– Как мы с вами и предполагали: котировки «Промгаза»

резко пошли вниз, а вслед за ними и аффилированных с ним юридических лиц, таких как «Газтранс», «Ямал-газ», «ЗапСибГаз» и других, что будут помельче!

– Ну-ну, – стал подначивать его Афанасьев, невольно заразившийся оптимизмом.

– В общем, котировки упали сразу на 20%! Началась распродажа акций! – продолжал ликовать Глазырев.

– А вы?! Вы уже начали скупать подешевевшие акции, как обещали?! – сгорал от нетерпения Верховный, мало что понимая в биржевых играх.

– Нет! – сказал, как обухом по голове ударил министр-пройдоха.

– Но почему?! – удивился и одновременно расстроился диктатор, который рассчитывал на то, что под шумок удастся отжать на законных основаниях, в пользу государства, некоторое количество акций у зарубежных «непартнеров».

Сергей Юрьевич вздохнул и принялся на пальцах объяснять тугодумному правителю «политику партии»:

– Понимаете, Валерий Васильевич, то, что сегодня произошло на мировых сырьевых биржах, это еще не шторм, таким, каким он мне видится. Это всего лишь волнение на море, предвещающее ураган. Падение на 20% стоимости – нервная реакция мелких акционеров, у которых нервишки будут послабее, чем у рыночных зубров. Они пока выжидают и не торопятся расстаться со своими пакетами.

– Значит, «медведю» не удалось побороть «быка»²⁹? – ре-

шил блеснуть экономической эрудицией Афанасьев.

– Поборет, не сомневайтесь. Просто после 2014-го года, когда нам удалось повернуть нечто подобное в первый раз, иностранцы, раздосадованные крупными потерями, стали гораздо осторожнее. А, значит, и нам будет сложнее провести их вторично вокруг пальца. Они зорко наблюдают за теми, кто пытается сейчас, на волне нервозности начать скупать активы. Они упорно подозревают в этом нас и наши теневые структуры, – втолковывал прописные истины Сергей Юрьевич своему непросвещенному руководству.

– А мы что делаем? Мы, как я понимаю, пока ничего не предпринимаем? А кто тогда скупает подешевевшие акции?

– Да, – согласился Глазырев, – мы не стали пока светиться своими основными силами. Те, кто начал сбрасывать акции, являются, как я сказал выше, мелкими и ничего не значащими игроками. Акции начали скупать наши же биржевые игроки из параллельных структур. Такие, как например, «РусОйл», «РосНефтеТранс», «А-Тера», «ТатНефтеХим» и прочие.

– Тогда, я, откровенно говоря, не понимаю, на чем базируется ваш оптимизм? – почесал в затылке Валерий Васильевич.

– Всё предельно просто. Сегодня мы кинули пробный камень в этот биржевой омут и убедились, что он находится в достаточно неустойчивом состоянии, раз для начала обвала хватило всего лишь задержания одного нечистого на ру-

ку топ-менеджера. А это, в свою очередь означает, что если выбрать камешек побольше, то «идеальный шторм»³⁰ будет гарантирован.

– «Идеальный шторм», в вашем понимании, это совокупность различных факторов играющих в одном оркестре?

– Хмм, – хмыкнул министр, – а вы неплохо выразились. Именно в одном оркестре. Камешек побольше, плюс к нему спад спроса на энергоресурсы в результате паралича большинства экономик от ковидных ограничений. Следующим бонусом к ним идет – перепроизводство на рынке добычи углеводородов. Ну и на сладкое ещё вдобавок – общая нервная атмосфера в мировой экономике и финансах, в связи с неучтенным фактором вашего появления на сцене... – принялся перечислять слагаемые «идеального шторма» Глазырев.

– И в качестве «большого камешка» вы надеетесь, станет завтрашнее объявление Председателя Правления «Промгаза» об изъятии, в качестве ответных мер, акций иностранных корпоративных держателей? – угадал Афанасьев.

– И это, безусловно, тоже, – согласился Сергей Юрьевич. – Но...

– Что?! – перебил его Валерий Васильевич. – Входите во вкус?! Вам нужен еще один камень?

– Да! – на выдохе произнес министр. – Хотелось бы еще. Тем более, когда мы с вами разрабатывали совместный план действий, то пришли к консенсусу о том, что действовать

необходимо комплексно. И одним газовым сектором, как бы он не был хорош, ограничиваться никак нельзя. Проблему засилья иностранцев в ТЭК нужно решать немедленно и радикально, если мы всерьез решили бороться за нашу независимость. А значит, надо сюда подтягивать и нефтянку, и прочих энергетиков. Сами же видите, как вольготно чувствуют себя на наших месторождениях и «Шелл», и «Экссон», и «Бритиш Петролиум» с проходимцем Дадли, на котором клейма ставить уже некуда. Или взять хотя бы ту же самую энергетику. Ведь после недолгого правления в РАО «ЕЭС» этого, прости Господи, Чайбуса, и последующего её дерибана, а иначе и не скажешь, одни только финны и итальянцы из «Эни» получили, страшно вымолвить, почти треть гидроэлектростанций. И мы ещё с вами хотим, чтобы наша экономика после всего этого встала с колен?! Хотя, что я говорю?! Мы это с вами и так уже обсуждали этот вопрос со всех сторон. Пора бы от вербального осуждения данного факта переходить к активному исправлению ситуации.

– Постойте-постойте, любезный Сергей Юрьевич, вы, что же предлагаете мне сейчас повернуть с руководителем «Русойл» тоже, что и с Мюллером?

– Почему бы и нет?! По-моему недурно всё получилось.

– У вас, я смотрю, аппетит приходит во время еды, – проворчал Афанасьев, в душе соглашаясь, как следует тряхнуть за глотку зажавшийся менеджмент ещё одной государственной корпорации, но для виду, вынужденный носить бе-

лые одежды беспристрастия.

– Дело не в аппетитах, – опять принялся возражать биржевой престижитатор, – а в скорости нашей расторопности и ответной реакции бизнес-воротил на происходящее. Если мы сделаем паузу между наступлением на газовом, нефтяном и электрическом рынке ценных бумаг, то эффект не будет таким сокрушительным, а значит, и платить нам придется гораздо больше за наши же авуары, перешедшие в руки иностранцев нечестным путем.

– Тут я, конечно, вынужден согласиться с вами – шторм будет колоссальных масштабов. Как бы и нас с вами не смыло его волной..., – начал чесать переносицу Афанасьев.

– Не смает, – уверенно отозвался Глазырев.

– Значит, советуете брать за жабры Чечина из «Русойла»? – задумчиво спросил диктатор.

– Да. И хотелось, чтобы это было демонстративно сделано прямо перед началом утренних торгов на Токийской бирже.

– А во сколько она открывается?

– Японцы поздно встают и ещё позднее ложатся. Открывается биржа в 9.00 по местному и закрывается в 21.00, – деловито проинформировал Глазырев диктатора.

– Ага, – подхватил сразу тот, – стало быть, если исходить из разницы в 6 часов, то, следовательно, захват надо производить не позже 3-х по полуночи?

– Что поделать? – хмыкнул банкир. – У Тучкова работа такая – бдить круглосуточно.

– Хорошо. Я позвоню ему сейчас, – заразился Афанасьев азартом от своего подчиненного. – У вас есть ещё что-то? – мимоходом поинтересовался он и опять угадал.

– Есть, – в тоне Глазырева появились просительные нотки, что происходило с ним весьма редко.

– Слушаю.

– Нельзя ли вместе с Чечиным прихватить еще и руководство Росимущества?

– Это Яковлева что ли?! – открыл от изумления рот Афанасьев, никак не ожидавший такого поворота.

– Его самого, – подтвердил Сергей Юрьевич. – И еще всех его бывших руководителей, начиная с Полеванова, – затараторил Глазырев, видимо опасаясь, что сейчас его перебьют или вообще бросят трубку. – По идее-то с самого Чайбуса надо начать, но он и так уже сидит.

– Господи! Да за каким лядом они вам все-то сдались?! – изумился Афанасьев. – Вы решили пересмотреть итоги приватизации, я так понимаю?!

– Пересматривать или нет, это время покажет, а вот поднапугать всех участников залоговых аукционов, да так, чтобы их потрясуха взяла, стоило бы непременно. Тем более, это только усилит шторм на рынке.

– Экий, я смотрю, вы сатрап, батенька мой! Почище меня – самодура будете! – не удержался Валерий Васильевич.

– Если сатрапия просвещенная, то она ничем не хуже пресловутой демократии, – фыркнул министр. – Но зато от неё

есть хоть какая-то польза. Так что готов носить это звание в качестве поощрения моих заслуг.

– Но-но, полегче там, – не то в шутку, не то всерьез одернул министра Афанасьев. – Диктаторское место – не резиновое, и двоим нам на нем не усидеть. Поэтому пока позволяют обстоятельства, я сам на нем посижу, а вы рядом постоит.

– Ладно, постою, – притворно вздохнул Глазырев.

– Хорошо. Я, предположим, пойду вам навстречу и науськаю нашего «держи-хватая» на указанных вами лиц, чтобы спровоцировать, так желаемый вами «идеальный шторм», но тут возникает резонный вопрос: хватит ли у вас средств, чтобы приобрести упавшие в цене активы? Ведь, если шторм по-настоящему будет велик, то обвалятся не только рынки ТЭКа, но и смежных, и даже просто параллельных, отраслей. Поймите меня правильно, дорогой вы наш Сергей Юрьевич, я не из праздного любопытства интересуюсь вашими возможностями. Финансовая разведка наших врагов не зря ест свой хлеб. И как только она почувствует, что на бирже орудуют наши деньги, хотя бы и через фирмы-прокладки, они тотчас же заблокируют все транзакции, – неожиданно проявил познания в области крупных биржевых игр Валерий Васильевич.

– Не извольте волноваться, на сей счёт, Валерий Васильевич, – в голосе Глазырева сквозило восхищение и уважение. – Деньги придут со стороны.

– Откуда же?!

– Помните, как вначале моего назначения, нам удалось опередить на несколько дней дорогих «партнеров» из США и Западной Европы, намылившихся было заморозить корсчета наших государственных юридических лиц. Ещё чуть-чуть и они бы оттяпали куш, примерно в триста пятьдесят миллиардов.

– Помню, конечно, – буркнул Афанасьев. – Именно поэтому и выражаю свои опасения.

– Нам, в основном, удалось вытащить лапы из капкана, хоть и пришлось пожертвовать хвостом, фигурально выражаясь.

– Да, и этот «хвост», насколько я помню, потянул где-то на пятьдесят лярдов, – угрюмо подытожил диктатор.

– Сорок два, если быть точнее, – поправил его министр. – Так вот, вытащить-то из капкана вытащили, но вернуть домой не смогли, потому, как уж больно крупная сумма. Но зато успели распахать по банкам из офшоров Ближнего и Дальнего Востока, куда покуда не смогло сунуть свой вездесущий нос Министерство финансов США. Долго держать там эти припрятанные средства тоже всё-таки опасно, так как рано или поздно до них могут добраться. Наши друзья уже предупредили нас, что долго скрыть у себя их пребывание они не смогут. Вот мы и пустим их в оборот. Пусть послужат благому делу.

– Триста миллиардов..., – в задумчивости пожевал губами Афанасьев, – боюсь, что даже такой суммы может не хватить.

тить, если масштаб задуманной вами аферы окажется действительно грандиозным. Триллиона два-три, а возьми, да положи.

– Тут уж ничего не поделаешь, – с грустинкой ответил Глазырев. – Чем богаты, тем и рады. К тому же всё-таки надеюсь на таланты Николая Палыча, который поможет нам опустить стоимость акций до «мусорной» величины. Тогда и не придется изыскивать дополнительные средства.

– Я бы на вашем месте не был таким оптимистом, возжелавшим за триста миллиардов скупить ценностей на пять-шесть триллионов, а ведь именно приблизительно на такую сумму утекли наши богатства за бугор, если верить аналитикам.

– Отчасти верно, – согласился с ним Сергей Юрьевич, – ибо эта сумма только за двадцать лет этого века. К ним следует прибавить еще столько же – за десять последних лет прошлого века.

– Б...ь! – не удержался от крепкого словца Афанасьев. – Будто проиграли целую войнищу, и заплатили контрибуции.

– И всё ещё продолжаем платить, – подначил его Глазырев.

– Ладно, Сергей Юрьевич, я подумаю где найти для вас недостающие триллионы, – напустил тумана Афанасьев и разжег неистовое любопытство главного финансиста страны, отрезав безапелляционно, – но только, умоляю вас, не спрашивайте: что и откуда?! Не моя тайна, вернее не только моя.

И покончим на этом.

– Неужто «золото партии»?! – чуть не вскрикнул тот от изумления.

– И оно тоже, – не стал вдаваться в подробности диктатор. – Ша, Маруся! Я всё сказал!

– Молчу-молчу! – одновременно радостно и разочарованно прошептал на том конце связи министр, шокированный полученными сведениями.

– Ну, всё, Сергей Юрьич, идите отдыхать, – подвел итоги состоявшемуся разговору Верховный. – День у вас и так был весьма насыщенным. А я сейчас свяжусь с Николаем Павловичем и передам ему вашу настоятельную просьбу. Учитывая его воинственный характер и служебное рвение, думаю, что он не сможет отказать мне в просьбе арестовать вышепоименованных лиц. Так что, не сомневайтесь и не волнуйтесь. В общем, отдыхайте, а с завтрашнего утра продолжайте держать меня в курсе дел.

– Спасибо, Валерий Васильевич, – с чувством прошелестела трубка голосом Глазырева. – Всего вам доброго.

Глава 67

I.

В процессе разговора Афанасьев не заметил, как комната опустела. Вероника, не желая вникать в то, что не каса-

лось её непосредственно, тихо удалилась в спальню. Чтобы не обижать молодую женщину своим невниманием он спешно проследовал в том же направлении. Когда он появился на пороге спальни, она уже заканчивала стелить простыни. Почуввав затылком его присутствие, тяжело вздохнула и, не поворачивая головы, укоризненно проворчала:

– Удивляюсь я вам мужики. Вы всё время обвиняете нас в том, что мы постоянно треплемся по телефону, а сами готовы часами висеть на трубке. Неужели двенадцатичасового рабочего дня вам не хватает, чтобы обсудить все свои насущные дела?

– Не сердись, Вероника, – чуть виноватым голосом произнес Валерий Васильевич, – ты же прекрасно знаешь, что диктаторский труд – вельми тяжкое занятие, неподверженное регулированию никакими трудовыми кодексами и нормами по охране труда.

– Да, знаю это всё, – махнула она безнадежно рукой. – Меня просто удивляет порой отсутствие такта у некоторых твоих соратничков.

– Ты про Глазырева, что ли?

– А про кого же ещё? – недовольно передернула она плечами, всё еще не поворачиваясь лицом. – Поимел бы хоть каплю совести? Дня ему было мало? Или у него своей семьи нет, что он тут названивает в полдесятого вечера?

– Это был очень важный и срочный звонок, – парировал он её упреки. – К тому же, как ты могла заметить, он не зло-

употребляет своим положением, чтобы тормозить меня по пустякам.

– Ой, ну всё! – наконец соизволила она повернуться к нему передом, чтобы упереть руки в бока.

– Не сердись, душечка, – повторил он опять, переходя на откровенное заискивание перед ней, – а только тебе снова надо набраться терпения. Теперь уже я должен выступить в роли нарушителя семейного спокойствия.

На её недоуменное поднятие бровей, он тут же принялся пояснять свою мысль:

– Мне нужно сделать еще один малю-ю-сенький звоночек, а потом я полностью перейду в твоё распоряжение.

– Вот те на! Поговорили! – в порыве разочарования всплеснула она своими красивыми руками, как лебедиными крыльями. – Не дом, а переговорный пункт какой-то! Ладно. Только отсюда я уже никуда не уйду. Хочешь секретничать – сам иди куда-нибудь.

– Хорошо-хорошо, я буду тут неподалеку, – покорно согласился убраться вон диктатор.

Выйдя из спальни, он быстренько прошмыгнул к себе в кабинет, но не стал запирает за собой дверь, оставив её чуть открытой, чтобы его избранница не подумала ненароком, будто бы он под личиной занятости крутит с кем-нибудь шашни (в последнее время она стала какая-то раздражительная). «Уж не беременная ли?» – подумал он, набирая хорошо знакомый номер на коммуникаторе. Прошел всего один

гудок, прежде чем на том конце взял трубку наследник дела Малюты Скуратова и Степана Шешковского.

– Добрый вечер, Николай Палыч! Я не слишком припозднился со своим звонком? – в который уже раз за вечер произнес Афанасьев эту сакраментальную фразу.

– Да, нет, что вы?! Нисколько не поздно, – добродушно пророкотала трубка голосом Тучкова. – Я, как раз, и сам собирался вам позвонить, но как-то не решался.

– А, что, есть какие-нибудь интересные сведения по поводу нашего общего знакомого, потерявшего всяческие края? – поинтересовался Верховный.

– Ого-го! И ещё какие! – чуть не захрюкал от восторга Тучков.

– Ладно, не томите! – подхватил заразу нетерпения Афанасьев.

– В общем, допросили мы Мюллера по заветам его однофамильца, а из него столько всего повылезало! Вы меня знаете, товарищ Верховный, я многое чего повидал в жизни и меня мало чем можно удивить.

– Короче, – поторопил его Афанасьев.

– Но даже меня, со всем моим опытом оторопь взяла. Такого масштабного воровства, взяточничества, да и просто откровенного предательства, которое вскрылось, я бы не взялся предположить ещё пару месяцев назад. Замешаны и запачканы почти все, кого ни коснись.

– Не понимаю, чему вы так удивляетесь? – не проявил

эмоций Верховный. – Пора бы уж и привыкнуть к тому, что абсолютно «чистых» давно уже пора показывать в зоопарках, как представителей фауны, занесенных в «красную книгу». Тут ведь главное, что? Главное, в процессе расследования, не выйти на самого себя, – процитировал он фразу, принадлежащую, по слухам, самому Лаврентию Палычу.

– Я удивляюсь не масштабам, а тому, как при всём этом Россия-матушка всё ещё жива. Осталось ли у неё за душой, хоть что-нибудь – не украденное и не изгвазданное в дерьме, – пожаловался Тучков.

– Вы закончили с его допросом? – спросил Афанасьев, не обращая внимания на панические завывания жандарма.

– Да какой там?! – возмутился он. – Память любого негодяя, а тем более такого матерого – это такая бездонная кладовая, из которой черпать и не вычерпать до конца. Сейчас он отдыхает, завтра с утречка его малость подрихтуем для заседания Правления, а после обеда продолжим.

– Слишком-то не увлекайтесь, а то сердчишко у него не выдержит и подохнет раньше времени, – наставительно произнес диктатор.

– В этом деле, прошу меня не учить. Сами с усами, – обиделся Николай Павлович.

– Не обижайтесь, Николай Палыч, – примирительно произнес Афанасьев. – Я нисколько не сомневаюсь в вашем личном профессионализме, просто опасаясь того, что его могут попытаться устранить руками ваших людей те, кто заинтере-

сован в его молчании.

– Будьте покойны, товарищ Верховный! За тех, кто занимается его персональным делом, я готов ручаться не только своей должностью и головой, но и честью дворянина в одиннадцатом колене, – с ноткой пафоса выговорил Тучков, не любивший ни перед кем подчеркивать свой природный аристократизм.

– Верю, – коротко подтвердил его слова Верховный. – Продолжайте с ним работать. Но звоню я вам отнюдь не по этому делу, – подпустил он в голос долю интриги.

– Ого! Что-то ещё наклеывается?! – проявил Николай Павлович свое профессиональное чутьё.

– Да. У меня к вам будет еще одна просьба. Если стоите, то сразу сядьте, а то упадете.

– Уже сижу, – жадно подхватил слова Верховного Тучков, словно охотничья собака, взявшая след.

– Вам нужно немедленно, до трех, максимум до четырех часов пополуночи произвести одновременный арест Председателя Правления ПАО «Русойл» гражданина Чечина и всех, я подчеркиваю, всех бывших руководителей Росимущества, со времен правления Борьки-пьяницы. Задержание и арест производить максимально жестко. И я не стану на вас сердиться, если невольными свидетелями всего этого станут журналисты, включая и зарубежных. Вы меня хорошо поняли?

– Есть, произвести задержание и арест! – с щенячьим вос-

торгом едва не взвизгнул генерал-полковник.

Занимая пост Председателя Комитета Государственной Безопасности, Тучков обладал поистине высочайшим интеллектом и феноменальной интуицией. Он сразу догадался, что подобная идея просто так не могла зародиться в мозгу у неглупого, но не слишком изощренного в подобных делишках бывшего генерала бронетанковых войск.

– Ай, да, Глазырев! Ай, да, сукин сын! Руку даю на отсечение, что это его идея! Когда мы с вами договаривались о координации действий по делу Мюллера, я то думал, что он просто хочет обесценить акции ТЭКа, попавшие в руки иностранцев! А теперь понимаю, что он, вообще, хочет обрушить все рынки! Ну, чертяка! Я бы никогда не рискнул пойти на такое! – принялся фонтанировать восторженными эпитетами чекист, в адрес министра.

– Ну, зачем же сразу руку? Поберегите ваши конечности. Они еще должны сослужить службу Отечеству, – скромно подправил неистового кэгэбэшника Афанасьев. – Так что, будьте любезны, поторопитесь, пожалуйста. До открытия Токійской биржи осталось не так уж и много времени.

– Есть! Бегу! – радостно кинул тот в трубку и моментально отключился.

– Надо же, как мало надо человеку для полного счастья? – тихо проронил Валерий Васильевич в ответ на короткие гудки коммуникатора.

Воровато оглянувшись на чуть приоткрытую дверь каби-

нета, в опасении того, что сейчас может появиться на пороге раздосадованная молодая женщина, Валерий Васильевич опять стал набирать на коммуникаторе какой-то номер. На этот раз ответа пришлось ждать гораздо дольше. Огорченный диктатор, хотел, уж было, прекратить настойчивую попытку связаться с абонентом, как тот все же соизволил взять трубку:

– Слушаю вас, товарищ Верховный, – сумрачно откликнулся на звонок руководитель внешней разведки.

– Здравствуйте, еще раз, Дмитрий Аркадьевич. Извините за поздний звонок, но дело, по которому я решил связаться с вами, не терпит откладывания на завтра, – с места и в карьер начал Афанасьев.

– Господи! Случилось что-то серьезное?! – с тревогой в голосе спросил Барышев.

Начало разговора весьма понравилось Валерию Васильевичу. Добиться тревоги в голосе от вечно флегматично настроенного главы нелегалов нужно было очень и очень постараться.

– Нет, но с вашей помощью, непременно случится, – заявил Верховный.

– Может быть, мне прибыть к вам? – спросил осторожный во всём, что касается конспирации, разведчик.

– Нет. Это, пожалуй, лишнее. Ничего страшного, если мы это обсудим по телефону. Надеюсь, ваши визави из Штатов не придумали ещё, как можно расшифровать квантовые

ключи? – на всякий случай поинтересовался Афанасьев.

– Самому мощному заокеанскому компьютеру для этого понадобится пятьсот лет, и никак не меньше, – не скрывая гордости за отечественного производителя, сообщил Барышев.

– Верю, поэтому и звоню вам в этот неурочный час, – на полном серьезе ответил диктатор и тут же задал следующий вопрос. – Скажите, Дмитрий Аркадьевич, есть у вас возможность экстренной связи со своими «спящими» ячейками за бугром?

– В принципе, когда мы внедряем своего человека во враждебное окружение, варианты экстренной связи обязательно проговариваются и учитываются в дальнейшей работе, – несколько витиевато ответил разведчик.

Ответ, видимо, не сильно воодушевил Афанасьева, и он принялся уточнять детали срабатывания данного механизма:

– Если, предположим, вы немедленно пошлете ему определенный сигнал, то в какой срок он его сможет получить и приступить к выполнению задания?

– В отличие от прошлых времен, когда об интернете ничего не было известно, сейчас держать связь с нашими агентами гораздо проще, используя хотя бы те же самые социальные сети, – пустился в рассуждения Барышев.

– А можно поконкретнее узнать о сроках? – бил в нетерпении копытом Верховный.

– Ну, если поконкретней, то в течение нескольких минут внедренный агент будет оповещен о задании, если, конечно, принимающий аппарат (смартфон, планшет, компьютер) будет в рабочем состоянии и подключен к интернету, – на всякий случай подстраховался Дмитрий Аркадьевич.

Природный такт и выдержка не давали разведчику наброситься на начальство с расспросами о том, с чем связано его любопытство о способах связи с нелегалами. Он достаточно хорошо изучил повадки Афанасьева и потому не сомневался в том, что спустя непродолжительное время, тот сам пояснит суть своей заинтересованности. И не прогадал.

– Я хочу дать срочное задание вашим ребятам. Не всем, разумеется, а только тем, кто имеет возможность легальным образом распоряжаться крупными суммами денежных средств, – взял быка за рога Валерий Васильевич.

– И какого характера будет это новое и срочное задание? – спросил Барышев таким тоном, что даже трубка коммуникатора сумела передать его явное неудовольствие.

Дмитрий Аркадьевич, сам многие годы проработал нелегалом в Великобритании, а поэтому очень трепетно относился к судьбе каждого из своих подопечных, стараясь по возможности никого не тормозить из «спящих», дабы не подвергнуть риску разоблачения. Мало кто знает каких усилий потребовалось Афанасьеву для того, чтобы расшевелить Барышева на подключение некоторых из них к операции по устранению всех причастных ко взрыву на Красной площа-

ди. И вот, прошел всего лишь месяц, а неутомимый диктатор опять что-то хочет поиметь с глубоко законспирированных агентов.

– Что ж вы, голубчик, так сразу напряглись? – нервно хохотнул Афанасьев, крайне недовольный независимым и строптивым поведением Главнелегала после чего немедленно сменил тон общения на более приказной, нежели просящий. – Я ведь не прошу от вас, каких либо сверхусилий. К тому же, я не так часто прибегаю к помощи вашей организации, как мне бы того хотелось, хотя имею для этого самые веские основания.

Последнее предложение он произнес ледяным тоном начальника, перечить которому не стоит, если хочешь позаботиться о своем дальнейшем благополучии. Дмитрий Аркадьевич, так же, как и Тучков обладал даром незаурядного аналитика, а посему вовремя смекнул, что в общении с таким человеком, как Афанасьев, не стоит лишний раз демонстрировать свою значимость и независимость, так как за время своего правления тот уже достаточно поднаторел в деле плетения интриг. Поэтому, он хоть и не без оснований кичился своим положением подпольного Креза, управляющего людьми, как марионетками, но фактор неучтенного снайпера с крыши соседнего дома сбрасывать все же не стоило.

– Простите, товарищ Верховный, – сразу поубавил спеси Барышев, – вы меня, видимо, превратно понять изволили. Я всего лишь хотел узнать характер предстоящего задания.

– Завтра на биржевых площадках обоих полушарий намечается «идеальный шторм», связанный с обрушением топливно-энергетических рынков. По моему поручению, товарищи Глазырев и Тучков намерены превратить акции наших нефтегазовых монополистов в кучу резаной бумаги, чтобы под шумок биржевой паники скупить у иностранцев все акции, некогда полученные ими на не совсем законных и честных основаниях.

– Сегодня акции «Промгаза» рухнули на 20%, – заметил Дмитрий Аркадьевич, показывая тем самым, что внимательно следит за биржевыми котировками.

– Этого мало, – проскрипел Афанасьев ржавым голосом биржевого воротилы. – Нам надо вернуть в родную гавань все авуары, находящиеся в руках противника. И желательно по бросовым ценам.

– Я обеими руками только «за», – подхватил Барышев.

– Хорошо. Раз так, – уцепился за его косвенное согласие Афанасьев, – то не могли бы вы отдать срочное распоряжение своим людям о скупке падающих «голубых фишек»? Да и не только их, так как, я полагаю, что эпидемия падения распространится почти на всё, связанное, хоть каким-то образом, с Россией. Думаю, что биржевые игроки сейчас начнут лихорадочно избавляться от всего подобного. Вал падения ожидается грандиозным. И у меня в связи с этим возникают резонные опасения за нехватку средств у товарища Глазырева и подконтрольных ему теневых структур.

– Это, конечно, хорошая идея, но..., – чуток замешался разведчик, подбирая очередной повод для опасений.

– Дмитрий Николаевич, – перебил его диктатор. – Мы не стали вас сильно напрягать в деле устранения фигурантов московского теракта, ограничившись чисто технической поддержкой. Президиум и так пошел вам навстречу, когда вы не захотели через свои структуры оказать материальную помощь стране, задыхающейся в тисках санкционного режима. Мы учли вашу аргументацию по сохранению в нетронутым виде тайной кубышки СВР, – принялся нудно перечислять свои уступки Афанасьев, как настырная бабка в беседе перечисляла бы свои заслуги перед страной в чаянии повышения пенсионера.

Сообразительный Дмитрий Аркадьевич уже понял, что злопамятный Афанасьев еще не раз и не два напомнит ему об отказе раскошелиться на государственные нужды.

– Да, разве я против?! – попробовал отыграть назад с наименьшими потерями разведчик. – Просто я выражаю опасение, что если мои люди начнут в унисон скупать «мусорные» акции, то это привлечет к ним нездоровое внимание со стороны спецслужб противника. Их активность в этом направлении может привести на мысль, будто они каким-то образом связаны с нами.

– Не считайте своих подопечных учениками-первогодками, – усмехнулся в трубку Валерий Васильевич. – Если шторм действительно будет идеальным, то посыплется ак-

ции не только аффилированных с Россией лиц, но и совершенно посторонних игроков, имевших несчастье играть на той же площадке. Что помешает тогда вашим людям прихватить и их заодно с нашими? И тогда уж точно никто никого не заподозрит. Закон джунглей – сильный пожирает слабого, невзирая на родовую принадлежность. Нам ведь главное, что? Нам всего-то и надо, чтобы акции наших ведущих отраслей не попали в руки недоброжелателей, – продолжал искушать Барышева хитрый диктатор. – Зато ваши люди, вовремя сориентированные, получают еще большие прибыли, а значит, и влияния. И с формальной точки зрения к ним не может быть никаких претензий со стороны властей, так как юридически они являются их согражданами, и следовательно, обогащаясь, они тем самым, якобы обогащают и свои страны.

– Я понимаю, – промямлил Дмитрий Аркадьевич, убеждаясь, что на сей раз Верховный не отстанет от него, игнорируя любые доводы противной стороны.

– Вот и отлично! – сразу повеселел Афанасьев. – Значит, я могу рассчитывать на то, что вы отдадите соответствующее распоряжение в срочном порядке?

– Я сейчас же займусь этим делом, – виртуально взял под козырек генерал от разведки.

– Замечательно! Ах, да, вот ещё что! Чуть не забыл сказать, – спохватился вовремя Верховный. – Когда будете отдавать распоряжение о вступлении в игру, то сделайте ак-

цент на том, чтобы ваши люди начали скупать акции после того, как начнет падать активность наших игроков, и никак не раньше, дабы не создавать ненужной конкуренции. Впрочем, я все же надеюсь, что у товарища Глазырева хватит и своих средств.

«Я тоже на это надеюсь» – подумал Барышев, а вслух произнес:

– Вы правы, я непременно укажу им на это обстоятельство.

– Я очень рад, Дмитрий Аркадьевич, что мы нашли с вами общий язык, – не стал скрывать своего удовлетворения от беседы Афанасьев. – Прошу еще раз извинить меня за принуждение работать в неурочное время. Всего вам доброго. И удачи вам и вашим товарищам.

– Спасибо. Удача нам сейчас всем необходима, – донеслось в ответ перед тем, как связь отключилась.

II.

Окончив непростой разговор с Барышевым, диктатор, наконец, смог вздохнуть свободней. «Неужели этот рабочий день закончился?» – подумал он, с трудом веря самому себе. Он мельком глянул на часы, висевшие на стене. Они показывали, что до времени, когда в соответствии с Административным Кодексом необходимо прекратить громкие проявления жизнедеятельности, оставалось двадцать минут. Не вы-

пуская из рук коммуникатора, он заспешил к любимой женщине, чтобы перед положенным сном подарить ей несколько минут женского счастья. Дверь в спальню была не закрыта. Вероника лежала на кровати в шелковом коротком халатике, абсолютно не скрывавшим от страстного взора все прелести еще молодого и красивого тела. Молодая чертовка знала, как сыграть на притупившемся воображении возлюбленного и всегда умела пользоваться подобными уловками. Закинув нога на ногу, так что были видны её аппетитные икры, она, казалось, с увлечением читала какую-то книгу. Причем, увлеченная чтением, она даже не заметила его появления. Такое несвойственное ей доселе поведение весьма удивило Валерия Васильевича. Он никогда раньше не замечал за ней увлечения художественной литературой.

– Я думал, что ты уже спишь? – деланно удивился он, приближаясь к супружескому ложу.

– Когда это я спала, не дождавшись тебя? – ответила она вопросом на вопрос, откладывая книгу в сторону.

– Спасибо. Ты настоящий друг, – без тени насмешки произнес он, подойдя к ней вплотную. – Что читаем? – присел он на край постели.

– Вот, нашла у тебя на журнальном столике. Андрей Вербицкий «Хроники Зареченска». Я поначалу думала, что это какие-то мемуары комсомольцев-первопроходцев, а это оказалась крутейшая фантастика! Вот уж никогда не думала, что ты всерьез увлекаешься таким жанром. Половину книж-

ки уже прочел, вон и закладка на середине торчит.

– Внучок любимый постарался, подогнал, – как бы оправдываясь за несвойственное возрасту увлечение произнес он. – А я смотрю, ты тоже увлеклась, пока меня ждала, – перевёл он её «стрелки».

– Уж больно сюжет захватывает с первых страниц, – не стала скрывать Вероника своего интереса к повествованию. – Вот жили себе люди и жили тихо в своем маленьком городке. Всё, как и положено – работа, дом, семья. И вдруг всем городом, переместились. И не куда-нибудь, скажем в Африку или на Амазонку, а вообще на другую планету. Ты себе это представляешь?!

– Почему бы и нет? – пожал он плечами. – Коль уж автор сумел представить себе такое, то читателю это сделать гораздо легче. Люди, вырванные из привычной обыденности, попали в стрессовую ситуацию. Перенос населения целого города в иную, враждебную среду пробудил в нем дремавшие до поры до времени способности и смекалку, встряхнув тем самым от полусонного бытия.

– Нет, – помотала она головой и глаза её при этом зажглись каким-то внутренним пламенем. – Ты ничего не понял. Книга совсем не об этом.

– А о чем? – с интересом поглядел Афанасьев, не без труда узнавая прежнюю Веронику в этой светящейся тайной страстью женщине.

– Она, прежде всего, о переоценке ценностей. Всё, что бы-

ло до сих пор, в большинстве своем оказалось ненужным и отринутым. И наоборот. Всё, что не имело значения до этого, приобрело неподдельную ценность. Деньги, драгоценности, положение в обществе, в соответствии с номенклатурой, всё и разом кануло в Лету. А на первый план вышли недооцененные до сего времени вещи, как еда, патроны, мужество, сообразительность, умение работать, и умение применять полученные знания. И чувства. Обычные чувства между людьми. Они стали совсем другими и поднялись на другой уровень. Людям, привычным к однообразию жизни так не хватает порой искренних чувств. Я еще вчера начала читать книгу, но умею быстро это делать. Прочитав, всего лишь треть, я поняла, насколько герои раскрыли свои характеры, знания, помыслы и чувства, дремавшие в них. И я даже подумала: «Вот как было бы хорошо, если бы и мы с тобой смогли бы так неожиданно поменять всё вокруг себя – обстановку, окружение, занятия». Мы бы ходили с тобой на охоту, и я с копьем или луком прикрывала бы тебе спину. А по ночам мы лежали бы под небом и разглядывали совсем незнакомые созвездия.

Произносить подобные слова, лежа на кровати было не совсем удобно, поэтому она скинула ноги на пол и села рядом с ним, сжимая его колено своей рукой. Она произносила свой монолог с такой убежденной страстностью, что он невольно залюбовался ею. Такой романтической он её еще никогда не видел.

– Так ты, что же, – шевельнул он бровями, – на полном серьезе мечтаешь оказаться в роли «попаданки»?

– Мечтаю! – коротко кивнула Вероника головой и добавила. – Хотя это и глупо для бабы, которой через три года будет уже сороковник, но я очень бы хотела попасть с тобой туда, где всё проще – обстановка, люди, отношения. Хочу туда, где ценится именно сам человек, а не место, занимаемое им. Хочу туда, где слова любви, слетевшие с губ, доказываются каждодневными поступками.

– На меня намекаешь? – шмыгнул он носом.

– И да, и нет. Я люблю тебя, и я хочу быть с тобой, но не с тем, перед кем расстилаются царедворцы, улыбаясь в глаза, а за спиной корча презрительные гримасы. Я хочу быть рядом с воином, сидящим в седле, а не императором на троне. Хочу быть не просто плотской утехой для стареющего героя, а чтобы свист от пролетающих стрел и лязг мечей будоражил обыденность. И я в шлеме и кольчуге рядом с тобой – спина к спине. Не знаю. Наверное, я слишком сумбурно и непонятно выражаюсь. Мысли и образы мчатся в моем сознании, как взмыленные кони.

Она сделала короткую передышку в изложении своих тайных чаяний. Он не стал перебивать её мысли, продолжая разглядывать свою женщину с удивлением и щемящей жалостью. Вероника глубоко вздохнула и закончила «дозволенные» речи, подобно Шахерезаде:

– Ладно. Проехали. Не обращай внимания на истеричную

бабу. Просто нервы расшатались, – сказала она, словно отбивала телеграмму.

– Я понимаю . . . , – начал было он, но Вероника быстро осадила его со своими оправданиями. – Ни хрена ты не понимаешь, Афанасьев! Ты – там, я – здесь. Но даже когда ты здесь, то всё равно, ты – там.

– Прости меня за то, что я заедаю твой век, – проговорил он глуховатым голосом, опустив голову. – Мне, наверное, вообще, не следовало затевать всё это с тобой. Я понял. Тебе нужен герой, а я не герой и никогда уже им не стану. И все не из-за негероического характера, а просто потому, что времени уже нет. Раньше надо было геройствовать, – проронил он, не поднимая головы.

Вероника живо среагировала на «похоронные» речи своего престарелого возлюбленного. Она подалась к нему всем телом и, склонившись корпусом, постаралась вывернуть свою голову так, чтобы заглянуть ему в глаза:

– Всё-таки, Афанасьев, какой же ты у меня дурачок, – прошептали её губы, а правая рука, тем временем, крепко обвила его шею. – Ты мой последний рыцарь, и мой последний герой. Такой, какой есть. И тебе от меня так просто избавиться не удастся. Даже не надейся.

Только-только они собрались слиться в страстном порыве, как раздался резкий и громкий звонок, который исходил со стороны телефонного аппарата, стоявшего на прикроватной тумбочке. Телефон был связан с коммутаторной линией

внутренней связи, а значит, звонил кто-то из «местных».

– О, чёрт бы вас всех побрал! – вскрикнул Афанасьев, с негодованием срывая трубку с рычага. – Слушаю!

– Здравия желаю товарищ Верховный! Начальник дежурной смены КПП, капитан Гостевой! – как и положено, по Уставу внутренней караульной службы, представился охранник. – Простите за беспокойство, но к вам посетитель.

– Кого чёрт принёс?! – не удержался и рявкнул Афанасьев, раздосадованный до состояния бешенства из-за того, что пришлось прерваться на самом интересном месте.

– Ещё раз простите, но чёрт, как вы только что заметили, принес Местоблюстителя Русской Православной Церкви – митрополита Евфимия, – дерзко осмелился пошутить капитан-охранник.

– Чего ему надо, на ночь глядя?! – продолжал выказывать недовольство глава светской власти.

– Не могу знать, товарищ Верховный! – четко отрапортовал дежурный смены.

– Ладно, пропустите, – хмуро буркнул Афанасьев, швыряя трубку на рычаги.

Затем снова её поднял, чтобы связаться с внутренней охраной:

– Диспетчер! – рявкнул он, на ни в чем не повинного связиста.

В ответ тут же раздалось:

– Слушаю, товарищ Верховный!

– Дайте дежурного смены внутренней охраны!

Телефонист мгновенно переключил связь на искомого абонента.

– Начальник дежурной смены внутренней охраны, майор ФСО Иванов на проводе, товарищ Глава Выше...

– Отставить, майор! – неласково перебил его диктатор. – Слушай сюда. Сейчас подойдет к вам митрополит Евфимий...

– Это тот, что за Патриарха? – в свою очередь перебил Афанасьева майор, уточняя.

– Да. Так вот, проводите его на второй этаж в гостиную, где камин. Пусть ждет.

– Есть, проводить!

Сзади слышались какие-то непонятные звуки: то ли кваканье, то ли всхлипывание. Он обернулся. Вероника, утопив лицо в подушку, надрывалась в приступе хохота.

– Дорогая, что с тобой?! – кинулся он к ней, не разобравшись толком, в чем дело.

– Ни-че-го! – только и смогла произнести по слогам женщина, сотрясаясь всем телом от накатившего на неё веселья.

– Я тогда пойду, а? – нерешительно потоптался он возле неё, с трудом соображая, что могло вызвать в ней такую перемену настроения.

– Шта-ны! – еле разобрал он произнесенное ею слово из-под подушки.

– Какие штаны? – опять не понял он.

– Штаны надень, горе луковое! – наконец, нашла она в себе силы внятно произнести эту фразу.

– А разве я без штанов? – начал он с удивлением оглядывать свою нижнюю часть тела.

– Ну не в трениках же ты будешь встречать Главу Церкви!? – опять начала заливаться хохотом Вероника.

– Я – дома, и, между прочим, в нерабочее время, – проворчал он под нос, но руками всё же потянулся к дверце платяного шкафа.

– У тебя всё время – рабочее, и сам ты всё время на работе, даже, если и дома, – уже отсмеявшись, и на полном серьёзе произнесла она.

– Так пойдет? – спросил он у неё, заправив рубашку в брюки и застегивая пуговицы на ширинке. – Надеюсь, что хотя бы галстук надевать не надо?

– Не надо, – милостиво согласилась она.

– Ну, что? Я тогда, пожалуй, пойду? – тоном ребенка спрашивающегося погулять у строгой мамы спросил он. – Ты как? Может со мной?

– Ещё чего?! Нет уж, не пойду, – прихмурила она брови.

– От чего же так?

– Не хочу принимать Главу Церкви в столь позднее время и в своем двусмысленном статусе, – нехотя пояснила она, придирчиво оглядывая его с ног до головы.

— С каких это пор статус невесты стал двусмысленным? К тому же в этом статусе ты сама виновата. Я сразу предлагал

оформить наши отношения.

– Ой, ладно! Ступай, давай, оратор!

– Я скоренько, – опять просящим голосом, попробовал он уверить её.

– Да, не зарекайся ты! Ступай уже. Нехорошо заставлять себя ждать, – махнула Вероника рукой, вновь откидываясь на кровать и нащупывая оставленную рядом книгу.

Афанасьев еще немного потоптался, покряхтел, сился что-то сказать, но так и придумав ничего путного, махнул рукой и, развернувшись, полпелся в гостиную, чтобы встретить высокопоставленного, но непрошеного гостя.

Ш.

В гостиную с камином они вошли почти одновременно, но с противоположных сторон, как «высокие договаривающиеся стороны». Лицо временного Верховного Пастыря было благообразным и в тоже время озабоченным. Лицо Верховного было хмурым и от растерянности немного глуповатым. Евфимий, поискав глазами иконостас, расположенный в направлении Иерусалима, и не найдя такового, чуть принахмурился и перекрестился на окно, тщательно занавешенное шторой. Затем осенил крестным знаменем хозяина, благоразумно отказавшись от протягивания своей пастырской длани для поцелуя. Казалось, что все давешние перипетии никак не сказались на прямизне его стана и бодрости духа. Види-

мо, этому старцу, привыкшему к многочасовым молитвенным бдениям, были нипочем подобные физические и психологические нагрузки. Афанасьев даже втайне несколько позавидовал его отличной физической форме. Он незаметно мотнул головой, и офицер охраны, сопровождавший церковного иерарха, не замедлил ретироваться, тихонько прикрывая за собой дверь.

– Мир дому сему и насельникам его, – прогудел могучий дядька бодрым голосом, еще раз подтверждая этим догадку Афанасьева о своих недюжинных способностях сохранять отличную форму, невзирая на возраст и нагрузки.

– Вы, ваше высокопреосвященство, кажется, начинаете несколько злоупотреблять моим добрым расположением к вашей персоне, раз позволяете себе вламываться по ночам, – вместо приветствия хмуро выговорил претензии Верховный своему несколько назойливому гостю.

– Не просителем, взыскующим милости у сильного мира сего, пришел я к тебе в дом, чадо, – тоже, в свою очередь резковато ответил Местоблюститель.

В голосе митрополита было столько строгой убежденности, что Афанасьеву сразу как-то расхотелось устраивать перепалку.

– Что? Неужели всё так серьезно? – спросил он, внимательно глядя в усталые глаза Местоблюстителя, потому что именно они выдавали в нем внутреннюю напряженность.

– Истинно, – опустил тот очи долу.

– Прошу, – указал Верховный рукой на удобное и мягкое кресло с высокой спинкой.

Евфимия не надо было долго уговаривать. Приставив пастырский посох к спинке кресла, он тут же принял приглашение, незамедлительно бухнувшись на мягкое сиденье. По тому, с каким удовольствием старец плюхнулся в кресло, диктатор понял, насколько непросто тому удалось сохранять видимость телесной крепости. Афанасьев, прежде чем сесть в такое же кресло, подвинул его так, чтобы сидеть напротив гостя. Между ними стоял маленький журнальный столик, скромно украшенный букетиком каких-то невзрачных цветов.

Пытаясь изобразить радушного хозяина, Валерий Васильевич произнес:

– Столовая уже закрыта, но буфет функционирует круглосуточно, а сидеть за пустым столом, вроде как бы и не совсем прилично...

Священник по достоинству оценил намек хозяина, и его губы впервые тронула тень улыбки:

– Если не затруднит, то чаю, пожалуйста. Во рту, будто наждачная бумага, – пояснил он свою просьбу.

Афанасьев кивнул, соглашаясь, и нажал на кнопку, что была притоплена с внутренней стороны столешницы для вызова обслуживающего персонала. Тотчас на пороге гостиной возникла женщина внушительных габаритов и средних лет в белом и накрахмаленном до рези в глазах переднике. Жен-

щина была, судя по всему, знакома диктатору:

– Ксения Андревна, – обратился он к ней, – будьте так добры, организуйте нам с Его Преосвященством чаепитие.

– Святой Отец, вам какого чая? – низким и грудным голосом, которым она запросто могла петь в опере, обратилась Ксения к митрополиту.

– Если можно, то цейлонского, дочь моя, – прогудел он ей в ответ, улыбаясь в бороду.

– Сейчас принесу, – кивнула она, и, не спросив Афанасьева о его предпочтениях, плавно выкатилась из гостиной.

Провожая взглядом её могучую фигуру, митрополит одобрительно огладил бороду, что навело Верховного на мысль о бурно проведенной молодости бывшего десантника.

– Ваше Высокопреосвященство, – не стал понапрасну терять время Афанасьев, – мне не терпится узнать, что же такого произошло с момента нашего с вами расставания? Видимо, что-то экстраординарное, если не позволили себе отдохнуть после сегодняшней кутерьмы?

– Ты, сыне мой, прости меня за то, что в неурочный час пришлось беспокоить тебя. Но видит Господь, что не корысти ради пришёл я днесь. О нерушимости и величии Церкви токмо и болит моя душа, – начал священник издалека и обстоятельно, как и положено духовному лицу его ранга.

Валерий Васильевич слегка поморщился от таких пафосных речей, но нашел в себе силы промолчать и не задирать по пустякам. Евфимий заметил гримасу сарказма на

лице собеседника и сразу начал спускаться с небес на грешную землю:

– Я не думал, что ты так быстро покинешь наше Собрание и поэтому не успел тебе еще многое сказать. Хотя мы с тобой в прошлую нашу встречу и договорились, что я стану твоим духовником, ты, сыне мой, не дал, а может и просто позабыл дать свой номер телефона для личного общения, – посетовал митрополит, чем ввёл Афанасьева в смущение. – Я связался с Управлением делами, чтобы узнать ближайшее свободное время для аудиенции. Там мне пояснили, что послезавтра ты выезжаешь в регионы и при этом отказались сообщить, когда вернешься. Я испугался, что завтра, в течение дня не смогу перехватить тебя, поэтому единственным способом встретиться с тобой можно только посетив резиденцию. И вот я здесь.

Все эти слова в адрес Главы государства были произнесены с явным упреком.

– Простите меня. Я, действительно, позабыл дать вам, отче, координаты для связи. Ну, да ладно. Это ведь никогда не поздно исправить. У вас мобильник с собой?

– Да, – порывлся в складках митрополичьего облачения Евфимий и достал на свет Божий простенький смартфон китайской выделки, что не укрылось от взора диктатора и весьма его порадовало. Но вместе с тем и огорчило. Проникновение в резиденцию главы государства с сотовым телефоном, без специального на то разрешения, было строго на строго

запрещено регламентом. А его наличие у митрополита говорило о том, что личному досмотру его не подвергали. «Так и бомбу можно пронести» – внутренне поёжился Валерий Васильевич, но внешне ничем не выдал своего недовольства охраной.

– Записывайте, отче, – поглубже уселся в кресле Афанасьев и принялся неспешно диктовать необычно длинный ряд цифр незнакомого митрополиту сотового оператора. Затем они тщательно сверили записанный номер, а когда митрополит нажал на сенсорном экране транспарант «ок», диктатор добавил:

– Но это еще не всё. Это только номер для связи, а чтобы связаться со мной, вы должны будете после запроса автомата произнести кодовое слово.

– Какое?

– Аметист, – ответил Верховный. – Запомните. Записывать не надо.

– Хмм, Аметист, – повторил за ним митрополит. – Не пьяный, стало быть.

– Как вы сказали? – переспросил Афанасьев.

– Аметистос, по-гречески будет означать «не пьяный», – пояснил иерарх. – Ладно. Запомню.

Их беседу прервало появление все той же могучей Ксении, несущей на широком подносе два громадных, едва не пол литра, стакана с чаем, сахарницу и горку бубликов. Расставив всё это на столик, она выпрямилась и спросила своим

утробным, но приятным баском:

– Может, что-нибудь ещё? – явно намекая на горячительные напитки.

Афанасьев вопросительно уставился на гостя, но тот, поняв, о чем идет речь, замахал руками:

– Нет-нет, спасибо! Ничего не надо. Ступай с миром, дочь моя.

Та, в свою очередь кинула вопрошающий взгляд на Валерия Васильевича, но тот тоже только отмахнулся, хоть и не так решительно.

Митрополит не стал накладывать себе сахара, а сразу приник жадными губами к краю стакана, нисколько не заботясь о том, что чай может быть горячим. Когда за официанткой закрылась дверь, Афанасьев, выждав, пока священник утолит первую жажду, решил продолжить:

– Итак, на чем мы с вами остановились?

– На том, что вы слишком рано покинули наше Собрание, – ответил митрополит, отирая усы и бороду, а заодно с вожделением смотря на нетронутый Афанасьевым стакан.

Тот, заметив неловкое положение гостя, деликатно пододвинул к нему свой нетронутый стакан. Евфимий опять не растерялся, и благодарно кивая хозяину, ухватился за следующую порцию чая. Видимо, действительно, старца одолевала нешуточная жажда. Дождавшись, когда тот опорожнит и второй стакан, спросил, тщательно скрывая свой интерес:

– И что же такого могло произойти в мое отсутствие?

Отставив от себя опустевший стакан, Местоблюститель, сцепив пальцы на животе, приступил к обстоятельному докладу:

– А произошло то, сын мой, что рано мы стали праздновать победу. Хоть сторонники расстриженного патриарха и покинули с позором Поместный Собор, однако же сдаваться намерений не выказали.

– Но ведь, насколько я знаю, их задержали на выходе? – перебил его Верховный.

– Задержали и уже отпустили, – поморщился Евфимий.

– Почему? – нахмурился Афанасьев.

– А какие основания были для задержания? – в свою очередь удивился митрополит. – Повторю тебе твои же аргументы, что ты давеча излагал мне. Грех мужеложства, запечатленный на видео? Так это теперь ненаказуемо ни по какому кодексу. Даже нарушение общественного порядка и антисоциальное поведение к ним не пришьешь. Административное задержание проводится только по на момент совершения противоправного деяния, факт которого еще надо доказать, а тут к тому же, Бог весть, сколько времени прошло с момента съемок, – пояснил митрополит, демонстрируя отличные познания в правовой сфере.

– А вы?

– А, что я? Максимум, что я могу, так это наложить строгую епитимию на впавших во грех священнослужителей, – сверкнул глазами Евфимий. – Ну, сядут они на жестокий

пост – хлеб и воду, ну, отобьют своими медными лбами тысячу поклонов. А дальше, что прикажешь с ними делать?

– Церковный суд? – высказал осторожное предположение Валерий Васильевич.

– Оно, конечно, так бы и можно, – закивал головой священник, – а токмо дело это не быстрое и хлопотное вельми. А времени у нас – всего неделя.

– И всё-таки я не пойму причину ваших панических настроений, ваше Высокопреосвященство, – почесал лоб Афанасьев. – Патриарх низложен, крамола пресечена, грешников вывели на чистую воду, выборы назначили. В чём затык?

– Да, как же в чём?! – всплеснул руками Местоблюститель. – Выборы могут оказаться нашей пирровой победой!

– Поясните.

Митрополит, прежде чем пуститься в объяснения, с сожалением бросил взгляд на опорожненные стаканы.

– Может ещё чаю? – заботливо поинтересовался Верховный.

– Если не затруднит, – слегка потупил взор Евфимий.

Афанасьев опять нажал на кнопку и официантка вновь предстала пред заговорщиками.

– Ксения Андревна, голубушка, не сочтите за труд, принесите нам ещё чайку, если можно, – обратился к ней Афанасьев.

Скупая улыбка тронула губы богатырши:

– Минуточку, обождите. Я мигом обернусь.

– Так, что там насчет пирровой победы? – вернул Верховный в реальность, засмотревшегося на необъятные формы официантки, митрополита.

– Ах, да. Прошу прощения, – смутился священнослужитель. – Всё дело в том, что сторонники бывшего патриарха, представляют собой, хоть и не столь многочисленную группу, как его противники, но зато гораздо более сплоченное и дальновидное сообщество. Они заранее предусмотрели подобный исход событий. Церковь, к сожалению и вящему моему прискорбию, болеет теми же болезнями, что и общество, – вдруг пригорюнился старец, – а посему ей не чужды зависть, интриги, клевета и прочая неподобь.

– Это всё понятно, отче, но вы не отвлекайтесь от основной темы повествования, – не дал Афанасьев митрополиту пуститься в рассуждения о нравственности.

– А я и не отвлекаюсь, – сдвинул брови Местоблюститель. – Просто предворяю мысль о том, что нами получены сведения из окружения сторонников бывшего патриарха, в достоверности которых нет сомнений...

– Что за сведения?

– Они договорились о выдвижении единого кандидата на выборах. И этим кандидатом является ставленник Нафанаила – митрополит Крутицкий и Коломенский Мелхиседек.

– Блин, – не удержался Афанасьев, – где вы себе такие имена-то языколомные находите?

Митрополит строго погрозил пальцем, и Афанасьеву не

оставалось ничего кроме, как захлопнуть своё ротовое отверстие.

– Но так как списки кандидатов формируются исходя из количества поданных за того или иного кандидата заявок, то учитывая разрозненность в наших рядах, их совокупный ставленник наберет наибольшее количество голосов, а значит и в списке на голосование будет находиться на самом верху. Его поддержат руководители самых крупных и богатых епархий. И к ним, в опасении, что вал разоблачений докатится и до них, могут примкнуть остальные епархии. Монашествующая братия николи не пойдет наперекор руководству епархий. А глядячи на монахов, и миряне потянутся вслед за ними. Мы же не смогли выдвинуть единого кандидата, – горько посетовал Евфимий.

Тут опять вошла Ксения и разговор вновь прервался. На этот раз она персонально обратилась к митрополиту:

– Святой отец, может вам собрать чего на стол? Что же вы один голый чай пьете? Вы только скажите, а я мигом обернусь.

– Спасибо, дочь моя, – ласково ответил он ей. – Много ли мне, старику, надо? И так вельми доволен всем. Благослови тебя, Господь! Кстати, дочь моя, – хитренько улыбнулся он в бороду, – не думала ли ты попробовать петь в церковном хоре? У тебя замечательное контральто!

– Да я как-то..., – растерялась Ксения, краснея, как девица на выданье.

– Подумай-подумай, – причмокнул он. – Не след держать втуне свои таланты, дарованные Всевышним.

– Я подумую, – пролепетала она, всё ещё краснея.

– Как надумаешь, так приходи к Илье Борисовичу Толкачеву – регенту Патриаршего хора Храма Христа Спасителя, скажи, что я направил, он тебя послушает.

– Спасибо, – еле слышно выдавила она из себя, не поднимая глаз кверху. – Приду.

– Приходи, – осенил он её крестным знамением и протянул руку для поцелуя. Та, истово приникла губами к митрополичьей длани. Затем выпрямилась и подобно колумбовской каравелле неспешно удалилась, мерно раскачивая своей кормой, будто плыла по волнам.

Когда за Ксенией в очередной раз закрылась дверь, Афанасьев продолжил недоумевать:

– А вы, святой отец, как я погляжу, орел! Не успели прибыть, как уже начали переманивать к себе моих сотрудников.

– Не к себе, – довольно погладил тот свою бородищу, поправляя диктатора, – а к Господу Богу – Отцу нашему.

– Ладно. Поправку принял, – согласился Афанасьев и возвращаясь к прерванной беседе продолжил. – Вы святой отец, у нас как большевики, – ухмыльнулся он. – Временное правительство скинули, а что дальше делать – не знали. Ленин сам, в одной из своих работ, признался в этом. Что ж вы так прошляпили самый насущный вопрос?

Митрополит не нашелся, что ответить на вопрос, видимо,

всё еще находясь под впечатлениями от общения с Ксенией, а потому, просто устало пожал плечами и потянулся за очередным стаканом ароматного цейлонского чая.

– Одного только не пойму, чем я-то вам могу помочь в такой трудности? Арестовать этого вашего Мелсихиси...?

– Мелхиседека, – строго поправил его старец, отхлебывая исходящую паром жидкость.

– Моя-то какая роль во всем этом? – продолжал он насесть на Евфимия.

– Я хочу, сыне мой, – твердым голосом начал митрополит, уже придя в себя окончательно, – чтобы ты, пока не отъехал по делам из столицы, пришел завтра в Храм и подал в Секретариат Святейшего Синода свой голос за клирика храма святителя Василия Великого, протоиерея Андрея Кузнецова – мужа пресветлого ума и жития праведного.

– Это кто ещё такой? – нахмурился Афанасьев не любивший, когда его используют в «темную».

– Ты, может быть, видел его по телевизору. Он ведет передачу по воскресеньям на Первом канале, – решил помочь Верховному митрополит.

– Много их таких по телевизору показывают, – проворчал Валерий Васильевич. – Эвон, ваш бывший патриарх, тоже с телевизора начинал по воскресеньям.

– Что поделывать? – развел руками старче. – Телевидение, на данный момент, является самым простым и доступным способом донести слово Божие до сердец, нуждающихся в

духовной поддержке.

– Кузнецов, Кузнецов, – бормотал Афанасьев, подняв глаза к потолку, чтобы припомнить такого человека. – Это не тот, что ведет передачу «От сердца к сердцу»?

– Истинно, – закивал обрадованно Местоблюститель.

– Припоминаю такого. Слушал отрывками несколько раз. Вроде неглупый человек, – стал рассуждать вслух Верховный.

– Ну, вот! А я, что тебе толковал?! – соглашался с данной оценкой священник.

– И как это поможет вашей партии одержать победу на праймериз? – ввернул иностранное словечко диктатор.

– Ой, не лукавь, сыне мой! – опять погрозил пальцем священник, скорее в шутку, чем для острастки. – Сам же прекрасно всё понимаешь...

– Нет, не понимаю, – упрямо мотнул головой Афанасьев. – Я не священник и не делегат Собора. Какое право я имею на выдвижение кандидатов? Церковь у нас отделена от государства. Не посчитают ли этот мой поступок ваши клерикальные круги, как вмешательство во внутрицерковные дела? Так ведь и до настоящего раскола не далеко добратся. А нам сейчас вот только этого ещё не хватало.

– Про отделение Церкви от государства, ты пойдя, расскажи в ином месте и кому иному, но не мне. Это просто обиходное выражение. На самом деле, и ты это прекрасно знаешь, Церковь является одним из главнейших ин-

ституты государственного устройства, призванная служить его скрепой – духовной и нравственной. И адепты Церкви – суть такие же граждане государства, как и атеисты, и представители иных верований. Знаешь ведь расхожую фразу о том, что «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества»³¹.

– Ленин. Статья «Партийная организация и партийная литература», том не помню какой, – машинально дополнил слова своего духовника Афанасьев.

– Сразу видно отличника «боевой и политической», – ухмыльнулся иерарх, тоже конспектировавший в свое время труды великого вождя.

– И всё же? – вернул его на прежние рельсы диктатор.

– Ты, сыне мой, не в упрек будет тебе сказано, имеешь весьма смутные представления о схемах и механизмах существования Церкви. Мы, в отличие от мирских властей, никогда не чурались принципов демократизма, как это принято сейчас говорить, а по-нашему будет – соборности. Поэтому, ты, хоть и не являешься делегатом Поместного Собора и не имеешь права голосовать, но зато, как и любой мирянин, вправе предлагать кандидатуру на Патриарший Престол.

– Ты полагаешь, отче, что моего голоса будет достаточно, чтобы ему последовали неопределившиеся и сомневающиеся делегаты?

– Не умаляй своей значимости, ибо это есть не что иное, как обратная сторона гордыни, а сие – грех превеликий! –

наставительно произнес митрополит.

– Ну, хорошо, – почти согласился с доводами Евфимия диктатор, – допустим, приду я и подам соответствующую цидулю. Как об этом узнают все делегаты?

– Доннер-веттер³²! – стукнул ладонями по подлокотникам кресла митрополит. – Вроде и неглупый местами муж, а иногда такую несуразицу брякнешь, что и младенец не догадается сморозить! Ты только приди в точно указанное время, а уж, как оповестить об этом делегатов – не твоя забота.

– Ага! – дошло, наконец, до Валерия Васильевича. – А вы, стало быть, к этому времени и делегатов всех соберете под благовидным предлогом, и ещё, небось, телевидение пригласите для массового охвата аудитории.

– А, то! – расцвел в улыбке бывший старлей. – Был бы жив Ленин, он бы непременно перефразировал свои слова о том, что «важнейшим искусством для нас является кино», добавив туда «телевидение».

– Вообще-то эти слова сказал Луначарский, но народная молва упрямо приписывает их вождю мирового пролетариата. А я бы к этой фразе добавил еще и слово «интернет».

– Истинно глаголешь, сыне мой, – задорно подмигнул в ответ священник, без спросу ухватившись за второй, а по сути, за четвертый стакан.

– Ладно. Уговорил. Заявки начнут принимать в 12 часов, если я не ошибаюсь?

– Верно, – кивнул старец, прихлебывая чай уже нетороп-

ливо.

– К 12.00 подъеду, так уж и быть. Но дозволю задать вопрос?

– Дозволяю, – милостиво разрешил служитель христианского культа.

– Почему ты сам, отче, не выставляешь свою кандидатуру? Мнится мне, что многие бы согласились проголосовать за тебя.

Митрополит отставил от себя недопитый стакан и нахотился, как старый и мудрый ворон, сидя на ветке дерева под занудливым осенним дождем.

– Мы, помнится, уже затрагивали этот вопрос на прошлой нашей встрече, – нехотя произнес Евфимий.

– Затрагивали. Вскользь, – утвердительно качнул головой Афанасьев. – Но ты, отче, тогда отделался от меня словами об отсутствии твоей кандидатуры среди возможных претендентов. И теперь я хочу получить от тебя ответ в развернутом виде, – настойчиво произнес он.

– Что ж, изволь, – пожевал митрополит губами в раздумчивости. – Иногда и лицу духовного звания надо исповедаться перед паствой. Думал я об этом. Много думал. Зудел червячок тщеславия, признаюсь и каюсь. Но чем больше я думал, тем меньше нравилась мне эта затея. Не по мне ноша сия. Не знаю, как и объяснить-то по годному, – огладил он свою бородищу (верный признак неуверенности и сомнений). – Суетно всё это для души моей. Да и страшно, честно

говоря.

– Чего же ты страшишься? Того, что постигнет участь Алексия II? – удивился диктатор. – Офицеру, даже и бывшему, не положено бояться подобных вещей.

– Не то говоришь, генерал, – поморщился церковник. – Не смерти страшусь я. К смерти каждый христианин приготавливает себя, как к одному из таинств, ниспосланных нам Господом нашим. Но боюсь её подлости, способной ударить в спину. А ещё боюсь слабости своей. Ведь, стань Патриархом, смог ли бы я удержать в чистоте не токмо тело, но и душу свою от соблазнов мирских? К тому же, как ни крути, а должность сия скорее административная, нежели пастырская. Понимаешь о чем я реку?

Афанасьев согласно кивнул, примеряя на себя всё сказанное. Возможно, митрополит и сам догадывался, через что порой приходилось переступать неоднократно человеку, сидящему напротив него. А священник тем временем продолжал тихо журчать голосом:

– Будь я, хотя бы на десяток лет моложе, может и не отринул от себя стезю эту, ибо велика сила соблазна властью. Но отгорело всё. Не моё это и не по мне ноша сия. Сейчас же я на своем месте, хоть и тяжело иногда тоже приходится. И в дела мирские вникать и епархии объезжать, строжа клир и монасей, не соблюдающих порой Закон Божий со рвением. Иной раз мыслишки одолевают: «Не бросить ли всё и удалиться в дальний скит, дабы полностью отдать себя молит-

венным бдениям». Вот и не пойму, то ли стар стал и поглупел изрядно, то ли наоборот, ума-разума набрался под конец жизни. Вечером глаза закрою: «Спасибо, Господи, что дал ещё один день прожить на белом свете!» Утром глаза открою и опять: «Спасибо, Господи, что дал пережить ещё одну ночь и ещё один день походить по свету белому!» Вот так вот, а ты мне тут про патриаршество толкуешь, – закончил он, улыбаясь в бороду, и лучики морщин на его лице подтверждали истинную правоту сказанных слов.

Помолчали немного, думая каждый о своем. Затем старик, словно встрепенулся и стал собираться на выход. Вставая с кресла и беря в руки пастырский посох, опять напомнил, как нерадивому школяру:

– Так не забудь же, к 12-ти ждем тебя со братией и со мирянами.

– Ну, что вы право, отче?! – скорчил недовольную гримасу Афанасьев. – Сказал же, что приду, значит приду.

– Ладно-ладно, не ершись! – опять улыбнулся Евфимий, осеняя диктатора крестным знамением.

IV.

Когда он вернулся в спальню, то настенные часы уже показывали без четверти двенадцать. Афанасьев, вполне справедливо надеялся на то, что Вероника к его возвращению будет спать, а значит, велика доля вероятности избежать ненуж-

ных споров о ненормированном рабочем дне руководителя государства. К его огорчению женщина не спала. Она, казалось, целиком и полностью погрузилась в чтение давешней книги о «попаданцах» в иной мир. Валерий Васильевич, стараясь, как можно меньше привлекать к себе внимание, начал раздеваться. Разумеется, его появление не осталось незамеченным со стороны молодой женщины. Она моментально отложила книгу на прикроватную тумбочку и сложив руки на груди с интересом стала наблюдать за процессом раздевания.

– Солнышко! А я думал, что ты уже спишь? – притворился диктатор, будто только что заметил её присутствие.

Он уже приготовился выслушать очередную порцию упреков от раздосадованной его долгим отсутствием женщины, но просчитался.

– Напомни мне, когда у тебя наступит очередной отпуск, а то я позабыла, – прищурилась она, деловито оглядывая его не совсем спортивную фигуру.

– Так-то в мае, но сама знаешь, что всякое может случиться, и тогда отпуск придется перенести, – застыл он перед ней в позе стареющего Аполлона.

– Отлично. Если не появятся какие-либо форс-мажорные обстоятельства с твоей или моей стороны, то я знаю, куда мы с тобой поедem отдыхать.

– Куда? – переспросил он, пропуская мимо ушей информацию о непреодолимых препятствиях.

– Куда-нибудь далеко-далеко, прочь от цивилизации, телефонов, совещаний и командировок, назойливых охранников, хитропопых царедворцев и всей этой суеты.

– От охраны и телефонов, в любом случае, не избавиться, – почесал он в затылке. – Да и где ты найдешь такое глухое место, чтобы нельзя было нас отыскать при острой необходимости?

– Когда мы жили с Арсением, – тут её глаза на миг заволокло туманом воспоминаний, – то отпуск всегда проводили в каком-нибудь экзотическом месте. Он никогда не любил пустое времяпрепровождение и старался заниматься активным отдыхом. Мы проводили время то с альпинистами, взбираясь на кручи кавказских гор, то сплавливались на байдарках по реке Белой. Один раз чуть даже не утонули, когда наша байдарка перевернулась. А один раз целый месяц прожили у отца его приятеля на кордоне Исток, расположенном на берегу Кроноцкого озера. И даже поднимались вдвоем на вулкан Крашенинникова. Это было так здорово! Никакие курорты с пятизвездочными отелями не заменят полученных там впечатлений!

– С моей-то одышкой – только и остается, что взбираться на вулканы, – усмехнулся он, присаживаясь на кровать и с кряхтением стаскивая с ног носки. – А если на байдарку усядемся, то уж точно утопнем. Я, можно сказать, тока-тока жить начинаю. Еще даже жениться, как следует, не успел, а ты мне такие страсти тут предлагаешь, – хотел он перевести

беседу на игривый лад.

– Почему же страсти?! – возмутилась Вероника. – Я не предлагаю тебе чего-то экстремального. Просто делюсь воспоминаниями. А начать можно с более простых вещей.

– Это каких же? – снял он, наконец, носки и горизонтально пристроился поверх одеяла.

– Можно, к примеру, поехать на Байкал. Я никогда не была на Байкале. Там сейчас очень активно развивается индустрия туризма. Недавно смотрела рекламные буклеты. Отдых предлагают на любой вкус. Там целые гостиничные комплексы в виде отдельно стоящих домиков, прямо на берегу Байкала. Стоит это удовольствие недорого. Даже моей зарплаты хватит, чтобы снять себе такой домик на целый месяц. Ты бы ходил на рыбалку, я – за ягодами и грибами. А вечером мы бы сидели у костра, ели уху и смотрели на звезды. И никого вокруг, только ты и я. Неужели тебе всё это не интересно?

– Интересно-интересно, – хитро прищурился он, только вот я крупно сомневаюсь, что нам удастся в одиночестве провести всё это время. Или ты думаешь, что наши с тобой фигуры не станут предметом ажиотажа со стороны других отдыхающих?

– Но ведь можно же что-то придумать?! – уже всерьез загорелась она этой идеей.

– Ладно-ладно, что-нибудь придумаем, а пока давай ложиться, я сегодня чертовски устал.

Глава 68

I.

С момента посещения Афанасьевым Храма Христа Спасителя, где проходило низложение Патриарха Нафанаила, прошло ровно десять дней. Диктатор не забыл своего обещания, данного Местоблюстителю, и вторично пришел в Храм на следующий же день, чтобы выдвинуть кандидатом на высший церковный сан, скромного, но уж достаточно известного священника – протоиерея Андрея Кузнецова. Как и было им заранее предвидено, свидетелями этого сугубо технического мероприятия «неожиданно» стали не только делегаты Поместного Собора, но и целая толпа пишущих и снимающих журналистов (расстарался-таки Евфимий). По уговору между высшими представителями светской и духовной власти, состоявшемуся накануне в диктаторской резиденции, Афанасьев не стал скрывать от облепивших его со всех сторон делегатов и телевизионщиков цели своего повторного визита. Мало того. Валерий Васильевич, наперекор всем этическим соображениям, даже не стал скрывать имени кандидата, которого он выдвигал на пост Патриарха Всея Руси. В скупых, но ёмких словах он охарактеризовал отца Андрея, как высокоумного и начитанного богослова, доносящего в своих проповедях до мирян нетленное слово Божие, как истинного патриота своей великой Родины, пострада-

давшего в свое время за идеи Русского Мира и за это гонимого из Украинской Православной Церкви нечестивым митрополитом Ювеналием. Насчет «нечестивого» Ювеналия, его за пять минут до появления на публике лично проинструктировал сам Евфимий в отместку за то, что тот три месяца назад причислил Степана Бандеру к лику великомучеников Земли Украинской. После такой «рекламы» от самого Главы Высшего Военного Совета России, пользующегося непрекаемым авторитетом, как у гражданского общества, так и среди клерикальных кругов, стоило ли сомневаться в имени будущего Предстоятеля Русской Православной Церкви? И хотя первый тур голосования по представленным кандидатурам должен был состояться через неделю, все уже знали, в том числе и оппоненты, что быть на Руси новому Патриарху и имя ему – Андрей I. С этим прискорбным известием, кажется, смирились, как явные, так и тайные его противники, в среде которых сразу же обнаружился разброд и шатание, поэтому еще вчера, уверенные в своей победе, они не смогли выдвинуть своего единого кандидата. До смерти, переругавшись, кое-кто из них уже стал слать своих гонцов к Местоблюстителю с целью попробовать договориться о сохранении насиженных мест в обмен на лояльность к выдвиженцу Афанасьева.

Затеянная Глазыревым грандиозная афера по выкупу у иностранных держателей акций наиболее доходных российских предприятий оказалась более чем успешной. Паника

в рядах иностранных акционеров, вызванная «задержаниями» руководителей топливно-энергетических компаний моментально обрушила все российские «голубые фишки»³³. На пике продаж стоимость их акций составляла смехотворные 10% не то, что от рыночной стоимости, но даже их номинала. Напуганные тем, что активы гигантов от энергетики могут быть просто конфискованы бандитской властью военной хунты, крупные зарубежные акционеры начали массово избавляться от всех ценных бумаг, хоть сколько-нибудь связанных с Россией. Панические настроения еще больше усугубились после известий об аресте всех предыдущих руководителей Росимущества. Для иностранцев это был ясный сигнал о том, что в скором будущем подвергнутся сомнению результаты всей промышленной приватизации. Вслед за «голубыми фишками» сразу «полегли» акции с крупным промышленным производством и переработкой, что в свою очередь сказалось на устойчивости зарубежной банковской системы, когда-то крупно вложившейся в кредитование и инвестирование российских предприятий, которые не успел в свое время разорить Борька-пьяница с Семьёй. Почти все инвесторы поспешили разорвать договора на финансирование и кредитование, несмотря на гигантские убытки, ведь мало того, что они лишались тем самым дивидендов по акциям, так они ещё и за бесценок продавали долговые обязательства кредитуемых российских предприятий. «Идеальный шторм» превзошел все мыслимые ожидания. Паника,

начавшаяся с утра на токийской бирже, как лесной пожар мигом перенеслась на европейские площадки. Сначала побежали мелкие акционеры и частные лица. Эти всегда отличались повышенной нервозностью. Крупные (пакетные) держатели акций держались до последнего, так как из воспоминаний ещё не выветрились события 2014-го года, когда русские уже проворачивали подобный трюк, правда, не в таких грандиозных масштабах. Но когда ушлые журналисты начали транслировать репортажи об арестах бывших руководителей Росимущества, то дрогнули и они, разом поняв, что дело на этом отнюдь не закончится. В недалекой перспективе ясно просматривался пересмотр итогов приватизации промышленных предприятий и иных объектов недвижимости, включая лицензии на добычу полезных ископаемых. Тут уже медлить было нельзя. Необходимо было, как можно скорее избавиться от «токсичных» активов, которые в любой момент могли запросто превратиться в никому не нужные бумажки. К слову сказать, акции российских резидентов и так на бирже стоили не слишком дорого после приснопамятного июльского решения хунты по предотвращению утечки капиталов и валюты, а с началом «идеального шторма», так и вообще превратились в БОЛЬШОЕ НИЧТО. Паника продолжалась несколько дней. Рынок долгосрочных ценных бумаг не просто рухнул, он РУХНУЛ, разлетавшись вдребезги мелкими и острыми осколками, которые буквально изрешетили собой всё, что хотя бы краешком касалось российских ценных

бумаг. Теперь о доверии к ним было забыто на долгие-долгие годы, если не навсегда. Все потуги и старания прежних российских правительств по выводу на торговые площадки мировых бирж ценных бумаг отечественных «флагманов» летели в тартарары. Теперь русским олигархам доверия не было и они лишились права размещать свои эмиссионные активы, где бы то ни было за пределами своего Отечества. Этим незамысловатым ходом пройдошистый Глазырев «убил» сразу несколько зайцев. Мало того, что он практически в полном объеме вернул в родную гавань акции, а вместе с ними заодно и долговые обязательства российских предприятий, тем самым сократив до максимума отток капиталов и валюты. Так он еще и окончательно подорвал доверие к российским олигархам со стороны мирового капитала, отрезая ему пути отхода на Запад и заставляя, тем самым крепче держаться за внутренний рынок и быть лояльнее к новым властям. И всю эту операцию он проделал за вполне себе подъемные суммы. Разумеется, пришлось на это потратить почти все имеющиеся в его распоряжении валютные средства, но игра стоила, потраченных на неё свеч. Тем более, что валюту и так по большому счету девать было некуда после объявленного Западом запрета российским резидентам на операции с долларами и евро. О том, что изъятие акций из рук иностранных владельцев напрочь лишило их, какого бы то ни было влияния на принятие решений акционеров и говорить излишне.

На взгляд большинства экономистов это было довольно

спорной победой, так как лишало в дальнейшем наших промышленных гигантов права участвовать в международном разделении труда и выхода на рынки глобального Запада со своей продукцией. Однако подобным образом могли рассуждать только те экономисты, кто жил исключительно сегодняшним днем, не видя ничего дальше собственного носа. А Глазырев был из числа немногих провидцев, пророчества которых сбываются с неумолимостью метронома. Он знал, что Запад, с его ограниченным и уже поделенным между своими, рынком, является далеко не всем миром. Поэтому беспокоиться о том, что российским товарам не найдется места на мировом рынке не стоит. Качество и цена российской продукции вполне удовлетворяла потребителей в Африке, Азии и Южной Америки. А ещё он видел внутренние глобальные процессы по всё большему антагонизму между Севером и Югом, Западом и Востоком, который, в конечном счете, приведет к разрыву кооперации между ними, а значит к фрагментации и жесткому протекционизму. Мир на глазах, хоть и исподволь, но превращался в закрытые территориальные образования со своими валютными зонами. И тот, кто первым из Глобальных Игроков осознает это и ринется загодя столбить за собой наиболее лакомые участки, останется в выигрышном положении. Естественно, что предполагаемые зоны должны соответствовать определенным критериям. И главными критериями по общему разумению должны быть – ресурсная, экономическая и демографическая са-

модостаточность, чтобы в случае фатального разрыва связей с внешним миром иметь возможность производить всю линейку необходимой для выживания продукции. Кроме этого их должны объединять сравнительно одинаковый уровень жизни, сопоставимый промышленный и научный потенциал, а также единые религиозные взгляды, ибо трудно себе представить достаточно прочный комплот между, предположим, Израилем и Египтом.

Исходя из вышеперечисленных критериев, идею о создании группы БРИКС, которой так гордился покойный президент Бутин, можно было бы сразу признать мертворожденной, или, по крайней мере, нежизнеспособной. Придя к власти, Афанасьев со товарищи тоже поначалу загорелись идеей укрепления этого экономическо-политического сообщества стран, но Глазырев быстро остудил пыл «кремлевских мечтателей» на пальцах разъясняя иллюзорность такого союза. В лучшем случае ему грозила участь Совета Безопасности ООН, где каждый его член старается блокировать любые инициативы партнеров. В этом противоестественном союзе каждая из стран претендовала на лидерство в определенной части света, и это при том, что Индия и Китай были открытыми противниками. «О какой интеграции тогда может идти речь, если наши страны не могут договориться о едином эмиссионном центре?» – убеждал Глазырев своего начальника, верившего, что неприятие Глобального Запада все-таки достаточная основа для создания такого «тяни-тол-

кая». Как внешний раздражитель для США и Евросоюза организация БРИКС вполне годилась, в качестве коллективной альтернативы глобализму, но делать серьезные вложения в развитие её институтов, Глазырев категорически не советовал. Лучшим выходом для всех, было бы создание отдельных валютно-экономических зон, независимых друг от друга, где каждая из сторон могла бы проявить, в какой-то мере, свои лидерские качества. А таких наметившихся зон было несколько, контуры которых уже вполне явно наметились. Первый промышленно-валютный кластер находился в Северной Америке и включал в себя помимо Соединенных Штатов Канаду и Мексику. Появление этого кластера было наиболее вероятным из всех, так как страны входящие в этот тройственный союз уже и так были хорошо интегрированы между собой. Второй кластер формировался вокруг достаточно сильной и самостоятельной Бразилии. И в его состав были готовы войти за редким исключением все страны Южной Америки, включая сюда и большинство островных государств, прилегающих к ней. Третью зону пытался соорудить Китай, пользуясь своим доминирующим экономическим влиянием в странах Юго-Восточной Азии. Однако не слишком пока преуспел в этом плане, сумев безоговорочно привлечь на свою сторону только Северную Корею и часть островных государств Полинезии. Остальная часть Юго-Востока находилась в глубокой растерянности от неумолимого напора китайских коллег, поэтому с окончательным выбором

не спешила. Японии, хоть и числившей себя индустриальной сверхдержавой, создание такой зоны даже и не снилось, потому, как уж больно много непримиримых врагов наплодила она в свое время вокруг себя. Японию ненавидели всё, включая и противников Китая. Поэтому ей, бедной в части природных ресурсов приходилось ломать голову над тем к кому можно будет притулиться, не теряя при этом своего влияния. Неплохие шансы на создание своей зоны имела Индия, как самое густонаселенное государство в мире, обладающее не только ядерным оружием для защиты своих интересов, но и довольно развитой промышленностью. К ней вполне могли бы примкнуть не только традиционные партнеры – Бангладеш и Шри-Ланка, но и ряд государств Юго-Восточной Азии, по принципу религиозного единения и боязни быть поглощенными амбициозным Китаем. Пятую зону, как бы это не казалось странным, организовывала, конечно, не без скрипа, Матушка Россия. Через структуры хоть и аморфного СНГ и столь же нелепого, на первый взгляд, ОДКБ, она плотно держала в тисках своего влияния, практически всю Среднюю Азию, и без того напуганную прытью китайского дракона. А удачная интеграция с Белоруссией, выгоду от которой получили обе стороны, наглядно продемонстрировала соседям, что находиться под «зонтиком» у Москвы, не такая уж и плохая идея. Шестая самодостаточная зона могла бы сформироваться от слияния стран Ближнего Востока и Северной Африки, населенных этносами, преимуществен-

но исповедующими ислам. Однако этому мешало соперничество богатой Саудовской Аравии с воинственной Персией. И куда может склониться чаша весов в этом противостоянии не мог предсказать ни один астролог. На свою зону мог бы претендовать Европейский Союз, если бы был самодостаточно в плане природных ресурсов, и если бы экономика среди его членов имела сбалансированность. Но по Божьему провидению такими ресурсами он не обладал, с завистью озираясь на своих соседей. Да и разрыв между такими флагманами, как Германия и Франция с той же самой Румынией или Болгарией был слишком велик. А тянуть в светлое будущее бывших советских сателлитов за счет благосостояния собственных граждан, никто из европейских передовиков не собирался. Конечно, можно было бы привлечь на свою сторону богатую ресурсами Африку, тем более, что кое-какое влияния на неё всё ещё сохранялось со времен колониализма. Однако ни Россия, ни Китай, которые, в последнее время, положили свой глаз на «черный» континент с такой постановкой вопроса были отнюдь не согласны. Россия упорно прибирала к рукам Центральную Африку, а Китай не отставал от неё в Южной и Восточной её части. К тому же, если бы Европа и решилась на какое-то объединение с Африкой, то это, в конечном счете, прикончило бы её, и так перегруженную демографическим дисбалансом. Поэтому наиболее реальным выходом для неё было бы вступление либо в Северноамериканскую зону, либо в Российскую. Второй вариант для

неё был менее предпочтительным по идеологическим соображениям, а первый, хоть и был реальным, но грозил ей в дальнейшем ещё большей деградацией научного, производственного и культурного потенциала. Иными словами, Европа для Америки за обеденным столом была не столько партнером, сколько кушаньем. Оставались ещё Австралия с Великобританией, но они никакой ценности на мировой арене не представляли. И если Австралию всё-таки как-нибудь, но можно было и принять в Североамериканский кластер, то с Великобританией дело обстояло куда хуже. Американские «кузены» никак не хотели делиться властью с дельцами из Сити, а те, в свою очередь не горели желанием бегать на побегушках у своенравного Дядюшки Сэма. И уж совсем плохи были перспективы Израиля. Окруженного со всех сторон откровенно недружественными государствами, видеть его в своих рядах не желал никто. Даже «просвещенная» Европа не смогла бы преодолеть своего укоренившегося антисемитизма. Поэтому перед «богоизбранным» народом реально замаячила перспектива кануть в Лету, в очередной раз, рассеявшись по миру.

Именно опираясь на свое предвидение будущего, Глазырев и не опасался, по большому счету, того, что закрытие европейского рынка для России станет чем-то фатальным. По его расчетам, «ушат холодной воды» в виде тотального разрыва всех экономических связей с Западом, подтолкнет российский бизнес искать рынки в других частях света, а заод-

но и простимулирует на быстрое внедрение инновационных технологий ради возможностей на равных конкурировать с тем же самым Западом, но уже вне сферы его безусловного влияния.

Итак, каков же окончательный итог задуманной Глазыревым и воплощенной в реалиях афере? Потратив все, имеющиеся в его распоряжении валютные накопления, Глазырев сумел выкупить Россию из многолетнего рабства коллективного Запада и обеспечить ей относительную независимость и свободу маневра на мировых просторах. Причем, слова «рабство» и «независимость» в этом контексте можно употреблять без всяких кавычек. Ибо как иначе можно назвать то состояние, когда половина промышленных предприятий, месторождений, банков и торгово-посреднических сетей полностью и напрямую принадлежат иностранным владельцам. А еще четверть контролируются ими через опосредованные структуры, либо подставных лиц. Обрушив рынок ценных бумаг, включая долговые обязательства по кредитованию, Глазырев скупил по бросовым ценам, считай, три четверти всего, чем в принципе могла располагать на сегодняшний день Россия. На всё про всё он потратил около семисот миллиардов долларов, и это при том, что по последним данным Росстата, суммарная стоимость всех российских активов на 1 января 2020 года составляла порядка ТРЕХСОТ ТРИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ. Поражение коллективного Запада усугубилось еще и тем, что таким маневром Россия ма-

ло того, что сбросила с себя удушающее ярмо иностранного капитала, так еще и обнулила корпоративную задолженность своих предприятий перед кредиторами, поторопившимися избавиться от русских долговых обязательств, которые на сегодняшний день составляли почти двести миллиардов долларов. Разница между затратами и реальной отдачей от них была настолько впечатляюща, что её невозможно было переоценить. Она была неимоверно колоссальной. Когда Афанасьев узнал, что благодаря этому худенькому и юркому человечку с якутскими чертами лица, он стал правителем самой богатой и суверенной страны в мире – единственной, что полностью избавилась от какого бы то ни было экономического влияния со стороны противников. Сначала он не поверил предоставленным сводкам. До него не сразу дошла мысль, что теперь, в принципе, не будет никаких проблем с наполняемостью казны. Денег, по уверению самого Глазырева теперь хватит на всё. Эмиссионный центр теперь находился на берегах Москвы-реки, а не в округе Колумбия³⁴. Деньги можно будет смело тратить и на оборону, и на науку, и на социальную поддержку населения. Это ли не мечта любого правителя государства? Конечно, без шероховатостей не обойдется и тут. Экспорт, тут и к гадалке не ходи, существенно «просядет», но как уверил Сергей Юрьевич, это всего лишь временные неудобства. Всё нормализуется, когда рынок придет в себя после подобной встряски. А пока экспортеры пускай налаживают новые логистические

цепочки, ориентированные на всеядный африканский и на платежеспособный азиатский рынки. Окончательно Валерий Васильевич поверил в успех после звонка Барышева, который, вопреки своему флегматичному и скрытному характеру рассыпался перед ним в благодарностях за предоставленную возможность поучаствовать в разграблении коллективного Запада. Его фирмы, зарегистрированные на «спящих» агентов знатно поживились на этом деле, хоть и подключились к нему уже на завершающем этапе, когда основные и самые лакомые куски уже были перехвачены глазыревскими структурами. Когда через несколько дней биржевая паника прекратилась, и западные держатели российских акций стали подводить первые итоги «шторма», то выяснилось буквально следующее: за семь тысяч тонн резаной бумаги с изображением дохлых президентов США, а в подавляющих случаях, просто за электронную цифирь с одиннадцатью нулями, Россия избавилась от присосавшихся к её телу пиявок. Западные же «партнеры» потеряли долгосрочную кормовую базу. Мало того, вброс на рынок семисот миллиардов ничем не обеспеченной денежной массы очень больно ударил по курсу пока ещё единственной резервной мировой валюты (евро имеет ограниченное хождение). Таким образом, суммарный выигрыш России от проведенной операции, по предварительным подсчетам, составил без малого ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТРИЛЛИОНОВ долларов. На этой волне Афанасьеву даже пришла мысль отлить из чистого золота в полный рост

статую своего Председателя Центробанка и водрузить её на Красной площади.

А страна, тем временем, работала, как могла, развивалась, несмотря на внешнее давление и внутреннюю неустроенность. Да, неустроенности еще хватало. Порой складывалось впечатление, что это и не страна вовсе, а какой-то «Тришкин кафтан», который рвется то в одном, то в другом месте, стоит к нему лишь прикоснуться. Но это могло показаться только на первый взгляд. На самом же деле, Россия, как огромный, но не слишком маневренный из-за своих размеров парусник, скрипя и кренясь, то на один, то на другой борт, начинала свой очередной исторический разворот, попутно заменяя истрепавшиеся паруса и снасти на новые. А еще надо было срочным образом избавляться от ненужного и лишнего балласта. И одним из таких «балластов», мешающих скорости развития, был коррумпированный чиновничий аппарат, безудержно подкармливаемый прежней властью, в расчете на то, что он в трудную минуту станет его надежной опорой. С этим надо было что-то решать, причем срочным образом, пока он, пользуясь оставшимися нитями управления не парализовал жизнь государства, пытаясь доказать свою необходимость. И работа началась, причем довольно спорно и весьма неожиданно для центральной власти. Началась, как и водится, с самой столицы, а уж волны от этого докатились, в скором времени и до провинции. Разбуженная в Москве, докатившаяся до самых отдаленных уголков, а затем вер-

нувшаяся обратно, волна народного подъема, вскрыла все застаревшие и никак не заживающие гнилые раны коррупции, местничества, откровенного воровства и саботажа чиновников всех уровней. В большинстве регионов, где власть фактически перешла в руки «теневых кабинетов» народного самоуправления под руководством окружных военных, всё было тихо и спокойно. Местные губернаторы, назначенные ещё прежней московской властью, боялись даже дыхнуть без разрешения ОДК (общественных дружин контроля), опасаясь не только за свое место, но и за саму жизнь. О взяточничестве, как об основном источнике доходов они уже и не помышляли после нескольких громких случаев, когда попавшихся с поличным просто расстреляли на центральных площадях областных центров. О «фирмах-прокладках» для отмывания уже наворованного и оформленных на близких родственников, тоже можно было забыть. Единая автоматизированная компьютерная сеть, завязанная на паспортные столы, ЗАГСы и налоговую и кадастровую инспекцию, ранее используемая только для отслеживания деятельности отдельных лиц, да и то по специальному разрешению руководства ФСБ, теперь заработала во всю свою мощь в круглосуточном режиме. Надо ли говорить, как с её помощью были выявлены не только родственные и деловые связи между чиновниками всех уровней, но и все теневые бизнес-схемы, применяемые ими для незаконного обогащения? А уж после того, как показавшая свою эффективность практика пропус-

ка высокопоставленных московских чиновников через сито «детектора лжи» в стенах КГБ, и публичных расправ по её итогам, коррупционная составляющая резко пошла на спад, сначала в самой столице, а потом и в регионах. Выявленные при допросах счета в иностранных банках, а также недвижимость, находящуюся за пределами Российской Федерации, пришлось в добровольно-принудительном порядке подарить любимой Родине. Обнаружение у чиновника недвижимости, кадастровая стоимость которой превышала его десятилетний оклад, сразу делала его кандидатом на препровождение в «головомойку» с соответствующим эскортом в виде сердитых дяденек. Упрямец, упорно не желавших расставаться с непосильно нажитым и упрятанным за бугром имуществом, и уповавших на второе гражданство, ждала печальная участь быть публично расстрелянными. После нескольких таких демонстративных расправ, широко освящаемых центральным телевидением, государственная казна сразу начала обогащаться невиданными доселе темпами. За три с половиной месяца, что хунта находилась у рычагов власти, она пополнилась на рекордные четыреста миллиардов долларов. Так называемые «правозащитники» начавшие было вякать о возвращении 37-го года, после того, как были до полусмерти избиты некими уличными хулиганами, быстро сориентировавшись в складывающейся обстановке, втянули свои языки в анус, а наиболее шустрые из них постарались покинуть пределы страны, невзирая на карантинные меры, вплоть до

нелегального перехода границы. Странно, но им особо никто не препятствовал в этом. Стон и плач разносился по Великой Руси. Однако никакого сочувствия он в народных массах не поимел. Напротив, народ, в кои-то веки расправивший плечи, с нескрываемым азартом и одобрением взирал на не совсем законную, с точки зрения Фемиды, расправу с казнокрадами. Казалось бы, что можно и вздохнуть спокойно новым властям. После уничтожения в июне «пятой» колонны и многочисленных чисток чиновничьего аппарата, можно бы, и перевести дух, но не тут-то было. Власти на этом успокаиваться и почивать на лаврах решительно отказались. Ощипав догола верхушку чиновничьего аппарата, военные продолжили планомерно выжимать последние соки из пиявок, присосавшихся к государственному телу. Теперь в поле их внимания оказались и родственники чиновников. «Успешные» бизнес-леди, а по совместительству жены, матери и дети чиновников, стали как-то быстро-быстро разоряться, а их фирмочки, если от них был хоть какой-то прок, тихо и незаметно перешли из рук своих прежних владельцев в ведение государственных структур. Сами же чиновники, пересаженные волевым решением сверху на продукцию отечественного автопрома, моментально посмурнели и теперь уже бесплотными тенями перемещались по региональным коридорам власти, всё время, оглядываясь, в ожидании очередного бедствия, организованного то ли сверху, то ли снизу. А с недавних пор, применительно к местным властям, стали

внедрять ещё одну новинку – устанавливать в кабинеты руководителей администраций видеокамеры круглосуточного наблюдения с прямой трансляцией по местным телеканалам. В результате принятой меры, все решения местных властей стали достоянием широких общественных масс. Решения, затрагивающие жизнедеятельность территориального образования и граждан, проживающих в нем, без предварительного публичного обсуждения, автоматически признавались ничтожными по представлению местной прокуратуры. Эта мера выявила истинное лицо представителей местных властей, вынужденных ежедневно и публично демонстрировать свои умственные способности. Выходило всё, как по Указу Петра Великого, гласящего: «Боярам в Думе говорить не по писанному, дабы дурь каждого видна была». И уж совсем подкосило бюрократический чиновничий аппарат Постановление Правительства, вышедшее в середине сентября. К решению правительства прилагалась новая Единая Квалификационная Тарифная Сетка по оплате труда, занятых на государственной службе чиновников. Именно и только чиновников. Такие профессии, как учитель, врач и тому подобные, в ней не затрагивались. В соответствии с новой Сеткой, все чиновничьи оклады привязывались к минимальному размеру оплаты труда, утвержденному для того или иного региона страны. Нижним порогом оплаты, было двукратное его превышение, а верхним – восьмикратное. Причем, в Постановлении четко оговаривалось, что положения каса-

ются исключительно тех чиновников, которые заняты в городских, районных, поселковых и областных администрациях, а также госучреждениях, связанных с ними. Таким образом, на поверку выходило, что преподаватель, врач или воспитатель детского сада, могли получать содержание, сопоставимое с губернаторским. Эта последняя мера окончательно подорвала престижность чиновничьих должностей. Теперь уже никто не рвался на посты в местных администрациях. Начался повальный исход бюрократии с насиженных мест. Кто-то пристраивался в бизнес-структуры, по заранее налаженным тропам. Кто-то, у кого было все в порядке не только с мозгами, но и с руками, пытались заняться самостоятельным предпринимательством. Но были, конечно и те, кто так и не смог найти себе нового занятия. Они, забегая вперед повествования, постепенно скатывались по социальной лестнице, превращаясь потихоньку в маргиналов, или же, вообще, просто спивались от безнадежности и обиды на весь белый свет. Массовый исход бюрократического аппарата с насиженных мест, в любом другом случае, привел бы к коллапсу всей вертикали управленческой структуры, но Правительство вовремя сориентировалось, распространяя на местах Автоматизированную Систему Управления, которая с легкостью брала на себя все выпадающие, вследствие естественной убыли штатной численности аппаратчиков, функции государственного регулирования и контроля. Начало агонии государственных бюрократических структур

было положено. Единственным, пожалуй, стимулом для работы в чиновничьем аппарате служил бонус, начисляемый за безупречную службу по итогам 15-ти, 25-ти и 35-тилетия работы, который конвертировался в существенную прибавку к будущей пенсии, в идеале составляющей 100% от оклада за последний год перед пенсией. Но это, как говорится, ещё надо было заслужить.

После феерического церковного вояжа Валерий Васильевич с легким сердцем мог уже отправиться в давно запланированную поездку по регионам. Честно говоря, Афанасьев, в отличие от покойного президента, скакавшего по стране из края в край, не слишком-то любил покидать пределы Садового Кольца. А совещания и "разносы" предпочитал проводить посредством видеосвязи, или на худой конец, приглашая того или иного областного руководителя к себе на «ковер», где у него под рукой всегда были нужные справки об истинном состоянии дел на местах. Нет, он не боялся, что на него могут совершить покушение чем-то обиженные лидеры национальных республиканских образований, или основательно поприжатые олигархи. Он за свою жизнь и так насмотрелся смерти в глаза, что в Афгане, что в Чечне. И, конечно, время от времени он делал краткосрочные вылазки за пределы МКАД, появляясь, то тут, то там. Просто с годами стал тяжел на подъем, всем телом ощущая приближающуюся старость. Последняя командировка на полигон в Капустин Яр далась ему весьма тяжело – ноги отваливались,

спину ломило, да и желудок, привыкший к определенному набору продуктов, в непривычных для него условиях, бунтовал, не переставая, пока он, наконец, не вернулся к уже привычному для себя образу жизни. И в то же время он прекрасно понимал, что из окна московского кабинета многого не разглядишь, как ни старайся. Да и приближенные жужжали в оба уха, что, дескать без личного хозяйского догляда в любом доме может случиться поруха. Он вздыхал, соглашался, но всячески старался оттянуть подобные не слишком приятные для него мероприятия на, как можно дальние сроки, ссылаясь на то, что обстановка напряженная складывается вокруг, и значит, его присутствие в столице – мера из разряда крайне необходимых.

II.

Но сколько верёвочке не виться, а конец есть и у неё. Поэтому настал тот момент, когда приближенные уже в открытую, и настоятельно потребовали, чтобы он совершил вояж, хотя бы по наиболее проблемным регионам, а таких, кстати говоря, было немало. И если в Центральной части России, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке дела, связанные с реформированием власти для приспособления её к нуждам населения, шли более или менее благополучно, то вот на окраинах государства, а именно в национальных автономиях, обстановка была куда более напряженной. Речь шла о Север-

ном Кавказе – хронически слабым подбрюшью России. И это, как ни странно, была не Чечня с Осетией, где еще совсем недавно гремели раскаты гражданской войны. Нет. Новыми «горячими» точками грозили стать Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и в особенности Дагестан, тесно связанный близкородственными связями с Азербайджаном, а следовательно и с Турцией. Объяснялось это несколькими причинами. Первая заключалась в неистребимой клановости, ведущей своё начало с незапамятных времен, когда каждый род имел свою, тщательно охраняемую территорию от набегов со стороны беспокойных соседей, жадность которых, в свою очередь объяснялась скудостью пахотных земель, а также недостатком угодий для выпаса скота. Это приводило к обособленности хозяйств, делая их самодостаточными для минимального обеспечения самым необходимым, но тормозило развитие производственных сил и процессов из-за отсутствия элементов кооперации. Многовековой уклад, сформировавшийся в достаточно замкнутом пространстве породил, как родоплеменную сплоченность, так и косность мышления, которую не смогли побороть даже большевики, вначале с энтузиазмом взявшиеся за стирание границ, но столкнувшись с упорным сопротивлением, просто махнувшие на всё рукой, делая вид, что так и надо. Семь десятков лет существования советской власти только укрепили эту клановость, когда первые секретари райкомов и председатели райисполкомов являлись по совместительству и главами наибо-

лее значимых и «уважаемых» родов. А слово «уважаемых» в данном случае означало не что иное, как материальное благосостояние. Таким образом, советская власть, обломавшая зубы о непреодолимый менталитет местных жителей, признала свое фактическое поражение, сумев для себя выторговать присвоение представителям местных элит должностей партийной номенклатуры, на что те, в свою очередь, милостиво согласились.

Вторая причина напряженности, имела под собой источником неблагоприятную демографическую ситуацию, когда на ограниченной территории скапливается большое количество молодых людей с бурлящей от избытка адреналина кровью и не имеющих возможность реализоваться в этой жизни. Но проблема заключалась в том, что некуда было приложить свою энергию, вследствие неразвитой промышленности и производственных связей. И если молодежь не может найти применение своей энергии в созидательном русле, то она непременно находит себя в криминале. В этой связи следовало бы отметить мудрую политику нынешнего руководителя Чеченской Республики – Ахмада Рамазанова. Уж чего-чего, а чутья ему было не занимать. Он первым из региональных лидеров Северного Кавказа понял, чем грозит его республике традиционность внутренних и внешних отношений. Поэтому всячески, иногда применяя и авторитарные методы управления, поощрял инвестиции в свою республику. День и ночь, без сна и отдыха он строил на вверенной ему

территории фабрики и заводы с передовой технологией. На данный момент Чечня была единственной национальной автономией, где практически отсутствовала безработица. Напротив, она испытывала постоянный голод от нехватки квалифицированных кадров. И туда, привлеченные большими окладами стали потихоньку стекаться специалисты из разных депрессивных регионов. Дело дошло до того, что в его сторону стали ревниво посматривать руководители соседних республик, у которых не хватило на реформы ни духа, ни желания.

Тут следует отметить и то, что напряженности обстановки поспособствовал еще и внешний фактор в лице настроенной на реванш Турции, а вернее в лице её нынешнего президента – Реджепа Эрдогана, спящего и видящего себя во сне султаном Великого Турана, раскинувшегося от Северной Африки и до Урала. Как неустанный крот, у которого нет возможности повалить столетний дуб, подрывает его корни, чтобы засохла крона, так и президент Турецкой Республики кропотливо подрывал интересы своего северного соседа, ничуть не смущаясь и не скрывая своих намерений. Наступление шло по всем фронтам. В ходу было буквально всё: гранты на обучение студентов в турецких вузах, обилие низкопробных телесериалов, пропагандирующих османское видение мира с намеками на единство культурного и этнического пространства, взятки местным «князькам» во имя расширения и продвижения интересов турецкого бизнеса, широкий ассорти-

мент поставляемых товаров по доступным ценам Ну, и конечно, куда же деться от толпы мусульманских проповедников? Хотя на самом деле это были глубоко законспирированные разведчики, а при удобном случае и диверсанты. Резиденты турецкой разведки, несмотря на то, что в самой метрополии нарастали распри с курдской диаспорой, кропотливо подзуживали местные «элитки», если и не к открытому противостоянию с Москвой, то, по крайней мере, к саботажу всех распоряжений из Центра, за исключением тех моментов, когда требовались очередные порции дотаций от щедрых и лопоухих федералов. Москва же, тем временем, продолжала почивать на лаврах, убаюканная сведениями с мест о нерушимой дружбе народов под эгидой Матушки-России. Нельзя сказать, что покойный президент был не в курсе всего, что происходило на Северном Кавказе. Сам выходец из среды спецслужб, он был достаточно умён, чтобы понимать какой котел медленно, но верно закипает на южных рубежах России. Но, то ли у него не хватало элементарных сил, чтобы справиться с очередным назревающим мятежом на окраинах, то ли просто решил не трогать в очередной раз адское варево межэтнических отношений, в надежде, что всё, как-нибудь рассосется само. А может быть, он просто устал бороться с объективными политико-экономическими процессами, решив не портить себе нервную систему накануне своего юбилея. Но он погиб, и теперь уже дело историков рассуждать о том, почему он не захотел активно сопротивляться

распаду страны. Честно говоря, теоретически, ничего не мешало «султану» Эрдогану прибрать к рукам большинство из северо-кавказских автономий, пользуясь экономической и политической слабостью русских, а также поддержкой своей марионетки в лице Азербайджана. Тем более, что удачный опыт по поглощению Грузии у него уже имелся. Но внезапно «проснувшаяся» восьмого августа две тысячи восьмого года Россия, ясно дала понять, что списывать в утиль её военный потенциал пока ещё рановато. Пришлось мечтателю о Великой Османской Империи взнудать своих коней на полном скаку. Второй раз испытать на «зуб» способность русских отстаивать свои интересы у него появилось желание через семь лет, когда он вторгся в соседнюю Сирию под предлогом защиты туркоманов, проживающих вдоль границ с южным соседом. А чтобы русские не вздумали вмешаться в этот конфликт, он организовал достаточно серьезные волнения в национальных автономиях республик Северного Кавказа, чтобы Россия, занятая подавлением выступлений не смогла отвлечь свои силы на защиту сирийского союзника. Но не тут-то было. Русские всё-таки нашли в себе силы очередной раз дать по рукам османским реваншистам. И те, опасаясь, что партнеры по НАТО, в очередной раз обманут и не придут на выручку, как они того желали после инцидента с нашим Су-24, если дело дойдет до горячей фазы конфликта, быстро успокоились и дали отмашку приутихнуть своим сторонникам в национальных окраинах России. Это не означало, что

усилия по подрыву интересов России в данном регионе полностью прекратились. Однако их активность в этом направлении резко ослабла, ибо воевать с курдами, Сирией, да к тому же еще и с русскими, почуявшими запах победы после войны «08.08.08» и фееричного присоединения Крыма, никак не входило в краткосрочные планы. Ко всему прочему, соседи Турции не захотели по достоинству оценить рывок Эрдогана к доминированию в мусульманском мире. Иран и Саудовская Аравия, хоть сами и были не в ладах друг с другом, на этот раз дружно объединились и дали понять, что надеждам на Великий Туран не суждено сбыться, по крайней мере, в обозримом будущем. Таким образом, Турция оказалась зажатой со всех сторон тайными и явными недругами, ни в какую не желавшими её возвышения над остальным мусульманским миром. Пришлось опять непоседливому «султану» отложить активное приращение своего влияния в долгий ящик, сосредоточившись на долгосрочном продавливании интересов. Но даже переход Турции в полуактивный режим потихоньку делал своё дело. Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и примкнувший с ним Дагестан, всё чаще и чаще огрызались в сторону Москвы, одновременно с этим требуя для себя всяческих поблажек. А чтобы москвичи знали своё место, то тут, то там стараниями местных властей сносились исторические памятники, связанные с приходом царской России в эти места, а на их месте демонстративно устанавливались монументы, прославляющие осман-

ских правителей разных эпох. Особенно преуспел в этом Дагестан, где всё ещё гуляли легенды о непобедимом имаме Шамиле. И всё это опять при молчаливом бездействии со стороны Москвы, не желавшей обострения отношений.

Правда, с приходом к власти военной хунты, местные элиты оказались в растерянном состоянии. Они откровенно были сбиты с толку и не знали, какую платформу поведения избрать в общении с людьми в погонах, объявивших себя, вопреки Конституции, даровавшей в своё время широкие полномочия местным властям, верховной властью. Встать в жесткую оппозицию и провозгласить независимость? Как прикажете задираться без гарантированной военной поддержки со стороны Турции, по уши завязшей в сирийском конфликте? У кого хватит смелости на конфронтацию с теми, кто одной ракетой вдрызг разнес центр столицы соседнего государства? И куда потом бежать, если распоясавшиеся русские сумели достать своих обидчиков даже в самих Соединенных Штатах (а то, что это было делом их рук, ни у кого не вызывало никаких сомнений)? Но с другой стороны, на всё это тоже надо было как-то реагировать. В век спутникового телевидения и глобального интернета ничего нельзя скрыть. Простые жители автономий, доведенные до последней черты терпения поборами и откровенным воровством местных властей, насмотревшись, как на центральных площадях российских городов ставят «к стенке» проворовавшихся чинуш любого ранга, а также репортажей о

конфискациях несметных сокровищ, с нескрываемой злобой начали смотреть на своё местное начальство. Как доносили верные люди, уже повсюду и со всех сторон доносились откровенные угрозы сделать тоже самое и здесь. Старейшины кланов, ранее пользовавшиеся непререкаемым авторитетом, буквально на глазах теряли бразды правления. Люди, даже в этой патриархальной глубинке, постепенно начинали понимать, что вся их дальнейшая жизнь зависит от собственного долготерпения, которое неумолимо подходило к концу. И это бы ещё ничего. За многие века, находясь у кормила власти, местные князьки научились сбивать накал народного недовольства своим бесчеловечным правлением, разовыми подачками или временным послаблением тягот людского существования, а то и просто умело перенаправляли гнев недовольных в русло межнациональных конфликтов, обвиняя соседей во всех своих бедах. Но тут вмешался фактор присутствия военных частей, расположенных на территориях республик. В соответствии с Указом о принятии на себя части законодательной, исполнительной и судебной власти на местах в период чрезвычайного положения, командиры воинских частей стали решительно вмешиваться в сложившийся уклад жизни, исходя из принципов не только целесообразности, но и элементарной справедливости. Народ, потерявший было веру в своё будущее, мигом «просёк» для себя пользу в появлении новой властной структуры, никак независимой от прихотей традиционного руководства, а по-

тому тоненькая поначалу струйка ходоков за справедливостью, с каждым днем ширилась и набирала силу. Не стоит думать, что военные начали вмешиваться во все процессы внутреннего устройства и быта, но решение наиболее болезненных и ключевых вопросов они взяли на себя решительно и без проволочек. Действовать предпочитали осторожно и с оглядкой на местную специфику и менталитет населения. Да и приказа из Москвы о более решительных мерах воздействия пока не поступало, видимо, из-за опасений раздуть невзначай конфликт между Центром и окраинами. Никакие уговоры и взятки тут не могли помочь, ибо командиры частей в основном прошедшие закалку Чечней и грузинским конфликтом, слишком уж дорожили честью своего мундира, да и денежное содержание позволяло им с негодованием отвергать всяческие сделки с совестью. Были, конечно, единичные случаи, когда командиры всё же «прогибались» под местных, но это было крайне редко и тут же становилось известным широким слоям общественности. А вот спорить с командирами расквартированных воинских частей, за спиной у которых стояли, хорошо оснащенные гарнизоны не представлялось возможным. И это еще больше раздражало местных властителей. За три с половиной месяца, что хунта находилась у власти, популярность военных в национальных окраинах неуклонно росла, и это вызывало не только тревогу у местных «заправил», опасавшихся окончательно потерять бразды правления, но и угрожало перейти в неприкрытую

конфронтацию.

Именно в этот медленно закипающий котел экономических, социальных и политических противоречий и предстоял вояж Афанасьева. Инициатором этой поездки были не только окружавшие его соратники, озабоченные тревожными вестями с мест, но и сами региональные руководители, почему-то решившие, что если диктатор прибудет к ним в качестве почетного гостя, то им удастся уговорить его обуздать вконец распоясавшихся, по их мнению, военных. Встречали Афанасьева, как и ожидалось, по высшему разряду – с бубнами, плясками, обильными застольями и прочим местечковым колоритом. Заранее были подготовлены маршруты следования и места посещения. Между застольями главы республик бодро рапортовали о выполнении и перевыполнении взятых на себя обязательств по улучшению материального обеспечения граждан, по внедрению новых технологий и импортозамещению, по увеличению надоев и сбора урожая, по введению в строй сотен тысяч квадратных метров жилья, по освоению бюджетных средств и так далее и тому подобное. В общем, действовали по давно заведенному, а потому и привычному шаблону. Пока он выслушивал эти браурные доклады, его все время так и подмывало спросить: «Если у вас всё так хорошо, то за каким х...м вы беспрестанно выпрашиваете денег из Центра?» Покойного ныне президента, а равно, как и всех его предшественников, подобные речи, вызванных для доклада в Москву глав регионов, впол-

не бы устроили. Для него было достаточным внешнее проявление вассалитета. Краем уха выслушанное краснобайство успокаивало его и прочих кремлевских руководителей и те, покивав головой в ответ, не только предоставляли местным сатрапам очередную индульгенцию на отпущение грехов, но и выдавали ярлык на княжение. Однако в отличие от прежнего кремлевского руководства, довольствовавшегося только той информацией, что исходила из кабинетов республиканских чиновников, Афанасьев получал вполне достоверные сведения о положении дел на местах от представителей спецслужб и командиров расквартированных там гарнизонов. И эта информация была весьма огорчительной. Кавказские правители думали, что всё пойдет по заведенной традиции и им даже удастся уговорить диктатора на ослабление давления со стороны не в меру ретивых командиров военных гарнизонов. Но в этом плане они жестоко просчитались. Он исправно выслушивал ту белиберду, что лилась из лживых уст республиканских номенклатурных руководителей, отказываясь давать оценку их деятельности на основании полученной от них информации, обещая сделать это в конце своего вояжа на расширенном и закрытом заседании. Такая неопределенность порядком нервировала чиновничество, привыкшее к прежним методам общения с высоким московским начальством. Да и вообще, всё дальнейшее поведение диктатора никак не вписывалось в привычные рамки. Он постоянно отклонялся от предписанных маршрутов

следования своего кортежа. Вместо центральных улиц городов республиканского значения, специально украшенных и прибранных к его приезду, старался двигаться по улицам, лицезрение которых не добавляло настроения. Поджав и без того тонкие губы не без интереса осматривал разбитые дороги, обшарпанные фасады домов, требующих капремонта, мусор и грязь на обочинах. Не ленился выходить посреди улицы из бронированного авто и зайти в какой-нибудь из местных магазинов, чтобы поинтересоваться ценами, ассортиментом товаров и услуг. Из таких магазинов он, как правило, выходил в не самом лучшем настроении. Очень сильно раздражало огромное количество вывесок и рекламных баннеров на турецком языке, будто-то бы он и не в Российской Федерации, а где-нибудь в Измире. Но что больше всего волновало начальника его личной охраны, так это то, что он совершенно не боялся быть окруженным толпой гомонящих людей. Видя, что рядом с ним нет никого из местных руководителей, они принимались жаловаться на невыносимые условия существования, бесконечные поборы, отсутствие работы и честной оплаты труда, скудость номенклатуры отечественных товаров, нехватку элементарного жилья и многое еще чего. Надо ли говорить, что полученные им сведения в результате такого общения напрочь опровергали всё то, что ему докладывали местные чиновники? Бедный Михайлов, следовавший всюду за своим боссом, не успевал записывать в блокнот все жалобы со стороны жителей. Афа-

насьев не страдал излишним популизмом, потому и не давал людям напрасных клятв исправить ситуацию сиюминутно, но зато обещал разобраться с причинами народного недовольства. При этом, в разговорах с людьми его всегда интересовал один и тот же вопрос: как они относятся к деятельности руководства воинских частей. Получив положительную оценку их работе со стороны простого населения, он опять же не высказывал публично своего мнения на данный счет, лишь сосредоточенно кивая и что-то себе в уме прикидывая.

Поездка по трем наиболее проблемным регионам продлилась чуть больше недели. За это время он не успел полюбоваться ни местными красотами, чем-то напоминающими Швейцарию, ни прочими достопримечательностями с привкусом местного колорита. Но зато он успел встретиться с теми, с кем хотел и по итогам встреч достаточно трезво оценить истинное состояние дел на местах. Заключительным этапом его поездки стала столица Дагестана – Махачкала, куда на заключительное совещание съехались и остальные руководители проблемных регионов. Все понимали, что разговор будет трудным, а выводы по его итогам станут нелицеприятными. На закрытом не только для телевидения, но и для посторонних глаз совещании состоялся тяжелый для обеих сторон разговор. Зная насколько горяча кровь местных жителей, способных порой на необдуманные поступки, Афанасьев заранее озаботился этим, а потому еще с вечера без какого бы то ни было шума во все районные центры трёх

республик стали входить усиленные подразделения прославленной 58-й армии, беря под контроль все мало-мальски значимые инфраструктурные объекты. И это были не какие-нибудь кадрированные части мирного времени, а полноценные боевые соединения, экипированные и снабженные всей необходимой для боев техникой – с боекомплектom и приказом открывать огонь на поражение при малейшем подозрении на вооруженное выступление или неповиновение. Для их усиления и придания оперативной гибкости, их сопровождали подразделения чеченского спецназа «Ахмат». Вкупе с уже имеющимися на местах воинскими частями, собравшаяся сила имела внушительный вид. Здание, где проходило заключительное совещание, центр города, дорога, ведущая к местному аэропорту, и сам аэропорт находились под особой охраной, усиленной танками и бронетранспортерами. Видя, с какой серьезностью приготовился диктатор к этой встрече, региональные руководители уже заранее повесили свои носы, предчувствуя, что ничем хорошим для них этот разговор не кончится. Поэтому ради сохранности своих шкур, не сговариваясь между собой, они были заранее согласны на всё, лишь бы унести свои ноги подальше отсюда.

Как и ожидалось, Афанасьев, уже достаточно «накрученный» имеющейся в его распоряжении информацией, не стал изображать из себя дипломата, а четко и ясно довел позицию Москвы до ушей местной знати. Стесняться и выбирать выражения не стал. Но зато припомнил всё, что накопилось со

Сталинских времен и хрущевской «оттепели», когда бразды правления «железного» Иосифа значительно ослабли, благодаря расхлябанности и беспечности «кукурузника». Припомнил он им местечковый феодализм, кумовство и клановость, мешающие проявлению народной инициативы. Прошелся по косности и узости мышления, препятствующие росту промышленного производства и внедрению передовых навыков и технологий в различных сферах народного хозяйства. Отметил присутствие пережитков прошлого, накладывающих свою несмыслимую печать на повседневную жизнь простых граждан. В пух и прах разнес подвижки в сторону Турции, которая исподволь почти полностью оккупировала своими товарами внутренний рынок автономий и задурманила головы своей пантюкистской культурой:

– Худо вам жилось под крылом России?! – лязгая зубами, рокотал он с побелевшим от плохо скрываемого бешенства лицом. – В сторону Турции носопырки свои повернули?! Вы, что, думаете, турки посадят вас за один стол с собой?! Даже не надейтесь! И не важно, что вы тоже правоверные, как и они. Вон, полюбуйтесь на Аджарию. Там тоже думали, что свои пришли. А когда османы подгрести под себя всё, что только можно было, так сами аджарцы теперь даже дышать на земле своих предков без турецкого соизволения не могут. Это сейчас они пока с вами считаются, но после того, как освоят всё ваше внутреннее пространство, так у них и отпадет всё желание подкармливать местную элиту. Вам бы,

недоумкам, вспомнить, как они обошлись с теми же самыми черкесами, лазами, курдами, я уж не говорю про армян.

Местные «князьки», втянув головы по самые плечи, кивали, нехотя соглашаясь, и шмыгали носами, словно напроказившие дошколята, втайне радуясь, что этим всё и закончится для них. Но опять ошиблись. Самое интересное для них было еще впереди. Афанасьев только еще входил в обличительный раж.

– То, что вы разворовываете средства, выделенные из федерального бюджета на дотационное поддержание, не для кого давно не секрет. Из перечисленных средств до назначения доходит едва треть, по имеющейся у меня информации, полученной из независимых аудиторских источников, – продолжил он обличительную речь, немного успокоившись и придя в себя. – В конце концов, это можно было бы списать на ваше традиционное поведение, по которому вы всё еще путаете добрую волю Центра со взиманием дани с проклятых гяуров, как за глаза называете нас до сих пор. Но, где, скажите, тогда пребывает ваша горская честь, которая обязывает платить за поставленный товар? Где, я вас спрашиваю? – требовательно обвел он свирепым взглядом глав республик.

Региональные лидеры стали переглядываться, пребывая в растерянности и недоумении от поставленного в лоб вопроса, суть которого до них пока не доходила. Видя их открытое непонимание, он пояснил:

– Я имею в виду, почему ваши региональные управляющие компании не платят за поставленные объемы газа и электричества. Вы должны в федеральный бюджет сотни миллиардов рублей! Где они?

– Скучные доходы населения не позволяют в полной мере оплачивать поставки энергоносителей, – набрался смелости, чтобы дать пояснения хозяин саммита. – Общие кризисные явления в экономике, инфляция, ограничения торговых операций, связанных с санкционным режимом, больно бьют по республиканским бюджетам, наполняемость которых напрямую зависит от платежеспособности населения, – выдал он длинную фразу.

–Э-э-э, бросьте ерундой заниматься! – отмахнулся диктатор от неумелых оправданий. – Оплата даёт сбой не на первичном уровне. Все абоненты, включая юридических лиц, в полном объеме и вовремя производят все начисленные по тарифам выплаты. Ваши неумелые оправдания не выдерживают никакой критики. Или вы не знаете, что все банковские операции автоматически отслеживаются и информация от них передается в Минфин?

Главы республик, осознав, что их не поволокут сей же час на расстрел, как они того опасались поначалу, осмелели и затеяли было перепалку с Афанасьевым, яростно доказывая, что все сведения, которыми тот располагает есть не что иное, как ложь и подтасовка фактов, но тот и ухом не повел в их сторону. Тогда они решили, не сговариваясь, а мо-

жет, наоборот, уже давно сговорившись, вынуть последнего туза из рукава. Они стали банально угрожать не просто саботажем, а закрепленным в Конституции правом на объявление независимости. Зря они, конечно, так сделали. Применительно к Афанасьеву такие угрозы являются лишь еще большим раздражителем, но видимо, подсказать им на совершенную ошибку, было некому, и они ступили на гибельный путь. Диктатор, как только услышал угрозы о разрыве союзного договора, подписанного еще при Ельцине, так сразу и грохнул кулаком по столу:

– Ах, так! Ну, тогда получите и распишитесь! Никто вам не даст порушить построенное, не вашим потом, и не вашей кровью! Если понадобится её пролить ещё раз, то можете не сомневаться – пролью. И ничто меня не остановит. А сейчас на календаре не девяностые, когда Россия была слабой и бестолковой. И вам ничего не обломится. Это за Дудаевым народ шёл, потому что верил ему, а за вами народ не пойдет, ибо не слепой и видит, кем вы являетесь на самом деле. Так что, у вас положение, как говорится, хуже губернаторского. Народного доверия у вас нет, а доверие Москвы тоже потеряно. Отныне будет всё по-иному. Финансирование из федерального бюджета будет только целевым и под конкретные и обоснованные проекты, одобренные Москвой. А чтобы не возникало лишних соблазнов погреть на этом ручонки, финансирование будет осуществляться путем цифровизации ассигнований. Дело это новое, в том числе и для нас,

вот мы его и испытаем на практике. Все социальные выплаты отныне будут осуществляться напрямую из федерального бюджета, минуя местные социальные службы, в обязанности которых будет теперь только регистрация и учёт нуждающихся граждан, да и то под контролем из Центра, осуществляемым в порядке мониторинга. Теперь следующее, – продолжил он, игнорируя, хоть и приглушенный, но недовольный ропот с мест. – Вследствие того, что региональные операторы находятся в состоянии фактического банкротства перед поставщиками газа и электричества из-за многомиллиардных задолженностей все их дебиторские права автоматически переходят к поставщикам, так же, как и их имущество, включая распределительные сети. Все платежи, подключенных к сети абонентов, включая юридических лиц, будут осуществляться напрямую. В обязанности местных филиалов будет входить только контроль над состоянием сетевого оборудования и самих сетей, а также их ремонт. Сами же филиалы, утратив самостоятельность, станут структурными подразделениями поставляющих организаций.

На попытку кого-то из присутствующих заявить решительный протест за вмешательство во внутренние дела субъектов федерации, Афанасьев только рыкнул:

– Я вашим бредням внимал молча на протяжении почти недели, а теперь имейте терпение помолчать и выслушать меня до конца! Так, на чем я остановился?! Ага, вот. Теперь, что касается иностранного присутствия. Все некоммерче-

ские общественные организации с прямым или косвенным участием в них физических или юридических иностранных лиц, должны прекратить свою деятельность на территории республик в течение десяти календарных дней, как это и положено в соответствии с Законом «О чрезвычайном положении». А их представители на местах, должны быть депортированы в тот же срок. Обязанность по приостановке их деятельности возлагается на местные комиссариаты, при расквартированных воинских частях. И не ропщите мне тут, – строго оглядел он присутствующих поверх очков. – У нас и своих проповедников ислама хорошо готовят в Казани и Грозном. Нечего прикармливать заезжих ваххабитов. Что же касается иностранного присутствия в коммерческих проектах, так я вам задам вопрос: вы, господа хорошие, почему не читаете законы, принятые в Российской Федерации? Или эти законы писаны не для вас? О чем это я? – спросил он, заметив недоуменные выражения лиц у глав национальных образований. – Это я о том, что Закон «О чрезвычайном положении» действует на всей, подчеркиваю ещё раз, на всей территории России. Чрезвычайное положение в стране введено три с половиной месяца назад, и, кстати, до сих пор не отменено. А в соответствии с положениями этого Закона, все коммерческие и некоммерческие организации с полным или частичным участием иностранных физических или юридических лиц, в течение десяти календарных дней после введения чрезвычайного положения обязаны подать заявле-

ния о перерегистрации. Вот только не делайте удивленные лица, будто бы вы этого не знали. На этом основании, я имею полное право прекратить их деятельность, как незаконную, а всё их имущество конфисковать в пользу государства. А то, слишком уж вольготно они стали себя чувствовать, что позволяют наплеватьски относиться к законам места своего пребывания. Но я сегодня добрый, поэтому пользуйтесь моим хорошим настроением. Для начала применим меры административного характера, хе-хе, – позволил себе изобразить смешок диктатор. – Юридические лица, виновные в нарушении будут подвергнуты административному штрафу в размере пятисот минимальных оплат труда, принятых в регионе, а их руководители в размере ста минимальных оплат труда. Причем, хочу заметить вам, это никак не освобождает от исполнения Закона, и перерегистрацию все равно пройти придется. И, да, вот ещё что, – пожевал Афанасьев губами. – Мы, слава Богу, живем в России, а не на туретчине, а посему, все вывески и рекламные плакаты должны сопровождаться надписями на русском языке и при необходимости дублированы на языке, принятом в национальном образовании. Надзор за соблюдением российского законодательства возлагаю на комиссариаты при воинских частях, расквартированных на указанных территориях, ибо веры местным военкомам у меня нет, также как и вам.

«Князьки» вновь загомонили, как стадо гусей, пытаюсь выказать своё явное неудовольствие всем происходящим, но

Афанасьеву было далеко до «лампочки» от всех стенаний и возмущений:

– По большому счету, господа, мне бы следовало вас расстрелять на площади, как саботажников и казнокрадов, но я не стану этого делать по той простой причине, что не хочу проливать лишней крови, хоть и не боюсь этого. Однако и вы, за все свои проделки, должны будете поплатиться. Сейчас вам будут розданы бумаги, которые вы подпишите.

Тут он кивнул начальнику своей охраны, тот, в свою очередь, ещё кому-то, и в помещение вошли три человека с тремя одинаковыми папками кожаного тиснения. Они, молча, положили на стол, перед республиканским руководством раскрытые папки для подписи, а сами тихонько выстроились у них за спинами.

– Это ваши распоряжения о временной передаче своих полномочий начальникам военных гарнизонов, расположенных на территориях республик. Вы же, господа, поедете со мной, в Москву, в качестве, так сказать, аманатов³⁵. Вам, как большим почитателям тюркских наречий, надеюсь, не надо объяснять, что означает это слово? – хищно улыбнулся он, и за этой его улыбкой явно просвечивала расстрельная стенка.

Руководители республик, сидели, застыв, словно каменные изваяния острова Пасхи, боясь пошевелиться и лишней раз глубоко вздохнуть. Они никак не предполагали, что всё может так печально закончиться. Ну, ладно, высочайший

разнос. Ладно, объявления выговора с предупреждением о неполном соответствии с занимаемой должностью. Но, чтобы вот так, по наглomu, да еще и со взятием в заложники – немыслимое и недопустимое средневековье. Да, что он себе такое позволяет?! Сам-то, по какому праву уселся в президентское кресло? Кто и когда его выбирал? А с другой стороны... За кем сила, за тем и право сильного. Так всегда было и так всегда будет. А за этим диктатором с комичной внешностью сейчас явно пребывала сила несопоставимая с его предшественником. Вон как вдоль стен выстроились его псы, в любой момент готовые ринуться на расправу по первому же приказу. Этот курносый старикан, за какие-то три месяца, сумел перетянуть на свою сторону симпатии простолюдинов, которая может помешать выступить против северных гяуров. Ну, да, ладно, и не такое переживали на своем веку. Авось где-нибудь и он споткнется, и уж тогда посмотрим, у кого на руках окажется больше козырей. Все эти мысли, медленно, словно жернова, ворочающиеся в головах северокавказских лидеров, очень хорошо читались на их бледных от бешенства лицах. А для Афанасьева, уже поднаторевшего на диктаторском поприще, они и вовсе представляли собой открытую книгу. Хочешь – читай, а не хочешь, просто захлопни.

– Не тяните, господа, – подстегнул Валерий Васильевич нерасторопных «князьков». – Документы о передаче полномочий, так или иначе, но будут подписаны, а все проволочки

лягут бременем на вас и очень сильно скажутся на условиях вашего содержания, – послышалась мягкая и не завуалированная угроза из его уст.

– А какие будут условия? – нашел в себе силы робко поинтересоваться Озбек Куков – глава Кабардино-Балкарии.

– Самые что ни на есть райские, – не замедлил с ответом Афанасьев и дополнил. – Вилла с обслугой и охраной за государственный счет в Подмосковье, денежное содержание, согласно прежней занимаемой должности, охота и рыбалка, посещение столицы и прочие приятные мелочи. Для всех, кто не в курсе сегодняшнего нашего совещания, вы временно направляетесь на курсы по повышению квалификации. Чуть позже, ваши ближайшие родственники смогут присоединиться к вам, чтобы скрасить своим присутствием ваше вынужденное затворничество, – краем рта улыбнулся Валерий Васильевич. – Разумеется, что некоторые ограничения на общение с внешним миром будут присутствовать, но думаю, это вас не сильно стеснит. Во всяком случае, Почта России будет всегда к вашим услугам.

– И как долго продлится наше заточение? – поинтересовался, насупившийся глава Карачаево-Черкесии – Мурад Тамбиев.

– До окончания режима чрезвычайного положения и до исправления экономического положения в ваших республиках, – зло оскалился диктатор, реагируя на слово «заточение».

– Стало быть, пожизненно, – обреченно понурил голову дагестанец Мелик Пашаев.

– Ну-ну, не стоит быть таким отчаянным пессимистом, – подбодрил его Афанасьев. – Вы, не в обиду будет вам сказано, плохо знаете свой собственный народ. Ему дай свободно вздохнуть, и он сдвинет Кавказские горы с мест. Ладно, – взглянул он на часы, – подписывайте быстрее, да поедем. Будь, что будет, а я не перестану надеяться на благополучный исход дела. Придет время, и вы ещё поблагодарите меня за то, что я спас ваши шкурки от народного гнева, вот-вот готового прорваться наружу.

Первым пододвинул к себе папку для подписи глава Дагестана, за ним, нехотя, потянулись и остальные.

Глава 69

19.10.2020г., пос. Ново-Огарево, Резиденция Главы Высшего Военного Совета.

На этот раз Афанасьев возвращался из командировки в совершенно разбитом состоянии. Эта поездка далась ему гораздо тяжелее, чем предыдущая. И тут дело было вовсе не в возрасте с его сопутствующими болячками и требованиями к особым комфортным условиям содержания тулова и конечностей. Разбит он был, прежде всего, морально. Собираясь в многодневный тур по проблемным регионам Северного Кавказа, он никак не предполагал, что увиденное им

будет настолько контрастировать с его прежними представлениями о неустройстве. По своей прямолинейной наивности он считал, что увиденное там не будет слишком разительно отличаться от общей обстановки по стране. Да, он допускал присутствие элементов коррупции (какой же Кавказ без коррупции?), воровства и банальной безалаберности, вызванной ненадлежащим надзором со стороны Центра, сквозь пальцы наблюдавшим за происходящим на местах. Но, в общем и целом полагал, что всё будет на более или менее приемлемом уровне – будут воровать, но и дела будут делаться тоже. Действительность же настолько потрясла его, что опять чуть было не дошло до нервного срыва и припадка. Местная правящая элита с удовольствием осваивала дотационный бюджет, но при этом палец о палец не ударила, чтобы позаботиться хотя бы об элементарных условиях существования людей. Окончательно потеряв всякий страх и совесть, правящие кланы (тейпы) с безжалостностью разбойников беззащитно грабили народ, имевший несчастье проживать под их руководством. Разбитые дороги, ветхое жильё, больницы и школы, в которых не было простейших лекарств и учебных пособий, многочасовые веерные отключения электричества из-за постоянных сбоев оборудования, срок эксплуатации которого истек тридцать лет назад. Грязная вода, подаваемая в жилые массивы, из-за того, что очистные сооружения не модернизировались со времен царя Гороха, была повседневным атрибутом быта подавляющего числа населе-

ния. Он еще даже позволил себе удивиться, как при такой антисанитарии здесь еще не вспыхнула какая-нибудь из эпидемий. Единственное, что строилось в этих регионах, так это турецкие супермаркеты и мечети, вид которых сводил с ума взаимным диссонансом. Но более всего, его поразили люди. В большинстве своем плохо одетые, апатично настроенные к политической и общественной жизни в стране, постоянно и пугливо оглядывающиеся по сторонам, они никак не вязались с тем образом кавказских «мачо», разъезжающих на дорогих авто по Москве. Но даже на фоне этих забитых и испуганных людей особенно выделялись женщины. Со времен падения СССР прошло всего-то каких-нибудь двадцать девять, а улицы кавказских городов заполнили укутанные до самых глаз в бесформенные черные балахоны женщины, строго придерживающиеся канонов ортодоксального ислама. Ну, ладно, если бы это было где-то в Средней Азии, а то, тут – в полутора тысячах километров от Москвы. Он с нескрываемой горечью и иронией несколько раз ловил себя на мысли, что является персонажем второй серии фильма «Белое солнце пустыни», выступая в роли Федора Сухова. Он сначала никак не мог понять, из-за чего произошел такой откат в дремучее средневековье, пока не вывел на откровенность окруживших его возле одного из магазинов людей. Те, опасливо озираясь (не на камеру) поведали ему, что виной всему «исламские патрули», которые с некоторых пор стали бродить по улицам и нещадно избивать тех, кто, по их

мнению, пренебрегает нормами шариата. Как следует, расспросив людей, Афанасьев уяснил для себя, что подобные крайние проявления воинственного ислама, буквально совпали с наплывом «проповедников» из сопредельных и дальних стран, таким образом, прививавших любовь к исламу и вербовавших в сети ваххабизма все новых и новых адептов. В конце концов, участие в подобных «мероприятиях» приобрело широкую популярность по причине хорошей оплаты за каждую акцию устрашения и приведения к повиновению. При хронической безработице свыше 30% от активного населения, людям поневоле приходилось проникаться идеями и принимать чуждые веяния одной из сект воинственного ислама. Афанасьев даже несколько раз похвалил сам себя за то, что не взял в эту поездку Сергея Ивановича Рудова, отличавшегося пылким характером. Он-то уж непременно и сразу бы затеял перестрелку с местными. Чуть ли не единственным положительным моментом во всей этой печальной истории было увеличение авторитета военных комиссариатов, ставших альтернативными, или вернее сказать, параллельными структурами власти, потихоньку прибиравшие к рукам все больше и больше полномочий, осторожно выдергивая их из-под сиделища проворовавшейся элиты. С высоты занимаемого поста, Валерий Васильевич ясно давал себе отчет в том, что взятие в заложники первых лиц автономий является всего лишь полумерой. Такие застарелые раны мало того, что плохо оперируются, но ещё к тому же – плохо затягива-

ются. Для этого требовались, как кропотливый труд, так и время с терпением. Первые робкие шаги по этой скользкой дороге он уже сделал. Теперь, главным делом было продолжать движение вперед, несмотря на сопротивление. От осознания масштабов разрухи подкашивались колени. Если, во вполне себе благополучный Крым, после нерадивого хозяйствования на нем Украины, приходилось вливать сотни миллиардов рублей, то в какую же сумму могло вылиться вытаскивание из болота Северного Кавказа? А он-то наивный еще собирался бросить вызов Соединенным Штатам, после лицемерия по телевизору пришедшего в упадок Детройта. Да, Детройт по сравнению с тем, с чем ему пришлось воочию столкнуться – сладкая конфетка в яркой обертке. Нет, о соперничестве со Штатами пока приходилось только мечтать. «Нам до Америки, как до Луны пешком» – признавался он сам себе в минуты тяжких раздумий. Вот с такими мыслями он и вернулся домой, надорванный не столько физически, сколько морально.

Приехал домой, когда осенние фиолетовые сумерки уже полностью окрасили вечер в мрачные и промозглые тона. Домочадцы, как и водится, ждали главу семейства в полном составе (за исключением внука, разумеется). Первой, у самого порога, Афанасьева встретила Вероника, с сияющими и загадочными глазами. Она обвила его шею своими красивыми руками и уткнулась головой в подбородок, дыша жарко и маняще. Не в её привычках было стрекотать при встре-

чах, как сорока, поэтому она произнесла лишь короткое:

– Вернулся...

Они постояли так, где-то с полминуты, не размыкая объятий, и вдыхая, запахи друг друга. Затем наступила очередь Насти. Та, напротив, чуть не повисла на нем, целуя и тиская, как маленькая девочка. Кто другой на месте Валерия Васильевича, не ожидал бы проявления таких чувств от чопорной на вид школьной учительницы, но он слишком хорошо знал свою любимицу, чтобы подозревать её в фальшивости объятий. Она была из породы тех, кто, дожив, почти до сорока лет, так и не утратил детского восприятия мира, глядя на всех окружающих широко распахнутыми глазами.

– Э-э, коза-дереза, ты там поосторожней! – воскликнул он, крепко обнимая дочурку. – Так прыгать в твоём положении!

– Ничего страшного, папочка! Пока еще можно! – отвечала она, расцеловывая его в обе щеки.

Последним встречающим был зять.

– С благополучным возвращением! – радостно прогудел он, улыбаясь во всю ширину лица, и с чувством протянул для крепкого пожатия сразу обе руки. По его виду тоже было понятно, что возвращению тестя он был искренне рад. Чем-то они с Настей в этой неложной радости были созвучны.

– Спасибо, Петя! Спасибо, дорогой! – отвечивал он в свою очередь, любуясь могучей фигурой зятя. – Как вы тут без меня?! Небось скучновато было без сварливого стари-

ка?! – со смехом обратился он ко всем встречавшим.

– Да, какой же ты старик?! – всплеснула руками Вероника. – Старики – на печке лежат, да на лавочке сидят, а ты у нас орлом по всей стране летаешь!

Дружным и веселым смехом откликнулись все на её слова. За радостью встречи, они как-то не сразу заметили топтавшегося недалеко капитан-лейтенанта, сменившего во Внуково Завьялова, неотлучно находившегося рядом с Афанасьевым на протяжении всей его поездки. И это было неудивительно. Коржик и Завьялов то ли в силу своего возраста, то ли устоявшегося авторитета, были почти что членами семьи, от которых по большому счету, ничего не скрывали, а этот совсем ещё молодой офицер, как-то не вписался сразу в круг абсолютно доверенных, все время скромно и незаметно держась в сторонке, никогда не вступая в разговоры, не относящиеся непосредственно к его прямым обязанностям. Сейчас он тихо стоял позади в ожидании того момента, когда начальство соизволит заметить его и отправить в специально отведенное служебное помещение. Афанасьев, кажется, даже имени его не знал, обращаясь к нему по званию, несмотря на то, что тот сопровождал его уже полгода. В общем, нехорошо как-то получалось, некрасиво. Ситуацию решил исправить общительный и лишенный всякого аристократического снобизма Вальронд. Заприметив скромно стоявшего в сторонке капитан-лейтенанта, Петр шагнул ему навстречу, и крепко пожимая тому руку воскликнул, на правах старше-

го товарища и коллеги:

– Здорово, Женя! Ты что там притулился, как не родной?! Давай-давай, проходи вперёд и не тушуйся, – начал он его подпихивать сзади по-свойски. Сам еще недавно находясь в аналогичном положении, он прекрасно понимал застенчивость и нерешительность молодого офицера с цепочкой на запястье. – Полгода уже с нами якшаешься, а все одно, как будто не свой, а прикомандированный на время. Вливайся, давай.

Евгений, а именно так звали застенчивого капитана, робко улыбающийся и подталкиваемый сзади могучей рукой сослуживца несмело прошел вперед, козыряя на ходу и пожимая протянутые к нему женские руки. Никто из присутствующих, кроме Петра, кажется, не заметил, как вдруг заалели уши самого Афанасьева, испытавшего укол совести за свою черствость и невнимательность к людям.

– Да, действительно, – выдавил из себя, натужно улыбаясь, Валерий Васильевич, – нехорошо как-то получается, полгода работаем вместе, бок о бок, а вы, словно деревенская кузница – за околицей, – произнес он даже тут ни в какую не желавший признавать свою вину.

– Ой, да что вы?! – ещё сильнее засмутился капитан, от такого пристального внимания к своей скромной персоне со стороны всеильного диктатора. – Я сам виноват, что стал невольным отшельником. Просто в Центре переподготовки, нам строго-настрого запретили проявлять, какую бы то ни

было инициативу в беседах с высшим руководством.

– Верно, говоришь, – прогудел у него из-за спины Вальронд, – пустопорожние беседы у любого начальства не в чести, а вот дельное слово вставить, никогда не запрещалось.

– Женечка, простите, а как вас по батюшке величать? – зашебетала Настя.

– Федорович, – заливаясь краской, пролепетал Евгений.

– Евгений Федорович Сафронов, – наставительно отрекомендовал его Вальронд. – Прошу, любить и жаловать в нашей маленькой компании.

– Замечательно! – захлопала в ладоши Настя.

– Ну, коли так, – вмешалась в разговор Вероника, – то, ступайте-ка вы, Федорович с Васильевичем руки мыть, да пора уже за стол садиться.

– Слушаемся и повинуемся, – ответил Афанасьев за двоих, шутливо поднимая руки вверх и подмигивая опять раскрасневшемуся Жене.

Через десять минут они уже все впятером сидели за общим столом, уставленным деликатесами, приготовленными заботливой рукой Вероники при деятельном участии Насти, которая изо всех сил старалась подражать своей новой подруге. И причем, с каждым разом это у нее получалось всё лучше и лучше. Афанасьев, всегда любивший застольные речи и никогда не отказывавшийся от произнесения оных, на этот раз решил не украшать семейное застолье цветастыми фразами:

– Вы уж простите меня, старика, но в этот раз я без подарков приехал, – скорчил он виноватое лицо. – Не командировка, а нервотрепка сплошная. Уж не обессудьте, – пояснил он.

– Ничего-ничего, папуля, зато мы к тебе не без сюрприза, – подмигнула она заговорщически Веронике, явно на что-то намекая.

– Это, что ещё за тайны мадридского двора? – повел носом Валерий Васильевич, которому претили всяческие интриги, от кого-бы они не исходили. Он обвел глазами присутствующих. Казалось, что все они (за исключением Сафронова) хранили какую-то тайну, которая распирала их изнутри, и она вот-вот готова выплеснуться наружу. Афанасьев всегда слыл отменным аналитиком, хоть и не всегда шустрим. Именно умение проводить глубокие и всесторонние анализы обстановки сделали из него в свое время Начальника Генштаба. Выйдя в отставку, он не растерял своих прежних способностей. Шестым чувством он где-то в глубине души предполагал, с чем она могла быть связана, но сам себе боялся сказать об этом, не говоря уже о том, чтобы произнести свою гипотезу вслух.

– Не волнуйся, дорогой, – блеснула глазами Вероника, – никто от тебя ничего скрывать не намерен. Всё узнаешь в своё время. А пока вот, кушай. Мы с Настей уху сварили к твоему приезду из тех осетров, что ты давеча привез из-под Астрахани. Ешь, пока не остыло.

После такого «обезоруживающего» ответа ничего не оставалось, как только приступить к трапезе. Уха и впрямь была хороша. Несмотря на то, что уху, вообще-то, положено варить из свежепойманной рыбы, эта ни в чем ей не уступала по всем вкусовым качествам. Наваристая, с плавающим по поверхности жирком янтарного цвета, духмяная, как, засидевшаяся в девках, молодая купеческая дочка, она манила к себе и вызывала страстный аппетит даже у самого Афанасьева, привыкшего к кухонным изыскам. Не чинясь, и не корча из себя аристократа в тридесятom поколении, Афанасьев одной рукой взял кусок ржаного хлеба, а другой ухватился за деревянную ложку (уху едят обязательно из деревянных ложек) размером чуть меньше половника. Все, включая супер застенчивого капитана Сафронова, тут же последовали его примеру. Первые минуты трапезы оглашались мужскими возгласами, наполненными восторгами относительно кушанья. Женщины, в свою очередь, млея от комплиментов, тоже не забывали проворно работать ложками. Когда первый «волчий» аппетит был удовлетворён, за столом, как и водится в семье, начались разговоры, в которых принял участие и Женя. Петр, в основном помалкивал, отдав всю инициативу в расспросах женщинам. Их же интересовало буквально всё. Начали, как обычно, с погоды, затем плавно перешли к ценам на местных рынках (как будто у него было время шататься по базарам), а закончили, как и ожидалось – к местным обычаям в женской одежде. Очень уж их интересовало то,

как одеваются пылкие представительницы кавказских гор. Валерий Васильевич, которого не оставляли в покое мысли о предстоящем сюрпризе, беспокойно ерзал на стуле в чайнии поскорей завершить застолье, поэтому поначалу отделялся короткими и малоинформативными фразами. Но постепенно, поддаваясь неиссякаемому напору со стороны женской половины, его ответы стали более развернутыми и содержательными. Ко всеобщему удовлетворению, в ответах ему оказал существенную помощь никто иной, как Евгений, бабушка которого по материнской линии была чистокровной осетинкой, поэтому местный колорит ему был хорошо известен. Быстро «уничтожив» первые и вторые блюда, всё семейство, потихоньку отдуваясь под столом своими набитыми животиками, перешло к десерту. Соответственно этому и речи потекли плавные и неспешные, как сгущенное молоко, стекающее с ложки в стакан. Ужин в семейном кругу, таким образом, постепенно превратился в посиделки с обязательными для этого атрибутами – пышущего паром самовара и связки еще теплых бубликов. За неспешными разговорами в которых по общему молчаливому договору не было ни капли от политики, засиделись едва не до девяти вечера. Афанасьев, хоть и помнил о готовящемся для него сюрпризе, теперь уже сам не форсировал события, мудро считая, что если это то, о чем он думал подспудно с того вечернего разговора, когда Вероника намекнула ему на внутренние перемены в своем организме, то она сама ему всё расскажет, стоит

им только уединиться. А его нарочитое спокойствие, это-то уж он точно знал, еще больше раззадорит Веронику проболтаться о своем секрете, как можно скорее.

Однако любому, даже самому задушевному застолю, рано или поздно, но приходит конец. Когда всё съестное было подчищено, а ведерный самовар порядком-таки опорожнился, все члены компании поняли, что необходимо закругляться. Мужчины – образчики бытового эгоизма дружно встали из-за стола и поблагодарив женщин за прекрасный ужин и приятное времяпрепровождение, бочком-бочком удалились восвояси, оставив слабый пол наедине с посудой, которую надо было мыть. Конечно, убрать и помыть посуду могла и прислуга утром, но Вероника, у которой был пунктик в голове по поводу самостоятельности, не позволяла обслуживающему персоналу убирать за собой грязную посуду, если трапеза проходила в семейном кругу, то есть без приглашенных посторонних лиц. Настя, которая старалась во всем подражать своей новой подруге, волей-неволей присоединялась к ней, чему её супруг, кажется, был очень рад. Пока женщины возились с посудой, мужчины разбрелись по дому. Сафонов, как и положено, занял свой пост в специально отведенной комнате – недалеко от спальни четы Афанасьевых. Петр, на ночь глядя решил приладить к стене их с Настей спальни кронштейны, чтобы повесить на них новый плазменный телевизор, который купил утром. И только сам Афанасьев, поддавшись чувству сибаритства, позволил себе ничего не

делать. Он просто переоделся в домашнее и стал с нетерпением ожидать развязки интригующего сюжета. А пока суть, да дело, он решил «убить» время за просмотром телеканалов. Особенно ему по душе стало смотреть Первый Федеральный. С приходом туда бывшего моряка и сторонника воинствующего православия – Душенина, сетка вещания заметка преобразилась в лучшую сторону. Канули в прошлое бесконечные телешоу с высосанными из пальца сюжетами, а трансляция передач политической направленности была сдвинута на более позднее время. Самое же «смотрибельное» время было отдано под передачи новостного, познавательного и развлекательного характера с упором на пропаганду семейных ценностей. Не забыл новый руководитель Первого и о детях. Трансляция передач для детей занимала в сетке вещания достойное место. Удивительно, но даже пресловутый «Сельский час» теперь можно было смотреть всей семьей, не рискуя уснуть к середине передачи. Но, честно говоря, ему сейчас было отнюдь не до просмотра и оценки телепередач. Его сейчас занимал вопрос куда более важный и актуальный в плане личных отношений с любимой женщиной. Ни о чем другом он думать не мог, но пребывая в состоянии возбуждения, не знал, куда девать руки, которые надо было хоть чем-то занять.

Так он и пощелкивал пультом, пока на пороге не появилась Вероника. Глаза её сияли таинственным светом, а это означало, что интрига с обещанным сюрпризом достигла

своей кульминации. Она присела рядом с ним на диванчике, чинно сложив руки своих красивых коленях. Глаза её по-прежнему излучали таинственный глубинный свет, а на губах гуляла не менее загадочная улыбка. Они где-то с полминуты рассматривали друг друга, как будто только что в первый раз увиделись, а теперь пристально изучали перед тем, как вступить в полноценный контакт. Валерий Васильевич был первым, кто не смог выдержать эту паузу.

– Судя по выражению твоего лица, меня ожидает вечер неожиданных открытий? – спросил он, осторожно кладя ей руку на колено.

– Почему неожиданных? – промурлыкала она сытой кошкой, накрывая его руку своей.

– Чёрт возьми?! – воскликнул он, не повышая при этом голоса. – Я за всю свою жизнь ещё ни разу не встречал подобного мастера семейных интриг.

– А у тебя, что, был такой богатый опыт?! – моментально округлила она свои глаза. – Насколько я в курсе, то ты был женат всего одиножды. Или я что-то не знаю?! А ну, выкладывай! – прошипела она и её руки тут же машинально потянулись к его горлу. Он не стал перехватывать их, и вообще не стал оказывать какого либо активного сопротивления её инстинктивным порывам ревнивой супруги, ибо видел озорных бесенят в расширившихся зрачках любимой женщины. Напротив, подыгрывая ей в затеянной ролевой игре, где ему отводилась роль жертвы, он дал Веронике беспрепятственно

сомкнуть пальцы на своей шее, а затем, притворяясь задуманным прохрипеть:

– Тетенька, сдаюсь! Посмотрите паспорт, там всё указано.

– Смотрела уже, – пальцы, молодой женщины, сомкнутые на шее диктатора, нехотя разжались.

– Что-то, ты, душечка агрессивная сегодня, – с ноткой удивления произнес он, потирая шею. – Смена настроений, немотивированная агрессивность, это может указывать на что?

– На что? – эхом отозвалась она, опять усаживаясь на диван и расправляя юбку на коленях.

– Тебе виднее, – дипломатично заметил он. – А по твоему хитрому виду, мне кажется, что я прав.

– Верно, – согласилась она и выпятила, чуть припухшие губы, как ребенок, еще не решивший для себя, заплакать ему или засмеяться.

– Тогда, начинай, – он легонько тронул её за плечо в качестве ободрительного средства.

Она глубоко вздохнула, как пловец, готовящийся к старту на соревнованиях, а потом резким движением подобрала под себя обе ноги и обхватила их руками. Афанасьев уже знал из опыта общения с ней, что такая поза всегда предшествовала какому-то серьезному разговору. Торопить не стал, но затаил дыхание в немом ожидании услышать давно ожидаемое из её уст.

– Ты помнишь, – медленно начала она своё повествова-

ние, – за день до того, как ты уехал на Кавказ, я намекала тебе, что в моем организме стали происходить изменения?

– Конечно, помню, – кивнул он ей головой. – Я тогда предположил, что ты тоже, как и Настя...

– Да, я это чувствовала, но боялась спугнуть свои догадки. Точнее, не была уверена в том, что такое может быть, хоть и началась задержка...

– Да, но насколько я сведущ в таких сугубо женских делах, задержка означает, что..., – тут он запнулся, не смея произнести ключевого слова.

– Да ничего это не означает, – отмахнулась она, спуская его тем самым с небес на землю, – тем более в моем случае. У меня уже было такое несколько раз. А в итоге, всё это было не более, чем гормональный сбой.

– Продолжай, – сказал он глухим, как из могилы голосом, пребывая в полной растерянности, но на всякий случай, не ожидая ничего хорошего для себя. «Зачем тогда она так загадочно улыбалась? – про себя недоумевал он. – Я ничего не понимаю».

– Но в этот раз всё было немножко по-другому, – продолжила Вероника, не обращая внимания на трагизм в голосе партнера. – Я чувствовала, как бы тебе это объяснить, – наморщила она лоб силясь сформулировать мысль, – что ещё не жизнь, но какое-то преджизние уже запало внутрь меня.

– И?! – в нетерпении ухватил он её обеими руками за плечи, поворачивая к себе и одновременно заглядывая в зрачки.

– В общем, я тогда решила, прежде чем что-то говорить, хорошенько всё проверить и убедиться в достоверности предчувствий... – она опять сделала многозначительную паузу, добела раскаляя его нервную систему.

– Вероника, не тяни! – не проговорил, а прорычал он, мгновенно покрываясь потом.

Но и в этот раз его тон не произвел на Веронику никакого впечатления. Всё также медленно и тщательно подбирая нужные слова, она продолжала повествование, словно диктор, впервые читающий переданный ему текст.

– Я сначала прошла тестирование, а после сходила в гинекологию.

– Ну?! – опять принялся он на неё наседать.

– В общем, шесть недель, – почти прошептала она и опять улыбнулась. Только на этот раз улыбка была не хитрой и не завлекающей, а напротив, какой-то робкой и беззащитной, от которой хотелось прижать её к себе и долго-долго не отпускать, целуя волосы, шею и плечи. Так он и сделал в необъяснимом порыве нежности и любви. Не той плотской, опошленной современными нравами, а той, что пишется с большой буквы.

– Повтори, – прошелестел он, касаясь губами её уха, и вдыхая аромат волос любимой женщины.

– Шесть недель, – в ответ шептала она, обвивая своими руками его шею.

– Повтори, – ещё крепче обнимая, просил он, не веря в

услышанное.

– Шесть недель, – шептали её губы с придыханием.

– Точно?

– Теперь, уже да, – почти вторила она ему, не размыкая объятий.

Они ещё некоторое время наслаждались объятиями, никак не желая, прерывать это сладостное чувство единения друг с другом. Такой момент в жизни даже у любящих людей выпадает довольно редко, поэтому зная об этом, они не спешили прерывать его сказочный полет. Ему казалось, что он в один миг скинул, как минимум три десятка лет со своих усталых и поникших плеч, поэтому чувствовал, как распаиваются за спиной крылья, готовые унести его вместе с возлюбленной в далекие-далекие дали, где они будут вечно молодыми и вечно влюбленными друг в друга. Ей же казалось, что она опять на мгновение превратилась в совсем юную девушку, за которой приехал так долго ожидаемый принц на белом коне, чтобы увести её в свое сказочное королевство. Туда, где живы мама с папой, где нет слез и печали, и где любовь – не просто слово, а неиссякаемое и не тускнеющее чувство, выраженное в поступках, за которые никогда не будет стыдно. Но, к сожалению, полет «синей птицы» счастья не может длиться вечно. Приземляться, так или иначе, пришлось бы даже Ромео с Джульеттой, если бы не трагический финал пьесы. Это только в голову Дюма пришла мысль написать книгу «Двадцать лет спустя». Первым решил чуть при-

спуститься на грешную землю Валерий Васильевич Афанасьев – Глава Высшего Военного Совета Российской Федерации. Продолжая обнимать Веронику, он осторожно поинтересовался:

– Нашим уже рассказала?

– Насте, – коротко ответила она, тоже не прерывая объятий.

– Ну, надо же! – удивился он. – То-то, я гляжу, у неё бешенята в глазах прыгают. И как это она удержалась, чтобы не проговориться? Ну, раз она знает, то, стало быть, и зять в курсе. И Петр, тоже хорош родственник, ни слова, ни полслова.

– Не ворчи, это я попросила их ничего не говорить, пока я сама не скажу, – проворковала она, щекоча его ухо губами.

И тут он, словно вспомнив о чем-то очень важном, вдруг отстранил её от себя, и, придерживая за плечи, серьезно взглянул опять ей в глубину зрачков:

– Вероника, – строго проговорил он, четко выговаривая каждую букву, – теперь ты должна. Нет. Что я говорю? Теперь ты обязана выйти за меня замуж! И я даже не хочу слышать никаких отговорок! Тем более, что мы уже ранее договорились с тобой ускорить этот процесс после моего прибытия из Астрахани.

– Так-то уж и обязана!?! – задорно прищурилась она.

– Да! – безапелляционным тоном подтвердил Афанасьев, на целое мгновение, превращаясь в диктатора. – Я прошел

все назначенные испытательные сроки, и как это теперь принято у молодых выражаться – все положенные квесты, и по полному праву оказался на восьмидесятом левеле, – выдал он базовые знания компьютерных игр. – У тебя нет повода сомневаться в моих чувствах к тебе, а также в моей верности. Поэтому я еще раз настоятельно прошу тебя выйти за меня замуж.

– Ой, даже и не знаю, что сказать, – решила она немного проявить жеманничанье и кокетство.

– А чем я плох?! – решил он ей подыграть немного. – Я хоть жених и не первой свежести, и нафталином от меня пахнет, но если меня прислонить к теплой стеночке, то я, у-у-х еще какой! – сделал он жест, как будто подкручивает невидимый ус. – Нет, ну, правда, Вероника! Пора уже кончать с этой неопределенностью, ведь не дети уже. К тому же, мы и так живем полноценной семейной жизнью, только не оформленной официально. Да и нехорошо будет, если ребенок родится вне брака. Всем будет нехорошо. И нам, и ему тоже, – продолжал он её уговаривать, притянув к себе, ласково оглаживая спину любимой.

– Я всё понимаю, – приникла она головой к его груди. – Я обязательно выйду за тебя. Просто, мне не хочется менять привычный для меня уклад. Но если я выйду замуж, то поневоле придется играть несвойственную мне роль «первой леди». А мне это, ужас, как не хочется делать.

– Ну, если только дело в этом, то я готов пойти на неко-

торое отступление от общепринятых норм, упрятав тебя подальше от посторонних глаз во время протокольных встреч с главами государств. Впрочем, однажды, ты уже неплохо справились с этой ролью.

– А-а-а, – вспомнила она, – это, когда приезжала индийская делегация? Там всё было, действительно неофициально и по-дружески, – окунулась она в приятные воспоминания. – Мы просто хорошо посидели. И жена этого Моды оказалась хорошей и понятливой женщиной. Но ведь так не всегда будет, поэтому обещай мне не таскать меня за собой, когда придется ехать за рубеж. Ладно?

– Ладно-ладно, уговорила. Только ты тоже, не тяни с этим делом.

– Ты о чем?

– Как о чем? О свадьбе, конечно! – опять отстранил он её от себя. – Послезавтра же пойдем и подадим заявление. Я поговорю с заведующей территориального ЗАГСа и нас распишут в срочном порядке.

– Хорошо. Только давай без всяких таких пышностей. Просто распишемся и посидим по-свойски, в семейном кругу.

– Да уж, какие там пышности могут быть у пенсионера, выплачивающего кредит в банке? – усмехнулся он. – Церемонию проведем здесь, чтобы не вызывать нездорового любопытства «желтой» прессы. Опыт уже есть. Я, вон, Настасью так же замуж выдавал. Однако же, членов Президиума

пригласить придется, – слегка просящим тоном в голосе уведомил он её. – Соратники, всё же. Не поймут, если не пригласим. – И добавил, как бы оправдываясь. – Люди, в целом, неплохие. И тебе было бы совсем не лишним поддерживать с ними и их семьями дружеские отношения. В жизни всякое может случиться. А они, как ни крути, при всех раскладах останутся влиятельными персонами, и в случае чего, помогут.

– Ты о чем это? – сузила она свои глаза.

– О жизни, дорогая. Всякое может приключиться. Должность у меня не слишком спокойная. Вон, прошлый наш «отец народа», уж, как только не берегся, а всё равно в ящик сыграл.

– А я тебе говорила! – уперлась она своими крепкими кулачками в его грудь. – Уйди в отставку. На покой. Тогда и зажили бы тихо и мирно.

– Кабы всё было так просто? – вновь прижал он её к груди. – Не могу я так по-свински поступить с людьми, поверившими мне. Нехорошо будет. Пришел, разворошил улей, наобещал светлые дали и в кусты. Ты уж, того... Потерпи как-нибудь... Вот станет поспокойнее, тогда и на покой можно. На печку, кости старые греть.

– Ага, – прильнула она к нему всем телом, тяжело вздыхая, – с тобой спокойствия только и ждать.

– Ну, зато не скучно, – усмехнулся Афанасьев, в который раз, с удовольствием вдыхая аромат её волос.

Они еще какое-то время посидели в обнимку, перекидываясь малозначимыми фразами. Однако, оставалось, что-то ещё, недоговорённое между ними, и они оба это чувствовали. Наконец, Вероника решилась-таки первой порвать порочный круг недомолвок:

– Можно тебя попросить ещё об одном?

– Конечно, можно, – тихо ответил он, внутренне напрягаясь, на всякий случай.

– Если у нас родится мальчик, то можно назвать его Арсением?

– Арсением? – переспросил он, хотя в душе ничуть не удивился её просьбе.

– Да. Я не знаю, как тебе это объяснить... – начала она, с трудом подбирая нужные слова. – Мы прожили с ним двенадцать лет. И это были самые лучшие годы моей жизни, если не считать наших с тобой полутора месяцев.

Он хотел ей что-то сказать теплое и ободряющее в ответ, но она не дала ему произнести ни слова, заторопившись закончить мысль:

– Нет-нет, – приложила она палец к его губам. – Не говори ничего. Просто пойми. Мы прожили с ним двенадцать лет. И он, также, как и ты страстно хотел иметь детей, но у нас никак не получалось это сделать. И он ушел. Навсегда. Не оставив после себя ничего, как будто и не было его на свете. Но ведь это же несправедливо! Ты не подумай ничего такого, а то знаю я мужиков – накрутят у себя в голове невесть

что. Всё уже в прошлом, и к нему возврата нет. Но я хочу, чтобы на земле осталась хотя бы память о хорошем и светлом человеке. Память, хотя бы в имени ребенка, которого он так хотел, – продолжала она торопливо и чуть сумбурно. – Обещаю, что ни единым словом и ни перед кем не обмолвлюсь мотивом, подвигнувшим меня на этот поступок. Единственное, о чем прошу – разреши мне сделать так, как мне хочется.

– Хорошо, – согласился он, – пусть будет Арсений. Имя редкое. Арсений Валерьевич, – задумчиво произнес он имя отчество своего будущего сына, как бы пробуя его на вкус. А в том, что это будет именно сын, он почему-то нисколько не сомневался.

– Я знала, я чувствовала, что ты меня поймешь! – приникла она к его губам своими.

– А если, вдруг, родится дочь? – задорно подмигнул он ей, по окончании поцелуя.

– Тогда назовём её Анной, – тут же нашлась она с ответом.

– Почему? – сложил Афанасьев бровки домиком.

– Потому что ты сам говорил, что так звали твою бабушку, у которой ты в детстве жил в деревне.

– Спасибо, Вероника! Спасибо, дорогая! – вновь стал покрывать он её своими страстными поцелуями, теперь уже не ограничиваясь губами. Досталось и другим частям тела...

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, если бы, как всегда, не вовремя не запиликал бы коммуникатор, с которым

Афанасьев никогда не расставался и никогда не выключал.

– Боже! – схватилась Вероника за голову. – Когда же это, наконец, прекратится? Ни днем, ни ночью нет покоя!

Однако же, на этот раз, уходить не стала. Из принципа. Афанасьев потянулся к прикроватной тумбочке, на которой надрывался коммуникатор. С досадой взяв его в руки (он тоже не любил неожиданных звонков поздними вечерами), несколько мгновений тупо пялился на дисплей, с трудом соображая, кто из сослуживцев мог стоять за фамилией «Николаева». Наконец, сообразив, хлопнул себя по лбу, мысленно костеря свою забывчивость, объяснение которой лежало на поверхности. Дело в том, что до сего момента инициатором всех разговоров был он сам, постоянно донимая свою соратницу вопросами о продвижении работ в сфере прикладной физики. Сама же Валентина Игнатьевна, никогда не была инициатором подобных телефонных переговоров. И уж, тем более, она никогда не позволяла себе нарушать диктаторский покой в такое неурочное время. Сопоставив все данные, он торопливо нажал на кнопку «вызов»:

– Слушаю тебя, Валюша! – с нескрываемой тревогой отозвался он на звонок.

Трудно описать мгновенно изменившееся лицо Вероники, после того, как она услышала женское имя, да еще произнесенное в такой ласковой и непринуждённой форме. Кровь моментально отлила от её лица, превратив его в белую гипсовую маску, уши превратились в громадные локаторы, ищущие

щие подходящую цель, глаза сузились, приобретя свойство снайперских прицелов, а рот искажил неприятный оскал, готовой к прыжку пантеры. Пальцы рук молодой женщины сжались, хоть и в небольшие, но крепенькие кулачки.

– Это, что ещё за Валюша?! – прошипела она на манер подколотых гадюк, коими все женщины и являются по своей сути, ловко маскируясь под ласковых кошечек.

Афанасьев не стал отвлекаться на её эскапады. Он только слегка поморщился и сделал воспрещающий жест рукой, заставляя на время притушить вызванные ревностью эмоции.

– Здорово, Василич! – старой и простуженной вороной прокаркала Николаева. – Не спишь ещё?

– Нет-нет! – поспешно заверил он свою, теперь уже закадычную подругу. – Мы ещё не ложились. Что-нибудь случилось?! – не смог он скрыть своего волнения.

– Ничего экстраординарного, – поспешила успокоить диктатора ссыльно-осужденная. – Просто ты меня постоянно допрашивал с вопросами о готовности установки к демонстрации. Теперь, вот, докладываю, что установка собрана и в целом пригодна к функционированию в режиме эксперимента.

– Фу-у! – провёл он по лицу рукой, будто смахивая невидимый пот со лба. – Ну, ты меня и напугала! Отлично-отлично! Замечательно! А я уж и не надеялся, честно говоря, в этом году увидеть результаты, – затараторил Валерий Васильевич, в несвойственной ему суетливой манере.

– Это почему же? – удивилась на том конце Николаева. – В

создании натурального образца, как я уже говорила в прошлом, нет никакого затруднения. Больше было волокиты с Мосэнерго, упиравшегося в выделении дополнительных мощностей. Ну, спасибо твоему Коченеву, сунул маузер в ноздри, кому следует, те и заткнулись сразу, – залилась старушка ехидным смешком, припоминая эпическую сцену в главном офисе московских энергетиков.

– Маузеры, лет сто, как вышли из употребления, – хмыкнул он, машинально поправляя её историческую безграмотность.

– Да, мне без разницы, – отмахнулась она беспечно. – Я человек тихий и мирный, в ваших военных штучках не разбираюсь. Я, если хочешь знать, винтовки от автомата не отличу, – пустилась в откровенное враньё словоохотливая создательница самых передовых вооружений на свете.

– Ну-ну, Игнатьевна, не перегибай уж слишком сильно палку, – осадил он собеседницу. – Когда можно будет полюбоваться на твоё детище? – быстро перешёл он от пустопорожних речей к сути дела.

– Да, хоть завтра, в районе полуночи, а еще лучше к часу ночи, – бодро отрапортовала научная руководительница проекта «Мечта». – Или вы там у себя в верхах поспать любите? – не удержалась-таки и вставила она шпильку.

– Кто же в нашем с тобой возрасте не мечтает сладко выспаться за все бессонные годы? Да, ведь разве с вашей ученой братией уснешь? – вернул он подачу на поле своенрав-

ной старушенции.

Вероника, тем временем, сопоставив и проанализировав услышанные слова, немного успокоилась и пальцы её рук медленно разжались. Голову свою она склонила набок, как это всегда делают понятливые собаки, внимательно прислушивающиеся к интонациям хозяйского голоса.

– Но ты права, – продолжал он, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос, – я действительно смогу прибыть к тебе только поздним вечером. – С утра планерка, потом отчет по итогам моей поездки в регионы. Разбор полетов, так сказать. После обеда встречаем совместную делегацию ООН и ВОЗ по вопросам обеспечения нашей вакциной беднейших стран. Дел по горло, в общем и целом. Освобожусь, как всегда, поздно вечером. Так что, если это совпадает с твоими планами, то можем прибыть к тебе в полном составе Президиума, только глубокой ночью. Кстати, с чем может быть связана столь поздняя демонстрация?

– С пиковыми нагрузками на городские электросети. Я же, кажется, уже говорила, что установка в режиме трекового нагрева потребляет энергию в гомерических размерах. Без малого гигаватт будет на пике. Если бы не госфинансирование, то на одном только электричестве наше НПО разорилось бы моментально, – со вкусом причмокнула она.

– Ясно. Я почему-то, так и подумал. А что будет с установкой и городом, если всё же случится авария? Надеюсь, ты всё предусмотрела?

– А что может случиться? – пренебрежительно хмыкнула бабушка – Божий одуванчик. – Ну, пробки у нас выбьет. Конденсаторы полетят к чертовой матери. Половина Москвы останется без света до утра. Это максимум, что может произойти. Пустяки. Такое уже было.

– Ну, раз ты ручаешься за минимальный ущерб, в случае непредвиденной ситуации, то мне остается только довериться твоим словам. Ладно, ждите нас к после полуночи.

– Хорошо, – просто и коротко согласилась Николаева. – Будем ждать. Кстати, спасибо тебе за Боголюбова. Он позавчера прибыл в Москву и сразу из Домодедово приехал к нам. Действительно, оказался очень и очень толковым молодым человеком, – не поскупилась она на хвалебную характеристику «молодого человека», коему недавно исполнилось 54 года.

– Ты меня знаешь, я плохого не посоветую, – ухмыльнулся глава государства.

– Тогда, я надеюсь, ты не станешь возражать, чтобы он и его охрана временно поселились у меня, а то его московская квартира не соответствует требованиям по соблюдению безопасности.

– О чем разговор? Конечно же, не возражаю, – согласился с доводами Валентины Игнатьевны диктатор.

– Да, и ещё. Я позвала Вострецова. Ты не против?

– Игорь Николаевич имеет допуск высшего уровня и его присутствие не будет лишним, – деловито ответил он на её

инициативу.

– Спасибо тебе большое, – поблагодарила Валентина Игнатовна на сей раз без всяких колкостей. – Ну, тогда до завтра. Да и, кстати, вот ещё. Напомни своим, чтобы не забыли прихватить с собой удостоверения о допуске – собралась она прервать разговор, но Афанасьев, которого снедало любопытство, притормозил её порыв.

– Напомню, конечно, но постой, Валентина. Разреши задать ещё один вопрос, – обратился он к ней, слегка замявшись.

Та и без дополнительных слов поняла, о чем тот хотел узнать.

– Если хочешь узнать, включали мы установку, то я сразу скажу: включали. И не единожды. Не могу же я приглашать на презентацию первое лицо в государстве, без уверенности в безопасности эксперимента?!

– И, как там?! – не удержал своего порыва Афанасьев.

– Там уже весна, – мечтательным голосом ответила Николаева. – Примерно, начало апреля. Снег уже сошел, но молодая травка только-только начала пробиваться. Впрочем, завтра всё сам и увидишь.

– Увижу, – с шумом выдохнул он и добавил. – До встречи.

Дождавшись, когда Афанасьев отключит свой коммуникатор и положит его обратно на тумбочку, Вероника, уже окончательно успокоившись и придя в себя, произнесла:

– можно задать вопрос?

– Нет, – поморщился он и мотнул отрицательно головой для убедительности.

– И всё-таки, я осмелюсь спросить: кто эта Валентина Игнатьевна? – упрямо настояла она на своём.

– Кто? – переспросил он, потирая лицо и шею, а заодно ища глазами что-то вокруг.

Та не торопила с ответом. И, наконец, найдя, то, что искали его глаза, он ответил:

– Это тот человек, который воплотит в жизнь твои фантазии.

Произнеся эти загадочные слова, он ткнул пальцем в так и недочитанную Вероникой книгу Вербицкого под названием «Хроники Зареченска».

Женщина, как-то очень странно посмотрела на него – со смесью страха и мистического восторга, одновременно, однако от дальнейших расспросов воздержалась, за что он был ей безмерно благодарен. Весь остаток вечера перед сном, они тщательно старались избегать в разговорах этой темы.

Глава 70

I.

20.10.2020г., г. Москва, Фрунзенская набережная 22, Национальный центр управления обороной РФ.

Утром, как об этом и говорил Афанасьев, состоялось за-

седание Высшего Военного Совета, на котором он отчитался о результатах поездки по регионам Северного Кавказа. Военная хунта с большим вниманием выслушала доклад своего предводителя о печальном состоянии дел в некоторых регионах и о срочно принятых мерах по купированию последствий нерадивого правления местных элит, возомнивших себя превыше законов общества и морали. Как всегда, после подобных докладов, пылкие, но неискушенные в тонкостях политики и экономики, генералы стали наперебой предлагать решения проблемы экономической деградации, самыми что ни есть радикальными средствами. Воодушевленные победами над Грузией в 2008-м, почти бескровной над Украиной в 2014-м, а также успехами в «сирийской кампании», они и в этот раз предпочитали действовать мясницким топором, нежели хирургическим скальпелем. Хорошо, что заседания проходили в закрытом режиме, иначе угроза развязывания новой гражданской войны стала бы неминуемой реальностью. Разумеется, не все члены Высшего Совета стояли на позиции оголтелого радикализма, но и нескольких горлопанов при больших погонах вполне хватило, чтобы сбить собрание с рельс конструктивизма и превратить его в птичий базар. Афанасьеву, как председательствующему на заседании пришлось не раз звенеть колокольчиком, умиряя разыгравшиеся страсти. «Ей Богу, – думал он в сердцах при этом, – иногда думаешь, что просвещенный абсолютизм – не такая уж и плохая штукенция». Не раз и не два, ему приходи-

лось, оперируя, заранее приготовленными цифрами и фактами, буквально ссаживать «с небес» очередного «спасителя Отечества», отравленного угаром неуёмного милитаризма, доказывая ему пагубность решения проблемы чисто военными способами.

– На дворе XXI век, а отнюдь не XIX. Времена Паскевича и Ермолова прошли. Военными методами мы ничего не добьемся, кроме как окончательного озлобления местного населения против северных гяуров, как они до сих пор называют нас промеж себя, – доказывал Валерий Васильевич, в очередной раз, не давая вдеть ногу в стремя одному из членов Совета. – Негодование населения по поводу своего бедственного положения мы должны канализировать не в сторону центральной власти, беспечно отдавшей, в свое время, на откуп местным князькам бразды правления, а в сторону местечковых сатрапов, грабящих своих же сограждан. Когда-то большевики пошли на сговор с местной верхушкой, обещавшей взамен на её оставление у кормила власти прекращение так называемой «национально-освободительной борьбы», угрожавшей вылиться в очередную и бесконечную «кавказскую войну». Молодой советской республике, обескровленной Гражданской войной, как воздух было необходимо спокойствие в её южном подбрюшье. Поэтому она и пошла на этот сговор, не понимая до конца, во что это всё может вылиться через одно-два поколения. Теперь мы вынуждены пожинать плоды их ошибок совершенных в

деле внутренней национальной политики. Как и сто лет назад мы находимся в окружении тайных и явных врагов Отечества, терпеливо ожидающих, когда мы ослабнем в междоусобной схватке, чтобы на финальном этапе вонзить нам нож в спину. Турция уже сконцентрировала два армейских корпуса против нашей единственной на Южном Кавказе базы, расположенной в Армении. Сама Армения, тоже по примеру Грузии с вожделием посматривает на Запад. На Западе ждет удобного случая для реванша фашистская Украина, пичкаемая иностранным вооружением и инструкторами. Польша, Прибалтика и страны Скандинавии точат ножи на Калининград, Карелию и Питер. Япония на будущий финансовый год запланировала ассигновать на вооружение вдвое против нынешних трат. Вы думаете, они ограничатся Южно-Курильской грядой? Как бы ни так! У них до сих пор на всех картах наш Сахалин проходит под именем Карафуто. Казахстан, с которым у нас самая протяженная граница, без зазрения совести размещает у себя американские биологические лаборатории и проводит с янкесами совместные учения по отражению внешней агрессии с севера. А кто у казахов с севера, кроме нас? Байконур отжимают всё настойчивее с каждым годом, несмотря на то, что мы уже дважды за десятилетие увеличивали арендную плату за космодром и полигон. Сами янки уже откровенно требуют у нас отдать им остров Врангеля! И это только начало. Вы скажете: а как же Белоруссия и дружественный нам Китай? Батька, только чудом и нашими

штыками удержался в августе в своем кресле. От него не то, что защиты ждать, его самого приходится охранять от польских панов, распыляя тем самым и так наши невеликие силы. Что же касается Китая, то он всего лишь ситуативный союзник. Сейчас от него никакого вреда нет, так же, как и пользы. Товарищ Си тихонько сидит за Амуром и зорко наблюдает, куда подует ветер. Но стоит только русскому медведю ослабнуть в кровавой борьбе с набросившимися на него со всех сторон гиенами, как двадцатимиллионная группировка тут же появится на нашей границе. А это, как вы понимаете, соответствует всему нашему мобилизационному потенциалу. В то время, как он с легкостью выставит еще сто миллионов и даже не моргнет. Сейчас его, по сути, сдерживает только техническое превосходство наших стратегических ядерных сил и неумение пиндосов договариваться по зонам влияния. Но как только американцы догадаются обменять свое невмешательство в дела между материковым Китаем и Тайванем на захват наших территорий, так сразу наша участь и будет решена. Вот такой вот расклад у нас сейчас по всему периметру наших рубежей, а вы мне тут предлагаете начать ограниченную военную операцию, – резюмировал Афанасьев свое эмоциональное выступление.

– Что же вы предлагаете? Уйти в глухую оборону? – раздался возглас одного из членов Совета.

– Зачем же уходить?! – встрепнулся Валерий Васильевич. – Всем известно, а значит и вам тоже, что в обороне,

тем более глухой, войну не выиграть.

– Так всё-таки вы за войну?! – опять раздался голос откуда-то с верхнего яруса.

На этот раз Афанасьев обратил пристальное внимание на фрондирующего, опознал и, поджав губы недовольно ответил:

– Вам, уважаемый Геннадий Валерьевич, – обратился он к Командующему Восточным Военным Округом, меньше всего пристало говорить о боевых действиях. На последних учениях, войска вашего Округа, даже не уложились в норматив по приведению в состояние повышенной боевой готовности. Вам, в этом плане, еще работать и работать со своим коллективом.

Уши генерала Жидкова моментально превратились в красные ломтики помидор, тогда как лицо, напротив, было белым подобно свежевystиранной простыни, что свидетельствовало о крайней степени его замешательства. Но Афанасьев сегодня был милостив, поэтому прервал экзекуцию в самом её начале, резко вернувшись к основной теме разговора:

– Я – человек штатский, поэтому разбором полетов пускай с вами занимается Николай Васильевич. А для остальных продолжу. Войну надо продолжать, это непреложный факт нашего бытия. Войну за умы и сердца. Другое дело, как именно и в какой форме. Лично я вижу здесь только один способ для склонения чаши весов в нашу пользу. А именно, продолжить так успешно начатую инициативу по

постепенному перехвату управленческих полномочий на местах нашими параллельными структурами. Первые результаты продемонстрировали положительный эффект. Знание тонкостей местных реалий через тесное общение с простыми гражданами, честность и неподкупность командиров расквартированных частей, а также относительная самостоятельность и независимость, вследствие обособленности бытового устройства, позволило им непредвзято решать поставленные перед ними задачи. Эти же качества поспособствовали им завоевать доверие и авторитет у простых граждан, которые все больше и больше уповают на них, нежели на органы местного самоуправления. «Мягкая» сила действует хоть и не слишком быстро, но неуклонно. Создаваемый ею «вакуум» вокруг своих традиционных элит, в конце концов, окончательно выбьет почву из-под их ног. На заключительном этапе, элиты, конечно, встрепенутся, осознав, что находятся в подвешенном состоянии, и попытаются совершить мятеж, возможно даже и вооруженный, но собрать для борьбы хоть сколько-нибудь достаточных сил, по моему разумению, вряд ли смогут. Поезд, как говорится, к тому времени уже уйдет. Подавляющее число простых граждан, а именно они всегда и всюду служили горючим материалом для гражданских войн, уже будут на нашей стороне. А с немногочисленными сторонниками старых порядков, мы уже сможем справиться классическими методами борьбы, включая аресты и физическое уничтожение наиболее одиозных против-

ников. Именно так поступали большевики с теми, кто не соглашался на их условия по соблюдению взаимной лояльности.

– Значит, вы, как сторонник осторожного подхода к национальному вопросу призываете нас не предпринимать никаких активных действий и ждать, когда ситуация сама переломится в нашу сторону? – выразил недоумение некоторого числа представителей из состава хунты, генерал Калач – командующий 31-й ракетной армией.

– Не сидеть и ждать, а работать – кропотливо и целенаправленно. И первые шаги в этом направлении нами уже сделаны. Так, например, я уже отдал распоряжение Кабинету Министров о перераспределении денежных потоков из Центра на места, сделав акцент на их сосредоточении не в руках вороватой элитки, а в распоряжение командующим гарнизонами. Те же средства социального обеспечения населения, которые ранее направлялись в местные пенсионные фонды и собесы, теперь будут адресно направляться непосредственно нуждающимся и стоящим на учете в центральном аппарате Федеральной Социальной Службы людям. Как известно, у кого деньги, у того и власть. Другое дело, что происходит это всё не так быстро и не сразу по всем направлениям, дабы до поры не всполошить окончательно местную сатрапию. Наша же с вами задача заключается в законодательном обеспечении мер направленных на «мягкий» переход властных полномочий к создаваемым нами параллельным структурам.

Нам необходимо придать им легитимность, чтобы они не действовали на свой страх и риск, а опирались на законодательную базу. Тогда они и сами почувствуют уверенность в своих силах, и возможно процесс трансформации власти ускорится, о чем вы так и мечтаете. Пакет законодательных инициатив мною уже передан в Секретариат Высшего Военного Совета, а также в Кабмин. Наша с вами задача состоит в том, еще раз вам напоминаю, чтобы изучить эти инициативы и оформить их надлежащим образом, превратив в прочную юридическую базу. Ибо, хоть мы и хунта – кровавая и узурпаторская, но все же должны придерживаться каких-то элементарных этических юридических норм, иначе превратимся в Гуляй-Поле батьки Махно, – решил подвести черту под основными дебатами Афанасьев.

Генеральское собрание еще какое-то время побузило и побурчало, но в целом было и так понятно, что всё это были последние залпы перед отступлением. По большому счету ни у кого из них не возникло желание воевать по-настоящему, да еще в своей собственной стране и со своим же народом. Тем более, все они, как люди военные, а значит, имеющие представление об окружающей обстановке, прекрасно отдавали себе отчет в том, что самые масштабные битвы с куда более серьезными врагами ещё впереди и уже, к сожалению, не за горами. Поэтому по итогам дебатов, было принято консолидированное решение об одобрении первоочередных мер принятых Главой Высшего Военного Сове-

та, направленных на купирование негативных последствий нерадивого управления со стороны некоторых республиканских руководителей. Вдобавок было принято решение разработать в кратчайшие сроки нормы юридического характера, призванные упростить и стимулировать работу на местах местным военным представителям.

— Ну, что ж, товарищи, — с нескрываемым удовлетворением отметил Афанасьев, — на этом, пожалуй, можно и закрывать наше отчетное заседание. Все свободны до следующего по графику очередного заседания Совета. Секретариат, я надеюсь, сумеет ко времени следующего собрания подготовить и направить каждому из вас тезисы законодательных инициатив для выработки на их основе нормативных актов юридической службой Совета. До свидания, товарищи. А вас, члены Президиума, я попрошу остаться, — хихикнул Валерий Васильевич, потирая руки...

Когда за последним из членов Высшего Военного Совета закрылась массивная двустворчатая дверь, члены Президиума, сидевшие до этого рядком, переставили стулья так, чтобы образовался своеобразный круг. Всем было интересно знать, по какому поводу диктатор попросил их задержаться. Но судя по тому, что Афанасьев выпроводил из зала даже своего неотлучного секретаря-адъютанта, разговор предстоял в высшей мере конфиденциальный.

— Товарищи, — заговорил он негромким голосом, — я попросил вас ненадолго задержаться, чтобы предложить

совместно со мной посетить экспериментальную площадку НПО «Мечта» завтра, где-то ближе к часу ночи. Так что заранее отпрашивайтесь у своих домашних. Да, и не забудьте прихватить разрешение на допуск к государственной тайне, а то там охрана нечета нашей, сразу лапти завернет в обратную сторону, невзирая на чины и звания.

У всех членов Президиума еще не выветрилось из памяти то августовское заседание, на котором прозвучало сообщение о принципиальной возможности путешествий во времени. Тогда это сообщение породило неслыханный энтузиазм среди ближайших соратников диктатора. Перспективы этого направления были столь заманчивы, что Президиум, единогласным решением постановил выделить на дальнейшие изыскательные работы материальные и финансовые ресурсы в неограниченном размере. Даже, обычно скупердяистый Юрьев без всяких споров согласился на финансирование данного проекта в порядке приоритета. С тех пор прошло почти два с половиной месяца. Всё это время, находясь под впечатлением от услышанного ранее, члены Президиума то и дело вопрошающе заглядывали в глаза Афанасьеву, в чаянии узнать, как идут дела по изготовлению установки, способной проникать сквозь толщу времени. Тот только многозначительно шевелил бровями, но ничего конкретного сообщить не мог, отделяваясь общими фразами о продолжении работ в интенсивном режиме. Сам же без конца донимал подобными вопросами несчастную Николаеву, которая с нескрывае-

мым раздражением отвечала в том духе, что, дескать, ломать – не строить и для получения видимых результатов необходимо определенное время. Так они и перебрасывались репликами, пока вчера вечером она вдруг неожиданно не заявила о полной готовности установки к демонстрации. К её чести надо было сказать, что она, несмотря на свой возраст и сопутствующие ему недуги, проявила поистине выдающиеся организаторские способности. Понадобилось всего два с половиной месяца, чтобы организовать коллектив, привести в надлежащий вид порядком запущенные корпуса бывшего автогиганта, завезти необходимое для производства оборудование, оснастить лаборатории и испытательные стенды. Учитывая современные реалии, скорость, с какой была проделана вся эта работа, просто поражала воображение. Склады-валось такое впечатление, что шустрая старушка научилась каким-то образом растягивать время в практическую бесконечность. Виктор Михайлович Коченев – нынешний директор ФСО уже жаловался Афанасьеву на «неуёмную старуху», которая сама загнала и загнала охранников, приданных ей по статусу. Однако, выданные «на гора» результаты стоили того. В начале октября первый экспериментальный образец плазмоида прошел первые полигонные испытания, на которых показал выдающиеся результаты, чему Валерий Васильевич был свидетелем, принимая в них непосредственное участие. Это послужило для него лишним доказательством того, что обещанный ему и Президиуму временной портал

не является химерой, рожденной в воспаленном мозгу престарелой бабки. Оставалось только ждать и надеяться на получение скорых и видимых результатов работы коллектива под её началом. И вот, наконец, вчера наступил этот долгожданный момент.

Члены Президиума, доселе знакомые с информацией только относительно продвижения работ по изготовлению плазмоида, да и то в общих чертах, изнывали в бессильном ожидании, хоть каких-то положительных вестей с этого направления. Тут же, как голодные галчата они стали наперебой закидывать несчастного Афанасьева своими вопросами:

– Установка заработала? Портал открылся? Там, что-нибудь видно? А почему ночью?

– Товарищи, товарищи! – поднял Валерий Васильевич руки вверх, будто сдаваясь. – Что же вы на меня набросились-то всем скопом?! Я и сам знаю не намного больше чем вы. Просто вчера вечером позвонила Валентина Игнатьевна и в краткой беседе проинформировала меня о том, что натурный образец установки готов к демонстрации своих потенциальных возможностей. Вот практически и всё, что мне удалось узнать. А насчет того, почему демонстрацию надо проводить ночью, так я полагаю, вы и сами уже догадываетесь.

– Конспирация? – вскинул брови Дмитрий Аркадьевич.

– И она тоже, – согласился с ним диктатор, – но по большей части из-за того, чтобы не привести в состояние кол-

лапса энергетические сети мегаполиса. Установка потребляет сумасшедшее количество электроэнергии. Поэтому решено было повести демонстрацию во время ночного спада потребления энергии.

– Но, если установка такая энергоёмкая, как вы говорите, то не опасно ли её размещать в черте города? – засомневался суперосторожный Барышев. – К тому же, приглашать высшее руководство страны на демонстрационный показ потенциально опасной установки, еще не прошедшей полного цикла испытаний, мне видится делом весьма опрометчивым.

Пять пар глаз молча, но с явным интересом уставились в сторону руководителя СВР, так что он невольно поежился.

– Товарищи! – взмолился тот, ерзая под пристальными взорами коллег. – Ради Бога, не подумайте, что я трус. Я в своё время, как вы знаете из моего послужного списка, прошел огонь, воду и медные трубы. Просто я стараюсь предусмотреть заранее возможные эксцессы. Тем более, как утверждает практика «визит-эффekt» ещё никто не отменял.

– Валентина Игнатъевна является видным ученым в своей области и лично у меня не вызывает сомнений её квалификация, – насупился Афанасьев, обидевшийся за свою протеежу. – И если она пригласила нас на демонстрацию, то значит, у неё самой нет никаких сомнений в надежности и безопасности конструкции. Впрочем, – позволил он себе ехидную улыбку, – я не смею настаивать на вашем личном присутствии там.

– Ну, уж нет! – моментально вскипел, задетый за живое разведчик. – Я никому не дам повода усомниться в моих достоинствах, как мужчины! Поэтому непременно буду там. Но как профессионал и предусмотрительный человек, я обязан был предупредить всех присутствующих в потенциальной опасности исходящей от не до конца проверенного оборудования! – произнес он высокопарную тираду и демонстративно сложил руки на груди.

– Никто из присутствующих не сомневается в ваших достоинствах, дорогой вы наш Дмитрий Аркадьевич, – с не меньшим пафосом ответил ему Афанасьев. – И ваше предостережение мы будем иметь в виду, находясь рядом с установкой. Кстати, хочу воспользоваться моментом и полюбопытствовать: как там у вас с Игорем Олеговичем идут дела по подготовке к захвату материалов, свидетельствующих о разработке биологического и бактериологического оружия на территории наших союзничков?

– Группы захвата находятся уже на местах и подготовка к операции, в целом, находится на завершающем этапе, – опередил с ответом своего коллегу адмирал Костюченков.

– Когда сможете провести операцию?

– Мы тут с Игорем Олеговичем посовещались и пришли к выводу о том, что целесообразнее всего назначить акцию на время, когда в Штатах изберут нового президента. Нынешнему и так хватает проблем – выше крыши. Будет большой для него удачей, если он не сядет на нары в результате

расследований инициированных Конгрессом. Так что, пусть часть проблем достанется и новому жильцу Белого Дома, – опять взял инициативу в свои руки Барышев.

– Хмм, – многозначительно хмыкнул диктатор, – резон в ваших словах, безусловно, имеется. Выборы у них, кажется, должны состояться 4 ноября? И вы хотите воспользоваться неразберихой, связанной с выборами и подсчетом голосов? Ну, что же, вполне себе разумное решение. Добро. Держите меня в курсе при малейшем изменении обстановки, – согласился Афанасьев. – Тогда я более не смею отрывать вас, товарищи, от повседневных дел. Встретимся завтра без четверти двенадцати ночи возле центральной проходной НПО «Мечта». Просьба, никому не опаздывать.

Все члены Президиума, за исключением Рудова встали и потянулись к выходу.

– Товарищ Глава Высшего Совета, – раздался в спину, выходявшего из зала Афанасьева, приглушенный голос Сергея Ивановича, – уделите мне несколько минут своего внимания.

– Сергей Иванович? – обернулся Афанасьев в сторону сидящего за столом Рудова. – У вас имеются какие-то вопросы?

– Да, Валерий Васильевич, – кивнул тот и сделал приглашающий жест присесть на один из свободных стульев.

Когда они остались вдвоем в пустом зале заседаний, сидя друг напротив друга, можно было уже и не соблюдать субординацию в общении между старыми друзьями.

– Валера, – начал Рудов без всяких расшаркиваний перед диктатором, – это, конечно, хорошо, что ты держишь руку на пульсе научных инноваций, которые, я верю, смогут нам помочь в борьбе за выживание. Но, вместе с тем, хочу предупредить о том, что не следует пренебрегать и более насущными на данный период проблемами.

– Ты это о чем сейчас, Сергей? – удивился Афанасьев непонятным словам своего соратника и друга.

– Это я о том, что полтора месяца назад, мы, вот в этом зале, приняли Постановление о неотложных мерах по нейтрализации наступательного потенциала наших украинских соседей. Было много всяких предложений по купированию угроз со стороны взбесившегося киевского режима. Однако ты сумел продавить собственное мнение, в соответствии с которым...

– Да-да, я помню, – перебил его Валерий Васильевич, – что тогда предложил одним массированным ракетным ударом обрушить промышленный потенциал Незалежной путем уничтожения энергетической инфраструктуры.

– Ну, да, – закивал Рудов. – Ты дал тогда нам и персонально мне задание по разработке оперативного плана по осуществлению данной операции. И вот уже прошло полтора месяца, а ты даже не поинтересовался, как продвигаются на-

ши дела в том направлении.

– И как они продвигаются? – не соизволил скрыть своего формального отношения к данному вопросу Афанасьев.

– Валера, что с тобой?! Я тебя не узнаю! Тебя, что уже совсем не интересуется эта тема?! – навалился на стол всем туловищем Сергей Иванович.

– Почему же не интересуется? Интересуется, конечно, – с полным равнодушием парировал он реплику Начальника Главного Оперативного Управления.

– Нет, не интересуется, – упрямо настаивал на своем Сергей Иванович. – Я же по глазам твоим вижу, что ты совсем охладел от тобою же и предложенной идеи. А зря, между прочим! Тебе-то может и не видать сверху-то, а мы все видим и примечаем. Народ ропщет, генералитет пока еще не ропщет, но уже недоумевает. Половина Белгорода лежит в руинах! А, что мы? Опять утремся? Как и прежде утирались от нарушений «минских» договоренностей? Полтора месяца, а мы, ни гу-гу! Отделались резолюцией ООН о недопустимости применения террористических методов воздействия на мирное население? Но даже и ту резолюцию Совбез не смог согласовать! – продолжал говорить с душевным надрывом генерал. – С огнем играешь, Василич, – погрозил он указательным пальцем. – Так ведь можно докатиться и до полной потери авторитета в народных массах. Я уж молчу про офицерский корпус.

– Офицерский корпус избрал тебя делегатом для вруче-

ния мне «черной» метки? – криво усмехнулся Афанасьев.

– Нет, – отрицательно помотал головой Рудов. – Это чисто моя инициатива. Я просто транслирую общий настрой в армии и обществе, который может печально закончиться для всех нас, несмотря на успехи и достижения первых месяцев нахождения у власти.

Чувствуя, что разговор предстоит обстоятельный, Афанасьев поплотнее уместился на стуле и, сложив руки на столе, тоже всем корпусом подался вперед, приблизив свое лицо к лицу собеседника на минимально возможное расстояние. Это его телодвижение навстречу Рудову позволило вести доверительную, но напряженную беседу почти на уровне шепота.

– Ты говоришь, что у тебя уже все планы сверстаны и силы, предназначенные для операции, развернуты в полном объеме. Охотно верю. В этом ты всегда был чертовски талантлив. Это я тебе говорю с известной долей зависти – не как начальник, а как коллега по ремеслу, – начал Афанасьев трудный разговор с комплимента.

– Спасибо, на добром слове, – буркнул генерал в ответ.

– Сколько у тебя развернуто установок?

– Сорок восемь.

– Ага. Четыре бригады, стало быть. Сорок восемь по две ракеты на установку, это будет девяносто шесть. А с учетом транспортно-заряжающих установок, еще столько же. Итого сто девяносто две ракеты в залпе, – мигом произвел подсчет

потенциала Афанасьев.

– Учитывая фактор неожиданности и практическую неуязвимость «Искандеров» для средств ПВО, этого должно будет хватить для уничтожения основных предприятий по генерированию электроэнергии. А если сюда еще прибавить вывод из строя понижающих трансформаторов на АЭС, то энергетическо-промышленный коллапс к зиме будет однозначно гарантирован, – взялся пояснять прописные истины Сергей Иванович.

– И в это верю, – охотно кивнул головой диктатор, хоть и с трудом. – Но, знаешь, я это только сейчас сумел понять, в чем разница между мной и тобой.

– И в чем же? – набычился друг и соратник.

– А в том, что ты всё еще носишь мундир генерала армии, а я, – указал он пальцем на свои плечи, – уже нет. На мне, как ты видишь, гражданский костюм.

– И как, изволишь, это понять? – начал понемногу «закипать», всегда излишне обидчивый Рудов.

– Просто мундир, в силу объективных причин, делает твой кругозор узконаправленным.

– На что ты намекаешь, царская твоя морда?

– Ты только не обижайся, Иваныч. И не принимай всё на свой личный счёт. Я же не в укор это тебе говорю, а в оправдание. Ты правильно мыслишь, и тут нет никакого спора. Но ты мыслишь, как военный. Пару месяцев назад и я мыслил

такими же категориями, как и ты, – протянул Афанасьев руку и мягко взялся за плечо товарища. – А вот, сняв мундир, я, вынужден теперь думать, как государственный деятель за спиной у которого, не только ракеты и танки с кораблями, но еще и гражданское общество с матерями и инвалидами, с производством и социальным обеспечением, с детьми и пенсионерами. Ну и еще с миллионом факторов сопутствующих всему этому. И если ты вправе пренебречь такими категориями обывательского бытия, то я – нет.

– Не разговаривай со мной, как с малолетним ребенком, Валера, – продолжал хмуриться Рудов. – Говори прямо и без уверток, куда клонишь?

– Ладно, давай тогда по-другому, – тоже постарался сделать строгое лицо Валерий Васильевич. – Скажи, Сергей Иваныч, каким ты видишь итог операции?

– То есть, как это каким? – вскинул брови Начальник ГОУ. – Таким, каким ему и положено быть в соответствие с принятым решением Высшего Военного Совета.

– А именно? – задал уточняющий вопрос диктатор.

– Приведение страны-противника в состояние, препятствующее ему осуществить реваншистские планы относительно России и республик Донбасса. В качестве составляющей этой задачи является обрушение её промышленного и энергетического, а значит, и военного потенциала на продолжительное количество лет, – рубил, как с плеча Сергей Иванович. – А что, разве не так?

– Так-так, – машинально кивал головой Афанасьев, словно китайский «болванчик». – Только двухсот ракет, даже таких хороших, как наш «Искандер» для осуществления этой задачи будет, откровенно говоря, маловато. Скажу сразу, чтобы опередить тебя. Даже, если ракет будет вдвое больше. Чтобы утихомирить зарвавшегося дебошира в лице украинских властей нужно будет приложить намного больше усилий. Скажу больше. Напротив. Мы, тем самым, сунем руку в гнездилище с разозленными до крайней степени осами. И желание осуществить реванш у них только усилится многократно.

– Как это ты себе представляешь, если у них не будет для этого физической возможности? – не понял Рудов.

– А вот, так! Ты и сам прекрасно знаешь, что поток западного оружия не перестает течь на Украину. И с уничтожением её собственной военной промышленности он еще более усилит своё течение. Это первый объективный факт, с которым никак не поспоришь. На складах стран Восточной Европы советского оружия, хоть задним местом ешь. Теперь второй факт. Где сосредоточен основной энергетический, а значит, и промышленный потенциал Украины? Вернее, на каких территориях?

– Преимущественно, по левую сторону Днепра, – ответил Рудов, все ещё не понимая, куда клонит Афанасьев.

– Верно. Одних только ГЭС и ТЭЦ на Днестре будет до трех десятков! – поднял указательный палец диктатор, в знак

полного согласия. – На левом берегу, где проживает подавляющее количество русскоговорящих.

– А-а-а, понимаю-понимаю, – тут же перебил его Рудов, – ты переживаешь, что наша операция оттолкнет от нас недобратьев, говорящих с нами на суржике. Только ты не учел одной малюсенькой поправки. За тридцать лет, постоянного промывания мозгов, наши небратья превратились в откровенных врагов.

– Вот тут и проявляются наши с тобой расхождения, – тяжело вздохнул Глава Совета. – Ты, конечно, ещё тот хулиган, готовый перебить всю посуду у соседа по коммуналке. Я же, не боюсь этого слова, гораздо кровожаднее тебя оказываюсь на поверку. Меня никогда не прельщала мелкая, мещанская и от того жалкая, по сути, месть Маргариты, устроившей тарарам в квартире критика Латунского36. Я желаю не просто устроить погром у соседа, я хочу присвоить себе его квадратные метры со всем содержимым, выкинув самого хозяина голым на мороз. Поэтому, в уме, я уже считаю, как бы своей собственностью всю мебель и утварь, которая пока числится за ним. А это, значит, что и все предприятия, залежи полезных ископаемых, земля и проживающие на ней люди, мною сосчитаны и оприходованы. Да, они не просто небратья. Они, в значительной степени, откровенные недоброжелатели. В лучшем случае, тихие недоброжелатели уровня саботажников и мелких вредителей. Но не обозленные и не вооруженные. Пока не вооруженные. А теперь пред-

ставь, куда пойдут сотни тысяч здоровых мужиков, лишившихся работы, вследствие энергетического коллапса, а потому и остановки предприятий на которых они трудились?

– Думаешь, в военкоматы? – дернул носом Рудов.

– А куда им еще идти? Семьи-то надо как-то кормить. А уж денег на их содержание, даже такая тороватая старуха, как Европа, непременно съест, потому, как лучше потратить деньги, чем собственные жизни.

– И что ты этим хочешь сказать? – оторопело спросил генерал, который никогда не рассматривал такой вопрос под таким углом зрения.

– Я хочу сказать, что я – дурак! Балбес непроходимый! – впервые за всё время разговора воскликнул Афанасьев, ударя ладонью по столу. – Сам сморозил околесицу, и вас заставил в неё поверить. Прости, Иваныч!

– Но-но, Василич, не перебарщивай, – погрозил пальцем Рудов перед носом у диктатора. – В твоих устах самобичевание выглядит, как дурной спектакль провинциального театра. Лучше ответь: когда такие откровения посетили твою головушку?

– Недавно, – откровенно признался Афанасьев. – Во время поездки по регионам Северного Кавказа. Нагляделся там всякого. От дурного и нерадивого правления – деградация и разруха в экономике, а от этого всего и разруха в головах у людей. Некуда им применить ни навыки, ни способности, вот и ходят обозленные на весь белый свет, не зная на ком

сорвать злость.

– Ну, с этими-то мы, как-нибудь, да управимся. Тем более, что их у нас всего пяток мильёнов, – потер лоб генерал. – Кого надо – пристрожим, кто нуждается – трудоустроим, управленческие кадры – укрепим. Авось и устаканится потихоньку. А хохлов, по последним данным, в семь раз больше наших кавказцев. С ними-то, что ты предлагаешь сделать, если вариант с полным коллапсом тебя перестал устраивать?

– Вот и я думал о том же самом, – протяжно вздохнул Афанасьев. – И по итогу раздумий пришел к выводу, что негоже нам злить и без того обозленное население Незалежной, рискуя выплескиванием всего этого адского варева на наши же головы. Нужно постараться максимально расположить его к себе. Не факт, что получится, но попробовать можно, – многозначительно подмигнул Афанасьев своему соратнику.

– Это, каким же образом ты решил умаслить население нашего противника? – скорчил на лице удивленную гримасу Рудов. – Ничем иным кроме возвращения Крыма назад его не ублажишь.

– А вот скажи, честно и как на духу, – хитренько подмигнул ему диктатор, – кого народ больше всего ненавидит? Не обязательно украинский народ, а вообще, абстрактный. Вот лично по твоим внутренним ощущениям.

– Нашёл чего спросить?! – хищно ухмыльнулся Сергей Иванович. – Известно, кого народ больше всего не любит.

Собственную власть, естественно.

– Вот! – торжествующе поднял кверху указательный палец Афанасьев. – Что и требовалось доказать!

– Ты хочешь ликвидировать всю украинскую верхушку, в надежде, что тебя за это поблагодарят народные массы?! – опять удивился Рудов.

– Да! – расцвел в улыбке Валерий Васильевич. – Причем самым, что ни на есть дешевым и эффективным способом – без массированной, а потому и дорогостоящей атаки «Искандерами». Тем более, что я могу дать руку на отсечение, если хохлы уже не пронюхали про развертывание на своих границах четырех ракетных бригад, как бы ты не старался их замаскировать под грузовые фуры.

– И что это за дешевый и эффективный способ?

– Пара «Кинжалов». Теоретически, их одновременное попадание в одну точку, по силе совокупного взрыва будет сравнимо с тактическим ядерным взрывом малой мощности. Я уже прикидывал. Это будет где-то порядка 3-4 килотонн в тротиловом эквиваленте, учитывая их гиперзвуковую скорость.

– Да, но ты не думал, что уничтожение руководства страны станет неким *casus belli*, служащим сигналом к началу полномасштабной войны. Что на это скажет Совбез ООН, весь мир, наконец? – продолжал недоумевать Начальник ГОУ.

– Думал, конечно, – кивнул Афанасьев на пространную

реплику генерала. – Мир ничего не скажет, по большому счету. Ему наплевать на какую-то там Украину, которую и на карте-то не найдешь не сразу. В наихудшем для нас варианте, произойдет буря в стакане воды, следствием которой очередной санкционный пакет со стороны коллективного Запада. Но нам ведь не привыкать складывать их пакеты в свой пакет с пакетами?

– А Штаты? – уже более заинтересованно спросил Рудов.

– А Штатам, если они начнут вякать по этому поводу, мы сунем в нос стенограмму того заседания Совбеза, где они вынуждены были признать Украину государством использующим террористические методы воздействия на население. Поэтому им придется или молчать, или дезавуировать самих себя, – тут же парировал Глава Совета. – Мы в данном контексте будем выступать всего лишь в роли инструмента наказания для террористов, захвативших власть в соседней стране. Сам же украинский народ будет нам только благодарен за уничтожение мироедов.

– Не скажи, – опять с сомнением покачал головой собеседник. – Это только ещё больше подхлестнет националистические круги к жажде реванша, и еще пуще раскрутит маховик русофобии. И первое, что они сделают, так это опять полезут на Донбасс.

– Они и без этого полезут, – вяло отмахнулся на это высказывание Афанасьев, после чего ненадолго задумался и уверенно повторил. – Полезут. Но не сразу. Ты, Иваныч,

несмотря на свою эрудицию, все-таки плохо знаешь менталитет наших соседей. Лишенные централизованного управления, они судорожно начнут искать нового «пана-атамана». Причем учитывая, что на Украине, как и в Полякии, каждый шляхтич – сам себе голова, поиски займут существенный отрезок времени, и далеко не факт, что они не будут кровавыми. Там такая начнется свара между кланами, что хоть всех святых выноси! Вот и пускай они подольше покипят и побулькают в этом своем вареве, не выплескиваясь наружу. Мы же, тем временем постараемся подготовиться к будущей схватке наилучшим образом.

– Не слишком ли ты уверен в подобном сценарии? – недоверчиво почесал затылок, сидящий напротив него генерал.

– Не слишком, – уверенным тоном произнес диктатор. – Мне на ум пришла даже некоторая историческая аналогия.

– Ну-ну, просвети меня, неразумного, – угрюмо покивал Рудов, явно пребывая в растерянности от аргументации оппонента, но при этом, не желая сдавать до конца свои первоначальные позиции.

– Наши чубатые соседи с пеной у рта доказывают всему миру, что они де прямые потомки шумеров, – начал Афанасьев. – А ведь из курса истории и географии мы знаем ареал обитания этой цивилизации. Она находилась ровнёхонько там, где впоследствии появился всем известный Вавилон со своим долгостроем. Так вот, в одном из апокрифов, утверждалось, что Башня была разрушена отнюдь не громом и

молниями, насланными Богом за гордыню. Нет. Вавилоняне, сиречь шумеры, сами разрушили её.

– Как это?

– А так. Бог долго и нудно уговаривал их отказаться от глупой затеи, но они со своим гонором просто отмахнулись от Его мягких увещеваний. И тогда Он пошел на хитрость. Он объявил безумным строителям, что тот, кто уложит самый последний кирпич, венчающий вершину Башни, тот и станет Его наместником на Земле до скончания века, – окончил повествование Афанасьев и развел руками.

– Э-э-э, – не сразу понял истинную подоплеку притчи Рудов. – Подожди-подожди, – стала доходить до него соль рассказа, – так выходит, что каждый из них хотел быть тем последним, и поэтому они просто передрались и разбежались?! – заулыбался во всю ширь лица доселе угрюмый генерал. – Ну, Господь! Ну, молодец, выдумщик! А?! Каково придумал, шельмец!? – смеялся Рудов, хлопая ладонями по столу от радостного возбуждения.

Сергей Иванович был из породы тех людей, которые могут моментально сменить настроение в зависимости от складывающейся обстановки.

– А я-то, грешный, думаю – и в кого это наши хохлы такие упертые, да гоноровые?! А оно вишь как?! От предков, от шумеров! – продолжал он хохотать так, что невольные слезы выступили у него из глаз.

Однако, надо отдать должное бравому генералу. Приступ

гомерического веселья у него длился не слишком долго. Довольно быстро он пришел в себя, вновь возвращаясь к деловому тону беседы.

– Это, конечно, твоя прерогатива менять уже утвержденные планы буквально на ходу. На то ты у нас в диктаторах и ходишь, – не смог скрыть своего разочарования боевой генерал.

– Ну, не так, чтобы уж совсем их менять, – задумчиво протянул диктатор. – Просто, несколько скорректировать.

– Ты совсем запудрил мне голову, Валера. Я, порой, перестаю тебя понимать. Ты хочешь, чтобы я изменил первоначальные планы, или нет? Скажи, прямо.

– Говорю. Основной план переводится в разряд вспомогательного. На тот случай, если новый не сработает или если сработает, но не так, как задумано. К тому же, численность ударной ракетной группировки надо радикально увеличить. Ну, хотя бы раза в два-три, а хотелось бы и во все четыре.

– Легко сказать, – хмыкнул генерал. – Как мне, по-твоему, обеспечить скрытность развертывания такой группировки? Это ракетные установки, между прочим, а не иголка в стоге сена.

– Вот поэтому ты у нас и самый главный по боевому применению войск, – дипломатично увильнул от ответа Афанасьев.

– Ага. Ясенько. Подсластил, стало быть пилюлю, – почесал в затылке Рудов. – Но тогда скажи мне, как и каким спо-

собом, мы сможем обезглавить властную вертикаль Украины? Какие средства поражения ты собираешься применить? В каком количестве? И вообще, как ты себе всё это представляешь? Ведь и ежу понятно, что удар должен быть не только массированным, чтобы исключить возможность выживания кого бы то ни было из верхушки, но и одномоментным, ибо нельзя допустить их утаивания по норам. Наша спутниковая группировка визуального мониторинга «Кондор», хоть и хороша, в целом, но даже она не в силах уследить за перемещениями отдельных лиц, тем более соблюдающих правила маскировки.

– Я напрочь отвергаю твои прозрачные намеки на мои волонтеристские замашки и единолично принимаемые решения, – забарабанил Афанасьев пальцами по столу, что выдавало в нем явную степень несогласия, но с другой стороны обижаться на слова друга, тоже не имело никакого резона. – Однако вопросы, поставленные тобой, конкретны, а значит, требуют столь же конкретного и однозначного ответа. Тебе, Иваныч, в силу занимаемого тобой положения, может быть не столь интересно наблюдать за политическими перипетиями в стане неприятеля. Это удел политиков, но отнюдь не военных, – начал говорить Афанасьев, но увидев, как наливаются краской лицо Рудова, а дыхание становится прерывистым, тут же поправился. – Это я тебе не в укор говорю, а в оправдание. У тебя слишком много дел, связанных с приготовлением нашей армии к решающей битве, чтобы еще раз-

бираться в политической кухне соседних государств, поэтому ты и не страдаешь излишним любопытством. В этом плане, я даже немного завидую тебе. А вот за мной числится грешок любопытства. Люблю, знаешь, совать свой курносый нос, куда ни попадя.

Краска негодования, бросившаяся в лицо Начальника ГОУ, начала тут же сходить, как это и бывает у людей падких на грубую лезть. Дыхание выровнялось, а продольные морщины, собравшиеся у него на лбу, выдававшие усиленную работу мозговых извилин, стали постепенно разглаживаться, приобретая первоначальный вид.

– В силу моей таковой дурной привычки, я выявил некоторую закономерность в работе высших органов власти украинского государства. А именно, вот уже на протяжении почти тридцати лет 24 декабря в здании Верховной Рады проходят совместные пленарные заседания депутатов, членов правительства и офиса президента, включая его самого. На этих заседаниях руководители исполнительной власти, накануне католического Рождества, как бы отчитываются в проделанной работе за год, перед народными представителями. Опосля чего дружными и стройными рядами идут в депутатскую столовую, чтобы обмыть это дело перед уходом на каникулы. Чуешь, куда я клоню?

– Чую, – с придыханием ответил Рудов, у которого загорелись глаза от моментально возникшего желания дешево и сердито расправиться с осиным гнездом на Банковой.

– Вот поэтому, чтобы не нарушить устоявшиеся традиции и не спугнуть неприятеля своими нарочитыми военными приготовлениями, нам и нужно демонстративно вернуть в места постоянной дислокации все развернутые вдоль границы ракетные комплексы. Надо успокоить и усыпить бдительность противника, – наставительным полусшепотом произнес Афанасьев, глядя в восторженное лицо Сергея Ивановича.

Его всегда искренне умиляла способность друга моментально загораться новыми идеями.

– Я никогда не был склонен к излишнему оптимизму, считая, что у врагов не может быть своего тайного информатора в близких к нам кругах. Поэтому не худо будет в целях конспирации, допустить утечку о тайной полемике и расколе в наших рядах по поводу ответа на террористические акты соседнего государства. Ну, да я еще потолкую на эту тему с нашими специалистами по запудриванию мозгов.

– Имеешь в виду Тучкова с Барышевым? – уточнил Рудов, всё больше и больше проникаясь идеями Афанасьева.

– Ну, а кого же еще?! Это они у нас специалисты в подобных игрищах, – ощерился Валерий Васильевич. – А для вящей убедительности смены приоритетов, – продолжил он всё таким же полусшепотом, – надо будет через нашу Машу усиленно педалировать тему о привлечении к ответственности представителей всех ветвей власти Незалежной. Пусть организывает общественные слушания, привлекает экспертов,

делает запросы в международные инстанции, пишет заявления в судебные органы при Генассамблее ООН. В общем, пускай держит кастрюлю в состоянии постоянного кипения. Разумеется, толку от этого не будет никакого, но чем сильнее мы будем на всех международных площадках продвигать эту идею, тем выше будут наши шансы на реализацию подлинных планов. Пусть они до конца уверятся в то, что Россия и на этот раз пропустит гол в свои ворота, уповая на пресловутое международное право. Когда же наши потуги не получают должного отклика от мирового сообщества, то нам останется только развести руками и сказать: «Раз мировое общество не в силах обуздать распоясавшийся фашиствующий режим, то у нас, господа, нет иного выхода, как самим взяться за решение этой проблемы». Естественно, что скажем мы об этом уже только после проведения операции, когда нас начнут допытывать расспросами. Нам, впрочем, и самим пойдет на пользу шумиха вокруг белгородской трагедии, как бы это на первый взгляд, и не казалось кощунственным. Хватит играть «вторым» номером, отсиживаясь в глухой обороне. Пора, хоть изредка переходить в контратаки. И не надо мировой общественности давать забывать преступные деяния западных выкормышей. А вот когда глупая рыба ухватится на нашу наживку, то тут мы её и подсечём. Да на кулан и повесим, – подмигнул он другу. – Так что, для акции, как я уже говорил ранее, хватит и пары «Кинжалов». В конце-то концов, надо же когда-то опробовать эту штуку в реальных

боевых условиях. Хватит уже ковырять землю на астраханских полигонах.

– Да, надо бы, конечно. Тут я с тобой целиком и полностью согласен, – закивал Сергей Иванович.

— Ну, что, перевербовал я тебя? – хитренько прищурился диктатор, и без того видя, как быстро улетучился дух противоречия из головы Рудова.

– Ладно. В общем и целом убедил, – смешно сморщил нос Рудов. – Не спорю. Пойду тогда корректировать планы, – встал он из-за стола, побряхтывая и потирая затекшую в неудобном положении спину.

– Ступай-ступай, – весело подбодрил его Афанасьев. – Только не забудь завтра с утра отпроситься у своей половины. А то, вдруг, не отпустит на ночь глядя?

– Это твоя – молодая может не отпустить, а моя старуха к воинской дисциплине приучена, – добродушно проворчал он, направляясь к выходу из зала совещаний.

Глава 71

I.

21-22.10.2020г., г. Москва, Ново-Огарево и ул. Автозаводская, д.23а, НПО «Мечта»

Неизвестно каким образом члены Президиума легендировали перед своими дражайшими половинами свою ночную отлучку, но Афанасьев-то точно не стал этого делать.

Он просто с утра, пока завтракали, еще раз предупредил Веронику, чтобы она его не ждала сегодня. Петра с Настей не было. Они еще спали у себя. Насте в школу – только к обеду (занятия на удаленке начинались именно во второй половине дня), а Петру на смену заступать – к семи вечера.

– Побежишь на свиданье к этой своей шушере? – донельзя сжала она свои губки, выражая тем самым целую гамму негативных чувств.

– Не называй её так, – буркнул он в ответ, склонив голову над тарелкой со своей любимой гречневой кашей с молоком.

– А как прикажешь называть бабу, которая уводит в ночь чужого мужика? – выпалила Вероника, вяло ковыряясь своей ложкой в своей порции.

– Валентина – великий ученый и большая умница, – огрызнулся он, не поднимая головы. – К тому же я буду там не один, а в составе всего Президиума.

– Так у вас там целый шалман соберется? – не упустила возможности съязвить женщина.

– Ага, – не стал он устраивать споры за столом.

– Сколько хоть лет этой великой ученой, что рискует провести ночь с шестью мужиками сразу? – продолжала она в том же духе, всё еще ковыряясь, но, не притрагиваясь к завтраку.

Валерию Васильевичу не хотелось затевать ссору в начале рабочего дня, да еще по такому надуманному поводу, как банальная ревность, поэтому он ответил даже не ей, а в про-

странство, как бы беседуя вслух сам с собой:

– Теперь я и сам на все 100% уверен, что ты беременна. Иначе, как объяснить твою немотивированную ревность и внезапную смену настроения? Позавчера вечером, вроде бы никаких вопросов у тебя не возникало на данный счет. За сутки, что ли, накрутила в голове?

– А хоть бы и так! – порохом вспыхнула Вероника. – Но ты не ответил на вопрос. Сколько ей лет? – продолжала она на него наседать.

– Не волнуйся. Она тебе не конкурент. Ей почти столько же, сколько и мне, – ослабился он, на секунду представив себя в жарких объятиях Бабы-Яги. Но самое удивительное заключалось в том, что при этом он, пожалуй, впервые внутренне не содрогнулся. Николаева за те немногие месяцы общения с ним, уже не вызывала никаких негативных чувств, как при первой встрече. Напротив. Он всё больше и больше испытывал к ней симпатию. И дело было даже не в том, что Валентина Игнатьевна разбавляла собой привычно-однообразный и уже надоевший круг одних и тех же лиц, а в том, что она, как бы это не показалось странным, в душе была таким же редкостным романтиком, как и он сам. Ему порой казалось, что вокруг уже не осталось никого кроме них, кто был бы так романтично настроен к восприятию недалекого будущего, связанного с её научным открытием. Вероника, правда, тоже была натурой не лишенной романтических черт, но её романтика была чисто бытовой и утилитарной. Вообра-

жением, способным формировать глобальную картину мира, она, к сожалению, не обладала, оставаясь существом симпатичным, но бескрылым в широком понимании этого слова.

– Нашёл, стало быть, себе ровню, – ехидно спустила его Вероника на грешную землю.

– Ах, оставь, – отмахнулся он, слегка морщась. – Когда-нибудь, при okazji, я познакомлю вас, и ты поймешь всю необоснованность своих подозрений. Через много лет ты еще будешь гордиться тем, что водила дружбу с той, чьим именем потомки будут называть улицы и площади городов.

– Вот, ещё! Не хватало мне счастья дружить с любовницей мужа, – фыркнула молодая женщина, но уже не так враждебно, как до этого.

– Ну, что ты такое говоришь, дорогая? – отставил он от себя пустую тарелку и, тут же хватаясь за стакан с неостывшим ещё чаем. – Разве я похож на того, кто изменяет своей последней любви?!

– Все вы мужики одинаковы. Так и норовите при каждом удобном случае, заглянуть к нам под юбку, – уже совсем злобно ответила она, больше для порядка, нежели в сердцах.

– Я уже не заглядываю туда! Поясница болит, – шутливо воздел он руки кверху, чуя, что гроза погремела, но прошла стороной.

– Ладно уж, идите, – совсем миролюбиво отпустила она своего благоверного, но спохватившись, все же не упустила возможности с назиданиями напутствовать его в дорогу, –

только не напивайся там, не позорь меня перед людьми...

II.

И вот, где-то без четверти часа ночи, бронированный «Аурус» Главы Высшего Военного Совета в сопровождении всего лишь еще двух ничем не отличимых от него автомобилей с охраной, с трудом парковался в месте для стоянки личного транспорта сотрудников суперсекретного НПО «Мечта». Вместо тривиального шлагбаума, перекрывающего подъезд к территории бывшего завода, из асфальта торчали массивные стальные цилиндры, сквозь которые не проедет и танк, даже если очень захочет. Это наглядное пособие бдительности вселило в Афанасьева неподдельное уважение к Кочневу, оперативно оборудовавшему охраняемый периметр. Из стеклянной будки охраны выбрались двое часовых. У одного из них, кроме фонарика на груди, висел «Стечкин» на поясе в деревянной кобуре, а второй, тем временем вскинул автомат наизготовку, в любую минуту готовый извергнуть очередь стальных шершней калибром 9мм. Не исключено, что и сама охранная будка была снабжена парочкой автоматических крупнокалиберных пулеметов. Оба неторопливо подошли к кортежу. Опытным глазом охранник вычленил из трех автомобилей тот, в котором сидел именно Афанасьев и подошел к нему со стороны водителя. Как и положено отдал честь. Андрей, а именно он сидел сейчас за рулем, слегка

опустил стекло, так, чтобы было видно его лицо, не дожидаясь приказа, протянул в образовавшийся проем своё удостоверение. Сверив фото с оригиналом, удовлетворительно кивнул, возвращая документ владельцу, после чего поинтересовался:

– В салоне есть кто?

Михайлова с ними не было, поэтому Афанасьев сам нажал на кнопку, опускавшую бронированное стекло двери. Охранник сразу узнал известное всему населению России лицо, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Попрошу ваши документы, товарищ Верховный, – требовательно и отстраненно произнес он, протягивая руку.

Порывшись в нагрудном кармане, Афанасьев сунул ему в руку удостоверение, чувствуя себя не совсем в своей тарелке из-за того, что второй охранник не опустил автомат, а продолжал держать их всех на прицеле. Изучив, как следует диктаторское удостоверение (когда еще выпадет такая возможность?), охранник спросил:

– Машины сопровождения ваши, товарищ Верховный?

– Мои, – коротко бросил тот, принимая назад свой документ.

– Проезжайте, – ответил он и подал рукой кому-то знак.

Стальные цилиндры, преграждавшие путь к стоянке медленно и как бы нехотя стали втягиваться в толщу асфальта. После того, как бронестекло заняло своё место, а вереница из трёх авто двинулось к почти пустой стоянке, Вальронд,

сидевший впереди, позволил себе заметить:

– Молодец охранник, не растерялся. Действовал строго по инструкции.

– Ну, ещё бы! – откликнулся на это Валерий Васильевич. – Заведение-то шибко сурьёзное!

Водитель головной машины эскорта, тоже видимо большой почитатель служебных инструкций, не стал въезжать под знак «стоянки для служебных автомобилей», а подвел свой небольшой караван прямо к центральному входу, чтобы по максимуму сократить нахождение «первого лица» на открытом пространстве. Афанасьев, удовлетворительно крикнув, тоже не стал нарушать регламент и не полез из машины, прежде чем телохранители не займут свои места, а начальник личной охраны не подойдет и сам не откроет снаружи дверь диктаторского «Ауруса».

Несмотря на позднее время, в центральном здании бывшего заводууправления во многих окнах, особенно первого этажа, горел свет. У Верховного было несколько мгновений, чтобы цепким хозяйственным глазом оценить строение. Фасад здания его, откровенно говоря, разочаровал. Обшарпанные и кое-где даже выщербленные стены вкупе оконными проемами, в которых до сих пор стояли деревянные и давно не крашенные рамы, оказались для него сюрпризом. Ему казалось, что тех денег, что они выделили на обустройство важнейшего объекта, как минимум должно было хватить хотя бы на косметический ремонт. В честности и финансовой

чистоплотности научного руководителя проекта он не сомневался ни капли, но увиденное им безобразие, явно не соответствовало характеру Николаевой – человеку еще старой, «доперестроечной» закалки. Тут, определенно, было что-то не так, и оно требовало незамедлительного прояснения. Как только начальник охраны подошел к его автомобилю, он не дожидаясь пока тот распахнет дверь, недовольно сморщив свой курносый нос, медведем выкарабкался наружу. Мельком кинул взгляд на полупустую стоянку. Не обнаружив там знакомых автомобилей членов Президиума, недовольно покачал головой. Соратники запаздывали. Ещё раз огляделся. Петр, как и положено, находился рядом, всем своим могучим видом вселяя спокойствие и уверенность. Охрана, которая уже проникла в здание, теперь любезно распахнула перед ним высокую и громоздкую дубовую дверь. Дверь эта тоже в своей жизни знавала лучшие моменты. Некогда украшенная бронзовыми пластинами с затейливым орнаментом на производственную тему, с такими же бронзовыми и массивными ручками до блеска отполированными миллионами прикосновений, теперь представляла жалкое зрелище. Рассохшаяся и скрипящая на несмазанных петлях, с кое-где отвалившимися пластинами орнамента она только лишь в своих старческих снах могла грезить о прежнем величии, когда её ручек касались первые секретари обкомов, члены правительства и даже генеральные секретари. Тогда, сорок лет назад завод был флагманом производства знаменитых на весь мир грузо-

виков, пылящих по дорогам всех континентов. И почти каждую зарубежную правительственную делегацию водили сюда на экскурсию, чтобы воочию продемонстрировать широту и мощь советского крупносерийного производства. А что ныне? Последний ЗиЛ-133 сошел с конвейера десять лет назад. И после нескольких неудачных попыток наладить международную кооперацию издал свой последний вздох. Квалифицированный персонал с удовольствием приняли у себя аналогичные предприятия – ГАЗ, БАЗ и КАМАЗ, а простых работяг, просто выставили за двери, обманув даже с выплатой выходного пособия. Немногочисленное оставшееся руководство в чаянии урвать напоследок хоть что-нибудь для себя, спешно распродала оборудование, станки и поточные линии чуть ли не на металлолом, после чего благополучно растворилось на просторах необъятной России. Короче, во всей этой мерзкой истории был только один относительно положительный момент. А именно, к тому моменту, когда на эти обширные площади высадился десант из представителей никому доселе неизвестного НПО «Мечта», им не пришлось ломать голову, куда распихать весь доставшийся хлам. К их приходу в громадных, но абсолютно пустых цехах бывшего завода, только ветер гулял через разбитые стекла, завывая от тоски по навсегда ушедшей эпохе канувшей в бездну страны под названием СССР. Старую вывеску, с наименованием завода, висевшую слева от центрального входа сняли, а насчет того, чтобы повесить новую, нынешнее руководство не поза-

ботилось. И теперь вместо неё мозолило глаза пустое светлое пятно. И это тоже никак не добавило настроения диктатору. «Если у них в головном аппарате царит такая разруха, то, что у них творится в цехах?» – в сердцах подумал Афанасьев, поднимаясь по ступеням к угодливо распахнутым дверям.

С такими вот нелестными мыслями в адрес нового руководства он и влетел на подобие той же самой шаровой молнии в просторный и светлый холл бывшего заводоуправления, чтобы сходу выразить встречавшим свое высочайшее неудовольствие. Впрочем, внутреннее убранство вестибюля заметно отличалось от внешнего вида здания, причем, в лучшую сторону. Мало того, что он был чист и светел от громадной бронзовой люстры, какие бывают только в лучших академических театрах столицы, так еще и стены его были облицованы мрамором, а ниши в простенках занимали статуи в подражание античным скульптурным образчикам. Сам потолок и его стыки со стенами были обильно уснащены лепниной и гипсовыми барельефами со сценами из советской производственной действительности. В общем, всё, как и положено в соответствии с мировоззрением социалистического реализма. Встречала его сама Николаева, ласково и радушно улыбаясь из-под крючковатого носа, поэтому нужды вновь предьявлять возле турникета бдительной охране свои документы не было надобности. Научная руководительница проекта, ради презентации разоделась, как британская леди на королевский прием. Строгий темно-бордовый костюм с пря-

мой юбкой почти до щиколоток, кремового цвета блузка с отложным воротником и черные лаковые туфли по моде середины прошлого века, подчеркивали торжественность и деловую атмосферу предстоящей встречи. За спиной у Николаевой толпился небольшой и разношерстный коллектив сотрудников, видимо, допущенных к государственным тайнам высшего порядка. Афанасьев, обладавший дальновзоркостью, сразу заметил в толпе встречающих академика Вострецова, а также его друга и соратника – Боголюбова. Чуть позади и в сторонке маячила фигура директора ФСО Кочнева. Самого же диктатора сопровождали лишь начальник его личной охраны и неотлучный Вальронд со своей неизменной ношей. Устраивать публичный скандал при стечении народа было не в привычках Валерия Васильевича, поэтому он решил пока повременить с этим. Натянув на лицо добродушное выражение, он любезно поздоровался с хозяйкой мероприятия, перекинувшись с ней парой любезностей, а затем принялся пожимать руки всем встречавшим. Перед очередным пожатием Валентина Игнатовна называла каждого по имени отчеству, а также занимаемую им должность. Среди встречавших не было представителей административного персонала. Все, кому он жал руку были представителями научной среды, и самое главное, что не могло не радовать люди это были преимущественно молодого и среднего возраста. На их фоне Вострецов, да и сама Николаева выглядели экспонатами палеонтологического музея, случайно вынуты-

ми из запасников. Пока проходила церемония знакомства, подъехали и остальные члены Президиума, поэтому процедуру пришлось повторить еще пять раз. Когда, наконец, и это утомительное для всех действие закончилось, на часах уже было пять минут второго.

– Уважаемые члены Президиума, уважаемые гости, я собрала вас здесь сегодня для того, чтобы продемонстрировать наши последние достижения в области прикладной физики, – начала Николаева своим «фирменным» каркающим от постоянного курения голосом. – Не буду утомлять вас в это позднее время хождением по цехам нашего НПО, там, поверьте мне, нет ничего, чтобы вас заинтересовало. Часть того, что мы с коллективом, – кивнула она в сторону небольшой кучки молодых людей, – наработали за эти два с половиной месяца, было уже частично продемонстрировано на полигоне, чему стал свидетелем Валерий Васильевич. Результаты же другой части наших исследований, не связанных напрямую с обороной страны, находятся здесь – в одном из лабораторных комплексов, расположенном в подвальном помещении.

Валентина Игнатовна хищным взором оглядела присутствующих, словно бы силясь узреть в их рядах потенциальных шпионов, а затем продолжила:

– У кого из присутствующих нет официально оформленного допуска к государственной тайне по форме «А-ноль» прошу проследовать в актовый зал, – указала она рукой на

распахнутые двери слева от вестибюля, – где их ждет просмотр документального научно-популярного фильма о достижениях наших ученых в области прикладной физики. После чего им будет предложено прослушать небольшую лекцию, посвященную памяти академика Авраменко.

Жиденькая цепочка не имеющих нужного допуска, в которую вошли, преимущественным образом представители ФСО, включая самого Коченева, Вальронда и немногочисленных сопровождающих членов Президиума, нехотя потянулась налево под бдительным взором хозяйки мероприятия и внутренней охраны объекта. Их разочарование можно было понять. Они ведь все, включая и зятя диктатора, так мечтали, хоть краешком глаза увидеть ради чего их всех подняли среди ночи и направили на заброшенный завод, который, на деле, оказался не таким уж и заброшенным. Когда за ушедшими закрылась дверь, она продолжила для оставшейся шестерки высших должностных лиц государства:

– А вас, господа-товарищи, прошу направо к кабинкам лифтов, которые доставят нас на нижний уровень, где и расположена экспериментальная установка.

Все пятеро членов Президиума дружно развернулись и в сопровождении местного персонала двинулись в указанном направлении. Сама же Николаева, на правах хозяйки, взяв Афанасьева под руку, чуть-чуть придержала того:

– Обожди Василич, – тихонько проворковала она ему почти в самое ухо. – Лифтов всего два, – пояснила она свой

жест, – поэтому, давай не будем создавать лишнюю сутолоку. Тем более, я по твоим глазам вижу, что у тебя есть ко мне вопросы непубличного характера. Они постояли, ожидая пока обе партии гостей не займут свои места в кабинках и пока за ними не закроются створки.

– Да, имеются вопросы, – подивился Афанасьев прозорливости пожилой женщины.

– Выкладывай, – поглядела она на него снизу вверх, не отпуская руки.

– Вернее, один вопрос, – поправил он сам себя.

– Только один?! – усмехнулась научный руководитель. – Я думала, что у тебя их будет гораздо больше.

– Остановимся покуда на одном, – сухо поджал он губы. – Признаюсь, что меня довольно сильно смутил внешний вид здания. Насколько я в курсе, финансирование твоего НПО осуществляется в полном объеме.

– Фух! – облегченно выдохнула старушка. – Я-то грешная, думала, у тебя имеются, претензии посерьезней, – разулыбалась щербатым ртом Валентина Игнатьевна. – Так я тебе отвечу, Василич. В плачевном состоянии фасада вина своего Кочнева, который совсем головой подвинулся по части конспирации. Он думает, что если снаружи ничего не заметно, то янки с орбиты не обратят внимания на постоянно пребывающие грузовики с новым оборудованием и новой системой охраны, присущей объектам повышенной важности.

Они ещё немного постояли у сомкнутых створок шахтно-

ГО СТВОЛА.

– Думаешь, уже пронюхали? – искренне огорчился Верховный, продолжая начатый разговор.

– К сожалению, у меня есть основания так считать, – как ни в чем не бывало, сказала Николаева, продолжая придерживать своего спутника, чтобы он не ринулся к одному из уже освободившихся лифтов. – Пару недель назад у проходной крутилась машина с посольскими номерами. И по уверениям нашей охраны, сквозь затемненные стекла авто велась видеосъемка весьма продолжительное время. Я уже столько прожила на этом свете, что перестала, чему-либо удивляться. И ты перестань.

– Давно перестал уже, – буркнул он, вздыхая. – Значит конспиративные ухищрения ФСО не дали результатов? – поинтересовался он, не скрывая своего огорчения.

– Увы! – жестко резюмировала хозяйка, строго поджав накрашенные губки. – Однако, смею надеяться, что это не связано с основной тематикой нашего заведения. Американцы – большие выдумщики, но даже у них не хватит воображения представить, чем мы тут на самом деле занимаемся. Скорее всего, их заинтересовали результаты полевых испытаний нашего плазмоида.

Они еще некоторое время постояли у лифтовой шахты разговаривая о том и о сём. Его интересовали результаты официального заключения Комиссии по вооружениям, касающиеся плазмоида и которые должны лечь в основу Госо-

бронзаказа на 2021 год. Очень уж хотелось Афанасьеву начать насыщение наших сухопутных войск боевым передвижным комплексом невиданной доселе мощи и результативности. Она отвечала, что Комиссия в целом одобрила установку и рекомендовала её к принятию на вооружение. Осталось дело за малым – обкатать её в условиях пониженного температурного режима. Учитывая разнообразие климатических зон, на которых раскинулась Россия это, по её мнению, не составит большого труда. Сгонять транспортный Ил с установкой на борту куда-нибудь в район Земли Франца-Иосифа – плевое дело. За пару недель её ребятки завершат последние испытания и плазмодид можно ставить на конвейер. Николаеву больше интересовали вопросы философского характера. Ей было интересно знать, что думает Афанасьев об использовании портала в интересах народного хозяйства. Ничего конкретного Афанасьев по этому поводу сказать не мог, поэтому многозначительно шевелил бровями, отделяваясь от назойливых вопросов старушенции общими и ничего не значащими фразами. И делал он это не из-за какого-то тайного умысла, а просто потому, что сам пока еще довольно смутно представлял себе, как всё это будет выглядеть в натуре, и как на его замыслах могут сказаться расклады в местной обстановке запорталья. Он не знал, встретят ли они там людей, или планета будет девственно чистой от людских особей. А если люди и есть, то, как они отреагируют на пришельцев из будущего. Примут ли с миром, или посчитают своих потом-

ков врагами? Для него ясно было одно: если по завершении экспериментов с проникновением в прошлое будет доказана возможность перехода людей на ту сторону и их благополучное возвращение, то полноценную разведывательную экспедицию надо будет готовить уже сейчас.

Видя, что от него не добьёшься ничего вразумительного, Николаева махнула про себя сухонькой ручкой на чурбана, только недавно снявшего с плеч золотые погоны решительно взяв его под локоток, нажала на кнопку вызова лифта. Из-за сомкнутых створок послышался шум работающего подъемного механизма и уже через полминуты дверцы лифта приглашающе распахнулись перед ними.

Они, не размыкая рук (створки были широкими), вошли в кабинку. Она быстро пробежала пальцами по кнопкам, определяя конечный маршрут. Створки лифта мягко сомкнулись и уже через пару секунд пассажиры ощутили, как пол стремительно проваливается в глубину шахты. От скорости лифта желудок Афанасьева неприятно поднялся к самому горлу. Он не ожидал, что лифт будет настолько скоростным. В Министерстве обороны тоже были лифты, но поднимались и опускались они со степенной важностью, как и полагается солидному министерскому учреждению. Этот же был скорее похож на «американские горки», испытывающие человеческую психику на прочность. А вот Николаева чувствовала себя прекрасно. Во всяком случае это почти свободное падение никак не сказалось на выражении её лица, пребываю-

щего в строгой благообразности.

– Сколько тут этажей? – через силу выдавил он из себя.

– Одиннадцать, – безмятежно ответила Валентина Игнатьевна.

– Ого! – не смог сдержать он своего недоумения. – Значит, расположение установки в бункере связано именно с фактором безопасности и сохранения деталей проекта в сугубой тайне? – еще раз уточнил он.

– Да, – кивнула она. – Правда, я поначалу опасалась, что портал может и не открыться, если будет находиться не на прежнем месте – в стенах нашего института. И тем более, если он будет находиться ниже нулевой отметки от поверхности земли. Но, слава Богу, всё прошло благополучно. Портал не находится в прямой зависимости от точки приложения силы. Это уже радует.

– Значит, – подхватил он её мысль на лету, – возможен вариант мобильной установки?

– Не вижу в этом никаких проблем, – пожала она плечами.

– А место? – не унимался Афанасьев в своем любопытстве. – Место всё время одно и то же открывается, или оно меняется с каждым новым открытием? Сколько вы их уже провели, прежде чем ты меня пригласила на просмотр?

– Открывали два раза, – не стала вдаваться она в подробности. – Место при каждом новом открытии было одним и тем же.

– Оно отличалось от того, что вы видели двадцать семь лет

назад? – продолжал он с жаром выпытывать у неё подробности далекого прошлого, пока лифт лениво полз по стволу шахты.

– Да, – согласилась Николаева. – Тогда перед нами был луг, а сейчас поляна посреди леса.

– Следовательно, с переменой места установки меняется и место открытия портала, – вслух отметил Афанасьев. – Г-м-м. Нужно будет как-то вычислить подобную закономерность.

– Уже пытаемся это сделать, но данных пока мало для построения математической модели. Для этого нужна мобильная установка. А на это надо время.

– Да-да, я все прекрасно понимаю. Ты уж прости меня, Валя, за мои расспросы. Просто, хочется, как-то, чтобы всё было поскорее, что ли – попытался он объяснить свое поведение школьника-почемучки. И всё-таки не удержался и вновь спросил. – Подъезжаем? – спросил он, кивая на меняющиеся цифры табло.

– Да.

– Какова предельная глубина бункера?

– Около двухсот метров. Самое глубокое место в Москве, насколько мне известно, – пояснила она со знанием дела.

Он не стал поправлять её, хотя прекрасно знал еще пару местечек гораздо более глубоких чем это. Например, Главный командный пункт ПВО-ПРО, находящийся в Долгопрудном, располагался на глубине почти в двести пятьдесят метров ниже нулевой отметки, а Центральное Командование

РВСН и того глубже.

– Ни за что не поверю, будто это вы сами за два месяца вырыли такую нору!

– И правильно, что не веришь. Всё это нам досталось в наследство, – поддержала она его. – Предки умели строить бункера и бомбоубежища. Каждое крупное предприятие Москвы имеет такое бомбоубежище на случай ядерной войны. А мы просто слегка адаптировали его к современным условиям.

– Наверное, удобно проводить эксперименты подобного рода именно в бункере, – заметил Валерий Васильевич.

– По крайней мере, в плане невозможности несанкционированного проникновения посторонних на объект, – согласилась Николаева.

Когда кабинка, наконец, достигла низшей точки своего маршрута, двери лифта, всё также мягко распахнулись, выпуская из своего чрева главных лиц ночного собрания. Помещение, в которое они вышли, представляло собой хорошо освещенный матовым светом тамбур с довольно высоким потолком, против принятых стандартов для подземных убежищ. Здесь находился внутренний пост охраны. Их ждали. Двое охранников, одетых в камуфляж и сидящих за пультом, напомиавшим барную стойку, узнав в лицо руководителя государства, моментально вскочили с мест, отдавая честь. Это, впрочем, никак не отразилось на обязанности Афанасьева предъявить свои документы. Его примеру последова-

ла и Николаева, несмотря на то, что уже два месяца появлялась здесь каждый день, да еще по несколько раз. Пока проверяли его удостоверение на предмет подлинности, он всё пытался обнаружить дверь, ведущую в следующее помещение, но, как ни старался, ничего подобного на глаза не попадалось. Стены тамбура являли собой сплошной монолит. После сверки документов ему было предложено подойти к установке, стоящей в углу и чем-то напоминающей перископ в рубке подводной лодки. Всё тот же охранник попросил гостя приставить свои глаза к окулярам. Афанасьев безропотно выполнил процедуру идентификации по сетчатке глазного яблока. Это ему уже было прodelьвать не в новинку. В некоторых помещениях Министерства Обороны стояла аналогичная аппаратура. На основании изученных документов, второй охранник сделал у себя в журнале какую-то пометку. Тем временем первый охранник вновь обратил на себя внимание:

– Товарищ Верховный, я сейчас напишу на листке слово, которое послужит вам паролем при выходе обратно. Вы его прочтите про себя, запомните, как следует, но пока вслух не произносите, иначе придется его вновь менять.

С этими словами он крупными печатными буквами написал на листке бумаги слово «АЛГОЛЬ» и поднес его к лицу Афанасьева. Тот прочел и утвердительно качнул головой, удивляясь подобным новшествам в деле соблюдения безопасности.

– Ещё раз настоятельно прошу вас запомнить кодовое слово, – в голосе охранника звучали неподдельные просительные нотки, иллюстрирующие серьёзность положения.

– Да, запомнил я, запомнил, – досадливо поморщился Валерий Васильевич, но потом не удержался всё-таки от вопроса. – А что будет, если я забуду или перепутаю его?

– Не приведи Господи! – испуганно заморгал глазами караульный. – Если ошибётесь или запнетесь в произнесении, то скрытые в стенах крупнокалиберные пулеметы просто нашинкуют ваше тело мелкими кусочками! Так что вы уж постарайтесь там, как-нибудь не забыть, во имя сохранения вашей и моей жизни, – произнес он дрожащими от страха губами.

– Ого! – опять не удержался Верховный от восклицания, почесывая у себя в затылке. «А вот это уже что-то новенькое» – подумал он. – Валя! – обратился диктатор к своей спутнице, хитренько улыбавшейся, глядя на эту сцену. – Вы, что же каждый день проходите через это чистилище с подобными рисками?!

– Да, нет! Что ты такое говоришь?! – замахала она руками. – Мы по десять раз на дню спускаемся сюда. При таком раскладе, да в нашей суете, давно бы уж всех постреляли. Эта процедура только для тех, на которых выписан разовый пропуск. Система заточена против, так сказать, несанкционированного проникновения.

– А-а-а! – понятно протянул он. – Ну, тады показывай

куды иттить?

Второй караульный нажал на пульте неприметную кнопку и «фальшивая» стена справа от Афанасьева совершенно бесшумно разъехалась в стороны, открывая ещё одну дверь – настоящую, бронированную, которой даже выстрел из противотанкового гранатомета в упор не смог бы причинить существенного вреда. Сбоку от бронедвери тоже находились окуляры идентификации. Николаева сначала сама приникла к ним на мгновение, а затем уступила свое место Верховному. Эта дверь, несмотря на свою массивность, тоже открылась довольно быстро и бесшумно, любезно приглашая путников посетить запретное для посторонних место. На правах хозяйки Николаева первая переступила порог, отделяющий вчерашнее человечество от его возможного будущего. Афанасьев не умедлил последовать за своей провожатой. Коридор, в котором они оказались ничем таким особенным не отличался от таких же, как он, но расположенных в обычных офисных зданиях. Широкий, с высокими потолками и освещенный холодным светом, льющимся из круглых матовых плафонов, он, казалось, был бесконечным. Во всяком случае, нетренированный глаз посетителя никак не мог отыскать его конец, теряющийся вдаль. Чуткое ухо Афанасьева сразу уловило какой-то шелест и гул, идущий, кажется со всех сторон и ощутимый даже в ногах.

– Что это?

– Ерунда, не обращай внимания, – махнула она рукой. –

Шелест и шорох – циркуляция воздуха в шахтах вентиляции, а гул – это работа трансформаторов переменного тока.

По обе стороны коридора, изредка располагались, на этот раз, обычные деревянные двери, увешанные табличками с не совсем понятными надписями и аббревиатурами, такими, как, например «Операционная № 4», «Э-Л», «Элкт», «Л-И», «Операторская-1» и прочими. Афанасьев, стараясь не отстать от бодро семенящей чуть впереди пожилой мадам, с нескрываемым любопытством вертел головой по сторонам, так что шея заболела. Попутно задавал вопросы:

– Что означает «Э-Л» и «Элкт»? Это что-то связанное с электричеством?

– Да, – отвечала она, не поворачивая головы. И чтобы гостю было понятней, кратко поясняла на ходу. – «Э-Л» это Электрическая лаборатория, где мы экспериментируем с токами сверхвысокой частотности. А «Элкт» – это просто «электролизная».

– Ага, понятно, – соглашался он с ней, мало, что понимая на самом деле. – А чем отличается «операторская» от «операционной»? – продолжал он любопытничать. – Вы, что ставите тут опыты над людьми?

– В «операторских» сидят техники, удаленно управляющие некоторыми процессами, при которых очное присутствие человека небезопасно. А насчет «операционной», то да, ставим опыты, но только не над отдельными людскими особями, а сразу над всем человеческим, – со смехом отве-

тила она.

– Вы, это там, поосторожнее, со всем человечеством-то, – пропыхтел Валерий Васильевич, которого уже начала утомлять ходьба по бесконечному коридору. – А то, полезут к вам из прошлого всякие твари. Трусами не отмахнетесь от динозавров. Я сам про это кино смотрел с внуком. «Парк юрского периода» называется.

– Не бойсь, Василич, мы так далеко пока не заглядываем, – попыталась обнадежить его Валентина Игнатьевна, всё также шустро перебирая ногами.

– Кстати, – встал он посреди коридора, как вкопанный, – скажу, пока не забыл. Есть у меня один паренек. Связистом работает на узле закрытой связи. Головастый и рукастый. Вижу, что потенциал у мальчишки огромнейший, а он вынужден «телефонной» барышней тут кантоваться. Утонет он в этой рутине, а у него крылья. Ты бы присмотрелась к нему, а?

– Связист, говоришь? – задумчиво произнесла она, потирая лоб. – Связисты, тем более хорошие и головастые, нам вскорости понадобятся, если мы проникнем за грань. Связь будет нужна, в любом случае. Он уже имеет все необходимые допуски?

– Разумеется, – кивнул Афанасьев. – Иначе бы не работал в таком месте.

– Ну, тогда присылай его ко мне. Как, говоришь, его зовут?

– Вячеслав Рябцев. Старший лейтенант.

– Ладно. Я запомню. Пусть на проходной назовется и попросит меня. Примем, посмотрим, на что способен.

– Валя, ты же знаешь, я плохого не посоветую, – ласково прогудел Верховный обволакивая пожилую женщину одной из своих «фирменных» улыбок.

Тут у Афанасьева опять засвербело в мозгу от не прошенных мыслей, связанных со связью с потусторонним миром, но к счастью для Николаевой они уже добрались до нужной двери с надписью «Экспериментально-демонстрационная площадка».

– Нам сюда, – сказала она, решительно распахивая дверь и пропуская Верховного впереди себя.

Глава 72

I.

Из залитого светом коридора Афанасьев вдруг очутился в обширном, но полутемном помещении, чем-то, на первый взгляд, напоминающим кинотеатр, единственным отличием от которого было, пожалуй, небольшое количество кресел для зрителей в зале и несоразмерно с ним большая авансцена. Странно, но обширное пространство позади трех рядов кресел было совершенно пустым, как будто эту площадь оставили специально для танцев. Всё остальное было привычным: зрительный зал, авансцена и традиционное белое

полотнище киноэкрана на заднем плане. Не хватало только стрекота кинопроектора. Обыденность интерьера несколько разочаровала Валерия Васильевича. Он-то по своей наивности жаждал увидеть некое циклопическое сооружение в центре помещения загромождённого всяческой технической аппаратурой непонятного свойства и назначения, а его привели в сельский клуб, разве что чуть побольше оригинала. Когда глаза попривыкли к полутьме, он заметил, что зал уже заполнен почти до отказа. Все его соратники были уже здесь и тихо шушукались между собой в ожидании начала демонстрации. В первом ряду сидели члены Президиума. Из уважения к занимаемой Афанасьевым должности, два кресла в самом центре зала оставались пустыми. Остальные места заняли местные сотрудники и приглашенные Николаевой гости – Вострецов и Боголюбов. Валерий Васильевич, в смущении от того, что людям пришлось ожидать его появления, не мешкая прошел вперед и занял положенное ему место. Сама же Николаева поднялась на авансцену для того, чтобы еще раз поприветствовать собравшихся и дать предварительные пояснения перед началом демонстрации. Акустика в зале была хорошая, поэтому микрофон Николаевой не понадобился. Она обвела взглядом аудиторию и начала негромким, но уже «фирменным» и не режущим слух голосом:

– Товарищи! – обратилась она к гостям и сослуживцам. – Мы, я имею в виду, коллектив энтузиастов и единомышленников, а проще говоря, мечтателей, пригласили членов ру-

ководства страны, а также друзей и коллег по цеху, – кивнула она в сторону сидевших рядом в последнем ряду «но-воземельцев», – для того, чтобы продемонстрировать им результаты нашей работы в области, доселе обращавшей на себя внимание только писателей-фантастов. То, что мы хотим вам сейчас продемонстрировать – явление абсолютно новое, а потому, ещё мало изученное. Скажу честно, в некоторых внутренних процессах этого явления, мы и сами плохо разбираемся, поэтому объяснить внутренний механизм образования портала, с большой достоверностью пока не представляется возможным. Мы находимся всего лишь в начале долгого и трудного пути по изучению тайн окружающей нас природы и мироздания в целом. Весь процесс демонстрации я предлагаю провести в форме свободной дискуссии, которая, надеюсь, поможет нам выработать единый алгоритм подхода к дальнейшим исследованиям в этой области. Мы попытаемся дать объяснения тому, как это видим мы, а от вас мы тоже ожидаем полезных предложений по вектору и содержанию наших изысков. Если никто не против, то можно уже начинать, а я по ходу дела буду давать соответствующие пояснения.

Публика одобрила её предложение дружным молчанием. Сотрудники, сидящие в зале, машинально кивнули головами, а гости, пожалуй, за исключением Боголюбова, продолжали исподтишка шарить глазами по сторонам, в надежде отыскать-таки чудо-механизм, открывающий портал в иной

мир. Сама же Николаева отошла чуть в сторону, давая двум работникам вкатить на авансцену тележку, немного смахивающую на ту, в которой развозят еду по больничным палатам. Но это сходство было весьма условным. Тележка, хоть и была на колесиках, видимо, все-таки была тяжела, так как двое сотрудников, одетых в синие рабочие халаты, с видимыми усилиями толкали её вперед. За тележкой тянулся длинный и толстый, как пожарный шланг, электрический кабель. Вместо чашек и тарелок на её поверхности располагалось нечто вроде круглой клетки с толстыми вертикальными прутьями, в основании и на вершине которых были два кольца. Эти прутья и соединяли оба кольца, образуя «клетку». Внутри «клетки» находилась изящная металлическая рамка, в центре которой располагался какой-то то ли стеклянный кубик, то ли кристалл. Специальные держатели цепко фиксировали кубик по центру рамки. Выкатив тележку с «клеткой» на середину авансцены, рабочие, утирая пот со лба, покинули помещение.

– Операторская, – негромко произнесла Валентина Игнатьевна, глядя куда-то вверх голов приглашенных, – вы меня слышите?

– Слышим, – раздался, хорошо слышимый голос из динамика, расположенного неизвестно где, но складывалось ощущение, что он льется сразу со всех сторон.

– Начинайте помалу опускать, – отдала женщина не совсем понятное для посторонних распоряжение.

Где-то там под потолком, что-то тихо звякнуло. Гости задрали головы в темноту, силясь разглядеть источник постороннего звука, и только тут обратили внимание на непонятную конструкцию, тихо и плавно опускавшуюся сверху в пространство за спинами сидящих. «Вот оно!» – с придыханием отметил по себя Афанасьев, с интересом трехлетнего ребенка наблюдавшего, как массивный металлический шар, схожий с «рогатой» морской миной времен Второй Мировой, прикрепленный к телескопическому подъемнику (в данном случае «опускальнику») занимает собой свободное пространство. Теперь было понятно, почему позади кресел было так пусто. Это место предназначалось именно для аппарата. Шар был массивен. Это было видно даже невооруженным взглядом. И размеры у него были приличными. «В диаметре, наверняка больше пяти метров» – автоматически отметил про себя Афанасьев с нескрываемым сожалением, ибо уже заранее прикидывал его мобильный вариант. Такие размеры не позволяли поместить установку даже в грузовом отсеке «Руслана». Если по длине фюзеляжа в тридцать шесть и ширине в шесть с половиной метров, он еще как-то проходил, то по высоте никак не вписывался в минимальные габариты. Это обстоятельство сразу несколько подпортило настроение Верховному, размечтавшемуся о переброске портала в любую точку страны. Видимо его мысли работали в унисон с мыслями Рудова, сидящего рядом и пробормотавшего шепотом:

– Шибко велика, зараза.

Как говорилось ранее, «шар» был усеян небольшими рожками, но они располагались неравномерно на его поверхности. Их было много настолько, что в полутьме зала подсчитать точное количество не представлялось возможным. Во всяком случае, их было больше двух десятков. Рожки торчали только в направлении авансены. И теперь он уже казался не морской миной времен войны, а обычным ежиком, не успевшим свернуться в клубок. За «шаром», так же, как и за тележкой тянулись толстые кабели, как обожравшиеся удавы. Они были разными по толщине и по цвету. Всё это наводило на мысли о том, что во время работы касаться шара голыми руками категорически не рекомендуется. Смотреть назад, сидя в кресле и выворачивая шею было крайне неудобно, но одновременно с этим очень уж не хотелось пропускать того момента, когда установка заработает. Тем временем Николаева уже сошла с подиума и спустилась в зрительный зал. Поравнявшись с пустым креслом возле Афанасьева, она не стала садиться в него, а продолжила командовать процессом:

– Операторская, начинайте прогрев, – ровным, но все ещё хрипловатым голосом отдала приказ.

– Есть, начать прогрев, – раздался усиленный динамиками голос техника.

– Набирайте 50 единиц, после чего начинайте фокусировку на объект и его фиксацию по всем осям, – уверенно про-

должала Валентина Игнатъевна, попутно усаживаясь на свое место.

– Есть, набрать 50 единиц и начать фокусировку и фиксацией, – вторил ей монотонным голосом невидимый исполнитель.

Гости, максимально распахнув глаза и уши, внимательно следили за диалогом, затаив дыхание и боясь шевельнуться. Визуально пока ничего не происходило, но тактильные чувства присутствующих, сразу почуяли перемены в окружающей среде. Установка включилась и постепенно начала набирать мощность. Об этом свидетельствовал нарастающий гул, отдававшийся в подошвы через бетонный пол. И чем больше нарастала мощность, тем сильнее внутренний гул и вибрация передавались людям. У всех появилось ощущение того, что гудение постепенно передавалось от нижних конечностей до самой головы. Неподготовленные к подобным неудобствам, всегда связанным с большим электрическим напряжением, люди начали озабоченно переглядываться и заметно нервничать. Абсолютное спокойствие, не считая самих участников эксперимента, выражали только двое из гостей – Вострецов и Боголюбов. И если бы не их присутствие, то нервозность членов Президиума приняла более активные формы. Но даже эти непривычные ощущения не смогли победить природного любопытства гостей. Они, молча и стойчески ожидали развития сюжета. И все-таки Афанасьев не утерпел и первым нарушил молчание коллег:

– Может быть, любезная Валентина Игнатовна, пояснит нам суть производимых действий? Разумеется, без награждения научной терминологии.

– Охотно поясню, – не стала наводить она тень на плетень. – То, что вы видите у себя за спиной, одновременно является, скажем, так, трансформатором по преобразованию электроэнергии в сверхплотные потоки токов сверхвысокой частотности и пушкой. Но не той пушкой, в классическом её понимании, а в том смысле, что она направляет этот образовавшийся поток энергии по направлению к мишени. Мишень, как вы видите, находится перед вами. «Обстреливать» мы её будем через вот эти самые шипы, усеявшие поверхность шара.

– Пятьдесят единиц набрано. Приступаю к фокусировке, – равнодушным голосом вмешался в пояснения динамик.

– Приступайте, – милостиво согласилась пожилая леди.

По неслышному приказу из операторской, шипы на поверхности шара, до этого торчавшие в разные стороны, начали разворачиваться к центру авансцены, где стояла на тележке «мишень». Каждый из них теперь нацеливал свое острие в центр «кубика» висящего на невидимых нитях в клетке. Кажется, всё было готово к «обстрелу».

– Если не ошибаюсь, но всё это смахивает на то, чем в Сарове занимается группа Ковальчука, – решил лишний раз блеснуть эрудицией Тучков, который на досуге любил почитывать научно-популярную периодику.

– Не совсем так, молодой человек, – раздался чуть насмешливый старческий голос со третьего ряда.

Голос принадлежал академику Игорю Николаевичу Вострецову.

– Но вы правы в одном. Общий принцип связки «пушка – мишень» таков же, как и здесь. За исключением некоторых деталей. Установка «Искра-5», что, как вы правильно отметили, находится в Арзамасе-16, и призвана осуществить управляемый термоядерный синтез, используя для «обстрела» мишени лазерное излучение. Институт Экспериментальной Физики использует лазерные импульсы, несущие энергию порядка 1014 Вт, фокусируются на мишени симметрично со всех сторон.

Неожиданно для всех присутствующих академик оседлал своего любимого конька и опять перепутал гостей с лектором. Он встал с кресла, чтобы всем присутствующим было его хорошо видно и продолжил начатое:

– У них «мишень» представляет собой сферическую ампулу, содержащую несколько миллиграммов дейтериево-тритиевой смеси в виде льда (при температуре ниже 14 К) или газа под давлением до нескольких сотен атмосфер. Ампула окружена несколькими оболочками. Внутренние оболочки и экраны предохраняют содержимое от перегрева; внешняя, испаряясь под действием лазерного импульса, разлетается и создает реактивный импульс, который, складываясь со световым давлением, сжимает содержимое мишени.

Лазерные импульсы, как я уже отмечал, несущие энергию порядка 1014 Вт, фокусируются на мишени симметрично со всех сторон. Оболочка ампулы за время, гораздо меньшее длительности импульса, испаряется, ее вещество ионизируется и превращается в плазму (так называемую корону), которая разлетается со скоростью до 1000 км/с. Лазерное излучение взаимодействует с плазмой по очень сложным законам и нагревает ее. Энергию из короны переносят в плотные слои мишени "горячие" электроны. Тепловой поток испаряет и нагревает новые слои оболочки, в результате чего вся энергия лазерного импульса превращается в тепловую и кинетическую энергию разлетающегося вещества. Его отдача и тепловое давление создают на границе испарения импульс сжатия более 106 атмосфер. Плотность вещества в периферийной части мишени возрастает до 102 – 103 г/см³, а в центральной – до 5 – 50 г/см³. При этих условиях во всей массе дейтериево-тритиевой смеси возникает термоядерная реакция. Здесь же, насколько я понимаю, при общей схожести принципов, имеются свои характерные особенности, о которых хотелось бы узнать подробнее, – закончил он свою мини-лекцию, обратно усаживаясь в кресло.

Настал черед держать ответ Николаевой. Она попыталась встать, но Афанасьев удержал её от этого намерения, сказав негромко:

– Да, не вскакивай, ты. Чай не на собрании! Говори сидя. И так все услышат.

Ей ничего не оставалось, как подчиниться откровенному давлению со стороны высшей власти. Однако за словом она в карман не полезла, шутливо проворчив так, чтобы всем хорошо было слышно её напускное негодование:

– Вот вам наглядный пример, как власти не дают людям прыгнуть выше головы.

В зале по достоинству оценили её шутку сдержанными смешками.

– Ладно, – прервала она смех. – Попытаюсь комментировать сидя. Сразу хочу поблагодарить своего коллегу и давнего друга – академика Вострецова за информационную справку, которую он дал относительно работ, проводимых ВНИИЭФ в Сарове. Да, общие принципы у нас довольно схожи. Отличия заключаются лишь в деталях. В Сарове «мишень» подвергается «обстрелу» лазерами, находясь внутри самой установки, У нас же, «мишень» вынесена за её пределы, – кивнула женщина в сторону тележки на колесах. Да и «стреляем» мы не лазером, а направленным и консолидированным пучком высокочастотных токов.

Тут Николаева слегка пожевала губами, как бы собираясь с мыслями, чтобы сказать нечто важное, и продолжила. – В отличие от коллег из проекта «Искра-5», наше действие будет выглядеть более феерично. И визуально, и с прочими эффектами. Впрочем, не буду забегать вперед, сами всё увидите, – сказала она и замолчала.

– А что вы можете сказать по поводу самой «мишени? –

опять вылез зело любопытный потомок аристократов.

– Ах, да, – спохватилась старушка. – Забыла сказать, что в нашем случае, в качестве «мишени» присутствуют молекулы металлического водорода, находящегося в среде относительного вакуума.

– Как, металлического?! – воскликнули разом Тучков и Вострецов. Причем, академик даже вскочил со своего места в душевном порыве. Такое дружное удивление, граничащее с потрясением, объяснялось начитанностью жандарма с одной стороны и профессиональными познаниями академика – с другой.

– Валя! – не удержался Вострецов от панибратского восклицания. – Что ты такое говоришь?

– А, что?! – обернулась Николаева на возглас Вострецова. – Разве я сказала какую-то глупость?!

– Ты сама до конца не понимаешь, что говоришь! – вскинулся Игорь Николаевич. – Металлический водород, существование которого было предсказано еще в тридцатых годах прошлого века, является мечтой вот уже нескольких поколений ученых! А ты, с бухты-барухты заявляешь тут во всеуслышание о том, что у тебя он имеется в количестве, достаточном, чтобы участвовать в экспериментах!

– Ну и что тут такого особенного? – жеманно пожала плечиками Валентина Игнатовна.

– Как это, что?! – взвился Вострецов, моментально впадая в ярость. – Лучшие умы всего света бьются над этой пробле-

мой без малого сотню лет! А ты говоришь о нем так просто! Прости Валя, но я тебе не верю!

– А в портал, который мы с покойным Римилием Федоровичем открыли, тоже не веришь? – встала она с кресла и саркастически улыбнулась щербатым ртом, на миг, превращаясь опять в Бабу-Ягу. – И причем тут мировые светила и сто лет их упорного труда?

– Как причем?! – на секунду опешил академик, но быстро взял себя в руки. – Ты представляешь, что надо для получения металлического водорода, в теории?! – продолжал он неистовствовать.

Приглашенная публика в недоумении крутила головами, в абсолютной растерянности от научного спора двух уважаемых персон. По дороге сюда никто из них не предполагал оказаться в эпицентре подобных баталий.

– С самого начала предсказывалось, что перевод водорода в металлическое состояние возможен только под воздействием огромного давления – 250 тысяч атмосфер, – начал Вострецов очередную мини-лекцию. – Немного позже эта точка зрения была пересмотрена. Специалисты повысили оценку давления, которое требуется для фазового перехода. Всё это время условия перехода считались достижимыми, и ученые пробовали «взять планку», необходимую для перехода водорода в новую фазу. Впервые металлический водород пытались получить ещё в 1970-х. Повторные попытки были предприняты, помнится мне, в 1996, 2008 и 2011 году. Науч-

ная периодика сообщала, что в 1996 году ученым из Германии, запомнил их фамилии, удалось на несколько микросекунд перевести водород в металлическое состояние, хотя не все согласны с этим. Что касается давления, необходимо для получения металлического водорода, то с развитием квантовой механики и физики вообще стало понятно, что давление должно быть примерно в 20 раз более высоким, чем считалось ранее – не 25 ГПа, а 400 или даже 500 ГПа. Где и на каком оборудовании ты, скажи мне на милость, смогла создать такое давление?! – кричал и размахивал руками Вострецов, входя в раж научного спора.

– Да, знаю я об этих исследованиях! – легкомысленно махнула она своей сухонькой ручкой, будто отмахиваясь от мошкары. – Не за печкой уродилась. Журнальчики-то научные тоже почитываем иногда от скуки. Немцам для этого пришлось создавать новые технологии и разрабатывать новые методы. Добиться желаемого получилось благодаря использованию двух алмазных наковален.

Прочность наковальни была усилена напылением из оксида алюминия, которое оказалось непроницаемым для атомов водорода. Образец водорода был сжат между заостренными концами двух алмазных наковален и при давлении в 495 ГПа ученые добились перехода образца в металлическую фазу, – скучным голосом информировала она ничего толком не ображавшую публику.

Из всей делегации высших сановников, ну, возможно

только Юрьев, в силу своей прежней специальности, с трудом понимал кое-что из сказанного, но по его застывшему лицу этого было никак не понять. А, что до остальных членов Президиума, то они всё еще пребывали в состоянии полной прострации. Баба-Яга, опять обернувшись в работника интеллектуального труда, продолжала:

– Во всяком случае, образец сначала потемнел, а затем стал отражать свет, попутно проводя электрический ток. По заверениям ученых, в таком состоянии металлический водород пребывал несколько миллисекунд. После этого было еще несколько публикаций от англичан и американцев, но все они нуждались в подтверждении и, соответственно, в публичном повторе, что сделано не было, – закончила она, намереваясь сесть обратно, но сверчок-академик не дал ей этого сделать.

– Постой, Валентина! Не имей привычки вилять своим лисьим хвостом! – погрозил он ей своим корявым от артрита указательным пальцем. – Говори, как на духу, как и когда тебе удалось достичь такого давления?!

Пришлось бабушке опять вставать и принимать боевую стойку.

– Сначала выскажусь по поводу того, когда пришла эта идея. Сразу замечу, что идея не моя. Она принадлежит моему покойному учителю и руководителю – Римилию Федоровичу Авраменко. Мы тогда, в начале 90-х, усиленно работали над созданием плазмоида. Экспериментируя с интенсив-

ной ионизацией влажного воздуха, мы помимо плазменного образования, в качестве побочного продукта при соединении легчайших элементов получали водород, с которым долгое время не знали что делать. Вот мы и думали, куда нам приспособить этот побочный продукт. Установка по преобразованию электроэнергии в токи сверхвысокой частотности у нас уже тогда имелась. Конечно, не такая шикарная, как эта, – кивнула она в сторону продолжавшего гудеть ошестившегося «ежа», – но тоже, достаточно, мощная. А в силу того, что Римилий Федорович, вообще, отличался феноменально широкой эрудицией, он, зная о дискуссиях связанных с металлическим водородом, предложил мне поэкспериментировать с обычным водородом. Дело в том, что водород, в этом плане, является самым простым элементом. У него всего один электрон и один протон. Следовательно, отследить траекторию одного электрона было гораздо проще, чем у его ближайшего соседа по периодической таблице – гелия. Действовали, чисто по-русски – методом банального тыка. Кстати, именно тогда и родилась идея нагревания не самого ядра или электрона атома, а его трека. А тут еще Римилий Федорович вспомнил, что физики-теоретики в своих дискуссиях по поводу металлического водорода с достаточной уверенностью спрогнозировали его уникальную метастабильность. А метастабильность при изучении электронных треков важна, как никогда. Так родилась идея получения металлического водорода, – развела она руки по сторонам, и как бы, тем са-

мым, оправдывалась за свое невольное открытие.

– Но давление?! – опять выкрикнул академик. – Как вы смогли его добиться?!

– Ах, Игорюша! – всплеснула старушка ручками. – Ты, который большую часть жизни занимался тем, что взрывал атомные бомбы, задаешь мне такой вопрос? Тебе ли не знать силу давления ядерного взрыва в эпицентре?

– Вот, именно! – обрадовался он, чувствуя, что одерживает верх в этом споре. – Вот, именно! Да, при ядерном взрыве давление в его эпицентре – колоссально, но этот же взрыв, вместо того, чтобы уплотнить водород, просто снесет его к чертовой матери!

– Это, смотря, что и как взрывать, – хитренько прищурилась Николаева. – Специально подобранный и правильно расположенный заряд взрывчатого вещества создаст на миллисекунды нужное давление. К тому же, как тебе должно быть известно, взрывы тоже бывают разными. Практика знает три вида взрывов: мгновенный, короткозамедленный и замедленный. В данном случае мы применили короткозамедленный взрыв, который создал необходимое давление и в то же время не нарушил структуру водорода, или если тебе удобней так называть, то дейтерия.

Ещё никто и никогда не видел Вострецова в таком растерянном виде, как сейчас. Обычно последнее слово всегда оставалось за ним. А тут такой конфуз. Да еще и от пожилой бабушки – Божьего одуванчика. За такое небывалое зрелище

впору было платить хорошие деньги. Афанасьев испытывал неимоверное чувство удовлетворения от этой перепалки. И не считал нужным скрывать это от своих коллег. Впрочем, коллеги и сами почуяли, что маститый академик на этот раз, кажется, терпит сокрушительное поражение, хоть и не желает в этом признаваться до конца.

– Но, как тогда тебе удалось зафиксировать результат? Ведь в состоянии металла водород пребывает всего лишь на миллисекунды. Неужели эта конструкция, – дернул он подбородком в сторону тележки, – является электромагнитной ловушкой?

– Молодец, Игорек! – подняла Николаева кверху большой палец, в знак наивысшего одобрения. – Я всегда знала, что у тебя «золотая» голова! Точнѐхонько! Это и есть электромагнитная сферическая ловушка! Прутья «клетки» обеспечивают осевое магнитное поле, а нижняя и верхняя поверхность – продольное.

Вострецову нечего было на это ответить, поэтому он несколько мгновений потоптался, переступая с пяток на носки, а затем резко опустился в свое кресло. До конца насладившись своим триумфом, бабушка удовлетворенно сложила накрашенные по такому случаю губки и произнесла, обращаясь в зал:

– С вашего позволения, я продолжу. Получив металлический водород, нам стало гораздо проще оперировать с его метастабильной структурой. Высокочастотным токам, таким

образом, стала доступна опция по точечному нагреванию отдельных частей атомов водорода. Не затрагивая его ядро, нам удалось разогреть, а по сути, увеличить до невероятных размеров электронные треки. А это означало, что все внутриатомные процессы, с увеличением длины треков увеличились на десятки порядков. Отсюда пошло резкое замедление внутриатомных процессов. По большому счету, это можно считать, как один из возможных методов замедления времени, вплоть до его остановки, хотя бы на микроуровне. После чего, нам оставалось только канализировать этот процесс в пространстве. Для этого оказалось достаточным увеличить интенсивность потока высокочастотных токов. Эти потоки и разрушили целостность времени, как понятия. Результатом такого пробития и явился портал. Вот, собственно говоря, и всё. Операторская! – обратилась она к техникам. – Начните обстрел, а когда наберете насыщенность потока до 60-ти единиц – фиксируйте треки. После фиксации, добавляйте до 70-ти и открывайте канал.

– Принято, – коротко ответил оператор, и гудение от высокого напряжения усилилось, отдавая неприятным зудом в ногах у присутствующих.

По той поверхности «ежа», что была обращена в сторону авансены с тележкой, вдруг, забегали быстрые и нестерпимо яркие искры электроразрядов, напоминающие молнии. А на самых кончиках «иголок» этого ежа образовались небольшие сгустки плазмы, вот-вот готовые сорваться с места. В за-

ле отчетливо запахло озоном. Подавляющее число зрителей в зале, вывернув шеи, замороженно наблюдали это феерическое действо, хотя главные события происходили в противоположной стороне. И только сами участники эксперимента знали, куда надо смотреть, чтобы увидеть настоящее чудо. «Кубик» с запертым внутри него дейтерием сначала слегка задымился, а затем неожиданно вспыхнул маленькой, но чрезвычайно яркой звездочкой и тут же на белом полотне, что было растянута позади тележки с «мишенью» образовалось бледное пятно, словно сильно размытый по краям солнечный зайчик. Пятно стало расширяться, а его края до этого не имевшие очерченного контура стали более контрастными. Пятно меняло не только размеры, но и конфигурацию. Спустя несколько мгновений оно было идеально круглым с резко очерченными краями и множеством искр, вспыхивающих по всему его периметру. Наконец, пятно достигло размера диаметром, примерно, в полтора метра, после чего прекратило увеличиваться, видимо, достигнув предела своих физических возможностей. Публика замерла, затаив дыхание. Людям одновременно верилось и не верилось в происходящее. Все ждали продолжения невероятного спектакля. И он не обманул ожидания. Ненадолго замерев, подрагивая своими окраинами, пятно стало изменяться качественно. Бледно-белёсое и мутное поначалу, оно постепенно приобретало резкость. Уже через минуту зрители в полном изумлении могли наблюдать потусторонний мир во всей его

красе. Наиболее нетерпеливые и импульсивные из них, как например, Вострецов и Рудов, даже вскочили со своих мест, дабы хорошенько рассмотреть открывшийся вид иномирного, но вместе с тем, такого знакомого природного ландшафта. На фоне белого полотна отчетливо и поразительно реалистично наблюдался пейзаж, который был типичен для средне-русской возвышенности. Обратная сторона пятна, что находилась по ту сторону пространства, располагалась на уровне человеческого роста, поэтому наблюдать за окружавшей её средой не представляло никакого затруднения. Взору публики открылась довольно обширная лесная поляна среди березовой рощи. Наличие этого дерева явственно свидетельствовало о том, что данная местность располагается примерно в тех же широтах, что и нынешняя Россия. Судя по тому, что у подножия деревьев, кое-где с тенистой стороны, оставались небольшие кучки сильно подтаявшего снега, на календаре был конец марта или самое начало апреля. Деревья еще стояли голыми, но первые и робкие подснежники, пробившиеся сквозь потемневшую прошлогоднюю листву, уже тянули свои нераскрывшиеся лепестки к солнцу. Поверить, что открылась дыра в иное время или паче того – в иной мир, никто из присутствующих гостей не мог со стопроцентной достоверностью. А признаков того, что увиденное ими, не является умело проделанной мистификацией, не наблюдалось. И основными признаками реальности существования потустороннего пространства были температура,

запах и легкий ветерок. Как и положено, по нормам охраны труда, во всех помещениях, не требующих специального климатического режима, поддерживалась рабочая температура $+21^{\circ}\text{C}$, при соответствующей влажности. Сейчас же, публика буквально на себе почувствовала явное дуновение довольно прохладного ветерка. Дуновение и спад температуры доставляли некий дискомфорт всем, кто находился в зале. Шутка ли? Если в помещении было относительно тепло, то по ту сторону, учитывая время года, было едва ли чуть больше 0°C . Запах весеннего леса, который принес с собой ветерок из далекого прошлого, тоже будоражил воображение почтенной публики. Они с недоверием и нескрываемым любопытством осторожно втягивали ноздрями запахи, от которых уже давно отвыкли, пребывая всё время в душной атмосфере мегаполиса. Не сказать, что все они, избалованные привычными условиями городского быта, были в восторге от ощущения, что находятся в лесу. Однако они готовы были вытерпеть еще и не такое, ради того, чтобы прикоснуться к великой тайне мироздания. Как бы читая мысли гостей, Валентина Игнатьевна прокомментировала общие ощущения, связанные с открытием портала:

– Ветер – побочное проявление открытого портала. На открытой местности давление воздушных масс выше, чем давление внутри помещения. Так, что, товарищи, с этим придется смириться.

– А вы провели анализ воздуха, занесенного оттуда к

нам? – выразил толику беспокойства свержосторожный эсве-эровец. – Нет ли в нем каких либо патогенных возбудителей?

– Не беспокойтесь, Дмитрий Аркадьевич, – ответила ему Николаева, которая уже хорошо знала все имена членов Президиума, – мы провели всесторонние исследования в этой области и не нашли каких бы то ни было отклонений от нормы. Разве, что отсутствие примесей в составе воздуха, которые сопутствуют, увы, любому крупному городу.

Портал, тем временем, чуть подрагивая краями, продолжал транслировать картинку иномирного бытия. Довольно крупная черная птица, издавек не разберёшь, то ли это грач, то ли ворон, села на ветку березы – голую, а оттого и кажущуюся хрупкой и внимательно стала всматриваться в людей, удобно расположившихся в креслах за сотни, а может даже и тысячи лет от неё. Птица наклоняла голову, то влево, то вправо, пытаясь понять, нет ли опасности от того, что она видит. После продолжительных раздумий она все же решила, что вреда особого ей не будет, а потому задрав одно из крыльев, принялась клювом вычищать и приводить в порядок перья, уже не обращая внимания на замерших в оцепенении людей. Благоговейное молчание вновь перебил Барышев, одолеваемый синдромом Фомы-неверующего:

– Э-э-э, – протянул он, пытаясь подобрать необходимые слова, – любезная Валентина Игнатьевна, всё, что вы нам сейчас продемонстрировали, разумеется, достойно всяческих похвал, за проделанную работу, но все же нам, в дан-

ном случае я говорю от имени всех моих коллег, хотели бы иметь более убедительные доводы в пользу существования портала.

– Что вы подразумеваете под словом «убедительные»?! – насмешливо вспыхнули глаза руководительницы проекта.

– Я хочу знать, что будет со мной, если я сейчас встану и просуну руку «туда»? – ткнул он в сторону подрагивающей окружности.

– А вот вы встаньте и сами просуньте, – едко улыбнулась она ему в ответ. – И мы посмотрим, что с вами случится.

– Э-э-э, – вновь замялся Барышев, – собственно говоря, я не имел в виду именно себя..., – начал он откровенно юлить. – Просто, гипотетически рассуждая...

– Еще никогда Штирлиц не был так близок к провалу, – хохотнул сидящий рядом с ним Тучков, комментируя робость соратника.

Тот сердито зыркнул в его сторону и буквально процедил:

– Скалится-то мы все горазды. Вы, вон, сами тогда идите и попробуйте, коли такой смельчак.

– Извольте, – вскочил Николай Павлович, словно напряженный. – Я, готов.

С этими словами он решительно двинулся к авансцене, спрашивая на ходу у Николаевой:

– Ничего, если я попаду под излучение ваших высокочастотных токов?

– Ничего, страшного, – подбодрила его старушенция, вос-

хищенная бесшабашностью жандарма. – Мелкое покаявание, вроде того, что бывает, когда отсидишь ногу.

– Добро, – кивнул тот, не замедляя шагов.

– Да, и вот еще что... – кинула она ему вдогон. – Постарайтесь ни в коем случае не касаться края портала.

– Это опасно? Чем? – взволнованно подал голос военный разведчик.

– Всё может быть опасным, когда имеешь дело с напряжением в миллион вольт, – уклончиво пояснила свои опасения Николаева.

Бодрой рысцей, Тучков буквально взлетел на авансцену, и нисколько не замедляя шага, подошел вплотную к порталу. Остановившись возле него, он внимательно всмотрелся вглубь чужого (а может и не чужого) пространства. Тишина в зале была гробовая. Люди, кажется, в эти мгновенья перестали даже дышать. Причем, это относилось не только к гостям, но и сотрудникам. Николай Павлович оглянулся и обвел своим чуть насмешливым взглядом всех собравшихся. Ветерок из портала слегка шевелил курчавые волосы на его голове. Все ждали, что он просунет «туда» свою руку, проведет ею серию манипуляций, чтобы удостовериться самому и убедить гостей в реальности существования потустороннего мира.

– Скажите, кто-нибудь из ваших сотрудников уже побывал там? – задал он вопрос Николаевой, продолжая лукаво улыбаться.

– Из людей – нет, – тут же ответила она, кажется, догадываясь, что собирался затеивать этот великовозрастный мальчишка, – но лабораторные мыши..., – не успела она договорить.

– В таком случае, я буду первым, – подмигнул он публике и, пригнувшись (рост у жандарма был под два метра) юркнул внутрь портала.

Никто ничего не успел сказать, а тем более что-то предпринять, дабы уберечь сорвиголову от опрометчивого ребяческого, как ни крути, поступка. Только сама Николаева смогла выдать из себя неопределенное междометие, очень смахивающее на ненормативную лексику (всё-таки годы, проведенные на поселении дали о себе знать). Остальные, включая бравых генералов, не смогли сделать и этого, пребывая в состоянии полнейшего паралича. Единственное на что они сейчас были способны, так это разинув рты наблюдать, как их окончательно распоясавшийся коллега позволяет себе резвиться на природе, как ребенок, выпущенный ненадолго погулять строгими родителями. Он бегал по поляне, высоко вскидывая ноги, как жеребчик, вздымая брызги прошлогодней грязи и подтаявшего снега, нелепо размахивал руками и что-то, видимо кричал восторженное, но экран портала плохо пропускал звуки, поэтому прибалдевшие зрители могли слышать только обрывки радостных воплей своего товарища. Зрелище было непривычным даже не потому, что до сих пор никто из смертных не пересекал грань меж-

ду мирами, а потому, что в этом действе принимал участие не кто-нибудь, а сам глава политического сыска. Никто не ожидал, что в человеке, перешагнувшем порог полувекового возраста, отягощённом погонами генерал-полковника, вдруг взыграет юность в пятой точке. Первым пришел в себя, как это и положено общепризнанному лидеру, Афанасьев, вскочивший с кресла и заоравший во всю глотку, потрясая кулаками в воздухе:

– А ну, немедленно назад, паршивец эдакий! Я кому сказал, мать твою?!

Тучков не мог не услышать грозного диктаторского рыка, поэтому замер на миг, после чего нахально помахал рукой, и, не обращая больше внимания на вопли Верховного зачем-то нагнулся к самой земле, что-то выискивая на ней у себя под ногами. Когда он, наконец, разогнулся, то все увидели у него в руке скромный букетик подснежников. После чего он, как ни в чём не бывало, подошел к порталу, и прежде чем шагнуть домой, оглянулся назад, с явным сожалением, сквозившим на лице. Осторожно пригнувшись и переступая невидимый порог, он очутился по эту сторону действительности, принеся с собой запах свежести и дикого леса. Не успел он сделать и пары шагов, оставляя за собой на бетонном полу мокрые и грязные следы от своего потустороннего пребывания, как к нему ринулись со всех сторон сотрудники НПО и гости, будто это был не Председатель зловещего КГБ, а, по меньшей мере – Юрий Гагарин. Ему хотели было устро-

ить традиционное подбрасывание кверху на руках, как первопроходцу в иные миры, но он невероятным ужом, не выпуская из рук букета, вывернулся от вцепившихся в него со всех сторон людей и подошел к Николаевой. Все невольно расступились, образуя пустое пространство вокруг них.

– Дорогая Валентина Игнатьевна! – торжественным голосом и уже на полном серьезе обратился он к пожилой женщине. – Позвольте мне от себя лично и от всех людей, что пока даже не догадываются о вашем существовании, преподнести вам этот скромный букет в знак признательности за подаренный человечеству Новый Мир.

Произнеся эти слова, он привстал на одно колено и протянул растерявшейся и засмущавшейся женщине первые весенние цветы некогда недостижимого, а теперь такого близкого Нового Мира.

Она приняла букетик из его рук и окунула в них свое лицо, наслаждаясь запахом весны и надежды.

– Разрешите мне припасть губами к рукам, подарившим всем нам Светлое Будущее и второй шанс на исправление прежних ошибок! – не вставая с колен, выразил он общие мысли, витавшие в головах у большинства из присутствующих.

Никак не ожидавшая такого развития событий виновница торжества робко протянула ему для поцелуя свою сморщенную старческую, слегка дрожащую руку. Он с чувством прикоснулся к её потемневшей и сухонькой, как куриная лапка

руке. Поддаваясь всеобщему душевному порыву, люди начали дружно хлопать в ладоши. А обделенная доселе мужским вниманием пожилая женщина, уткнув лицо в скромное подношение, то и дело повторяла:

– Ну, гусар, Палыч! Ну и гусар!

Никто не остался в стороне. Люди выражали свой восторг по поводу случившегося научного прорыва, оставившего позади себя все прежние достижения человечества, такие, как овладение атомом и выходом в космос из тесной колыбели человечества. А еще была гордость за себя, за страну, за всех людей, населяющих пространство одной седьмой суши, за всех тех, кто своим существованием приближал этот долгожданный миг и за тех, кто так и не дожил до новой эры человечества. Людской радости, казалось, не будет предела. Дай им волю, и они бы продолжали восхищаться и хлопать в ладоши до самого утра.

Глава 73

I.

Впрочем, даже среди этого всеобщего единодушия нашлись персоны, не разделявшие этих восторгов. Первым был Дмитрий Аркадьевич, уязвленный до глубины души тем, что коллега по цеху, в отличие от него самого, смог преодолеть в себе внутренний страх перед неизвестностью. Он всерьез

опасался того, что после этого у кого-то могут возникнуть сомнения относительно его личной храбрости. Барышев, по своему был человеком не из трусливого десятка, но в то же время слыл личностью умевшей сохранять голову холодной при любых обстоятельствах. Поэтому таких авантюрных поступков, как сейчас совершил Тучков, от него ожидать не следовало. Но руководитель СВР – человек амбициозный и обидчивый откровенно боялся, что его осторожность создаст ложные впечатления о его личном бесстрашии. Не сказать, чтобы он затаил обиду на Николая, все-таки он не был мелочным по натуре, но и притворяться, будто ничего не произошло, посчитал для себя неприемлемым. Он, конечно, был в числе тех, кто искренне приветствовал благополучное возвращение своего соратника и с должным чувством пожал его крепкую ладонь, но в то же время, никак не мог изобразить на своем лице восторг, оставаясь серьезным и сосредоточенным. Вторым человеком, сохранившим хмурость лица, был, естественно, сам Афанасьев, не привыкший к тому, чтобы кто-то игнорировал выраженное им недовольство. Он тоже слыл человеком никогда не совершающим необдуманных поступков. Но, в отличие от главнелегала, заботящегося о чести мундира, опасался, прежде всего, за безопасность целого мира, врученного ему в управление. Ведь никому было неизвестно, какую заразу из неизведанного мира мог принести Тучков на подошвах своих ботинок. И хотя сама Николаева уверяла, что все анализы проб из потустороннего ми-

ра были проведены, но чем черт не шутит? И в данном случае, позицию Верховного можно было понять и принять. Но, нет. Вокруг были только радостные и беззаботные лица. Даже научный персонал невольно поддался этому щенячьему восторгу. И эта безалаберность больше всего сейчас угнетала Валерия Васильевича.

В пылу приподнятого настроения, никто не обратил внимания на Николаеву, незаметно отдавшую приказ о выключении установки. Гудение гигантского трансформатора тут же оборвалось и это сразу все почувствовали по тому, как вместе с гудением прекратилась и мелкая вибрация пола под ногами. Но людям, окрыленным только что увиденным зрелищем, впечатлений и так уже хватило на всю оставшуюся жизнь. Они знали, что новая эра уже наступила и вскоре такие демонстрации уже будут делом совершенно обыденным. Нужно было всего лишь чуточку ещё потерпеть. У всех, словно бы открылось второе дыхание, и они теперь твердо знали, что стоят на правильном пути. И что самое главное – знали, в какую сторону им предстояло идти.

И всё-таки недовольство Афанасьева было напрасным. Абсолютное большинство из тех, кто сейчас находился в этом зале, являлось людьми зрелыми, за редким исключением, и трезвомыслящими, а потому, не привыкшими бесконечно выплескивать свои эмоции. Радость радостью, а природная и неизбывная тяга к новым познаниям взяла у них верх над эмоциональной составляющей. Поэтому, как толь-

ко начали стихать восторженные возгласы, им на смену тут же пришли расспросы «первопроходца» об эффектах, сопутствовавших его перемещению по времени.

– Скажите, как выглядит портал с той стороны? Ощущали ли вы затруднения при переходе? Имелись ли отличия между мирами в гравитации? Сколько времени, по вашим внутренним ощущениям вы пробыли там? Часы! У вас на руке часы! Какое время они указывают?

Эти и многие другие вопросы сыпались на бедного Тучкова, как из Рога Изобилия. Он, в силу своей образованности, как мог, старался удовлетворить законное любопытство окруживших его со всех сторон научных деятелей, допущенных к экспериментам, в то же самое время, удивляясь их неосведомленности.

– Позвольте, товарищи, разве вы уже не раз открывавшие портал, не сумели самостоятельно выяснить факты, о которых сейчас меня допрашиваете?! – не скрыл он своего недоумения.

– Мы открывали портал всего три раза, да и то на непродолжительное время, – ответил за всех и одновременно пожаловался одетый в джинсовку бородатый детина лет тридцати пяти, больше похожий на абрека, чем на ученого. (Николаева еще в вестибюле представила всех занятых в проекте, но у Афанасьева вылетели из головы все имена). – Причем, все три раза – не более чем на пять-десять минут, – продолжал он басить обидчиво. – Первый раз, когда мы уточ-

няли потустороннее время. Второй раз, когда взяли образцы воздуха и грунта. И в третий раз мы выпустили лабораторных мышей, чтобы выяснить их состояние до и после перехода. Вот, собственно, и всё, что нам пока удалось сделать.

– Мы даже не успели сделать привязку на местности, – поддержал товарища другой молодец, тоже не старей, но видом более подходящим для научного сотрудника, так как был одет в синий халат технического персонала. Валентина Игнатъевна не разрешает включать установку надолго.

– Но почему?! – обернулся Николай Павлович в сторону Николаевой.

– К сожалению, установка жрет чертову уйму энергии, – горестно вздохнула научный руководитель «Мечты». – Мосэнерго и так уже дважды подавал на нас жалобу в Минэнерго за сбои в электроснабжении столичного округа. Вот увидите, завтра будет очередная жалоба. Если бы не Виктор Михайлович, на нас уже давно подали бы в суд. Пока мы не получим автономный источник питания для нашей установки, о длительном включении портала не может быть и речи, – подвела она итог печалям своих подчиненных.

– Пусть только попробуют подать! – встопорщился Тучков сразу. – Живо огребут, как саботажники!

И тут же переменив пластинку настроения на конструктивный лад, продолжил.

– Ну, уж, коли так сложилось, и я стал невольным экспериментатором, то, извольте, доложу по порядку. Каких либо

затруднений при переходе «туда» у меня не возникло, будто перешел из дома на улицу. А вот при возвращении немного ощущалось сопротивление, как будто из киселя выползал. Но уверенно утверждать не берусь. Может это просто эмоциональное состояние демонстрировало эффект заторможенности. Наверное, не хотелось организму так быстро покидать новый мир.

– Это вполне объяснимо, – перебил рассказ еще один участник проекта, выглядевший наиболее академично, видимо потому, что возрастом был постарше предыдущих ораторов, и одет не в спецовку, а в костюм. А «академичности» ему добавляли очки в массивной оправе. – Наш портал, как вы уже заметили, пока не слишком стабилен, и эта нестабильность, ничуть не мешая выходу, создает трудности на входе. Портал у нас односторонний. И я, вообще, удивляюсь, как он пропускает назад предметы из потустороннего мира. Для полноценной его работы необходим, как минимум, такой же источник энергии, но с той стороны.

– Как вы собираетесь решать эту проблему, милейший Альберт Валентинович!? – раздался из-за спин насмешливый голос еще одного представителя фундаментальной науки, не желавшего выходить на первый план. – Даже, если вы перетащите туда Белоярскую ГЭС, то это не решит всех проблем. Вы не учли самого главного! Векторы наложения встречных энергетических потоков, просто приведут к колоссальному взрыву!

– Что за чушь вы несете, дорогой Эльдар Александрович?! – в раздражении ответил очкастый невидимому собеседнику. – Ядерный реактор решит все проблемы энергообеспечения. А энергопотоки, если будут отрегулированы по силе и частоте не встретятся. Каждый из них будет «обслуживать» только свой портал.

– Вы сначала, коллега, просуньте этот реактор в дырку сечением полтора метра! И уж после этого заявляйте о найденном решении, – разозлился в свою очередь невидимый собеседник. – Посмотрите на критическое сечение рабочей камеры ядерного реактора и, прикиньте, каков в диаметре должен быть портал. Для того, чтобы сотворить этот – в полтора метра, мы обесточили половину столицы, а при увеличении его диаметра энергозатраты возрастут на порядки!

Мало что понимающие в научном споре члены Президиума только вертели головами в направлении спорщиков.

– Вот видите, Валерий Васильевич, с кем мне приходится иметь дело ежедневно? – игриво обратилась Николаева к Верховному, беспомощно разводя руками. – Это они еще вас стесняются! А наедине у них чуть до драки не доходит порой, – продолжала она ябедничать. – И это у них уже десять лет такая ругань продолжается. Теоретические споры они проводили еще задолго до практики.

– Мы никогда не ругаемся, – фыркнул очкастый.

– У нас манера беседы такая, – отозвался сзади его оппонент.

Все засмеялись, а Афанасьев произнес глубокомысленно и банально:

– Любая истина рождается в споре.

– Товарищи, так я могу продолжить?! – взмолился Тучков, разуваясь прямо на виду у всех, так как в его ботинки попала вода от подтаявшего снега, и он боялся простыть, если срочно не снимет обувь. Жандарм, несмотря на свою кажущуюся бесшабашность, очень заботился о сохранении своего здоровья. – Да, и не найдется ли у вас тут где-нибудь обогреватель или тепловая пушка? Мне не очень хочется шлепать домой в одних носках.

Искать ничего не пришлось. Тут же один из доброхотов протянул руку и, подхватив мокрые ботинки Тучкова понес на просушку. Николай Павлович, ничуть не смущаясь своего вида, продолжил повествование о кратком пребывании за порталом:

– Ощущения были непередаваемые, скажу я вам. Это, как после годовалого сиденья взаперти оказаться на свежем воздухе. Дышишь и никак надышаться не можешь. Я уж и забыл, когда последний раз был в лесу, да еще и в таком девственном. Наши подмосковные леса и в подметки ему не годятся. Как ни старайся, а присутствие огромного мегаполиса чувствуется даже на лоне природы, – продолжал он витийствовать, переминаясь с ноги на ногу.

– Время. Вы забыли сказать про время, – подсказал кто-то из толпы.

– Ах, да, извините, совсем забыл, – спохватился Николай Павлович. – Время, что я провел там, не показалось мне каким-то особенным. Ничего, что заслуживало бы особого внимания. Убыстрения или замедления я никак не ощущал. По моим прикидкам, я провел там не более пяти минут. А что, разве больше? – беспокойно поинтересовался он в свою очередь. – Вот, у меня и объективный контроль на руке, – задрал он рукав пиджака, чтобы продемонстрировать скромное изделие Чистопольского часового завода³⁷.

Стрелки часов показывали 2 часа 5 минут. И это время ничуть не отличалось от того, что проецировалось на цифровом табло в углу демонстрационного зала. А это значило, что время там и тут протекает сравнительно одинаково, что в некоторой степени снимало груз озабоченности с плеч, будущих специалистов по временным перемещениям.

– В общем-то, к этому мне особо добавить нечего. Я провел там слишком мало времени, чтобы более уверенно судить о процессах в потустороннем мире. Это дело специалистов, которые пойдут вслед. Скажу только одно. Мое проникновение явилось убедительным доказательством возможности перемещения живых существ через портал, без каких бы то ни было проблем, а значит, полноценная колонизация иного мира является вполне реальной уже в недалеком будущем.

– Зато мне есть, что добавить! – проскрежетал голосом профессионального злодея из голливудских триллеров Афа-

насьев. Негодование, которое он копил всё это время, наконец, обрело черты и выплеснулось наружу.

– Уж от кого от кого, но от вас, Николай Палыч, я никак не ожидал подобной недалёковидности, а проще говоря, распушенности и безответственности! – принялся распекать жандарма Верховный. – Мало того, что вы своей глупой бравадой подвергли свою жизнь опасности, в конце концов, это ваша жизнь и вам самому распорядиться ею, так вы еще и поставили под сомнение безопасность окружающих!

– Да, но...

– Никаких «но», – довольно грубо перебил диктатор, пытавшегося что-то возразить Тучкова. – Неизвестно какую заразу притащили вы на подошвах своих ботинок, – ткнул он пальцем на носки Председателя КГБ. – Возможно, что даже и чуму.

– Какую ещё чуму?! – опять кинулся возражать аристократ в десятом или одиннадцатом поколении. – Сказали же, что провели анализы...

– Анализы воздуха и почвы проводились на предмет их состава и пригодности для обитания человека, а не на патогенные микроорганизмы! – гремел Афанасьев, все более и более распаляясь. – Валентина Игнатьевна! – обернулся он в сторону застывшей Николаевой. – Вы уточнили время по ту сторону портала? В прошлый раз вы говорили, что время соответствует II либо III веку нашей эры.

– Да. По уточненным данным, там, – кивнула она головой

в сторону погасшего пятна, – если быть точным, 442 год от Рождества Христова.

– Вот! – почти выкрикнул Афанасьев. – Как раз времена нашествия полчищ Атиллы Завоевателя! И вам Николай Палыч, как общепринятому знатоку истории должно было быть известно, что именно орды Атиллы принесли на своих копытах из средней Азии чуму в Европу, которая полностью уничтожила население тогдашней Лютеции, которая сейчас называется Парижем!

– Но бубонная чума, а тем более легочная не распространяются подобным образом, – опять попробовал было оправдаться генерал-полковник, все-таки начавший понемногу осознавать свою оплошность.

– А кроме чумы никакой иной заразы в те времена не гуляло?! – опять перебил его диктатор. – Но это только одна сторона медали. Вы, самонадеянный горе-экспериментатор, не учли и другую сторону этой медали!

– Какую?! – опешил Тучков.

– А такую! – передразнил его Афанасьев. – Из-за чего, по-вашему, вымерли почти все индейцы Латинской Америки? От жестокостей конкистадоров?! Отнюдь! Они вымерли от банального гриппа, который им притащили Кортес и Писарро, и от которого у аборигенов не было иммунитета! Вы можете всем нам дать гарантии того, что не надышали там чем-нибудь простудным, типа Ковида-19?!

Тучков, который еще зимой переболел этой заразой, по-

нуро опустил голову, признавая тем самым правоту Верховного.

– Что же, мне теперь застрелиться что-ли? – пробубнил он, глядя исподлобья на диктатора.

– Из всего сказанного мною, вы должны сделать соответствующие и правильные выводы для себя. На будущее. А посему, после окончания сегодняшней презентации, вы не поедете домой, а прямиком направитесь в Бурденко38, где пройдете всестороннее обследование. И без справки о том, что никаких видимых отклонений в вашем организме не обнаружено, не смейте мне попадаться на глаза!

– Есть, не попадаться, – пробулькал Тучков, опять опустив голову ниже плеч.

– Да и вот ещё что..., – пожевал губами Афанасьев, выискивая подходящие случаю крепкие эпитеты, но все же недостаточно, чтобы привести в смущение пожилую леди, всё ещё судорожно сжимающую в руках хилый букетик подснежников

– Что?! – вскинулся мастер заплечных дел.

– Пока вы там скакали восторженным козликом, пренебрегая всеми нормами безопасности, тут у нас могло всякое произойти. Вплоть до ядерной войны.

– Как это?! – не понял Тучков, ошарашенный обвинением чуть ли не в развязывании всемирной войны.

– Очень даже запросто, – передернул плечами Верховный. – Читали, небось у Брэдбери рассказ «И грянул гром»?

Он там бабочку раздавил, здесь же в это время из-за него выбрали не того кандидата в президенты. А вы, пока скакали, уж наверняка раздавили не одну мошку. Так что, я теперь не уверен, кто сейчас проживает в вашей квартире. Это, как минимум, – развел диктатор руками в стороны, и было непонятно – шутит он или говорит на полном серьезе.

– Но как же так? – окончательно растерялся Тучков, озираясь по сторонам в поисках помощи.

Помощь, к его счастью, не замедлила явиться в виде маленького и худенького юноши, почти что мальчика, неизвестно как попавшего в среду научных светил. Он с трудом протолкался сквозь плотно стоявших сотрудников и приглашенных гостей.

– Я позволю себе не согласиться с мнением уважаемого товарища Афанасьева, – детским дискантом произнес вчерашний ребенок.

Его появление не вызвало никакого ажиотажа среди сотрудников «Мечты». Более того, этого мальчика, видимо, хорошо все знали, так как при его появлении, расступились без промедления, причем, с явным уважением. Афанасьев вопросительно уставился на Николаеву. Он хорошо помнил, что в списках на допуск, к сведениям, касающимся данной тематики, не было никаких школьников. И в вестибюле, когда ему представляли команду специалистов, этого юнца среди них не было. Валентина Игнатьевна без дополнительных слов поняла этот взгляд, а потому поспешила представить

Афанасьеву новое действующее лицо:

– Познакомьтесь, Валерий Васильевич, это Ярослав Смагин – будущий корифей российской науки в сфере темпорологии, дисциплины, которая ещё только нарождается на наших с вами глазах. Несмотря на свои 22 года, он уже защитил кандидатскую по общей теории пространственно-временного континуума и отметился рядом научных работ, которые, со временем, станут основой учебника для будущих темпорологов. И хотя, официально, науки, которая бы изучала время, пока еще нет, но её основоположник, как видите, уже присутствует здесь.

Двадцатидвухлетний «мальчишка», от такого представления покраснел до корней волос, однако нашел в себе силы твердо пожать, протянутую руку диктатора. При виде этого юнца, взор Афанасьева смягчился и в душе его разлилась благодать от того, что не исшаяла еще Земля Русская талантами, а значит есть те, кто в недалеком будущем подхватит знамя предков из рук ослабевших отцов.

– Рад, весьма рад пожать руку представителю молодого поколения российской науки! – с теплотой в голосе произнес он, с чувством пожимая небольшую, но крепенькую ладошку потенциального корифея. – Так с чем вы позволили себе не согласиться? – спросил Афанасьев, лукаво прищуриваясь.

– Видите ли, в чем дело, – перестав смущаться, начал молодой человек неторопливо и вдумчиво. – Брэдбери, когда писал свой рассказ, то на дворе был 1952 год. По тем време-

нам мировоззрение, проповедуемое им, было новаторским. Однако с тех пор представления о времени и пространстве шагнули далеко вперед, и мысли, высказанные им, уже не носят характера постулата. Если позволите, то я кратко обрисую современное видение данной проблемы, опирающееся, в том числе, и на наши собственные исследования.

– С удовольствием выслушаю ваши доводы в пользу моей неправоты, – ответил Афанасьев, искренне любясь собеседником.

– Да, действительно, время обладает свойством «накопительного» эффекта. С этим, пожалуй, никто спорить не будет. Но он не выходит за рамки статистической погрешности. И для его проявления необходимо внушительное вмешательство. Как мы помним из рассказа, главный его герой раздавил бабочку, находясь в эпохе юрского периода. А он, приблизительно, закончился около ста пятидесяти миллионов лет назад. Оставим за скобками тот факт, что великий писатель допустил фактологическую ошибку, ведь насколько утверждают палеонтологи, первые бабочки появились на свет спустя сто миллионов, после окончания юрского периода. Провинившийся же в ваших глазах Николай Павлович оказался в полутора тысячах лет от нашего с вами времени. Это отрезок времени в сто тысяч раз короче. Согласитесь, что величины несоизмеримы. Поэтому говорить о выразившемся накопительном эффекте не имеет достаточного смысла, ибо слишком короткий отрезок времени. Если предста-

вить течение времени упрощенно и схематично в виде течения реки, то можно с легкостью убедиться в моей правоте. Предположим, что мы захотели замутировать, чем либо, её воды. Сразу возникает вопрос, в каком месте её течения проделывать эту операцию? Естественно, что взбаламучивая воду в устье реки, мы не добьемся нужного нам результата. Поток воды смывает все наши усилия. Значит надо мутить воду выше устья. И чем выше, тем сильнее будет эффект от наших действий. В идеале, это должно происходить у самого истока, то есть, экстраполируя нашу задумку на почву времени, для того, чтобы изменить ход событий на всем протяжении времени, мы должны будем изменить что-то изначально, чтобы получить необходимый результат. И еще один фактор играет в пользу оправдания товарища Тучкова.

Сам виновник обсуждения внимательно прислушивался к негромкой и неторопливой речи своего невольного адвоката, и лицо его постепенно начинало светлеть и приобретать первоначальные благообразные черты.

– Этот фактор, пока никем, даже писателями-фантастами не брался в расчет при написании романов на темы перемещения во времени. Я имею ввиду фактор численности объектов, на которые приходится стороннее воздействие. Поясню в двух словах. Взять, хотя бы, ту же самую пресловутую бабочку Брэдбери. Если бы Николай Павлович, оказавшись пятьдесят миллионов лет назад, по неосторожности уничтожил самую первую в мире бабочку, то последствия

этого, я согласен, были бы весьма непредсказуемы для всей цепочки развития чешуекрылых. Хотя, лично я, все-таки не склонен драматизировать даже эту ситуацию, так как считаю, что данный факт всё же не может претендовать на фатальность. Ну, да ладно. Примем на веру даже появления на мировой сцене непоправимого события. Но этот вариант касается только первой бабочки. Наш же герой, в порыве восторга, я не исключаю, мог раздавить пару десятков муравьев, начавших выбираться из своих норок. Но, извините меня, к тому времени на планете были уже сотни миллиардов этих насекомых. И чем больший количественный состав объектов потенциального воздействия, тем меньший эффект от вмешательства в его популяцию. Говоря иначе, я являюсь сторонником той теории, в соответствие с которой любое, даже серьезное вмешательство в так называемое прошлое, не представляет никакой опасности для настоящего, а тем более грядущего. Приведенная мною схема достаточно примитивна, а от того и вульгарна. Однако она грубыми мазками может объяснить процессы, связанные со временем и пространством. Скажу по секрету. На самом деле тут всё гораздо сложнее с точки зрения физики. Поэтому мне – физику, объяснить вам истину, какой она мне представляется на самом деле гораздо сложнее, чем это сделал бы философ.

– Позвольте-позвольте, – включил «скептика» Барышев. – Вы нас совершеннейшим образом запутали молодой человек. То вы утверждаете, что для изменения хода истории на-

до мутить реку времени в его истоке, а то вдруг, называете прошлое «так называемым». Согласитесь, что это довольно странно звучит. Складывается впечатление, что вы вообще отрицаете наличие прошлого, как величины.

– Ну, вот видите, – развел руками Смагин, – я же говорил, что философу будет гораздо проще объяснить связку времени и пространства, нежели физику.

– А вы, Ярослав, попробуйте, – почему-то стал настаивать Афанасьев, которому приятно было слушать молодого ученого, независимо от того, что он говорил. – Как-нибудь попроще, на пальцах. А уж мы-то, постараемся вникнуть в суть. Я ведь не из праздности какой интересуюсь. По намеченному именно вами и вашими коллегами пути нам вскоре предстоит идти и тащить за собой все общество. Поэтому, нам никак нельзя ошибаться в оценке сути окружающей среды.

– Ну, если вы так ставите вопрос, – опять засмутился Смагин, – то я попробую, как сумею.

– Вот-вот, как сумеете, кратенько, тезисно, – подбодрил его Валерий Васильевич, – а, уж мы-то, потом разложим всё по полочкам.

– Можно и тезисно, – не стало спорить юное дарование. – Так, с чего начать? – потер лоб Ярослав, собираясь с мыслями. – Ага. Начнем, пожалуй, с терминов. Время – это такая особенная физическая величина, пожалуй, единственная, которая дана нам в ощущениях. Такие величины, как

масса, расстояние, объем, количество вещества, и многие другие, мы можем, грубо говоря, потрогать, понюхать, видоизменить, наконец. Со временем такие фокусы не прокатываются. Время мы можем только ощутить, ибо оно неуловимо и крайне несамостоятельно. На бытовом уровне, оно практически никак не осязаемо. Мы его можем ощутить только применительно к чему-либо. Мы говорим: «Не хватает времени». Но это абсолютно не значит, что мы испытываем его физическую нехватку. Просто мы его рассматриваем в иной системе координат. Не хватает времени, потому что нужно сделать то-то и то-то. Без этого «то-то» мы бы и времени не ощущали. Или вот еще один наглядный пример. Слово-сочетание «убить время». Все мы знаем, что под этим подразумевается. Это либо ничегонеделание, либо занятие совершенно неважными пустяками. И никто не обращает внимание на то, что в этом словосочетании кроется величайшая мудрость. Оно нам четко и ясно объясняет, что отсутствие какого-либо созидательного процесса, просто уничтожает время, как таковое, ибо оно не может существовать само по себе и вне процессов видоизменения материи. И оно всегда неотрывно связано с материей. Без материи не бывает и времени. Так же, как не бывает времени в абсолютном вакууме. Впрочем, и сам абсолютный вакуум представить довольно сложно, а вернее невозможно. Хоть один атом вещества в нем, да находится, а это уже не абсолютный вакуум. И само по себе время тоже изменяться не может, потому,

что в нем отсутствует первоначальная точка отсчета, от которой мы могли бы зафиксировать его изменение. Ведь, что такое, по сути, время? И как, и через что его можно выразить? Ответ лежит на поверхности. Зная, что время не может существовать вне материи, мы можем прийти к простому выводу. Время – это скорость изменения материи. Увеличивая или уменьшая скорость протекания процессов в материи, мы, тем самым, регулируем и время. До того, как мы научились регулировать скорость изменения материи на атомарном уровне, время, вообще, считалось константной величиной, то есть объективной и неподверженной никаким манипуляциям. Но стоило нам воздействовать на материю путем искусственного увеличения электронных орбит, как время тут же отозвалось скоростью своего протекания. Увеличивая электронные орбиты атома, мы манипулируем скоростью изменения материи, а значит и времени. Время сначала замедляется, так как электронам предстоит пройти расстояние несоизмеримо большее, чем привычное для них, а потом, достигнув своего предела, почти замирает в наивысшей для себя точке. А когда мы еще добавляем энергии на внешнюю электронную оболочку атома, то она просто лопается от перенапряжения, а всю высвобожденную энергию «остановившегося» времени канализирует в противоположную от приложенной силы сторону. А так как приложенная сила направлена от нас, то есть из настоящего времени, то направляется она, естественно, никуда иначе, как в одно из бли-

жайших прошлых. Позже, я поясню почему говорю о прошлом, как о множественном понятии. Самое захватывающее в путешествиях во времени, на мой взгляд, заключается в возможности путешествовать назад, в прошлое. Существуют теории, по которым это возможно, но для этого требуется очень много энергии и понимание того, как это можно осуществить. Сможем ли мы когда-нибудь путешествовать назад в прошлое? Теория относительности не отрицает искривления времени настолько, что оно, буквально, должно сворачиваться само на себя, создавая замкнутые временные кривые. Как бы вы себя чувствовали, путешествуя по такой кривой? Вы могли бы попасть в прошлое и пережить уже пережитые события раз за разом. Такие конструкции известны как машины времени или выражаясь по-научному – «замкнутые временные кривые». По сути, машины времени – это побочный продукт эффективных схем перемещения быстрее света. Изучение замкнутых временных кривых помогает нам лучше понимать устройство Вселенной и приносить новые мысли в физику. Можно только догадываться, как такие кривые будут использоваться в будущих исследованиях и для чего они могут быть полезны. Такие ученые как Хокинг и Кип Торн работали над моделями, связанными с временными кривыми. Они провели множество исследований и пришли к выводу, что природа категорически против таких временных петель. Несмотря на это, стоит упомянуть, что разные теории и гипотезы могут предлагать раз-

ные способы объяснения этого явления. В своей «Гипотезе защиты хронологии» Стивен Хокинг писал, что природа не терпит и никогда не позволит изменять свое прошлое, избавляя себя и нас от временных парадоксов, которые могли бы возникнуть, если бы такие путешествия были бы возможны. Это объясняется тем, что изменение прошлых событий может привести к катастрофическим последствиям и нарушить уже установившийся порядок во Вселенной. Без ложной скромности, я позволил себе пойти дальше, чем себе позволили эти маститые ученые. Поэтому я берусь утверждать, что прошлое не едино. Прошлых – бесконечное множество. И мы еще пока плохо представляем себе принцип его селекции. Мы, например, так пока и не уяснили для себя, почему при каждом новом открытии портала мы попадаем именно в тот кластер времени-пространства, в котором мы уже были. Ведь по логике вещей у нас нет никаких привязок именно к тому или иному течению времени. У нас физически нет возможностей отыскать ту же самую нить, которая связывает нас с определенным временем и пространством. Тем не менее, это так. Не могу знать, чем руководствуется Высший Разум, когда отсылает нас именно в середину V века н.э. То ли это Его прихоть, то ли это просто одна из реперных точек «глобальной развилки». А может быть всё гораздо проще и обыденней: нам просто не хватает энергии, чтобы пробить тоннель в более ранние времена, и V век это наш предел. Не знаю. Объяснить подобный феномен мы по-

ка не в состоянии. Но о принципе селективности прошлого – чуть позже. Это я поверхностно описал принцип кумулятивного возникновения портала, использующего эластичность времени.

Сгрудившиеся вокруг молодого ученого зрители, даже такие убеленные сединами и маститые, как академик Вострецов, внимательно и жадно вслушивались в каждое его слово, будто это были слова самого Мессии. До конца его слова понимала лишь малая часть присутствующих здесь людей, но и те, кто почти ничего не уяснил для себя из сказанного, все равно пытались причаститься к той кладовой познаний, что сейчас чуть приоткрывалась.

– Однако это не единственное уникальное свойство связки времени-пространства, – продолжал выливать парадоксы на головы зрителей молодой человек. – Самое интересное заключается в том, что связка является невообразимом для человеческого мышления фракталом, множащимся и изменяющимся ежесекундно порождающим триллионы триллионов вариантов самого себя. Хотя термин «фрактал» не слишком-то подходит для описания множественности повторяющихся, но отличных в мелочах миров. Все-таки фрактал подразумевает под собой абсолютное подобие. Просто у меня нет под рукой более подходящего случаю термина. А здесь этого подобия нет. Каждый новый мир отличается от другого мира, хоть и на совершенно мизерную, но всё-таки величину. Каждое мгновение этого мира, является развилкой

с неисчислимым вариантом событий, порождающих новый мир, а значит и новую Вселенную. Если хорошенько вдуматься, то можно запросто с ума сойти. Вот, вам для наглядности, еще один пример. В одном варианте, вы Николай Павлович, нырнули в портал, во втором варианте – отказались от этой идеи, а в каком-нибудь тысяча двадцатом варианте швырнули туда свой ботинок, ради прикола. И это только вариативность одного мгновения. А ведь каждое из них, в свою очередь, также порождает неисчислимое количество вариантов бытия. На небе звезд столько нет, сколько могло бы быть вариантов мирозданий, созданных в одно мгновение, в начале своем, и лишь незначительно отличающихся от соседних мирозданий. Однако с каждым новым разветвлением, миры расходятся все дальше и дальше друг от друга. Отсюда и возникает эта множественность прошлых. Именно прошлых, а не прошлого. Более-менее остаются похожими только соседние миры после первичного разветвления, но и это ненадолго. Всего лишь до следующей развилки, которая уже наступит в следующее мгновение. И это длится безостановочно уже не один миллиард лет. Если верить нашим астрономам, то возраст только той Вселенной в которой мы обитаем, насчитывает порядка четырнадцати миллиардов лет. И такие Вселенные множатся каждую секунду на число, далеко превосходящее десять в сотой степени. Проще говоря, таких Вселенных уже бесконечное множество. Прямо дух захватывает от таких невообразимых чисел. Тут невольно начнешь

задаваться вопросом, что за механизм управляет этим процессом, и кто сидит за рычагами этого механизма? И на ум не приходит ничего другого, как Бог, ибо никому другому это просто не под силу. Не под силу никакой цивилизации, какой бы развитой она не была. И уж тем более не под силу слепым силам Природы, в процессе развития быстро растратившей первоначальную энергию, полученную от Первого Взрыва. Такие вот дела, – произнес он, намереваясь окончить свое выступление.

– Позвольте, коллега, вам возразить, раздался еще один голос из-за спин.

Все разом повернули головы назад – в сторону еще одного «самородка». Этот был полной противоположностью предыдущего оратора. Маленький, кругленький, как колобочек, с торчащими в разные стороны волосами, он был немного постарше Смагина, но недалеко ушедшим от него в плане возраста. А ещё он был чем-то похож на возмужавшего доможенка Кузю, но чистого лицом и опрятно одетого.

– Кто это? – тихо шепнул Афанасьев на ухо Николаевой.

– А это тоже из числа «золотого» фонда нашей науки! – громко произнесла она, так, чтобы слышали все присутствующие. – Георгий Михайлович Зотов. Тоже из разряда будущих светил. Доктор наук, квантовый физик и извечный оппонент Ярослава.

Афанасьев тут же вспомнил, как здоровался с ним в вестибюле, но тогда он не обратил на него должного внимания.

– Спасибо за дифирамбы, Валентина Игнатъевна, – ответил тот, ничуть не смущаясь. – Однако я продолжу, если позволите. Ярослав, – обратился он к Смагину, – не засоряй головы наших гостей своим теократизмом! Мы с тобой уже не раз спорили на эту тему. Как ты не поймешь, садовая твоя голова, что поливариантность возможностей ещё не означает поливариантность действительностей! Если в нашем настоящем Николай Палыч прыгнул в портал, то все иные варианты со швырянием ботинок и прочего, остались нереализуемы! То есть в потенциале, конечно, они могут существовать, чисто гипотетически, но не в реале! А это означает, что все остальные варианты, напрочь отпадают. Их попросту не существует. Потенциал, так и останется нереализуемым потенциалом. А потому надобность в суперархисверхмощном компьютере моделирующем развитие событий отсутствует. Я, конечно, не берусь со стопроцентной уверенностью утверждать, что Высшего Разума не существует. Всё говорит об обратном. Но не надо наделять его функцией божества. Да, Суперкомпьютер в его распоряжении есть. И он на сотню порядков мощнее, чем мы можем себе представить пока. Но он не может обладать такой производительностью, о которой ты говоришь. Никаких энергетических затрат на это не хватит, даже если взять всю совокупную энергию звезд видимой части Вселенной.

Смагин, раскрасневшийся, как свежесваренный рак, сжал свои маленькие кулачки и приготовился, что-то возразить

своему извечному оппоненту, но его буквально остановила Николаева, с силой потянув к себе за рукав:

– Ярик, Гоша! – обратилась она строгим голосом к обоим встопорщившимся петушкам. – А ну, прекратите балаган! Сейчас не место и не время для отстаивания своих научных мировоззрений! С меня достаточно и того, что я почти каждый день разнимаю ваши драки!

– Пойдите-пойдите! – схватился за виски Афанасьев. – Я теперь, вообще, перестал понимать что либо! Прошое одно или их несколько?! Это наше прошое или нет?!

– Хмм, множественность прошого... В этом, определенно, что-то есть. Именно поэтому вы так спокойно отнеслись к легкомысленному поступку нашего коллеги? – слышался вновь голос Барышева, не желавшего сдаваться и привыкшего к тому, что последнее слово всегда остается за ним. – Вы, видимо, понадеялись на то, что миров у Господа Бога много в закромах, поэтому ничего страшного не произойдет, если один из них и погибнет по оплошности? Не так ли?

– Нет. Не так. Вернее, не совсем так, – живо обернулся Смагин на сочащийся ядом голос разведчика. – Вы, Дмитрий Аркадьевич, либо совсем не поняли то, о чем я говорил сейчас, либо неправильно это интерпретировали. Я давеча имел неосторожность сравнить для наглядности время с речным потоком. Так вот. Это не совсем правильное сравнение, скажу я вам. Поэтому я берусь утверждать, что, как бы мы высоко не забрались вверх по течению времени, нам все равно

не удастся ничего в нем изменить так, чтобы это повлияло именно на наше настоящее.

– Э-э-э, поясните, – растерялся Барышев. – А как же тогда быть с известным парадоксом об убийстве своего дедушки в прошлом?

– Очень просто, – не смутилось будущее светило темпорологии. – И это мое объяснение вполне укладывается в представленную только что концепцию связи времени-пространства. Для начала вернемся к схематическому представлению времени. Мы с вами сейчас находимся в нулевой точке шкалы времени, если так можно выразиться. Точка наша стационарна, как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему. Мы сами, никуда не движемся, потому что это невозможно, ни практически, ни даже теоретически. Для нас нет ни прошлого, ни будущего. Потому, что нельзя попасть в точку, где нас еще нет, и даже не предусмотрено, и так же нельзя попасть туда, где мы уже были, ибо свершившийся уже факт нельзя опровергнуть. Поэтому мы стоим неподвижно, но пропускаем через себя будущее, которое моментально становится прошлым. И вот нам улыбнулась удача, и мы открыли портал. И, значит, всё-таки можем попасть в прошлое. Парадокс? Ведь я только, что сказал, что попасть в прошлое нельзя, ибо нельзя отменить факт. Отнюдь не парадокс. Почему, спросите вы? Да потому, что мы знаем о множественности вариантов прошлого, так же, как и будущего. Да-да, уважаемый Георгий Миха-

лыч, о множественности прошлых! Но будущее еще не состоялось, поэтому оно неопределенно, и будет находиться в стадии неопределенности постоянно. Извините за каламбур, такая постоянная неопределенность. Зато прошлое всегда постоянно, потому, что уже свершилось во всех своих возможных вариациях и ипостасях. Я еще раз напоминаю слушателям, что нам пока доподлинно неизвестен механизм образования портала именно в определенную точку прошлого. Но я никогда не возьму на себя смелость утверждать, что это именно наше прошлое, которое всего лишь одной ниточкой случайности связано с нами. И отыскать эту ниточку среди непередаваемого числа иных нитей, является делом абсолютно безнадежным. Мало того, я склонен считать, что нам никогда не удастся попасть именно в наше прошлое. Кто-то там наверху, – поднял Смагин глаза к потолку, – специально делает так, чтобы этого не произошло, ради сохранения причинно-следственных связей. Именно поэтому я совершенно спокойно воспринял выходку товарища Тучкова, осуждаемого Валерием Васильевичем. Ибо, чтобы он там не натворил, вплоть до нечаянного уничтожения мира, в который попал, вероятность того, что это именно наш мир, мала настолько, что ею можно просто пренебречь. Точно так же я отношусь и к известному парадоксу об убийстве своего дедушки, которое якобы может уничтожить меня самого в моем настоящем. Фигушки! Кто бы ни пробрался в прошлое, чтобы кокнуть моего деда – ничего из этого не выйдет. Он,

конечно, убьет несчастного, но это будет не мой дед. Вернее мой дед, но в другом варианте истории. И на мне его смерть никак не отразится. Скажу даже больше. Если он отыщет даже именно ту единственную тропу, непосредственно и напрямую связывающую нас с нашим прошлым, и попытается это сделать, у него ничего не получится. Он туда не попадет. Именно по той причине, что тем самым нарушится причинно-следственная связь. А причинно-следственная связь – это незыблемый закон Вселенной, потому что шерсть на овцах растет не из-за того, что из неё валяют валенки, а совсем наоборот. Так что, в прошлое попасть нельзя! Ещё раз подчеркиваю – в свое прошлое. Но зато можно попасть в любое другое время, сопряженное, либо параллельное нашему. Тут нам предстоит еще непочатый край исследований.

– То есть, вы хотите сказать, что портал, созданный вами, ведет не в наше прошлое? – первым сообразил Тучков, облегченно вздыхая.

– Вот, именно! – согласно закивал молодой человек. – Точнее будет сказать, что не совсем в наше прошлое, но в один из свершившихся вариантов. Время – очень сильная вещь, которую можно использовать, но противостоять которой нельзя. По этому поводу у древних римлян, даже имеется соответствующая поговорка. «Все боятся могущества Юпитера, но и он боится Хроноса».

– Ой! – подал голос Тучков, радостный от того, что с него сняли часть обвинений, но до этого молчавший и вниматель-

но слушавший всё, что будет сказано юным дарованием. – Что-то у меня от ваших умных речений совсем голова пошла кругом. Вы мне только по-простому скажите, можем мы без последствий для себя вмешиваться в прошлое, наше оно там или не наше?

– Как сказать..., – опять вмешался в разговор «домовенок Кузя», почесывая себя за ухом. – Если сильно набедокурим там, то не факт, что не прилетят их потомки из параллельного времени, и не навешают нам люлей из-за того, что у них пропал какой-нибудь урожай устриц. А может, и поблагодарят за наше прогрессивное вмешательство, черт их знает, этих потомков из параллельной Вселенной, – пожал он неопределенно плечами, чем вызвал тихие смешки у своих коллег по научному цеху.

– Ни-ни-ни! – замахал на него руками Афанасьев. – Мы будем крайне осторожны при захвате чужого пространства!

А вот это невольное признание диктатора вызвало откровенный и громкий смех. Все присутствующие по достоинству оценили юмор своего верховного правителя.

II.

Не смеялся только он сам, потому что только он знал наверняка, что шуткой здесь и не пахнет. Когда смех в зале поутих, он продолжил:

– Ну, что ж, товарищи, всё показанное нам показалось

убедительным и требующим дальнейших углубленных исследований. Думаю, что выражу солидарное мнение всех членов Президиума о продолжении изыскательских и научно-исследовательских работ в этом направлении. И еще скажу, не для посторонних ушей, но исключительно для вас – допущенных к высшей государственной тайне. Все вы хорошо знаете о напряженной обстановке в мире, готовом не сегодня, так завтра сорваться в пропасть Третьей Мировой войны. И вы, как никто другой, должны понимать насколько для нас, для страны важны ваши исследования. Я даже не приказываю, а просто умоляю вас удвоить, нет, утроить ваши усилия в этой области. Правильно сказал товарищ Смагин – мы не знаем, какое будущее нас всех ожидает, ибо вариантов бесчисленное множество. Но мы, люди, наделенные властными полномочиями, должны предусмотреть наиболее худшие из них. И даже, если конец будет неизбежно фатальным, мы должны сделать все, чтобы достижения нашей цивилизации не пропали для наших потомков, где бы и в каком бы времени они не находились. Я надеюсь, что вы меня правильно поняли.

Он пристальным взглядом обвел присутствующих, враз притихших от услышанных слов руководителя государства. И каждый, на кого падал его взгляд, молча склонял голову в знак безусловного согласия.

– Мне очень хочется верить вам, товарищи, – подвел он итог не до конца озвученной им программы на будущее, но

которую и так все поняли без лишних слов. – А теперь, – уже более бодрым голосом произнес он, – давайте послушаем, что нам скажут наши гости из иной научной сферы. Может быть, у них есть какие-то соображения на данный счет или какие-то новые идеи.

Первым на предложение Афанасьева откликнулся Вострецов, стоявший, все время позади, а теперь осторожно раздвигавший плечами столпившихся возле диктатора людей. Пробившись вперед, он откашлялся и начал:

– Буду краток, – обрадовал он тех, кто уже был знаком с его манерой вести дискуссии. – Мы сейчас стали свидетелями тихой революции, произошедшей в мире науки. То, о чем мечтали писатели-фантасты, воплотилось в реальность. И теперь нам предстоит жить и сосуществовать в этой новой и неизвестной реальности. Чертовски интересно стало жить, товарищи! Мне вот даже умирать расхотелось, честное слово. Льщу себя надеждой попасть туда, куда никто из нас даже не заглядывал в мечтах. Трудности?! А куда же без них, родимых?! Мы – русские, нам не привыкать к их преодолению. Нас с Алексеем Сергеичем пригласили в качестве почетных гостей и независимых экспертов. Эксперты по тематике перемещения в пространстве и времени, правду сказать, из нас никакие. Область наших познаний весьма далека от того чем занимаются здесь. Но кое в чем и мы можем оказать посильную помощь. Я, как человек, посвятивший большую часть жизни ядерной энергетике и всем, что связано, так или ина-

че, с ней, услышал о проблемах при получении энергии в достаточном количестве. И у меня сразу возникла хорошая идея. Тут уже у кого-то возникла идея использовать для этих целей ядерный реактор. Строить новую АЭС для того, чтобы она питала только трансформатор – не имеет смысла. Дорого, непродуктивно и медленно по времени. Использовать реактор, наподобие тех, что стоят на подлодках – тоже не вариант. Во-первых, его транспортировка привлечет к себе нездоровое внимание со стороны врагов Отечества. Устанавливать его где-то в Подмосковье, а потом тянуть оттуда кабель сверхвысокого напряжения, конечно, можно, но тоже нежелательно с точки зрения соблюдения мер безопасности обслуживания и эксплуатации. Всё должно быть компактным и находиться под рукой. Установить его прямо здесь? – притопнул академик ногой по бетонному полу. – Я уже прикидывал такую возможность. Его габариты не позволят пропихнуть в шахту лифта. Остается последний вариант – использовать для этих целей недавно разработанный компактный реактор, устанавливаемый на крылатую ракету «Буревестник». Существование этой ракеты с практической точки зрения не имеет никакого смысла, да и создавалась она отнюдь не для войны, а совсем для других целей, ну и еще в добавок для того, чтобы пустить пыль в глаза нашим конкурентам. В общем, ракета, как была, так и останется натурным образцом политических игр, а вот реактор от неё пришелся бы очень кстати. Тем более, насколько мне известно, го-

товых к установке на эту линейку ракет реакторов изготовлено на сегодняшний день порядка восьми штук. Не будет большого урона для обороны страны, если один из них будет питать энергией трансформатор. Рабочая зона мини-реактора позволяет транспортировать его в кузове простого пикапа. Он пролезет куда угодно. Поэтому не будет проблем и с тем, чтобы протащить его через портал. Диаметр портала в полтора метра, вполне позволяет это сделать без особых хлопот. Да и безопасность его на порядок выше, чем у водо-водяных собратьев. А значит, никакой опасности для столицы не представляет. Я, в своё время, принимал некоторое деятельное участие в разработке теоретической составляющей, которая легла в основу его создания. Поэтому, если мне будет доверено смонтировать реактор на этой площадке, то я соглашусь заняться еще и этим, на общественных, так сказать, началах. У меня на этом, всё. Об остальном выскажет свое мнение мой коллега – Алексей Сергеевич Боголюбов, – закончил он на удивление короткую речь.

– Мы принимаем к сведению ваше предложение, Игорь Николаевич, – удовлетворенно качнул головой Афанасьев, взявший на себя роль спикера собрания. – Лично у меня нет никаких возражений по поводу вашего плана по использованию реактора. И если у Технического Комитета при Минобороны не возникнет никаких вопросов, то так тому и быть. Борис Иваныч, – обратился он к Юрьеву, – когда ближайшее заседание Техкома?

– В следующую среду, – прогудел премьер-министр и он же Министр обороны.

– Долго ждать, – покачал диктатор головой. – Соберите его на послезавтра и поставьте в повестку дня этот вопрос.

– Хорошо, – коротко ответил тот.

– Эх! – не удержался от восклицания академик. – В наше бы время такую расторопность, так америкосы давно бы уже нюхали наши пятки!

– Еще понюхают, не извольте сомневаться! – в тон ему ответил Верховный. – Алексей Сергеевич, вам слово.

Боголюбов не имел таких «ледокольных» талантов, чтобы одним своим видом раздвигать толпу, поэтому ужиком протиснулся вперед, на ходу поправляя спадающие с носа очки. Наконец, пробившись в самый центр событий, тут же начал говорить, одновременно отдуваясь (в отличие от Вострецова, он умудрился нарастить себе животик, который иногда создавал ему проблемы).

– Я тоже не займу много времени, – с ходу начал он. – Мне, в отличие от большинства гостей уже посчастливилось два раза поприсутствовать на демонстрации установки. Поэтому, в общих чертах, принцип её действия мне знаком. Прелесть любой гениальности заключается в её простоте. Установка не представляет собой какой-то заоблачной сложности. И в этом её несомненное достоинство. Конечно, как и у всякого новшества, тут имеются свои шероховатости. По поводу энергообеспечения уже высказался мой коллега и на-

ставник. Я же остановлюсь на проблеме стабилизации портала. Так вот. Даже школьник может догадаться, что стабильность всякой системы напрямую зависит от силы приложения и от площади прилагаемых усилий. Эти величины прямо пропорциональны. Имея критическое сечение в диаметре полутора метров, портал не является стабильной структурой и при уменьшении воздействия электроэнергии на мишень, склонен к самозатуханию. А это, как сами понимаете, грозит неприятностями для тех, кто окажется на той стороне. И хорошо, если к тому времени у них будет на той стороне устройство подобное нашему. Хотя, честно говоря, я теперь уже не уверен, что оно сработает. Ведь, исходя из всего того, что сказал уважаемый коллега Ярослав Смагин, и, как я это для себя не без труда понял, открыть портал оттуда сюда не представляется возможным. Ибо это будет попытка «взломать» будущее, которого еще нет.

– Вы очень верно поняли мою мысль, Алексей Сергеевич! – обрадованно воскликнул Смагин, не ожидавший от прикладного физика такой абстракции мышления. – Однако, смею вас поправить. Все, что я сказал давеча, относится к открытию портала, но не к поддержанию его рабочего состояния с обеих сторон. Мы пока и сами плохо себе представляем, что из этого может получиться.

– Хорошо, – кивнул Боголюбов. – Я принимаю вашу поправку. Итак, продолжим. Нам необходимо решить сразу две задачи – увеличить размер портала, чтобы была воз-

возможность перебросить через него габаритные технические средства и стабилизировать его. Решение первой задачи, мы, кажется, уже нашли благодаря идее Игоря Николаевича задействовать мини-реактор. Что же касается второй задачи, то мне видится её решение в применении некоего подобия электромагнита опоясывающего края портала, который будет нести в себе тоже две функции. Во-первых, он не позволит высокоэнергетическим закраинам портала соприкоснуться с материальными телами, а во-вторых, будет поддерживать сам портал от несанкционированного схлопывания. Разумеется, обычный электромагнит, где ток подается на концы медной обмотки, для этого не подойдет, потому что и там и тут будут токи высокого напряжения, и они, войдя в соприкосновение, просто замкнут друг друга, попутно разнеся к чертовой бабушке все окружающее пространство. Здесь нужен иной подход. И я не вижу ничего другого, кроме как использовать для этого нашу тороидальную камеру для разгона протонов. Используя его способность к электромагнитному взаимодействию на больших скоростях, мы можем создать достаточно сильное поле, которое бы удерживало портал в состоянии стабильности. Поле легко регулируется. А имея под руками свой – независимый источник электроэнергии в виде атомного реактора, создать высокоскоростной поток протонов в тороидальной камере, не представляется большой сложностью. Склепать камеру такого размера, чтобы через неё свободно проезжал какой-нибудь «Камаз», тоже не

составит труда. На предприятиях «Стройатома» её сделают за месяц, если заказ поступит по линии Минобороны. Чертежи такой камеры, я представлю дней через десять, если мне дадут в помощь пару толковых 3D чертежников. А при помощи сотрудников «Мечты» мы смонтируем её за две-три недели.

– Вот это я понимаю! – в восхищении хлопнул себя по ляжкам Верховный. – Сразу и за версту видно делового человека. Пришел – вник, предложил – взялся за работу. Борис Иванович, Валентина Игнатьевна – дело за вами. Оформите заказ и дайте толковых ребят в помощь. Что-нибудь ещё? – обратился он Боголюбову.

Алексей Сергеевич слегка замялся, не зная, как погоднее высказать следующую свою просьбу, но, наконец, собрался с духом и начал, несвойственной его флегматичному характеру скороговоркой:

– Видите ли, меня, как человека всю жизнь занимающегося вопросами прикладной физики очень заинтересовали слова нашего молодого коллеги о перемещениях по времени. Я бы хотел поэкспериментировать и попробовать найти пути не только в V век, но и в другие времена, а может быть, чем черт не шутит, и в другие измерения, если, конечно, уважаемая Валентина Игнатьевна не будет против.

– Ну, конечно же, не будет! О чём разговор?! – с воодушевлением воскликнула Николаева. – Я признаться, и сама хотела просить вас заняться чем-то на подобие этого. У са-

мой-то до всего руки не доходят. Мы тут собрались все – теоретики, а нам так не хватает практика!

– Вот и отлично! – поддержал Верховный порыв Боголюбова и ответную реакцию Николаевой. – Исполать вам! – как говорили в старину. – А уж за нами дело не станет. Финансами обеспечим.

Беседа хозяев мероприятия с его гостями затянулась до самого утра. Одни задавали вопросы. Другие, как могли, отвечали на них. Обоим сторонам было интересно находиться в обществе друг друга. Гостей интересовало не только научное объяснение портала, но и чисто утилитарные проблемы, связанные с его эксплуатацией. Ученых же интересовали планы властей по его использованию. Общение решили прервать лишь тогда, когда усталость уже стала явно сказываться на лицах тех и других. Афанасьев правильно оценил сложившуюся ситуацию, поэтому не полез за словом в карман, а откровенно и во всеуслышание объявил:

– Дорогие хозяева, а не надоели ли вам гости?! Давайте-ка закругляться! Мы услышали и увидели все, что хотели. Результаты вашей работы, оказались головокружительными. И ваши имена, непременно будут золотом высечены на граните достижений всего человечества. Вы подарили нам не просто новое направление в науке. Вы подарили человечеству шанс на выживание. Возможно последний. Мы сейчас разойдемся и продолжим свою работу. Вы – здесь, мы – там. Но и вы, и мы, теперь в душе, будем жить, и здесь и ТАМ. Эта наша

встреча была не последней. Готовьтесь к тому, что мы теперь будем встречаться на регулярной основе. А пока, до свидания, и до новых встреч. Валентина Игнатьевна, распорядитесь проводить нас до выхода.

Немного погодя, гости, в сопровождении любезных хозяев потянулись к выходу. Он, как и до этого задержался возле хозяйки. Они еще немного пошептались на тему портала, обмениваясь сугубо личными и не афишируемыми мыслями. Затем, он, как галантный кавалер, отставил в сторону локоток, чтобы она смогла просунуть в образовавшееся пространство руку, и они пошли неспешной походкой вдоль бесконечного коридора. Он молчал, а она озабоченно вглядывалась в его лицо, шустро перебирая своими сухонькими ножками. Так они и шли не торопясь, пока у нее не лопнуло терпение, и она не спросила:

– О чем задумался, Василич?

– Кажется, я уже знаю, кто возглавит первую экспедицию в прошлое, – тихо отозвался он, загадочно улыбаясь.

Продолжение следует

г. Новокуйбышевск

9 октября 2023 г.

Notes

[

←1

]

Супруга Президента СССР М.Горбачева.

[

←2

]

Супруга Президента РФ Б.Ельцина.

[

←3

]

Театр военных действий.

[

←4

]

Военно-транспортная авиация.

[

←5

]

Акционерное общество «Научно-исследовательский институт автоматической аппаратуры имени академика В. С. Семенихина» (АО «НИИАА») – предприятие, осуществляющее разработку автоматизированных систем управления, как военного назначения, так и гражданского. Расположено в ЮЗАО города Москвы.

[

←6

]

ЗАС – засекречивающая аппаратура связи.

[
←7

] ЛЛ – летающая лаборатория.

[
←8

] Активная фазированная антенная решетка.

[
←9

] АО «Уралвагонзавод», специализирующееся на изготовлении широкой номенклатуры тяжелой бронетехника, включая танки.

[
←10

] Беспилотный летательный аппарат.

[
←11

] Подземные хранилища газа.

[
←12

] Цитата из фильма «Интервенция».

[
←13

]

Цитата из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

[
←14

]

Главное Оперативное Управление.

[
←15

]

Имеется в виду Остап Ибрагимович Бендер – персонаж произведений И.Ильфа и Е.Петрова.

[
←16

]

Нижняя часть туловища (греческий язык).

[
←17

]

Торговля церковными должностями.

[
←18

]

Церковное проклятие.

[
←19

] Не переживай (старославянск.)

[
←20

] Экза́рх – правительственная степень епископа, возглавляющего отдельный церковный округ, расположенный за пределами страны, где находится главная резиденция патриарха. В Русской Православной Церкви экзарх избирается Священным Синодом и назначается Патриаршим Указом. В Русской Православной Церкви в настоящее время имеется Белорусский Экзархат, находящийся на территории Республики Беларусь. «Белорусская Православная Церковь» – другое официальное наименование Белорусского Экзархата.

[
←21

] Скуфья́ (от греч. σκοῦφια «шапка») – повседневный головной убор православного духовенства и монахов.

[
←22

] Грозить, устрашать (церковно-славянск.)

[

←23

]

Строить золотой мост отступающему неприятелю – это значит создавать благоприятные условия для беспрепятственного отступления неприятеля.

[

←24

]

Кардинальская шапочка.

[

←25

]

Игнатий Лойола – основатель и первый руководитель ордена иезуитов.

[

←26

]

в православной церкви место, на котором во время богослужения находятся певчие и чтецы.

[

←27

]

Рамена – плечи (старославянск.)

[

←28

]

Компании спровоцировавшие глобальный экономический кризис в 2008 году.

[

←29

]

Быка и медведя принято ассоциировать с понижением и повышением биржевых котировок.

[

←30

]

Фразеологизм, означающий ситуацию, возникшую путём такого сложения ряда неблагоприятных факторов, в результате которого их суммарный негативный эффект существенно возрастает.

[

←31

]

Цитата В. Ленина из статьи «Партийная организация и партийная литература», вошедшей в «Полное собрание сочинений. Том 12. Октябрь 1905 ~ апрель 1906».

[

←32

]

Черт возьми! (нем.)

[

←33

]

Голубые фишки – акции наиболее крупных и известных среди инвесторов компаний с большой капитализацией и высокой ликвидностью.

[

←34

]

Штаб-квартира Международного Валютного Фонда.

[

←35

]

Заложников.

[

←36

]

Отсылка к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

[

←37

]

Завод, изготавливающий часы для комсостава.

[

←38

]

Главный военный госпиталь имени Н. Бурденко.